

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № 27/2014
Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования (ФГБОУ ВПО)
«Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических наук,
доцент, проректор по научной
и инновационной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

О. Ю. Астахов, кандидат культурологии, доцент

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2014

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № 27/2014
Published quarterly

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

O. Yu. Astakhov, Candidate of Culturology, Docent

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:

<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2014

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва).

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры 2010 года, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Республики Дагестан (г. Махачкала, Республика Дагестан).

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Отдела стратегий социокультурной политики и модернизационных процессов Российского института культурологии (г. Москва).

Белозерова М. В., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of the editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, **Current Member of the International Academy of Sciences (Austria)**, the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Academician of the Academy of Natural Sciences, Laureate of the Government of the Russian Federation Award in the Field of Culture in 2010, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, President of the Republic of Dagestan (Makhachkala, Republic of Dagestan).

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice President of the Russian Association of Museum Staff, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the UNESCO Chair of the International Institute of State Service and Administration of the Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Department for Strategies of Socio-Cultural Policy and Modernisation Processes of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Belozerova M. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, начальник отдела прикладных культурологических исследований и образования в сфере культуры и искусства, руководитель Научно-образовательного центра Российского института культурологии (г. Москва).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (Щецин, Польша).

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск).

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологии (г. Москва).

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино (г. Москва).

Гринченко С. Н., доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук, вице-президент Биокосмологической ассоциации от Европейской части России, член редакционного совета электронного журнала «Biocosmology-neo-Aristotelism» (г. Москва).

Демин В. П., доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий Отделом дополнительного образования Института художественного образования РАО (г. Москва).

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of Department of Applied Cultural Research and Education in the Field of Culture and Art, Head of the Scientific and Educational Center of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Wlodarczyk Edward, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of the University of Szczecin (Szczecin, Poland).

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk).

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow).

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philological Sciences, General Director of M. I. Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature (Moscow).

Grinchenko S. N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Association of Biocosmology from the European Part of Russia, Member of the Editorial Board of the Electronic Journal “Biocosmology-neo-Aristotelism” (Moscow).

Demin V. P., Doctor of History of Arts, Professor, Academician of RAS, Head of Department of Additional Education of the Institute of Art Education of the RAS (Moscow).

Dolzenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of the International Academy of Higher Education, Professor at the National Business Institute of Moscow University for the Humanities (Moscow).

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Chair of the Philosophy of Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk).

Ивлиев Г. П., кандидат юридических наук, доцент, статс-секретарь – заместитель министра культуры Российской Федерации (г. Москва).

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва).

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы, заведующая кафедрой теории и истории культуры ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва).

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Мазур Петр, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Высшей государственной профессиональной школы в Хелме (г. Хелм, Польша).

Разлогов К. Э., доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель Комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь На-

Ivliev G. P., Candidate of Judicial Sciences, Docent, Secretary – Deputy Minister of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Academy of Informatization, International Academy of Higher Education, Chair of Theory and History of Culture of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the RAS, UNESCO Chair “Knowledge Society and New Information Technology” of the Russian New University (Moscow).

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Sciences (Austria), International Academy of Sciences Teacher Education, Vice Rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow).

Piotr Mazur, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Chair of Pedagogy of the Higher State Vocational School in Chelm (Chelm, Poland).

Razlogov K. E., Doctor of History of Arts, Professor, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem “History of World Culture”, Head of the Commission of the Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Aca-

циональной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва).

Садовой А. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

Смолянинова О. Г., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова С. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Ткаченко Е. В., доктор химических наук, профессор, академик, лауреат Премии Президента Российской Федерации в области образования (г. Москва).

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Хандке Ришард, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

demician-Secretary of the National Academy of Motion Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow).

Sadovoi A. N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Smolyaninova O. G., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the RAS, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology of Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova S. G., Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Study of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Tkachenko E. V., Doctor of Chemical Sciences, Professor, Academician, Laureate of the Award of the President of the Russian Federation in the Field of Education (Moscow).

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Academy of Sciences of Moldova, President of the International Academy of the Noosphere (Sustainable Development), Professor of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Handke Ryszard, Professor, Rector of the Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Doctor of Philosophy, Professor, Chair of the IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center of the University of Veracruz (Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово).

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово).

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on the Development of Indicators of Media and Information Literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of the Russian Library Association Council (Kemerovo).

Section of Culturology

Martynov Anatolii Ivanovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of RANS, Professor of the Museums Affairs Department, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo).

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo).

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the

Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного университета культуры и искусств (г. Москва).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыковедения и музыкально-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow).

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Sociocultural Activity of Moscow State University of Culture and Arts (Moscow).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of Arts History, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts History, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural Sciences, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Doctor of Arts History, Professor, Chair of Musicology and Musical Arts of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University (Kemerovo).

Головин Валентин Вадимович, доктор филологических наук, профессор, руководитель центра исследований детской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук, директор института дополнительного профессионального образования Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово).

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Golovin Valentin Vadimovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Research Center of Children's Literature, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

Kreidlin Grigorii Efimovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language Department, the Institute of Linguistics of the Russian State Humanitarian University (Moscow).

Sevastianova Svetlana Klimentievna, Doctor of Philological Sciences, Senior Research Fellow, Department of Literature Institute of Philology, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Silantiev Igor Vitalievitch, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation, Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Panina Tatiana Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Director of the Institute for Continuing Professional Education of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo).

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Красильникова М. Б. Концепция времени в исторической динамике русской культуры.....	13
Макарчук С. В. Отражение состояния сибирского политического подполья начала XX века в архивной документации Волго-вятского региона.....	18
Клюкина А. И. Музей естественно-научного профиля в духовной жизни общества.....	23
Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Народная икона как объект изучения в Музее истории православия на земле Кузнецкой.....	29
Марченко Ю. Г. Народная песня и музыка как источник жизненных сил человека, общества и показатель качества жизни.....	39
Кара-оол Ч. А. Функции малых жанров детского музыкального фольклора тывинцев.....	46
Асканова О. В., Севастьянова С. К. Деньги в духовно-нравственном контексте.....	52
Астахов О. Ю., Шикалева И. А. Принципы детерменизма в культурологической методологии Л. Уайта.....	62
Ариарский М. А. Педагогическая культурология в системе реализации созидательного потенциала культуры.....	66

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Радзиевский В. А. Традиционная духовность в Киевской Руси и в советской Украине.....	75
Бородин Б. Б. Традиции романтизма и «советское пианистическое пространство».....	81
Ткаченко Л. А. Формирование молодежных объединений художников в Кузбассе в 1980-х годах XX века (на примере творческого объединения «Бедная Лиза»).....	88
Покровская Н. Н. Принципы звукоизвлечения на арфе и качество звука арфиста.....	92
Войткевич С. Г. Обнимутся ли миллионы?.. (о рецепции бетховенской «темы радости» в опере А. Смелкова «Братья Карамазовы»).....	97
Таюкин А. М. Исполнительство на баяне: традиции и перспективы развития.....	106
Усанова А. Л. Пути формирования отечественного жилого интерьера первой половины XX века. Ситуативный анализ.....	110
Кан-оол А. Х. Композиционное строение кожамыктар эрзинских тувинцев.....	116

ФИЛОЛОГИЯ

Араева Л. А., Ли С. И. Пропозиционально-фреймовый анализ производного слова (на материале наименований ягод в китайском и русском языках).....	124
Фу Лин Характеристика порядка слов в русских типизированных разговорных конструкциях.....	127
Проскурина Е. Н. Платоновские аллюзии в «Фаусте» А. Сокурова.....	137
Тер-Минасова С. Г. Может ли Пушкина оценить нерусский мир?.....	144

ФИЛОСОФИЯ

Красиков В. И. Философская составляющая третьей волны эмиграции: диссидентство как форма самоопределения неконформистских слоев СССР в преддверии России демократической.....	154
Огородников А. Ю. Роль интериоризации ценностей в формировании гармонично развитой личности.....	164

ПЕДАГОГИКА

- Калянов А. В.** Влияние социально-культурного пространства-времени на управление организационной культурой хозяйствующего субъекта..... 170

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Васильковская М. И.** Развитие творческих инициатив участников молодежных объединений.... 176

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

К 45-летию кафедры технологии документальных коммуникаций ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

- Пилко И. С., Тараненко Л. Г.** Развитие научного потенциала кафедры технологии документальных коммуникаций..... 183
- Пилко И. С., Абалакова О. В.** Разработка профессионального стандарта специалиста в области библиотечно-информационной деятельности..... 195
- Меркулова А. Ш., Сакова О. Я.** Учебная дисциплина «Аналитико-синтетическая переработка информации» в контексте компетентностного подхода..... 203
- Туева Л. М.** Библиотека в контексте социальных коммуникаций..... 211
- Гендина Н. И., Рябцева Л. Н.** Информационное образование: дефиниция и принципы..... 217
- Колкова Н. И., Скипор И. Л.** Информационное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем: эволюция понятийно-терминологического аппарата..... 223
- Леонидова Г. Ф.** Программное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем в контексте подготовки бакалавров направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем»..... 233
- Абалакова О. В., Ли М. Г.** Мультимедийные технологии в библиотечно-информационном образовании..... 242
- Хащина К. А.** Международные связи украинских архивов и создание электронных архивных ресурсов..... 251

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

- Васильев Ю. А.** Поистине подвижнический труд («Искусство и искусствоведение: теория и опыт» – 2002–2014 годы)..... 259

ЮБИЛЕЙ

- Кудрина Е. Л., Ивлева Т. Н.** Любовь Ивановна Рудич: педагог-новатор, ученый, эффективный и креативный руководитель..... 267
- Сведения об авторах..... 273

CONTENTS

CULTUROLOGY

Krasilnikova M. B. The Concept of Time in the Historical Dynamics of Russian Culture.....	13
Makarchuk S. V. Reflection of the State of the Siberian Political Underground of the Early Twentieth Century in the Archival Documents of Volga-Vyatka Region.....	18
Klyukina A. I. The Museum of Natural Science in Spiritual Profile of Society.....	23
Alekseeva L. S., Olenich L. V. Folk Icon as an Object of Study at Kuznetsk Land Orthodox Church History Museum.....	29
Marchenko Y. G. Folk Songs and Music as a Vitality Source for Man, Society and Quality of Life Indicators.....	39
Kara-ool C. A. Functions of Small Genres of Tuvinian Children’s Musical Folklore.....	46
Askanova O. V., Sevastianova S. K. Money in Spiritual and Moral Context.....	52
Shikaleva I. A., Astakhov O. Yu. Determinism Principles in Culturological Methodology of L. White.....	62
Ariarsky M. A. Educational Culturology in the System of Creative Potential Culture Implementation..	66

HISTORY OF ART

Radziyevsky V. A. Traditional Spirituality in Kievan Rus and in Soviet Ukraine.....	75
Borodin B. B. Traditions of Romanticism and the Soviet Pianistic Space.....	81
Tkachenko L. A. Youth Associations of Artists in Kuzbass in the 1980s (e. g. Creative Association “Poor Liza”).....	88
Pokrovskaya N. N. The Principles of Playing the Harp and Harper’s Sound Quality.....	92
Voitkevich S. G. Will Millions be Embraced?.. (on Perception of Beethoven’s “Joy Theme” in Opera “The Karamazov Brothers” by A. Smelkov).....	97
Tayukin A. M. Playing the Bayan: Traditions and Perspectives of Development.....	106
Usanova A. L. Formation of Domestic Residential Intereer in the First Half of the 20 th century. The Situational Analysis.....	110
Kan-ool A. Kh. The Composite Structure of Erzin Tuvinians’ Kozhamyktar.....	116

PHILOLOGY

Araeva L. A., Li S. I. Propositional Frame Analysis of Derived Words (Based on the Names of Berries in Chinese and Russian).....	124
Fu Lin On the Characteristics of Word Order in Typical Russian Conversational Constructions.....	127
Proskurina E. N. Platonov’s Allusions in “Faust” by A. Sokurov.....	137
Ter-Minasova S. G. Can the Non-Russian World Evaluate Pushkin?.....	144

PHILOSOPHY

Krasikov V. I. A Philosophical Component in the Third Wave of Emigration: Dissidence as a Form of Self-Determination of Nonconformist Segments in the USSR before Democratic Russia.....	154
Ogorodnikov A. Yu. Role of Values Internalization in Shaping the Harmoniously Developed Personality	164

PEDAGOGY

Kalyanov A. V. The Impact of Socio-Cultural Space-Time on Managing the Organizational Culture of the Entity.....	170
---	-----

SOCIO-CULTURAL ACTIVITY

Vasilkovskaya M. I. Development of Creative Initiatives of Youth Associations.....	176
---	-----

DOCUMENTARY INFORMATION

To the 45th Anniversary of Chair of Documentary Communication Technology of FSBEI HPE “Kemerovo State University Culture and Arts”

Pilko I. S., Taranenko L. G. Developing the Scientific Potential of Chair of Documentary Communication Technology.....	183
---	-----

Pilko I. S., Abalakova O. V. Development of Professional Standards for the Specialist of Library and Information Activities.....	195
---	-----

Merkulova A. S., Sakova O. Y. The Course “Processing the Analytic and Synthetic Information” in the Context of Competence Approach.....	203
--	-----

Tueva L. M. The Library in the Context of Social Communications.....	211
---	-----

Gendina N. I., Ryabtseva L. N. Information Education: the Definition and Principles.....	217
---	-----

Kolkova N. I., Skipor I. L. Information Maintenance of Automated Library-Information Systems: the Evolution of the Conceptual-Terminological Apparatus.....	223
--	-----

Leonidova G. F. Automated Software Library and Information Systems in the Context of Training the Bachelors of the Direction “Library and Information Activities,” Training Profile “Technology Automated Library and Information Systems”.....	233
--	-----

Abalakova O. V., Li M. G. Multimedia Technologies in Library and Information Education.....	242
--	-----

Haschina K. A. International Relations of the Ukrainian Archives and Creating the Electronic Archival Resources.....	251
---	-----

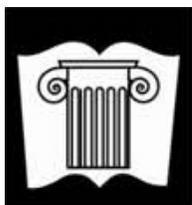
SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Vasiliev Yu. A. The True Ascetic Work (“The Art and Art Criticism: Theory and Practice” 2002–2014).....	259
--	-----

ANNIVERSARY

Kudrina E. L., Ivleva T. N. Lyubov Ivanovna Rudich: Teacher-innovator, Researcher, Efficient and Creative Leader.....	267
--	-----

Information about the Authors.....	273
------------------------------------	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008.001

КОНЦЕПЦИЯ ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Красильникова М. Б., кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины», Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. Н. Н. Ползунова (г. Рубцовск). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

В статье рассматриваются особенности восприятия и понимания времени, свойственные отдельным периодам русской культуры. Концепция времени является одной из наиболее значимых характеристик культуры. Идея времени претерпевает изменение в ходе культурно-исторического развития. В истории культуры можно выделить периоды относительно устойчивые, в которые проявляется достаточно определенная модель времени, и эпохи переходные, где происходит наиболее явная трансформация временных представлений. Анализ наиболее значимых изменений в модели времени может служить основанием для выявления особенностей динамики культуры.

Ключевые слова: концепция времени, динамика культуры, русская культура.

THE CONCEPT OF TIME IN THE HISTORICAL DYNAMICS OF RUSSIAN CULTURE

Krasilnikova M. B., Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Humanitarian Disciplines, Rubtsovsky Industrial Institute (branch) of N. N. Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

The article considers features of perception and understanding of time, specific for different periods of Russian culture. The time concept is one of the most important characteristics of culture. The idea of time has changed in process of cultural and historical development. In history of culture, the relatively stable and transitional periods with the most obvious transformation of time concept can be identified, in which quite certain model of time appears. The analysis of the most significant changes in the time concept is the basis for identifying the features of dynamics of culture.

Keywords: time concept, dynamics of culture, Russian culture.

Представления о времени, свойственные культуре, можно рассматривать как одну из наиболее ярких ее характеристик. Особенности культуры выявляются при прояснении специфической картины времени в ней. Метаисторическим фундаментом русской культуры (как и любой другой) выступает национальный «образ» мира, который находит свое отражение в языке, мифологии, религиозном культе, искусстве, философии. Система

наиболее общих представлений о мире включает в себя и национальный «образ» времени. Он является основой временных представлений культуры в разные ее исторические периоды. Идея времени, свойственная культуре, претерпевает изменения в ходе культурно-исторического развития. Каждая историческая эпоха привносит свои смыслы в представления о времени, на каждом своем этапе культура вырабатывает новое «чувство» времени.

В культурно-исторической динамике Руси-России можно выделить несколько периодов, характеризующихся устойчивым, явно выраженным «временным пониманием», и несколько «разрывных», переходных эпох, когда наблюдается слом культурной картины мира и, соответственно, трансформация пространственно-временных представлений. Изменения в восприятии времени отражают особенности динамики культуры. Традиционная версия периодизации русской культуры представлена вычлениением трех крупных периодов: Киевского, Московского и Петербургского. Однако изменения типа культуры, повлекшие за собой основные изменения временных представлений, связаны с принятием христианства, вхождением русской культуры в нововременной период. Наиболее очевидные переходы в истории русской культуры – это переход от Средневековья к Новому времени (XVII–XVIII века), переход от классической парадигмы к неклассической (рубеж XIX–XX веков, Серебряный век), современность (рубеж XX–XXI веков).

Дохристианскому периоду русской культуры свойственно природное, циклическое понимание времени. Стоит отметить, что время в культуре не бывает однородным, всегда можно наблюдать «наслоение времен». Природное время как «народное» время сохраняется и после принятия христианства. Сосуществование разных принципов времяпонимания обусловлено социальной неоднородностью культуры и постоянным взаимодействием в ней «старого» и «нового» в ходе исторических изменений.

Принятие христианства стало для русской культуры периодом вхождения в историю, периодом формирования представлений о времени-истории и осознания временной перспективы. Вместе с христианством была воспринята выработанная им концепция времени, особенностью которой является внесение смысла в «сумятицу времен». Циклизм древних отвергнут христианским миропониманием: «По кругу блуждают нечестивцы, не потому, что по кругу, как полагают они, будет возвращаться их жизнь, а потому, что таков путь заблуждения их. Священная история, устрояемая Богом, идет по прямой линии» [1, с. 95]. Христианское время векторное, оно имеет «начало», каждая его «часть» наполнена глубоким смыслом. Пророческая нацеленность христианской истории определена ветхозавет-

ной традицией, для которой характерно переживание времени как эсхатологического процесса, как напряженного ожидания великого события, завершающего историю. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом христианского времени и его двойственным пониманием: поскольку Священная история устремлена к Богу, то христианское время оказывается амбивалентным: оно и линейно – развернуто, структурировано, и циклично так как возвращается в Вечность. С одной стороны, время есть «исчезающее существование», а истинно существует лишь то, что остается неизменным, с другой – в результате действия Творца на мир, изменения, в мире происходящие, приобретают сакральный характер. История есть временность, которая в самые напряженные моменты прорывается в вечность, соприкасается с вечностью. Противоречия между временем и вечностью разрешаются в конечной точке истории исчезновением времени и погружением его в вечность («... времени уже не будет...» Откр. 10: 6).

Христианская традиция представляет собой одну из важнейших стержневых линий русской культуры, связывающих разные ее периоды в ценностно-смысловой континуум. Принцип временной структуры, модель времени, заложенные этой традицией проявляются на разных этапах ее развития. Уже мир Ветхого Завета – это «олам», «век», то есть поток временных свершений, история. Русская культура осознает себя включенной в этот поток, вырабатывает систему временных представлений. Горизонты видения расширяются, история осознается как «сцепление» времен. Время в контексте христианского видения мира обрело начало и конец, стало исчисляемым. Значимым компонентом древнерусской культуры выступает летописная книжность. Летописи представляют собой описание событий во времени. В них уже определена «начальная» точка времени, относительно которой выстраиваются события, и «направление» времени. Д. С. Лихачев назвал древнерусскую литературу литературой одного сюжета, и сюжет этот – мировая история. В соответствии с христианской традицией все события, зафиксированные в летописях, включены в более значимый контекст: соотнесены с сюжетами мировой истории, которая, в свою очередь, является частью истории божественной [7, с. 8–10]. Ценность истории определяется ее соотнесенностью с Вечностью. Время, включен-

ное в Вечность, течет неспешно. По замечанию А. Панченко, «обновление» в православной истории есть движение не только вперед, но и вспять – постоянная оглядка на идеал, который находится в Вечности и в прошлом. История при такой обусловленности имеет вид неподвижной и не развивающейся во времени Вечности [8, с. 63].

Несмотря на кажущуюся статичность древнерусской культуры, позволяющую предположить доминирование в ней пространственных характеристик над временными, время все же выполняет в ней роль структурообразующего элемента, является основой для формирования «главного» культурного мифа. Анализируя временную структуру «Повести временных лет», И. Д. Данилевский говорит о специфических функциях временных деталей в летописи. С точки зрения автора, основу временной организации летописи составляет эсхатологический сюжет [4]. Вслед за автором можно признать, что эсхатологическая идея становится базовой для древнерусского хронотопа.

Национальная мифология, связанная с временными представлениями, оформляется в Московский период. В качестве особенности ментального комплекса русской культуры часто отмечается «власть пространства», приоритет пространства над временем. Исследователь «национальных образов мира» Г. Д. Гачев заметил, что для русского менталитета характерно «высокомерно-пренебрежительное отношение ко времени» [3, с. 66]. Представляется, что это «пренебрежение» есть результат не только подчиненности времени пространству, но и особенности взаимодействия временного-вневременного, ориентированности культуры на «вневременное». В качестве проявления национального своеобразия можно выделить формирование собственной русской историософии, отличающейся крайней эсхатологичностью. Один из исходных тезисов русского самосознания «Москва – Третий Рим...», дающий начало отечественной историософии, содержит в себе одновременно мысль о вступлении России в мировую историю и включении ее в метаисторию, время преодолевающую. Тезис имеет эсхатологическое звучание. Эсхатологический миф можно рассматривать как один из основных в национальной мифологии. Историческое сознание формировалось в контексте эсхатологической модели.

В европейской культуре формирование нововременной модели времени начинается раньше,

чем в русской, и время раньше становится объектом измерений. Уже в XIII веке утверждается «время башенных часов». Знаковое соединение времени с элементами религиозного культа – возведение башенных часов напротив церковных колоколен – свидетельствовало о том, что «время, принадлежавшее лишь Богу, становилось собственностью человека» [6, с. 56]. Таким образом, уже в XIII веке в европейской культуре начинается переход от церковного времени к мирскому как «научно-городскому измерению цивилизации». Часовой «учет» времени придает ему «математический смысл» [6, с. 41–42]. В России первые часы были установлены в 1404 году на Московском Кремле афонским монахом «сербином» Лазарем. Первые летописные данные о создании механических часов относятся к началу XV века. **Время стало не просто исчисляемым, но «видимым».** Об установке в Москве башенных часов («часомерья») упоминается во многих летописях как о событии государственной важности [9, с. 12]. Позже башенные часы появились в Новгороде, Пскове, но широкое развитие строительство башенных часов получило в России лишь в XVI веке. Однако это не было свидетельством усвоения культурой новой модели времени. Православно-религиозные представления о времени сохраняются в русской культуре вплоть до XVII века.

Переход от Московского периода к Петербургскому, от традиционной культуры к нововременной знаменует перестройкой структуры временных представлений. В европейской культуре линейная модель времени закрепилась в Новое время. Русская культура вошла в Новое время с опозданием относительно культуры европейской. Она достаточно долго сохраняла свою традиционность, что предопределило своеобразное видение и понимание истории и времени. Линейная модель времени и европейское понимание истории оказываются для нее заимствованными, как заимствуются и другие элементы европейской культуры в эпоху Просвещения. Сложное переплетение «старого» и «нового» в культуре переходной эпохи нашло отражение в смене временных представлений. Основной линией «разлома» стал спор, развернувшийся в историософской плоскости: «об историческом идеале, исторической дистанции, о соотношении духа и интеллекта, человека и времени, о вечном и бренном»

[8, с. 53]. На смену характерной для традиционной культуры истории как «эха Вечности», как «Вечности-в-настоящем» приходит представление об истории как процессе во времени. Исход такой истории не предопределен. Новая модель времени открывает историю как возможность «новизны», где обновление есть дело рук человеческих. Человек выходил из истории-Вечности в свою самостоятельную «историю» во времени. Русская культура постепенно переходила от созерцания мира в аспекте вечности к активному отношению к нему в аспекте времени. Показательно, что постепенно дробное, измеряемое «математически» время стало элементом бытовой культуры. В обиходе появляются часы – сначала как некое новшество. Начиная с XVI века, из Европы в Россию проникают часы напольные, настенные, карманные, чаще всего в качестве «поминок» – подарков [9, с. 34]. Постепенно культура переводила это «новшество» в жизненный принцип.

Петровская эпоха стала тем периодом, когда время утрачивает сакральность. По сути своей оно было европейским, заимствованным. В этом «импортом» времени уже не мифологическое прошлое (пра-время) и божественная Вечность, а будущее задавало ценностную разметку. Московское «эсхатологическое» время уступало место петербургскому – секулярному, государственно-му, европейскому. Традиционная культура, ориентированная на божественные вневременные ценности, сменялась новременной, где история понималась как бесконечное непрерывное обновление. Вечность была потеснена повседневностью, социально-историческим измерением бытия. В 1702 году вышла в свет первая русская печатная газета «Ведомости», где освещались политические новости, события внутригосударственной и международной жизни. Время обрело новые ритмы, основополагающей идеей культурного периода стала идея динамизма, историзма.

Проникающий в русскую культуру принцип историзма был связан с истончением трансцендентного начала в мире, но не с его исчезновением. Несмотря на процессы секуляризации, русская культура не утратила идеациональных установок, архетипического восприятия истории, времени. Принцип включенности времени-истории в предвечный замысел сохраняется, хотя ослабевает. В качестве основного национального мифа сохраняется эсхатологический миф, разре-

шающий противоречия между временем и вечностью, хотя при включении русской культуры в новременный период он приобретает специфические характеристики.

Петербургский период русской культуры завершается Серебряным веком – краткой, но самостоятельной культурной эпохой, характеризующейся своим «чувством» времени. Разломная эпоха рубежа веков знаменовалась актуализацией эсхатологического мифа, для которого свойственна циклическая модель времени. Но это не было возвращением к архаическому циклическому времени, не знающему проблемы начала и конца. Религиозно-мистические искания порубежной эпохи, вырастающие из эсхатологического, апокалиптического мироощущения, в самых разных проявлениях были устремлены к одной цели – «концу истории», прорыву в метаисторию или «новую» историю. Русская религиозно-философская мысль отозвалась на общую проблематику эпохи учением о всеединстве, богочеловечестве, Софии, в контексте которых разрешается вопрос о «смысле» истории, разрешаются противоречия между временем и Вечностью. Искусство подхватывает религиозно-философскую идею теургии – творческого преображения мира. Эпоха грезилась идеей преодоления времени [5].

Н. А. Бердяев отмечал, что христианская цивилизация Запада строилась вне эсхатологической перспективы. Философ противопоставляет эсхатологическое понимание христианства, свойственное, по его убеждению, русской культуре, историческому его пониманию, реализуемому в культуре европейской, обращенной к «благоустройству земли» [2, с. 122–123]. Поскольку в православии эсхатологическая сторона христианства выражена очень сильно, принцип усвоения времени в его подчиненности вечности имел для русской культуры чрезвычайно важные последствия. С ним связана идея «Божьего блюдения», включенности земной судьбы в Божественный мир. Если в европейском культурном регионе восторжествовала идея линейного времени, связанного с историзмом, то для русской культуры характерно его понимание в теологическом контексте.

Утопическая мечта о преображении мира преображенным человеком утратила свои религиозные основания в следующий период русской

культуры, основой которой было мироустроительство, низводящее «небо» на землю. Другая, нарождающаяся, культура предлагала свою трактовку времени, соответствующую ее ценностно-смысловым установкам. Вариант такой трактовки можно найти в романе А. Платонова «Котлован» (1930), где гротескно, а порой и трагически представлено пространственно-временное измерение становящейся культуры. Непокколебимая вера в то, что «счастье наступит исторически», выступает основанием нового понимания «преображения» мира. «Преображение» должно стать планетарным. Вопрос о конце истории разрешится строительством «в середине мира» (то есть сакральном центре) башни, куда «войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли» [10, с. 21]. Время, измеряемое пятилетними планами, вытягивается в линию, устремляется к неподвижному вечному счастью. Проявившая себя на рубеже веков циклическая модель времени отходит на второй план, ее вытесняет динамическое линейное время («Время, вперед!»).

Современный период русской культуры характеризуется переходностью, проявляющейся

и в картине пространственно-временных представлений. Модель времени, соответствующая современному периоду, реализуется в ситуации парадигмального сдвига. Существенное значение для идеи времени в современной отечественной культуре имеет эстетика и философия постмодернизма, представления о фрагментарности, ризомности истории, «постисторическом» ризоматическом времени. Утверждаемая постмодерном «постистория» декларирует отказ от линейного видения социальной динамики, отказ от любых «смыслов» истории, от ее целостности. Эти установки оказались созвучными ситуации «разрыва» истории, переживаемой современной отечественной культурой. Прошлое перестало быть понятным и стало предметом противоречивых интерпретаций. «Распавшаяся» история базируется на «распавшемся» времени, где не работает ни линейная, ни циклическая его модель.

Исследование «чувства» времени, восприятия времени, соответствующих современной российской действительности, дает возможность более глубокого осмысления разворачивающихся социокультурных процессов.

Литература

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: СОДА, 1997.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // Вопр. философии. – 1990. – № 2. – С. 77–145.
3. Гачев Г. Д. Национальный космо-психо-логос // Вопр. философии. – 1994. – № 12. – С. 59–78.
4. Данилевский И. Н. Восприятие пространства и времени в Древней Руси // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира. – М.: РТ-Пресс. – С. 98–145.
5. Красильникова М. Б. Между временем и вечностью: русская религиозная философия в контексте культурного перехода рубежа XIX–XX веков: моногр. – Барнаул: Изд-во Алтай ун-та, 2007.
6. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: время труд и культура Запада. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
7. Лихачев Д. С. Литература Древней Руси // Сборник: Повести Древней Руси / сост. и примеч. Д. С. Лихачева и Н. В. Поньрко. – М.: Художеств. лит., 1987.
8. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры, том III (XVII – начало XVIII века). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
9. Пипуныров В. Н., Чернягин Б. М. Развитие хронометрии в России. – М.: Наука, 1977.
10. Платонов А. П. Котлован. – М., 1987.

References

1. Averincev S. S. Poetika rannevizantijskoj literatury. – M.: SODA, 1997.
2. Berdjaev N. A. Russkaja ideja // Vopr. filosofii. – 1990. – № 2. – S. 77–145.
3. Gachev G. D. Nacional'nyj kosmo-psiho-logos // Vopr. filosofii. – 1994. – № 12. – S. 59–78.
4. Danilevskij I. N. Vosprijatie prostranstva i vremeni v Drevnej Rusi // Uranos i Kronos. Hronotop chelovecheskogo mira. – M.: RT-Press. – S. 98–145.
5. Krasil'nikova M. B. Mezhdru vremenem i vechnost'ju: russkaja religioznaja filosofija v kontekste kul'turnogo perehoda rubezha XIX–XX vekov: monogr. – Barnaul: Iz-vo Altaj. un-ta, 2007.
6. Le Goff Zh. Drugoe Srednevekov'e: vremja trud i kul'tura Zapada. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000.
7. Lihachev D. S. Literatura Drevnej Rusi // Izbormik: Povesti Drevnej Rusi / sost. i primech. D. S. Lihacheva i N. V. Ponyrko. – M.: Hudozhestv. lit., 1987.

8. Panchenko A. M. Russkaja kul'tura v kanun petrovskih reform // Iz istorii russkoj kul'tury, tom III (XVII – nachalo XVIII veka). – M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996.
9. Pipunov V. N., Chernjagin B. M. Razvitie hronometrii v Rossii. – M.: Nauka, 1977.
10. Platonov A. P. Kotlovan. – M., 1987.

УДК 323.281 (093) (571.1/.5): 930.25 (470.4)

ОТРАЖЕНИЕ СОСТОЯНИЯ СИБИРСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ НАЧАЛА XX ВЕКА В АРХИВНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА

Макарчук С. В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: makar@kemsu.ru

Автором изучается отражение состояния и деятельности политического подполья Сибири начала XX века в архивной документации Волго-Вятского региона. В статье показано значение фондов судов жандармских управлений, специальных коллекций для комплексного исследования сибирского политического подполья. Приводимые исторические документы вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Сибирь, Волго-Вятский регион, Поволжье, суды, жандармские управления, архивные коллекции, политическое подполье, социалисты-революционеры, социал-демократы.

REFLECTION OF THE STATE OF THE SIBERIAN POLITICAL UNDERGROUND OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY IN THE ARCHIVAL DOCUMENTS OF VOLGA-VYATKA REGION

Makarchuk S. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Chair of National History, Kemerovo State University. (Kemerovo). E-mail: makar@kemsu.ru

We studied the reflection of the status and activities of political underground Siberia in the early twentieth century in the archival documents of the Volga-Vyatka region in the value of funds of the courts of gendarmerie, special collections for complex research of the Siberian political underground. The historical documents are introduced into scientific circulation for the first time.

Comprehensive study of the socio-political processes in Siberia requires from researchers to access documentary material of non-siberian regions. This allows you to identify the relationships with various organizations in Siberian territories of the country, as well as to establish that historical facts do not reflect one reason or another in the Siberian archives of documentation. Distant from Siberian regions archives, adjacent to the Urals and Volga, are of particular interest in this respect. We have already attempted to show the importance of materials for the study of the archives of the Ural Siberian political underground. Many of the documents stored in the archives of Volga region.

Court documents are important for the study of the underground revolutionary movement. The trials against Siberians in Omsk and Irkutsk district court chambers and Tobolsk Province together with Tobolsk district court and Kazan court of justice were included in the period under study. The Central State Archive of historical and political documents of the Republic of Tatarstan (RT CSA IPD) stored Fund 51 from Kazan court of justice, where the materials are presented not only in the province of Tobolsk, but also in other regions of Siberia and the Far East. Here you can find documents related the Siberian political underground in the Urals and Volga region, including Volga-Vyatka region.

Keywords: Siberia, Volga-Vyatka region, Volga region, courts, gendarmerie management, archival collections, political underground, socialist revolutionaries, social democrats.

Всестороннее изучение социально-политических процессов в Сибири требует от исследователя обращения к документальным материалам несибирских регионов. Это позволяет выявить связи сибирских организаций с различными территориями страны, а также установить исторические факты, не отразившиеся, по той или иной причине, в документопотоке сибирских архивов. Особый интерес в этом отношении представляют архивы прилегающих к Сибири регионов Урала и более отдаленного Поволжья. Нами уже предпринимались попытки показать значение материалов уральских архивов для изучения сибирского политического подполья [10]. Немало ценных документов хранится и в архивах Поволжья.

Для изучения подпольного революционного движения важное значение имеют документы судов. В судебном отношении Сибирь в изучаемое время входила в округа Омской и Иркутской судебных палат, и только Тобольская губерния, вместе с Тобольским окружным судом относились к Казанской судебной палате. В Центральном государственном архиве историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ) хранится фонд 51 – Казанская судебная палата, где представлены материалы не только по Тобольской губернии, но и по другим регионам Сибири и Дальнего Востока. Здесь можно найти документы, касающиеся связей сибирского политического подполья с Уралом и Поволжьем, в том числе с Волго-Вятским регионом.

Представляет интерес судебное дело, касающееся функционирования Всероссийского общесеминарского союза в 1907 году, местные отделы которого находились под влиянием организаций социалистов-революционеров и социал-демократов. Судом установлено, что при выемке и осмотре корреспонденции в Вятской почтово-телеграфной конторе оказалось 46 телеграмм, поданных в разные города империи выпускником Вятской духовной семинарии Кривошеиным [14, л. 18]. При обысках были найдены также многочисленные письма из Тобольского духовного училища [14, л. 699]. По данным суда в Вятку. В отделение общесеминарского союза, пришло письмо из Благовещенска с адресами и просьбой присылать «все что выйдет» и «все что найдете нужным» [14, л. 697 об.]. Вся переписка, по выводу суда,

«имела отношение к деятельности ЦК Всероссийского общесеминарского союза», в том числе в городах Якутске, Благовещенске, Иркутске, Тобольске, Томске [14, л. 18–19].

В фонде 89 – Прокурора Казанской судебной палаты в Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) нами не найдено материалов, касающихся Сибири. Во многом это связано с тем, что после поражения революции 1905–1907 годов в Екатеринбурге действовала Выездная сессия Казанской судебной палаты, фонд которой (ф. 184) сохранился в Государственном архиве Свердловской области (ГАСВО). Там хранятся обвинительные заключения по отдельным революционерам-подпольщикам, связанным с Сибирью, Уралом, Поволжьем.

В обвинительном заключении по делу Е. А. Преображенского, обвиняемого в принадлежности в 1908 году к Челябинской организации РСДРП, сказано об изъятии у него «Устава профессионального союза работающих в портняжных и шапочных мастерских в г. Тюмени» [8, д. 299]. Евгений Алексеевич Преображенский являлся членом Уральского областного бюро РСДРП. Он немало сделал для установления партийных связей подпольных организаций Поволжья, Урала и Сибири, в том числе стал организатором проведения областной конференции РСДРП в Вятке. До 1917 года вел подпольную работу в городах Урала и Сибири. После октябрьского переворота один из высших руководителей коммунистической партии: секретарь ЦК, член редколлегии «Правды». В 1937 году необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно [12].

Документальная информация о сибирском подполье и его связях с регионами Поволжья имеется в фондах окружных судов архивов губернских городов, в том числе в фонде 33 – Прокурор Вятского окружного суда в Государственном архиве Кировской области (ГАКирО). Но особое значение для нас имеют фонды губернских жандармских управлений (ГЖУ) поволжских архивов. В них сохранилась переписка начальников управлений с коллегами, в том числе из губерний Сибири; справки о неблагонадежных лицах; агентурная информация; материалы обысков; отчетность перед вышестоящими ор-

ганами; выписки из перлюстрированной корреспонденции. Особенно богатыми на сибирский материал оказались: ф. 199 – Казанское губернское жандармское управление в НАРТ [11]; ф. 468 – Самарское губернское жандармское управление в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО) [15]; ф. 51 – Поволжское районное охранное отделение в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) [7].

Важную документацию содержит фонд 714 – Вятское губернское жандармское управление в Государственном архиве Кировской области. Здесь сохранилось письмо начальника Томского ГЖУ начальнику Вятского ГЖУ, датированное июлем 1909 года. В нем обращается внимание на подпольную работу в Томске уроженца Вятской губернии, впоследствии крупного партийного и государственного деятеля СССР С. М. Кирова (настоящая фамилия – Костриков). Начальник Томского ГЖУ сообщал: «Мещанин гор. Уржума Сергей Миронов Костриков привлечен мною к дознанию по делу обнаруженного в г. Томске тайника с частями печатного станка (типография социал-демократической организации) по 1 ч. 102 ст. Угол. Улож. и принятыми мерами розыска в настоящее время не обнаружен. Прошу распоряжения о сообщении мне всех имеющихся у Вас о нем сведений: о его связях, занятиях, судимости и вообще о его политической благонадежности, а равно о принятии мер розыска его на родине» [6, л. 750].

Документы Вятского ГЖУ указывают на связи политического подполья Волго-Вятского региона с Сибирью. Начальник Казанского ГЖУ сообщал в октябре 1908 года начальнику Вятского ГЖУ, что у уроженца Уржумского уезда Вятской губернии Н. Н. Попова при обыске в Казани обнаружено 59 паспортных книжек и бланков, в том числе паспорта «явленные в Читинском жандармском отделении и в 3-й полицейской части г. Иркутска... в г. Томске в IV Болотном полицейском участке», а также паспорт «явленный у пристава II участка г. Благовещенска». По агентурным данным Попов являлся заведующим паспортным бюро РСДРП [6, л. 128–129]. Связи устанавливались и с сибирской политической ссылкой, причем местным ГЖУ сообщалось о всех высланных. В Вятском ГЖУ имелись све-

дения, что Федор Терентьевич Истомин изобличен в 1910 году в принадлежности к Астраханской группе партии социалистов-революционеров и в участии в террористических действиях боевой дружины. Выслан в Туруханский край Енисейской губернии на 4 года под гласный надзор полиции [6, л. 575].

Начальникам ГЖУ сообщалось об осужденных и сосланных в Сибирь политических ссыльных, а также описывался состав их преступления. Из сведений, имеющихся у начальника Вятского ГЖУ следует, что денежными экспроприациями занимались не только эсеры, но и их оппоненты по социалистическому подполью – социал-демократы. Николай Николаевич Тугаринов обвинялся в том, «что он, принадлежа к Рыбинской организации Российской социал-демократической рабочей партии и примкнув к сорганизованной в целях совершения экспроприаций на нужды партии «боевой дружине», принимал по заранее выработанному плану прямое физическое участие с другими лицами в разбойном нападении с целью ограбления казенной почты, следовавшей из г. Рыбинска в г. Пошехонье, каковое преступление имело место 21 июля 1906 года на Пошехонском почтовом тракте в 7 верстах от г. Рыбинска, причем был ранен, а затем пристрелен сопровождающим почту чиновником Ганнольдом, легко ранен ямщик Николай Шибалов и захвачена денежная корреспонденция на сумму около 1500 рублей» [6, л. 652].

Продолжалась переписка начальников Вятского и Томского ГЖУ. 25 июля 1909 года начальник Томского ГЖУ сообщал: «У привлеченного при вверенном мне управлении к дознанию по 1 ч. 102 ст. Уг. Ул. Михаила Александрова Попова обнаружены, между прочим, два адреса: “Уржум. Вят. Сендинская Земская школа учит” и “Уржум Вятка Земская Соколову” – обратный адрес: “Томск. Технологический, студенту Николу. Сергей”» [6, л. 795]. Начальник Вятского ГЖУ выяснил к кому относятся адреса, изъятые у Попова. Оказалось: 1) бывшей учительнице Сендинского земского училища Вере Ивановне Илимовой (выбывшей из Уржума); 2) Ивану Гурьянову Соколову, бывшему служащему Уржумской уездной земской управы, ныне состоящему в должности конторщика Вятского отделения Си-

бирского торгового банка; 3) Ивану Александрову Никонову – бывшему студенту Томского технологического института, ныне состоящему преподавателем Елабужского епархиального училища. В заключение письма приписано: «все принадлежит к левым партиям» [6, л. 799].

Начальник Иркутского ГЖУ сообщал вятскому коллеге: по обыску 9 января 1912 года в станице Сретенской Забайкальской области у «известной эсдечки» Хрущевой Екатерины Михайловны обнаружено: 1) тетрадь по этике, на которой видно, что она куплена в г. Вятке в магазине Н. М. Рязанцевой. Тетрадь эта заполнена заметками о рабочем движении и стачках, забастовках, профессиональных союзах в России и за границей; 2) конверт со штемпелями – Вятка и Томск. На конверте адрес: заказная бандероль. Томск. Еланская улица. Дом № 21 – от Марии Федоровны Алцыбаевой. При «разработке» полученных данных в Вятском ГЖУ выяснилось: Хрущева и Алцыбаева во время проживания в Вятке были в близких отношениях и ее адреса служили для партийной переписки Хрущевой. Бывшая административно высланная под гласный надзор полиции в Вятку мешанка г. Мариинска, Томской губернии Е. М. Хрущева в Томске состояла в Военной организации РСДРП и вела сношения с солдатами томского гарнизона. В 1907 году арестована в Томске за распространение прокламаций. За время состояния под надзором полиции в Вятке Хрущева активной деятельности не проявляла, «но поддерживала связь с местными партийными лицами и проходила по наружному наблюдению по Вятской организации партии социалистов-революционеров» [1, л. 77–79].

Жандармы выяснили, что Вятская организация ПСР принадлежала к Уральскому областному комитету партии социалистов-революционеров [4, л. 21]. В 1913 году жандармам стало известно, что видный вятский эсер Н. И. Кондорский состоит корреспондентом легальной газеты «Вятская речь» и пишет под псевдонимами «Запятая» и «Никита Запятая». В справке ГЖУ отмечалась связь партийного корреспондента с Сибирью и обращалось внимание на две корреспонденции газеты: от 5 марта под заглавием «Письма из Сибири. Станица Ачаирская. Омск. уезда. Казачье жилье» за подписью «Никита Запятая» [5, л. 6].

Следует особо выделить управленческую функцию документопотока Вятского ГЖУ. Здесь в специальных папках выделены циркуляры вышестоящих организаций и отчеты местного жандармского начальства перед ними, открывающие механизм управления жандармерией и методы борьбы с политическим подпольем. Некоторые предназначенные для всех управлений циркуляры не сохранились в сибирских фондах ГЖУ, поэтому они имеют важное значение для изучения борьбы местной полиции с подпольем. Особенно ценной представляется документация о филерах-агентах, ведущих наружное наблюдение за членами подпольных организаций. Агенты наружного наблюдения неустанно следовали «по пятам» за руководителями организаций, выявляя их явки, связи, конспиративные квартиры, адреса проживания. Вслед за ними они выезжали в другие города, наводя жандармерию на новые организации и «лица». В своих сведениях филеры сообщали места проведения сходок, массовок, партийных собраний, адреса партийных типографий, складов «техники» и оружия [13].

18 апреля 1912 года штаб отдельного корпуса жандармов циркулярно сообщал всем начальникам ГЖУ: «Уволенный из Енисейского губернского жандармского управления за участие в сбыте фальшивых кредитных билетов вахмистр Гавриил Баранчуков имел у себя фотографическую группу, на которой в апреле 1910 года снялся бывший начальник управления полковник Комиссаров с унтер-офицерами и филерами управления. По имеющимся агентурным сведениям Баранчуков предполагал вырезать из этой группы карточки филеров и передать их в местную социал-демократическую организацию с указанием на них как на шпионов» [3, л. 5]. Далее следовало указание не принимать его на службу.

Департамент полиции был озабочен случаями предательства филеров. 8 мая 1913 года последовал циркуляр № 99168: «Считаюсь с тем вредом, который может причинить делу розыска изменивший филер и, имея в виду, что в большинстве случаев основной причиной предательства служит нетрезвая жизнь филера, департамент полиции настоятельно рекомендует начальникам розыскных учреждений, принимающих филеров в свои части, не ограничиваясь собранием

самых подробных и тщательных справок об их нравственных качествах, трезвости, характере и политической благонадежности и проверкой таковых при возникновении малейшего сомнения в неполноте или неверности справок, вникать в частную жизнь уже принятого филера, особенно в первые годы его службы, и находиться в постоянной осведомленности о поведении, средствах к жизни, знакомствах и образе жизни филера, дабы всегда заранее предостеречь возможность предательства путем заблаговременного увольнения неисправимых...» [2, л. 30].

Интересные сведения о судьбе филеров находим в циркуляре департамента полиции № 47554 от 28 января 1914 года: «Вольнонаемные агенты Охранных Отделений, как не пользующиеся правами государственной службы, не имеют права на пенсию из Государственного Казначейства, а равно и никаким другим послеслужебным обеспечением не пользуются. Между тем, служба этих лиц представляется несомненно ответственной и тяжелой, требуя от них всегда усиленной деятельности с риском потери здоровья и нередко опасностью для жизни» [2, л. 43]. В связи с этим, прослужившим «беспорочно» 10 лет предоставлялось право получения единовременного пособия в размере 250 руб., 15 лет – 500 руб., 20 и более – 1000 рублей.

Циркуляр № 165514 от 12 января 1914 года определял размер вознаграждения филеров: «Отпускать средства от ДП на каждого филера в месяц – 50 руб. жалования и 15 руб. суточных и расходных – всего 65 руб. [2, л.38]. К циркуляру прилагалась ведомость о количестве агентов наружного наблюдения в ГЖУ на местах, в том числе в Сибири: Енисейское ГЖУ – 12 агентов; Иркутс-

кое – 30; Омское – 9; Томское – 20; Тобольское – 8. В розыскных пунктах: в Благовещенске – 4 агента; Никольске-Уссурийском – 3; Ниво-Николаевке – 4; Чите – 8; Хабаровске – 6. Во Владивостокском охранном отделении – 10 агентов. Всего же по России – 747 агентов наружного наблюдения [2, л. 39].

Фонд ГЖУ Волго-Вятского региона, таким образом, дает наибольшие возможности для изучения политического подполья и методов борьбы с ним, в том числе в регионах Сибири. Но сведения о подпольной и революционной борьбе можно найти также в других фондах и архивах. Так, в фонде 6810 – Коллекция личных документов Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО) в воспоминаниях И. Я. Возжаева описана состоявшаяся весной 1915 года стачка плотников, работавших у подрядчика А. Л. Бамбулевича на острове Русский во Владивостоке [9, л. 1–4].

Документация архивов Волго-Вятского региона дополняет исторические знания о политическом подполье и борьбе с ним в Сибири. Большинство приведенных в статье фактов по разным причинам не нашли отражения в сибирских архивах и впервые вводятся в научный оборот. Они способствуют целостному пониманию феномена политического подполья, позволяя выявить его особенности и закономерности. Значение документации поволжских архивов для комплексного исследования сибирского политического подполья показано лишь на небольшой части документов. Подробное изучение архивных фондов несибирских регионов в отношении сибирского политического подполья и борьбы с ним ждет своего исследователя.

Литература

1. ГАКирО. – Ф. 714. – Оп. 1. – Д. 1290.
2. ГАКирО. – Ф. 714. – Оп. 1. – Д. 1199.
3. ГАКирО. – Ф. 714. – Оп. 1. – Д. 1278.
4. ГАКирО. – Ф. 714. – Оп. 1. – Д. 1295.
5. ГАКирО. – Ф. 7 14. – Оп. 1. – Д. 1356.
6. ГАКирО. – Ф. 714. – Оп. 1. – Д. 1072.
7. ГАСО. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 10, 66, 141.
8. ГАСвО. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 55.
9. ГАСПИКО. – Ф. 6810. – Оп. 1. – Д. 19.
10. Макачук С. В. Документы о социал-демократическом движении в Сибири начала XX века в архивах Урала // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И. М. Разгона. – Томск, 2006. – С. 352–361; Макачук С. В. Документы Государственного архива Пермского края как источник изучения Тюменской орга-

- низации партии социалистов-революционеров в начале XX века // Документ как социокультурный феномен. – Томск, 2010. – С. 404–409; Макаrchук С. В. Революционный экстремизм на Урале в начале XX века // Социально-правовые, гендерные и политические аспекты противодействия экстремистской деятельности. – Кемерово, 2011. – С. 107–113.
11. НАРТ. – Ф. 199. – Оп. 1. – Д. 560, 758, 1070, 1286, 1483.
 12. Политические деятели России 1917: биограф. слов. – М., 1993. – С. 259–260; Деятели СССР и революционного движения России: энцикл. слов. «Гранат». – Репринт. изд. – М., 1989. – С. 120–133.
 13. См. подробнее: Макаrchук С. В. Совершенствование специальных форм внутренней государственной охраны в Сибири. 1907 года – февраль 1917 года // Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 16–19.
 14. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 51. – Оп. 9. – Д. 213.
 15. ЦГАСО. – Ф. 468. – Оп. 1. – Д. 1238, 2345, 2488.

References

1. GAKirO. – F. 714. – Op. 1. – D. 1290.
2. GAKirO. – F. 714. – Op. 1. – D. 1199.
3. GAKirO. – F. 714. – Op. 1. – D. 1278.
4. GAKirO. – F. 714. – Op. 1. – D. 1295.
5. GAKirO. – F. 714. – Op. 1. – D. 1356.
6. GAKirO. – F. 714. – Op. 1. – D. 1072.
7. GASO. – F. 51. – Op. 1. – D. 10, 66, 141.
8. GASvO. – F. 184. – Op. 1. – D. 55.
9. GASPIKO. – F. 6810. – Op. 1. – D. 19.
10. Makarchuk S. V. Dokumenty o social-demokraticeskom dvizhenii v Sibiri nachala XX veke v arhivah Urala // Zhizn' v istorii. K 100-letiju so dnja rozhdenija I. M. Razgona. – Tomsk, 2006. – S. 352–361; Makarchuk S. V. Dokumenty Gosudarstvennogo arhiva Permskogo kraja kak istochnik izuchenija Tjumenskoj organizacii partii social-istov-revoljucionerov v nachale XX veka // Dokument kak sociokul'turnyj fenomen. – Tomsk, 2010. – S. 404–409; Makarchuk S. V. Revoljucionnyj ekstremizm na Urale v nachale XX veka // Social'no-pravovye, gendernye i politicheskie aspekty protivodejstvija ekstremistskoj dejatel'nosti. Kemerovo, 2011. – S. 107–113.
11. NART. – F. 199. – Op. 1. – D. 560, 758, 1070, 1286, 1483.
12. Politicheskie dejateli Rossii 1917: Biograf. slov. – M., 1993. – S. 259–260; Dejатели SSSR i revoljucionnogo dvizhenija Rossii: encikloped. slov. “Granat”. – Reprint. izd. – M., 1989. – S. 120–133.
13. См. подробнее: Макаrchук С. В. Sovershenstvovanie special'nyh form vnutrennej gosudarstvennoj ohrany v Sibiri. 1907 god – fevral' 1917 goda // Iz istorii spetsluzhb Burjatii. – Ulan-Udje, 1997. – S. 16–19.
14. CGA IPD RT. – F. 51. – Op. 9. – D. 213.
15. CGASO. – F. 468. – Op. 1. – D. 1238, 2345, 2488.

УДК 008

МУЗЕЙ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ПРОФИЛЯ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Клюкина А. И., кандидат культурологии, директор Московского Дарвиновского музея, президент Ассоциации музеев естественно-научного профиля (г. Москва). E-mail: Anna@darwin.museum.ru

Статья раскрывает место естественно-научных музеев в духовной жизни общества и роль педагогической культурологии в совершенствовании методики их просветительной, образовательной и воспитательной деятельности.

Особое внимание уделяется успешному опыту Дарвиновского музея по использованию интерактивных методик вовлечения детей и подростков в постижение мира природы и ее обитателей.

Ключевые слова: естественно-научный музей, просвещение, образование, воспитание, педагогическая культурология.

THE MUSEUM OF NATURAL SCIENCE IN SPIRITUAL PROFILE OF SOCIETY

Klyukina A. I., Candidate of Culturology, Director of Darwin Moscow Museum, President of Association of Museums in Natural Sciences (Moscow). E-mail: Anna@darwin.museum.ru

The article examines the activities of museums in the natural sciences, the crucial problem of preservation of the environment and environmental education. It focuses on the relevance of the use of pedagogical principles of Culturology, which promotes the social and pedagogical breakthrough in the perception of the objective of educational and training opportunities of the museum institutions. Wrongly regarded as an episodic museum education institution, it can fully assume the functions of the center of moral aesthetic and environmental education, social institution of historical consciousness formation.

Modern museum can provide a relative completeness of the educational influence to involve visitors in historic dialogue that promotes mainstream of cultural and social creativity. It is crucial that the organization of the museum and educational process is not a substitute, but a complement to school; it deepens students' knowledge, increases their interest in learning. Involving students in socially and personally meaningful, science intensive and at the same time interesting teaching cognitive and constructive and creative activities, the museum provides students with a link to life, stimulates the formation of their moral, civic and creative qualities, improves the overall culture of the population, success of continuing education, tourism development, greater attention to the preservation of national cultural heritage and formation of the historical memory of the people's demand to actualized museum institutions as important centers of intellectual life, having made them the subject of public and scientific attention.

Keywords: culture, education, education, education, teaching, culturology.

В Российской Федерации функционируют более двух тысяч государственных и тысячи ведомственных, частных и иных музейных учреждений, которые играют огромную роль в сохранении национального достояния, формировании исторического сознания и духовно нравственном воспитании населения. Однако культуuroохранительный, культуuroтворческий и культуuroсозидательный потенциал музейных учреждений ныне далеко не исчерпан. Обладая уникальными образовательными и воспитательными возможностями, музеи, как правило, ограничиваются лишь эпизодическим просветительным воздействием на посетителей. У значительной части населения, даже в крупных культурных центрах, не выработана потребность стабильного использования музейных учреждений как неотъемлемого элемента духовной жизни. Реализация принципов музейной педагогики часто носит характер механического перенесения в сферу свободного времени.

Представленные в экспозициях музеев ценности истории и культуры несут не только фактологическую, но и эмоциональную информацию, которую нельзя воспринимать как таблицу умножения или формулы точных наук. Они восприни-

маются умом и сердцем, строятся на принципах единства информационно-логического и эмоционально образного. Методика этого воздействия обоснована в педагогической культуuroлогии и это, естественно, предопределяет ее использование в музейном деле. Особо важно это для музеев естественно-научного профиля, где посетители встречаются с ценностями природной среды, с закономерностями становления и развития флоры и фауны, с историей возникновения человеческого сообщества.

Формированием культуры окружающего мира занимаются все музеи, но в первую очередь эту задачу призваны решать музеи естественно-научного профиля, которые изначально создавались именно для этой цели. Решая в целом единые задачи, естественно-научные музеи существенно разнятся по целям, материальной базе, особенностям экспозиций, содержанию и формам научно-просветительной деятельности. Представляя разные формы собственности, разные виды организации своего функционирования и не имея единого органа управления, естественно-научные музеи веками оставались вне комплексного научного осмысления и методического руковод-

ства. Все это привело к тому, что к концу XX века в России не оказалось директивных документов и обобщающих публикаций, которые давали бы четкое представление об этом направлении музейного дела.

Преодолеть противоречие между реальной и, безусловно, конструктивной ролью музеев естественно-научного профиля в духовной жизни страны и ее научным осмыслением стало возможным лишь после 1996 года, когда при Государственном Дарвиновском музее была создана Ассоциация естественно-научных музеев России, позволившая объединить их коллективы и получить необходимую информацию. Анализ поступивших из 424 музеев естественно-научного профиля статистических данных, справок; сведений по материальной базе, штатном составе, музейном фонде, действующих экспозициях, содержании и формах научно-исследовательской, выставочной и просветительской деятельности; материалов о связях музея с учреждениями социально-культурной сферы и других документов позволил прийти к ряду принципиально важных выводов.

Исследование дало возможность определить общее и специфическое в их деятельности, воссоздать хронологию образования этих музеев, увидев в этом и ряд оригинальных фактов. Оно без сомнения подтвердило, что отбор, атрибуция, реставрация, хранение, экспозиция и просветительская деятельность здесь осуществляется на единых общемузейных принципах. Однако, при всем этом, музеи естественно-научного профиля проявили и ряд существенных особенностей.

Во-первых, в отличие от художественных или иных музеев, основанных на результатах рукотворного творчества, они базируются на использовании естественной природной среды, на раскрытии ее несметных богатств и воспитании у посетителей глубокого уважения к природе, на формировании у людей осознанной потребности сохранять ее и для современников, и для потомков.

Во-вторых, если не считать за начало системы российских музеев Оружейную палату в Кремле или эпизодические выставки, то начало им как публичным центрам историко-культурного, нравственно-эстетического и научно-образовательного просвещения и воспитания положили именно музеи естественно-научного профиля.

В-третьих, эти музеи изначально носили педагогический, воспитательный характер, решали задачи иллюстрации достижений науки о природной среде, выступали как институты дополнительного образования.

В-четвертых, когда проблемы экологии приобрели характер сохранения жизни на земле, естественно-научные музеи оказались в центре решения самой актуальной глобальной проблемы и это, естественно, способствует осознанию их социальной значимости.

К характеристике конструктивных особенностей естественно-научных музеев правомерно добавить, что многие из них, являясь детищем крупных ученых, под их руководством приняли на себя ответственные функции пропаганды и дальнейшего развития определенных направлений отечественной и мировой науки, послужили базой совершенствования практики. Совокупный опыт свидетельствует, что музеи естественно-научного профиля всегда были на острие решения стержневых социальных проблем. К примеру, настоятельная потребность России в освоении своих восточных территорий, предопределила опережающее развитие таких музеев в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь они внесли огромный вклад в раскрытие природного богатства этих краев.

Культурное наследие – категория историческая. Памятники природной среды, истории и культуры, отраженные в естественно-научных музеях, приобретают особую значимость, если учесть, что специфика человеческого мышления проявляется в том, что оно не может воспроизвести историю вне учета знаний, накопленных многовековым опытом, одной из форм выражения которого являют собой экспонаты музеев, воспроизводящих процесс становления и развития природной среды. Анализ сущности и функций естественно-научных музеев дал возможность углубить разработку актуальных методологических проблем современного музееведения, позволил воспроизвести во всей конкретности и хронологической последовательности генезис каждого из 424 музеев естественно-научного профиля, процесс их становления и развития; определить реальное место, которое они занимают в социально-культурной среде, в системе экологического воспитания, в помощи учебным заведениям, выражающейся в обеспечении наглядности изучения естествознания.

Важнейшая особенность воздействия экспозиции естественно-научного музея проявляется в том, что она захватывает человека целиком, активизирует все его физические и, в первую очередь, духовные силы и способности, одновременно воздействует на его сознание и эмоциональную сферу, а это составляет предмет принятых нами на вооружение принципов педагогической культурологии.

Особую роль в организации, методике и осуществлении этого комплексного исследования сыграл Государственный Дарвиновский музей, интегрировавший в себе трехвековой опыт деятельности музеев естественно-научного профиля, продемонстрировавший способность высокоэффективно решать задачи экологического воспитания и умело использовать интерактивные методы преобразования посетителей из объектов просветительного воздействия в субъекты сохранения природной среды. Он стал признанным центром естественно-научного музееведения, объединившим вокруг себя специалистов 424 музеев естественно-научного профиля.

Обобщение данных о материальной базе и направленности деятельности существующих в стране музеев естественнонаучного профиля дало возможность их классифицировать и вычленил антропологические, геолого-минералогические, зоологические, ботанические, биологические, анатомические, палеонтологические, почвоведческие, медицинские, сельскохозяйственные, экологические музеи, зоопарки; музеи моря, леса, охоты и рыболовства, региональной природы; музеи-заповедники, мемориальные музеи выдающихся естествоиспытателей; музеи общего естественно-научного профиля, отделы природы историко-краеведческих музеев. Границы между этими музеями весьма подвижны. По сути, их названия, в первую очередь, отразили лишь ведущую сферу деятельности, и строить типологию музея лишь по его названию оказалось невозможным. В этих условиях более точным представилось типологизировать их по ведомственному принципу. Это дало возможность выделить:

- государственные и академические музеи естественно-научного профиля;
- региональные историко-краеведческие музеи с отделами природы;
- университетские естественно-научные музеи;

- эколого-просветительные музеи учебных заведений и культурно-просветительных учреждений и объединений;

- ведомственные музеи естественно-научного профиля;

- частные музеи оригинальных образцов природной среды.

Естественно-научные музеи XXI века продолжают свою деятельность по отбору, атрибуции и экспонированию ценностей природной среды. Однако на новом этапе их развития возникли новые задачи, которые связаны с преодолением ограниченности музейных функций лишь проблемами просвещения. Жизнь убедительно показала, что, используя современные технические возможности и новые педагогические технологии, он может решать и образовательные задачи, способен вовлечь посетителей в социально-культурное творчество, в процессе которого знания об окружающей среде могут перерасти в экологические убеждения, в принципы и нормы поведения. Наибольшего успеха в этом, в частности, добился Государственный Дарвиновский музей, который включился в образовательную систему г. Москвы и принял на себя функции дополнительного образования в области экологической культуры. Результатом творческого сотрудничества коллектива научных сотрудников музея с дошкольными учреждениями, учебными заведениями, научно-исследовательскими институтами и экологическими движениями стало внедрение в практику дифференцированных на разные группы населения образовательных программ. Важнейшая особенность этих программ проявляется в том, что они не повторяют дидактические основы обучения, а строятся на вытекающих из педагогической культурологии принципах сотворчества экскурсовода и посетителей.

Государственный Дарвиновский музей начала XXI века стал неотъемлемым компонентом системы образования. Однако методология и методика музейного дела категорически отвергает механическое перенесение методов школьной дидактики на усвоение содержания музейной экспозиции. В школе действует принцип «не хочешь – заставлю», в музее все строится на интересе, на полной свободе выбора, на абсолютном праве посетителя воспринимать только то, что тебе интересно.

Опыт Дарвиновского, равно как и многих других музеев, свидетельствует, что сегодня неправомерно ограничивать этот центр духовной жизни лишь просветительскими функциями. Более того, многолетние исследования, проводимые в Дарвиновском музее, дополненные анализом передового опыта ряда музейных учреждений России, позволяют утверждать, что музей XXI века нельзя более рассматривать как объект одноразового посещения. Сегодня есть все основания утверждать, что музей способен обеспечить не эпизодическое, а стабильное воздействие на посетителей и в отношении ее определенной части добиться относительной завершенности педагогического процесса, чтобы просвещение было дополнено включением посетителей в социально-культурное творчество, в процессе которого полученные на экскурсии историко-культурные знания преобразуются в нравственно-эстетические убеждения, нормы и принципы жизнедеятельности. Если вчера деятельность музея ограничивалась субъект-объектным воздействием, то сегодня сюда пришла педагогика сотворчества, основанная на субъект-субъектных отношениях, в рамках которых посетитель творит наряду с экскурсоводом или научным сотрудником.

За 15 лет обобщения опыта становления и функционирования 424 естественно-научных музеев и 20 лет опытно-экспериментальной деятельности в Государственном Дарвиновском музее исследование охватило широкий круг проблем – от научной характеристики каждого функционирующего в России музея такого профиля и периодизации их становления до выявления ведущих тенденций их дальнейшего развития. Однако стержнем научного поиска всегда оставалось определение путей и средств реализации их культуросозидающего потенциала, обоснование механизма приведения содержания и форм музейной деятельности в соответствие с требованиями преобразования посетителей из объектов эколого-просветительного воздействия в субъектов активного движения за утверждение экологической культуры.

На примере лучших музеев и, в первую очередь, Государственного Дарвиновского музея исследование убедительно доказало, что:

- использование информационных технологий XXI века, дополненных присущими педагогической культурологии средствами в органи-

зации музейного пространства и музейных экспозиций существенно повышают интерес к музею, создают условия, порождающие у взрослых и детей потребность вернуться сюда еще и еще раз, способствуют преодолению ограниченности воздействия музея на случайных, эпизодических посетителей;

- широкое внедрение интерактивных методов вовлечения людей в социально-культурное творчество способствует пробуждению их креативности;

- функционирование на базе музея системы дополнительного образования, клубов по интересам и иных социально-культурных объединений дает возможность обеспечить относительную завершенность воспитательного воздействия, подкрепить методы просвещения методами включения людей в культуросозидательную деятельность, в процессе которой знания о природной среде преобразуются в эколого-нравственные убеждения, в нормы и принципы социальной деятельности, направленной на сохранение природы и формирование экологической культуры как качества личности. Все это позволяет видеть в естественно-научных музеях не только институт пропаганды ценностей природы, но и открытую социально-педагогическую систему, способную успешно решать задачи формирования гармонично развитой личности информационного общества.

Становление и развитие музеев России свидетельствует, что основой их функционирования всегда выступала взаимосвязь научно-исследовательской, собирательно-атрибутивной, реставрационно-хранительной, художественно-экспозиционной и культурно-просветительной деятельности.

В рамках этого единства можно более четко сформулировать функции российских музеев, в первую очередь, вычленив их:

- информационно-интегративную функцию, позволяющую, реализуя принцип диалога культур, в обобщенной, логически выстроенной форме представить совокупность определенных ценностей истории и культуры;

- хранительную функцию, обеспечивающую сохранность музейных раритетов и возможность передачи их из поколения в поколение;

- образовательно-развивающую функцию, реализующую возможность использовать музей-

ные ценности для познания достижений отечественной и мировой истории и культуры;

- преобразовательно-созидающую функцию, способствующую решению кардинальной задачи нравственно-эстетического воспитания преобразованию объекта информационно-просветительного воздействия в субъект социально-культурного творчества.

Использование принципов педагогической культурологии способствовало социально-педагогическому прорыву в восприятии объективных образовательных и воспитательных возможностей музейных учреждений. Жизнь убедительно показала, что музей XXI века **неправомерно** рассматривать лишь как учреждения эпизодического просвещения, он в полной мере может принять на себя функции центра нравственно-эстетического и экологического воспитания, социального института формирования исторического сознания. Оно доказало, что современный музей может обеспечить относительную завершенность воспитательного воздействия, вовлечь посетителей в систематическое общение с ценностями истории и культуры, преобразовать их из объекта просветительного воздействия в субъект культуры и социального творчества.

Значительным результатом опытно-экспериментальной деятельности по преодолению эпизодичности и фрагментарности музейного воздействия стало подтверждение гипотезы о возможности обеспечить стабильное и целенаправленное влияние на разные группы населения, и в первую очередь детей и подростков, о способности музея эффективно включиться в реализацию Федеральных государственных образовательных стандар-

тов общего образования. Принципиально важно, что организация музейно-образовательного процесса не подменяет, а дополняет школу; углубляет знания учащихся, повышает их интерес к учебе. Вовлекая их в социально и лично значимую, наукоемкую и в то же время интересную учебно-познавательную и созидательно-творческую деятельность, музей обеспечивает связь учащихся с жизнью, стимулирует процесс формирования их нравственных, гражданских и креативных качеств.

Реализация технологий педагогической культурологии в Дарвиновском музее позволила превратить посетителя из пассивного созерцателя в активного исследователя. Эту же функцию выполняют многочисленные мультимедийные интерактивные программы, размещенные в компьютерах, установленных во всех экспозиционных залах и компьютерные программы в мультимедийном центре Эко-Москва, который устроен в одном из экспозиционных залов.

Повышение общей культуры населения, успехи непрерывного образования, развитие туризма, усиление внимания к сохранению национально-культурного наследия и формированию исторической памяти актуализировало востребованность музейных учреждений как важных центров духовной жизни общества, сделало их предметом общественного и научного внимания. Музеи естественно-научного профиля доказали, что они составляют ныне научно-просветительные центры, которые успешно служат делу духовно-нравственного воспитания населения и обладают достаточным потенциалом для дальнейшего совершенствования этой деятельности.

Литература

1. Антонова И. А. Государственный музей изобразительного искусства им. А. С. Пушкина, 1898–1998: к столетию со дня основания музея. – М.: Изобраз. искусство, 1998. – 420 с.
2. Ариарский М. А. Педагогическая культурология: в 2 т. – СПб.: Концерт, 2012. – Т. I. – 448 с.; т. II. – 400 с.
3. Артёмов Е. Г. Музейно-педагогическая технология. – СПб.: ГМ ПИР, 1999. – 200 с.
4. Асмолов А. Г. Психология личности. – М.: МГУ. – 1990. – 367 с.
5. Бордовская Н. В., Реев А. А. Педагогика. – СПб.: Питер, 2004. – 300 с.
6. Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века: в 2 ч. – СПб.: СПбГУКИ, 2001. – Ч.1. – 164 с.; ч. 2. – 244 с.
7. Грусман В. М. Музей в системе формирования национально-государственной идеи: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05. – СПб., 2007. – 386 с.
8. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
9. Ключкина А. И. Естественно-научные музеи в духовной жизни России. – СПб.: Концерт, 2009. – 298 с.
10. Нагорский Н. В. Музей в духовной жизни общества. – СПб., 2004. – 432 с.

11. Хейзинга И. Использование игрового элемента в культуре. – М.: Прогресс, 1995. – 396 с.
12. Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. – М.: Рус. слово – РС, 2003. – 536 с.
13. Ярошенко Н. Н. Педагогические парадигмы социально-культурной деятельности. – М.: МГУКИ, 2004. – 264 с.
14. Chengmin Huang. How to balance the Relationship between Scientific and interesting in Setting up of the Natural History Museum / Collection of International NHM Directors' Forum. – Shanghai, 2010. – P. 90–100.
15. Klukina A. La historia de la creación de la exposición en el Museo Darwin // Darwin in memoriam: Las teorías de la evolución hoy. – Seminario. T. I. – Universidad Internacional Menéndez Pelayo, Valencia, 2008. – P. 73–79.

References

1. Antonova I. A. Gosudarstvennyj muzej izobrazitel'nogo iskusstva im. A. S. Pushkina, 1898–1998: k stoletiju so dnja osnovanija muzeja. – М.: Izobraz. iskusstvo, 1998. – 420 s.
2. Ariarskij M. A. Pedagogicheskaja kul'turologija: v 2 t. – SPb.: Koncert, 2012. – T. I. – 448 s.; T. II – 400 s.
3. Artjomov E. G. Muzejno-pedagogicheskaja tehnologija. – SPb.: GM PIR, 1999. – 200 s.
4. Asmolov A. G. Psihologija lichnosti. – М.: MGU. – 1990. – 367 s.
5. Bordovskaja N. V., Rean A. A. – SPb.: Piter, 2004. – 300 s.
6. Grickevich V. P. Istorija muzejnogo dela do konca XVIII veka: v 2 ch. – SPb.: SPbGUKI, 2001. – Ch.1. – 164 s.; Ch. 2. – 244 s.
7. Grusman V. M. Muzej v sisteme formirovanija nacional'no-gosudarstvennoj idei: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.05. – SPb., 2007. – 386 s.
8. Kagan M. S. Filosofija kul'tury. – SPb.: Petropolis, 1996. – 416 s.
9. Kljukina A. I. Estestvennonauchnye muzei v duhovnoj zhizni Rossii. – SPb.: Koncert, 2009. – 298 s.
10. Nagorskij N. V. Muzej v duhovnoj zhizni obshchestva. – SPb., 2004. – 432 s.
11. Hejzinga I. Ispol'zovanie igrovogo elementa v kul'ture. – М.: Progress, 1995. – 396 s.
12. Jureneva T. Ju. Muzej v mirovoj kul'ture. – М.: Rus. slovo – RS, 2003. – 536 s.
13. Jaroshenko N. N. Pedagogicheskie paradigmy social'no-kul'turnoj dejatel'nosti. – М.: MGUKI, 2004. – 264 s.
14. Chengmin Huang. How to balance the Relationship between Scientific and interesting in Setting up of the Natural History Museum / Collection of International NHM Directors' Forum. – Shanghai, 2010. – P. 90–100.
15. Klukina A. La historia de la creación de la exposición en el Museo Darwin // Darwin in memoriam: Las teorías de la evolución hoy. – Seminario. T. I. – Universidad Internacional Menéndez Pelayo, Valencia, 2008. – P. 73–79.

УДК 008

НАРОДНАЯ ИКОНА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ НА ЗЕМЛЕ КУЗНЕЦКОЙ

Алексеева Л. С., аспирантка, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, заведующая Музеем истории православия на земле Кузнецкой, религиозная организация «Кемеровская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат)» (г. Кемерово). E-mail: alekslora@rambler.ru

Оленич Л. В., доцент кафедры теории и истории искусства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, искусствовед, член Союза художников России (г. Кемерово). E-mail: olenich_l@mail.ru

Музеи – одна из ключевых структур в деле развития общества. Они не только собирают и хранят музейные предметы, но также занимаются их изучением и презентацией. Эту же цель преследуют и создаваемые и воссоздаваемые церковные музеи. На примере иконного фонда епархиального Музея истории православия на земле Кузнецкой в статье рассмотрены и проанализированы произведения, в которых ясно проявляются черты этнокультурных изобразительных традиций.

Ключевые слова: церковный музей, экспозиция, научно-исследовательская деятельность музея, народная икона, красота, традиция, роскошь, канон.

FOLK ICON AS AN OBJECT OF STUDY AT KUZNETSK LAND ORTHODOX CHURCH HISTORY MUSEUM

Alekseeva L. S., Post-graduate Student, Kemerovo State University of Culture and Arts, Head of Museum of History of Orthodoxy in Kuznetsk Land, Religious Organization “Kemerovo Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)” (Kemerovo). E-mail: alekslora@rambler.ru

Olenich L. V., Docent of Chair of Theory and History of Art, Kemerovo State University Culture and Arts, Art Critic, Member of Union of Artists of Russia (Kemerovo). E-mail: olenich_1@mail.ru

Revival of the Russian Orthodox Church revived the activity of study and preservation of spiritual and cultural values of Orthodoxy when dioceses, churches and monasteries reopened church museums. Network expands with ecclesiastical museums in Western Siberia. Kuznetsk Land Orthodox Church History Museum is among them.

The current situation puts all the museums to be more actively involved in the solution of socio-cultural issues in their regions. Incorporating into dioceses' missionary work, museums rely on pre-revolutionary spiritual heritage. The example of Kuznetsk Land Orthodox Church History Museum presented typological research activities museums of South-Western Siberia.

In this paper, on the example of the fund collection, the diocesan museum presents art and cultural analysis of the 17th century icon “The Nativity of the Virgin” and works relating to the New Era “The Assumption of the Virgin” and bilateral banners of nuns of Dionysia.

To summarize, the authors come to the conclusion that systematic research of the diocesan museum allows you to explore the tradition of icon painting, including iconographic features of folk icon.

Keywords: church museum, exhibition, research and development activities of the museum, beauty, canon, folk icon, tradition, luxury.

Середина 80-х годов XX столетия стала переломным моментом в существовании Русской православной церкви. Глубокие перемены, происходящие в стране, коснулись не только государственно-экономической жизни общества, но и его идеологии. Благодаря закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» Русская православная церковь, наряду с другими общественными организациями, получила возможность участвовать в социальной жизни. С возрождением Русской православной церкви восстанавливается и целое направление научной деятельности по изучению и сохранению духовных и культурных ценностей православия. При многих епархиях, храмах и монастырях вновь открываются церковные музеи.

Сеть церковных музеев расширяется и на территории Западной Сибири. В их числе и Музей истории православия на земле Кузнецкой, образованный 3 ноября 2010 года по инициативе епископа Кемеровского и Новокузнецкого Аристарха (Смирнова). Этот музей появился позднее других учреждений такого типа на территории Сибири.

Необходимость создания Музея истории православия на земле Кузнецкой была вызвана тем,

что на территории Кемеровской и Новокузнецкой епархии сохранилось определенное количество материалов, которые имели бесспорное историко-культурное значение. И до образования музея, и в настоящее время предметы поступают на хранение, как правило, в качестве даров, как от священнослужителей, так и от прихожан храмов. И все они являются свидетельствами, памятниками тех или иных периодов культурно-религиозной жизни в Кузбассе. При условии их систематизации и размещения в экспозиции это может выполнять репрезентативные функции, отражая самые главные события в становлении церковной жизни на карте региона. Образцом для создаваемого музея послужил Церковно-археологический музей имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II при **Московской православной** духовной академии, основанный в 1814 году и воссозданный в 1948 году [27].

Начальным этапом комплектования музейных фондов Кемеровской епархии стал процесс классификации стихийно образовавшегося массива материалов различного характера: от архивных источников до произведений искусства. Все это распределяется по основным разделам,

которые состоят из архивных документов (отчетов благочиния, наградных писем, приказов, рапортов, периодики и т. п.), старопечатных книг и богослужебных изданий Нового времени, предметов церковной и бытовой утвари, священнических облачений, видео- и аудиоматериалов. Значительную группу артефактов музейной коллекции составляют произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства: это иконы, медное литье, деревянная скульптура, полотна светских живописцев.

Сравнение этой коллекции с фондами других церковных музеев на территории юга Западной Сибири позволяет говорить о довольно типичном наборе ее разделов. И в более широком смысле тоже можно говорить об аналогичных проявлениях деятельности сибирских музеев. И в Музее истории православия на Алтае (г. Барнаул), и в Музее истории Новосибирской епархии (г. Новосибирск), и в Церковно-историческом музее при Томской духовной семинарии (г. Томск) вместе с комплектованием, учетом, сохранением и экспонированием памятников ведется широкая работа по сохранению, изучению духовного наследия и просвещению общества. Этим определяются и основные векторы научно-исследовательской деятельности.

Современная ситуация ставит музеи перед необходимостью все активнее включаться в решение социально-культурных проблем своих регионов. Встраиваясь в миссионерскую, образовательную, информационную работу епархий, музеи увеличивают сферу своих контактов, сплаывая дореволюционный опыт и новые формы коммуникации с населением. Здесь очень важны разные способы взаимодействия со светскими структурами. Церковные музеи активно сотрудничают с вузами и культурными учреждениями регионов. Так, например, в Томске в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры памяти святых первоучителей Кирилла и Мефодия состоялся форум «Православное наследие как источник духовного и общественного развития России», одна из секций которого была посвящена вопросам музейной педагогики в стенах музея Томской духовной семинарии.

Такая же социальная открытость характерна и для Музея истории православия на Алтае, действующего на базе Барнаульской духовной

семинарии. Однако здесь научная деятельность больше направлена на анализ и изучение существующей музейной коллекции, в первую очередь исследуются иконописные традиции, в том числе иконографические особенности народной иконы [11, 12].

В процессе научно-исследовательской деятельности Музея истории православия на земле Кузнецкой тоже обозначились собственные подходы к изучаемым объектам: привлечение широкого культурно-исторического контекста, особое внимание к местным краеведческим изысканиям, взаимодействие со светской методологией в познании тех или иных явлений церковной жизни.

Исходя из этого при построении уже первой экспозиции «Патриархи в Кузбассе» специалистами музея были изучены и отобраны те материалы, в которых соединяются общецерковные события с местным процессом епархиального существования. При разработке тематико-экспозиционного плана и построения выставки использованы материалы епархиального музея, архива Московской патриархии (г. Москва), администрации Кемеровской области, Кемеровского областного краеведческого музея, архива Кемеровского епархиального управления, личных архивов церковнослужителей. Научной основой данной выставки стали публикации кемеровских и новокузнецких ученых (Адаменко А. М., Горбатов А. В., Быкасова Л. В., Тресвяцкий Л. А., Шадрин и др.). Открытие выставки «Патриархи в Кузбассе» состоялось 24 апреля 2011 года.

Особенным аспектом деятельности музея стал долговременный проект с Межрегиональным общественным фондом «Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного» (г. Москва). Под патронажем данной организации существует Собрание русских икон – одна из крупнейших частных коллекций, которая насчитывает более 600 икон и предметов церковного декоративно-прикладного искусства. Данное собрание на несколько лет предоставило Музею истории православия на земле Кузнецкой передвижную выставку шедевров древнерусской иконописи, выполненных в различных стилях и техниках. Эта выставка создана с той целью, чтобы музейный посетитель мог ознакомиться с иконографическим репертуаром русской иконы Средневековья и Нового времени.

В состав экспозиции вошли иконы начала XVI – рубежа XIX–XX веков высокого художественного качества. Это позволяет соотносить материалы из собственных фондов епархиального музея с передвижной экспозицией и вырабатывать более точные критерии художественно-эстетической оценки. В таком случае объектом изучения становятся и свои, и привозные иконы. В музейном собрании в разделе «Иконный фонд» количественно преобладают те образы, которые можно отнести к «народной иконе». Рассмотрение художественно-культурных и иконографических особенностей образов, относящихся к «народной иконе», представленных в экспозиции кемеровского епархиального музея, является целью данной публикации.

Народная икона как явление была открыта собирателями и учеными сравнительно недавно. Появление и развитие иконописания на территории Западной Сибири рассмотрено в трудах Н. Г. Велижаниной «О своеобразии иконописи Западной Сибири» [7], «К истории иконописания в Западной Сибири» [8]; И. А. Мануйловой «Истоки формирования и основные особенности сибирской иконы» [15]; И. А. Евтихеевой «Чудотворные иконы Томской епархии» [10], а также исследователями М. Н. Софроновой, Т. А. Бычковой, Т. В. Прохоровой, Н. П. Железниковой и др.

В свет выходят альбомы-альманахи, посвященные изучению иконы: «Иркутские иконы: каталог», «Невьянская икона» (вступ. ст.: Г. В. Голынец, Н. А. Гончарова, М. П. Боровик, О. П. Губкин) [18], «Сибирская икона» (вступ. ст.: Н. Д. Зольникова, Н. Г. Велижанина, Н. В. Казаринова и др.) [26].

Самая репрезентативная из всероссийских выставок народной иконы состоялась летом 2012 года в галерее З. Церетели АХ и вызвала большой интерес публики, собрав вокруг себя целый ряд экспертно-научных высказываний и журналистских мнений. Это должно стимулировать дальнейшую систематизацию пока еще разрозненных представлений о границах такого объекта изучения, его атрибутивных признаках.

Чаще всего народная икона сводится к примитиву, к крестьянским или местным городским традициям, но есть и другие явления, которые тоже имеют общие с ней типологические признаки. Из теоретической неопределенности выстраивается известный перечень сближаемых

понятий, на самом деле не симметричных друг другу: бесхитрое искусство, примитив, провинциальная икона, крестьянская икона, самодеятельное иконописание и т. п. Разнородность этих терминов ясно просматривается в принадлежности одних из них к формальным, а других – к социокультурным характеристикам иконы. Поскольку речь идет о сложном, гетерогенном феномене в искусстве, то для полноты понимания надо объединять разные подходы к нему.

В анализе иконы, как правило, сначала выделяются ее пластические свойства: лаконичность композиции, простота и ограниченность живописной гаммы, плоскостность, силуэтность изображения, его схематизм, пиктографичность. С этим современные исследователи нередко сочетают и указание на социальную принадлежность заказчика и исполнителя (изографа). Например, Е. В. Ройзман, коллекционер, предоставивший свои иконы для упомянутой выставки, пишет о «крестьянских художниках-самоучках» как о типичных авторах народных икон, заказанных селянами [23].

С таким набором формальных и социокультурных признаков в описании феномена народной иконы можно согласиться, но это обязательно нужно дополнить рассмотрением богословско-эстетических аспектов иконописания. И здесь нельзя ограничиться обычным цитированием сочинения Павла Алеппского о том, как москвиты привязаны к иконам: они даже не смотрят на красоту изображения и на мастерство живописи, считая все иконы красивыми. В сущности этому вторит и мнение Е. Савкиной, которая утверждает, что искусство иконы «безотносительно к художественному качеству... служило в истории объединяющим элементом того, что было разрознено не только социально и политически, но и национально. Критерий его был один, и в нем верочесная сторона не отделялась от эстетической... богословской» [24]. В этом наблюдении показана только самая внешняя сторона явления.

На самом деле объединяющим началом в православной жизни был канон, доминирующий в культурном сознании. Как пишет В. В. Василик, «термин канон парадигматическим и дидактическим значением... отчасти соотносился с понятием “образ”. <...> В чем-то канон можно сравнить с печатью, запечатлевшейся в сердце и уме верующего» [5]. Категория красоты – неотъемлемый

компонент канонического мировидения. Как осознанный, самостоятельный принцип изображения она была присуща и народному иконописанию, с нею связаны способы выражения вероучительных смыслов иконы. Через красоту осуществляется соборное предназначение иконопочитания, ведь она обращена ко всем, соприродна людям. Богословская эстетика уже на ранних этапах истории святоотеческой мысли наделяет красоту универсальным значением. В сочинениях Дионисия Ареопагита Красота, как и Добро, и Любовь, а также Свет, – божественные атрибуты, неотделимые друг от друга. «Из Добра все возникло и существует, будучи выведено из совершенной Причины, и именно в нем все создано... и в Него все возвращается как в свой для каждого предел. <...> Умственным Светом называется превосходящее всякий свет Добро... все надмирные, около мира и в мире пребывающие умы от своей полноты просвещающее... обновляющее... всех собою охватывая, объемлющее... все умственное и разумное собирающее и сочетающее. <...> Это добро воспевается... и как Прекрасное, и как Красота, и как Любовь... и другими... благолепными применяемыми к Богу наименованиями... Прекрасное и Красота не должны различаться в Их все соединяющей Причине. <...> Сверхсущественное Прекрасное называется Красотой потому, что от Него сообщается собственное для каждого очарование всему существу, и потому, что Оно – Причина благоустроения и изящества всего и... потому Оно всех к Себе привлекает, отчего и называется красотой; и потому что Оно все во всем сводит в тождество» [9].

Разумеется, в отличие от просвещенных, придворных изографов, народные мастера не погружались в богословские тексты, но они жили в атмосфере канонической культуры и проникались общностью ее смыслов. Канон – это модель бытия, единая для всех христиан картина мира. Отсюда и понимание красоты, происходящее от единого церковного корня, но по-разному преломляемое в формах элитарного и народного иконописания. Общим для того и другого свойством красоты является роскошь. Но, конечно, в элитарной среде такое свойство проявлялось наиболее полно. Очень убедительно это показано еще в одном иностранном высказывании об эстетических пристрастиях в столичной жизни средневековой Руси: «Царь Иван регулярно устраивал

пиры для сотен и даже тысяч гостей. Он был любителем ярких зрелищ... В огромных палатах, своды которых опирались на разукрашенные многоцветными орнаментами пилоны, ставились столы длинными рядами... <...> Длинные скамьи, на которых сидели приглашенные, покрывали парчовыми тканями и бархатом, а иногда по воле Государя гостей обряжали в расшитые золотом длинные кафтаны и охобни, отороченные горностаем. Царь Иван восседал на высоком резном троне, украшенном жемчугами и бриллиантами. Трон опирался на резные львиные лапы, а на его спинке был изображен позолоченный двуглавый орел с распростертыми крыльями. На стене висело множество икон» [14]. В этом свидетельстве английского путешественника Ченслера высказано крайнее удивление избыточностью форм придворного быта на Руси. Иностранцы не видели в этом ничего другого, чем царскую прихоть. К XVI веку уже сформировалась разница между западноевропейскими и древнерусскими эстетическими установками. Европа ориентировалась на позднеренессансное понимание красоты, в котором возобладало дискурсивное начало: красиво то, что выверено и воплощено художником. А Русь еще сохраняла преемственность с византийской концепцией «умонепостижимой» Красоты и сакрализацией роскошно-прекрасного. Одним из первых заметил эту особенность восточнохристианского эстетического сознания Н. Н. Пунин: «Византия, понятая как проблема красочности и как отстоявшийся синтез духа... через века давляет нам <...> Роскошь, вот слово, которое мы употребляем часто в пошловатом или слишком надменном значении. <...> В бесчисленных рядах наших ощущений есть ощущение, не разложимое ни на какие элементы, возбуждаемое только объектами известного порядка и, в то же время, заливающее наше сознание иногда с силой, не меньшей, чем любовь? Каким именем можно было бы определить тот острый и волнующий восторг, который охватывает, повергая в меланхолическую тревогу, во что-то темное и горячее, во что-то мистическое и алчное всякий раз, как мы созерцаем роскошь: золото, драгоценные камни, пурпур и порфир, объекты столь отличные от творчества выработанных предметов? <...> Мы не можем забыть наследия, так осторожно принятого <...> Иоанном III, и, склоняясь долу перед магией Европы, помним, как нас то-

мила магия более величественная. <...> Гордые своим «варварством» и далекие от экзотических свечений Парижа, ищем мы Возрождения Византии. Роскошь ее жизни и великолепие ее искусства разрывают наш долгий и глубокий сон. <...> Народ, привыкший к этой горячей и сверкающей жизни, выносил искусство, столь отличное яркостью своих форм от мраморов Эллады и... росписей Помпейских домов. Сама идея мозаики, может быть, действительно возникающая из «идеи» драгоценного камня, действовала возбуждающе своей ограненной и яркой красотой. Золотые и серебряные фоны, отливающие багряными, изумрудными и молочно-белыми перламутрами в сумерках апсид, парусов и арок, светящиеся долматики и лоры, диадемы и поручни, усыпанные жемчугами, золото и пурпур – возбуждали душу, утомленную бедствиями... ужасами мора, религиозными исканиями, жизнью» [22]. В такой эмпатической стилистике, свойственной эпохе ар нуво, Н. Н. Пунин выстраивает характеристику чувственного восприятия византийцев, визионерски погружаясь в их мироотношение. В этом русский искусствовед сближается со святоотеческой эстетикой, в которой не отрицалась «видимая красота, как результат божественного творчества. <...> Она интересна не сама по себе, но как некое указание на прекрасное более высоких уровней, как знак духовно прекрасного [4]. Действительно, обращаясь к тварной красоте византийки рассматривали ее по-разному: иногда метафорически, но важнее здесь были символические аспекты, связанные в патристике с развитием неоплатонической эстетики.

Видимый мир оставался объектом восхищения. В «Беседах на Шестоднев» Василий Великий пишет: «Поверив Моисею, что сотворил Бог небо и землю, прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотой» [6]. Такое «шестодневное» мироощущение и заложено в основу канонического сознания на Руси. Принятие видимого мира как творения Бога-художника концентрируется в роскошной красоте, соединяющей природное и рукотворное. Это и воплощается в православном иконописании. Только в элитарном искусстве (как столетия назад, так и сейчас) роскошь драгоценных материалов сплавляется с изыскан-

ностью художественного исполнения, а в народной иконе роскошь часто имитируется фольгой вместо металлов, поталью или охрой вместо позолоты, маслом на клеенке взамен темперы на доске и т. п. И сама живопись народного изографа не претендует на равенство с высоким мастерством, но в творческой увлеченности она мало кому уступает.

В высокопрофессиональном образе, по мнению современного иконописца, должно отражаться триединство «богослова – ученого-историка – художника» [16]. Почти такое же триединство было свойственно и средневековой элитарной иконе, только роль ученого-историка исполняла глубоко укорененная каноническая традиция, ответственность перед которой не подвергалась сомнению. Что касается народной иконы, то здесь богословие и ученость заменялись образцом и сильной эмоциональной причастностью к канонической модели бытия. Ю. М. Лотман относил канон к «эстетике тождества» и считал, что произведение, на ней основанное, выполняет «лишь мнемоническую функцию» [13], напоминает о том, что вспоминающий знает благодаря канону. «Получатель произведения XIX века прежде всего слушатель – он настроен на то, чтобы получить информацию из текста. Получатель фольклорного (а также и средневекового) художественного сообщения лишь поставлен в благоприятные условия для того, чтобы прислушаться к самому себе. Он не только слушатель, но и творец. С этим и связано то, что столь каноническая система не теряет способности быть информационно активной. <...> Если деканонизированный текст выступает как источник информации, то канонизированный – как ее возбудитель» [13]. Можно еще подчеркнуть, что и «получатель», и автор произведения должны быть одинаково приобщены к канонической системе, подключены к одному и тому же механизму «напоминания» и «возбуждения». Поэтому в народной иконе редко встречаются догматические искажения или дерзкое нарушение иконографии. При этом в ней всегда присутствует фольклорный компонент как синтез этнокультурных и христианских традиций. Интерпретируя высокий образец, народный изограф обращается к почвенным художественным приемам, иногда возвращая их из отдаленного прошлого.

В Музее истории православия на земле Кузнецкой рядом с произведениями элитарного мастерства, самодельными образами есть и народные иконы. Уточним, что в данном случае к «самодельным образам» нами причисляются работы светских художников, начинающих заниматься иконописанием и еще не овладевших в полной мере содержательными и формальными аспектами религиозного искусства.

В ряду народных икон в коллекции Музея истории православия на земле Кузнецкой есть несколько произведений, в которых, на наш взгляд, особенно ясно проявляются черты этнокультурных изобразительных традиций. Первая из них, по времени создания самая ранняя, относится к XVII веку – «Рождество Богородицы». Сюжет размещен на крупной доске без паволоки. Композиция стиснута с боков и развивается зигзагообразно, ее динамика направлена к кульминационной сцене с родителями Богородицы – «ласкание младенца». Цветовая гамма отличается яркой декоративностью. Краски иконы звучные, насыщенные – киноварь, золото, охра, травяная и маляхитовая зелень, белила. Живописные пятна распределяются по принципу контрастности, но при этом хорошо сбалансированы. В данном случае неожиданно то, что в арсенале наивного художника оказались дорогие пигменты, использованные очень смело, даже импульсивно. Иконописец утрирует масштабы и пропорции фигур. Голова у главных персонажей слишком крупная, что делает ее несоразмерной с фигурой, с очень маленькими размерами ладоней и стоп. Это позволило сосредоточиться на ликах, тщательно прописать черты, придать им благообразие. При этом позы, жесты вполне естественны. Несомасштабность основных и второстепенных действующих лиц типична для народного искусства. В данном случае крупнее изображены святые Иоаким и Анна, несущие дары. В композиции все действующие лица объединяются в три группы, размещенные симультанно, как близкие по времени фрагменты одного священного события. Трижды присутствует в этих группах святая Анна: сидящая на ложе, с девами-помощницами обмывающая родившую Марию и вместе со св. Иоакимом ласкающая младенца. В каждой из сцен есть свои иконографические особенности. Женские образы, кроме св. Анны и новорожденной Марии, здесь пред-

стают простоволосыми. Так разграничиваются их статусы: святость Анны и Марии, «заземленность» остальных. Из немногих бытовых деталей, поднятых до символа, мастер удивительно тонко выстраивает сакральное пространство, наполненное любовью – даром св. Духа. Здесь царственная роскошь дома потомков Давидовых создается золочеными деталями с пышными орнаментами. Особенно выделена арочная сень, под которой родители Богородицы любят ее, в соответствии праздничному тропарю (глас 4) «От корене Есеева и от чресл Давидовых Богоотроковица Мариам рождается дньс нам: радостию бо радуются всяческая... Иоаким веселится и Анна торжествует, зовущи: неплоды рождает Богородицу и Питательницу жизни нашея» [2]. Так показана литургическая связь между словом и образом, с творческой свободой осмысленная изографом, проявляется глубоко личное переживание религиозного текста.

Из произведений, относящихся к Новому времени, в экспозиции вполне соответствует характеристикам «народной иконы» образ «Успение Богородицы», созданный в конце XIX века и, судя по размерам, предназначенный для небольшой сельской церкви или домашней божницы. Композиция написана на доске в смешанной технике с применением металлического порошка, имитирующего золото. В стилистике иконы просматриваются южнорусские традиции с влиянием польского церковного искусства. Формат доски горизонтальный в отличие от классических образцов такой композиции из древнерусских иконостасов. В верхних углах иконы – симметричные друг другу продолговатые постройки с высокой двускатной крышей, напоминающие европейские базилики. Фигура Богородицы на смертном одре – самая крупная, соразмерен ей только образ Спасителя, но он возвышается над гробом едва наполовину роста, апостолы же в полтора раза меньше. Как и в предыдущем примере, размерами выделяется главный персонаж. Утяжеленность построения за счет горизонтальных планов усиливает скорбность события, хотя живописная гамма по-народному очень декоративная, яркая. Лики этнически выражены: с большими темными глазами, продолговатым овалом, напоминающими гуцульский тип красоты. Художник внимателен к эмоциональным характеристикам

персонажей. Типично в этом случае, что личное письмо отличается большей тщательностью исполнения. При этом анатомические пропорции не соблюдаются, фигуры укорочены и спрятаны под драпировками. По преданию, гроб Божией Матери был пышно убран. В соответствии с этим автор иконы украшает одр белыми драпировками с растительным орнаментом, характерным для русских промыслов росписи по дереву. Литургические аспекты образа с одной стороны выражаются вполне традиционно, а с другой – неожиданно. Апостол Петр изображен с кадилом как священник в момент отпевания, что часто встречается и в профессиональных иконах. В данном случае удивляет другой литургический момент: возле изголовья одра Богородицы на полу поставлено большое Евангелие как элемент, к которому сходятся основные линии построения – от поворота головы и взгляда Спасителя, устремленного к лику Девы Марии. Этим подчеркивается не только евангельский источник события, но и указывается на богослужебные особенности его празднования, отраженные и в песнопении (Кондак, глас 1): «В молитвах неусыпающую Богородицу, и в предстательствах непреложное упование, гроб и умерщвление не удержаста: якоже бо Живота Матерь, к животу престави» [3].

К числу народных икон Новейшего времени в экспозиции можно отнести произведения ныне пребывающей на покое схимонахини Дионисии (в миру А. И. Кувшинова, год рождения 1923), прожившей всю жизнь в Кузбассе. С 1951 года по обету она занялась иконописанием, несмотря на все запреты советского режима в отношении «религиозной пропаганды». Не имея возможности получить профессиональное образование, будущий мастер брала консультации у соседа, С. Н. Корчагина, народного художника, писавшего «лебединые» ковры на клеенке для продажи. В середине прошлого века ковры на клеенке оставались явлением живой народной культуры – и городской, и сельской. Их тематика, как правило, была ориентирована на идиллические сюжеты и обязательно включала красивый пейзаж с водоемом, животными, птицами (чаще всего с лебедями). Это было воплощением народной мечты о гармоничной жизни. Такую эстетику схимонахиня Дионисия соединила с религиозными смыслами. Она писала иконы, создавала настенные росписи так, как подсказывал ей собственный

вкус и духовные дарования. Изучая немногие иконостасы, которые сохранялись в ситуации гонения на Церковь, художница сформировала свою стилистику, синтезирующую народные традиции и некоторые приметы академической иконы. В экспозиции музея находятся две двусторонние хоругви работы схимонахини Дионисии, выполненные на рубеже 50–60-х годов прошлого века. Обе хоругви больших размеров, с типичным трехчастным разделением внизу полотнища. Живоподобные изображения сделаны на клеенке, приклеенной к основе из бордового сукна. На первой хоругви основной сюжет – «Богоявление». Квадратный формат композиции обрамляется зелено-желтым орнаментом с шестиконечными звездами по углам. Сюжет выстроен по вертикальной оси, в центре которой – фигура Спасителя. Вверху – не парящий, а как бы стоящий с раскрытыми крыльями символ Святого Духа, по сторонам – Иоанн Предтеча и группа ангелов. Внизу, на отворотах, в середине расположен стоящий ангел, маленькие, тоже вырезанные из клеенки херувимы и символы Евхаристии. Цветовое решение имеет характерный для живописи на клеенке (без грунта, масляными красками) матово-тусклый оттенок. Но художница стремится сбалансировать живописную гамму, сочетая контрасты, сближая цвета. Так же она komponует и второй сюжет – «Воскресение» – на другой стороне хоругви. Фигура Спасителя расположена строго по оси, коленопреклоненные ангелы симметрично – по бокам. Но эта жесткая геометрия не превращает изображение в схему. За счет мягкости очертаний, холодной гаммы, дающей перспективу, создается особое мистическое пространство. Здесь нет слишком явного искажения пропорций, но фигуры написаны условней и не так тщательно, как лица. Это общая примета народных икон. Фронтально располагая главных персонажей, мастер дает возможность не просто разглядеть их лица, но встретиться взглядом, попасть под «излучение» широко распахнутых глаз. Именно так в народных представлениях выражается благообразие божественного лика. Тут нет какого-то этнически ориентированного типа красоты, скорее всего, так, довольно отвлеченно, выражается народный идеал каллокагатии. Есть ли здесь традиционное соединение красоты и роскоши? На первый взгляд, нет. Ведь в распоряжении художницы был предельно ограниченный набор материалов.

И все-таки у композиций есть обрамление в виде грубой имитации барочного орнамента; вручную, из желтых хлопчатобумажных ниток сделана бахрома и пушена по краю хоругвей; к верхним перекладам полотнищ прикреплены тяжелые кисти, взятые от каких-то знамен. Евангельские сюжеты воссозданы со всей иконографической точностью. При этом здесь очень ясно присутствует глубоко личностное начало в интерпретировании темы.

Рассмотренные образы, несмотря на разницу в их историческом и географическом происхождении, принадлежат к сфере народной иконы, несут в себе ту модель бытия, которая столетия назад укоренилась в этнокультурном сознании и до сих пор сохраняется в нем.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в церковных музеях на основе существующего иконного фонда планомерно ведется исследовательская работа, позволяющая ученым делать важные открытия в области иконописания, его техники, колористики и иконографии. Сами же церковные музеи открыты для взаимодействия и сотрудничества с другими учреждениями культуры – государственными, музейными, частными. Они становятся выставочными площадками для других музеев, коллекции которых ранее не демонстрировались в определенном регионе, нередко в них проводятся и мероприятия, имеющие отношение к духовной и культурной жизни или к памятным датам истории России.

Литература

1. Алексеева Л. С. Деятельность епархиального Музея истории православия на земле Кузнецкой в сфере духовно-нравственного воспитания // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 62–65.
2. Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. – М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1993. – С. 347.
3. См. там же. – С. 315.
4. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. – Киев, 1991. – С. 70.
5. Василик В. В. Происхождение канона. (Богословие, история, поэтика). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 20.
6. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. – Минск: Изд-во Белорус. экзархата, 2006. – С. 27.
7. Велижанина Н. Г. О своеобразии иконописи Западной Сибири // Сибирская икона. – Омск, 1999.
8. Велижанина Н. Г. К истории иконописания в Западной Сибири // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 125–141.
9. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. – СПб., 1994. – С. 107.
10. Евтихьева И. А. Чудотворные иконы Томской епархии // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее. – Томск: Изд-во НТЛ, 1998. – С. 117–141.
11. Железникова Н. П. Православные традиции в региональном художественном наследии: дис. канд. искусствоведения: 17.00.04 / [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2004.
12. Замолоцких Г. Д. Первые иконы в Музее истории православия на Алтае [Электронный ресурс] // Вестн. Алт. гос. пед. акад. – 2007. – № 7–2. – С. 136–138. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18917216>
13. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М.: Наука, 1973. – С. 16.
14. Масси С. Земля Жар-птицы. Краса былой России. – СПб., 2000. – С. 74.
15. Мануйлова И. А. Истоки формирования и основные особенности сибирской иконы // Традиции и современность: сб. ст. Тюмен. музея изобраз. искусств. – Тюмень, 1998. – С. 64–66.
16. Мурзин Е. Традиция и новаторство // Храмосоздатель. – 2012. – № 1. – С. 20.
17. Народные иконы Новосибирской области в Новосибирской картинной галерее // Музей. – 1983. – № 4. – С. 87–92.
18. Невьянская икона. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 248 с.
19. Положение о Музее истории православия на земле Кузнецкой: утв. Епархиальным архиереем Православной религиозной организации Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской православной церкви Аристархом, епископом Кемеровским и Новокузнецким 02.12.2010.
20. Полякова Е. А. Социокультурные функции церковных музеев: история и современность (на примере Церковно-археологического кабинета Томской духовной семинарии) [Электронный ресурс] // Вестн. алт. науки. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18157316>

21. Прохорова Т. В. Сибирская икона XVI–XIX веков: становление и развитие иконографической традиции: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2012.
22. Пунин Н. Н. К проблеме византийского искусства // Аполлон. – 1913. – № 3. – С. 20–21.
23. Ройzman Е. В. Народная икона [Электронный ресурс]. – URL: <http://roizman.livejournal.com/1195536.html>
24. Савкина Е. Народная икона [Электронный ресурс] // Мир православия, 2004. – № 4 (73). – URL: <http://www.baltwillinfo.com/mp4-04/mp-5.htm>
25. Томская православная духовная семинария [Электронный ресурс]: сайт. – URL: http://tompds.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4&Itemid=3
26. Сибирская икона=Siberian Icon / редкол.: В. И. Байдин и др. – Омск: Иртыш–92, 1999. – 272 с.
27. Церковно-археологический кабинет при Московской духовной академии. Московская православная духовная академия [Электронный ресурс]: сайт. – URL: <http://www.mpda.ru/cak/info>

References

1. Alekseeva L. S. Dejatel'nost' eparhial'nogo Muzeja istorii pravoslavija na zemle Kuzneckoj v sfere duhovno-nravstvennogo vospitanija // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 20. – С. 62–65.
2. Bulgakov S. V. Nastol'naja kniga dlja svjashchenno-cerkovno-sluzhitelej. – М.: Izdat. otd. Moskov. patriarhata, 1993. – С. 347.
3. См. там же. – С. 315.
4. Bychkov V. V. Malaja istorija vizantijskoj estetiki. – Kiev, 1991. – С. 70.
5. Vasilik V. V. Proishozhdenie kanona. (Bogoslovie, istorija, poetika). – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006. – С. 20.
6. Vasilij Velikij. Besedy na Shestodnev. – Minsk: Izd-vo Belorus. ekzarhata, 2006. – С. 27.
7. Velizhanina N. G. O svoeobrazii ikonopisi Zapadnoj Sibiri // Sibirskaja ikona. – Омск, 1999.
8. Velizhanina N. G. K istorii ikonopisanija v Zapadnoj Sibiri // Tradicionnye obrjady i iskusstvo russkogo i korennyh narodov Sibiri. – Novosibirsk: Nauka, 1987. – С. 125–141.
9. Dionisij Areopagit. O bozhestvennyh imenah. O misticheskom bogoslovii. SPb., 1994. – С. 107.
10. Evtihieva I. A. Chudotvornye ikony Tomskoj eparhii // Pravoslavie i Rossija: proshloe, nastojashchee, budushchee. – Tomsk: Izd-vo NTL, 1998. – С. 117–141.
11. Zheleznikova N. P. Pravoslavnye tradicii v regional'nom hudozhestvennom nasledii: dis. kand. iskusstvovedenija: 17.00.04 / [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2004.
12. Zamolokih G. D. Pervye ikony v Muzee istorii pravoslavija na Altae [Elektronnyj resurs] // Vestn. Alt. gos. ped. akad. – 2007. – № 7–2. – С. 136–138. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18917216>
13. Lotman Ju. M. Kanonicheskoe iskusstvo kak informacionnyj paradox // Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki. – М.: Nauka, 1973. – С. 16.
14. Massi S. Zemlja Zhar-pticy. Krasa byloj Rossii. – SPb., 2000. – С. 74.
15. Manujlova I. A. Istoki formirovanija i osnovnye osobennosti sibirskoj ikony // Tradicii i sovremennost': sb. st. Tjumen. muzeja izobraz. iskusstv. – Tjumen', 1998. – С. 64–66.
16. Murzin E. Tradicija i novatorstvo // Hramozdatel'. – 2012. – № 1. – С. 20.
17. Narodnye ikony Novosibirskoj oblasti v Novosibirskoj kartinnoj galeree // Muzej. – 1983. – № 4. – С. 87–92.
18. Nev'janskaja ikona. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1997. – 248 s.
19. Polozhenie o Muzee istorii pravoslavija na zemle Kuzneckoj: utv. Eparhial'nym arhierieem Pravoslavnoj religioznoj organizacii Kemerovskoj i Novokuzneckoj eparhii Russkoj pravoslavnoj cerkvi Aristarhom, episkopom Kemerovskim i Novokuzneckim 02.12.2010.
20. Poljakova E. A. Sociokul'turnye funkcii cerkovnyh muzejev: istorija i sovremennost' (na primere Cerkovno-arheologicheskogo kabineta Tomskoj duhovnoj seminarii) [Elektronnyj resurs] // Vestn. alt. nauki. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18157316>
21. Prohorova T. V. Sibirskaja ikona XVI–XIX veka: stanovlenie i razvitie ikonograficeskoj tradicii: dis. ... kand. iskusstvovedenija: 17.00.04 / [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул, 2012.
22. Punin N. N. K probleme vizantijskogo iskusstva // Apollon. – 1913. – № 3. – С. 20–21.
23. Rojzman E. V. Narodnaja ikona [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://roizman.livejournal.com/1195536.html>
24. Savgina E. Narodnaja ikona [Elektronnyj resurs] // Mir pravoslavija. – 2004. – № 4 (73). – URL: <http://www.baltwillinfo.com/mp4-04/mp-5.htm>
25. Tomskaja pravoslavnaja duhovnaja seminariia [Elektronnyj resurs]: sajt. – URL: http://tompds.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4&Itemid=3
26. Sibirskaja ikona=Siberian Icon / редкол.: V. I. Bajdin i dr. – Омск: Иртыш–92, 1999. – 272 с.
27. Cerkovno-arheologicheskij kabinet pri Moskovskoj duhovnoj akademii // Moskovskaja pravoslavnaja duhovnaja akademii [Elektronnyj resurs]: sajt. – URL: <http://www.mpda.ru/cak/info>

УДК 008:316

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ И МУЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ЖИЗНЕННЫХ СИЛ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Марченко Ю. Г., доктор культурологии, профессор кафедры дизайна, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, академик Петровской академии наук и искусств, заслуженный работник высшей школы России (г. Новосибирск). E-mail: Teneshev@yandex.ru

В статье рассматривается народная музыка и песня как источник жизненных сил человека, общества и самой национальной культуры. Эти источники обеспечивают и экологичность, устойчивость культуры и, как следствие, качество жизни.

Ключевые слова: народная песня и музыка, жизненные силы, экология культуры, баян, гармонь, социологические исследования.

FOLK SONGS AND MUSIC AS A VITALITY SOURCE FOR MAN, SOCIETY AND QUALITY OF LIFE INDICATORS

Marchenko Yu. G., Doctor of Culturology, Professor of Chair of Design, Novosibirsk State Architectural Art Academy, Academician of Petrovsky Academy of Arts and Sciences, Honorary Worker of Higher Education of Russia (Novosibirsk). E-mail: Teneshev@yandex.ru

The article argued on position of the unilateral development of ecological thought in social science and humanities. Attention of researchers is focused almost entirely on the natural eco-issues and only the initial state remains in eco-cultural, cultural and ecological theme. Human Ecology with a few fragmentary appeals are limited to biological problems, but not rising to the spiritual, moral and spiritual foundations of human nature. Hence the inevitable consequence is not harmless, in non-ecological culture a man plays as a subject of culture that closes the circle. Ecology of culture as a new research direction was announced only in the last third of the 20th century (D. S. Likhachev, 1979), but yet the active and continuous movement in this direction. There are only initiatives, such as supporting attention to promising areas of knowledge, but not as a precedent, indicating serious progress in this direction (L. G. Borisov, D. V. Brewers, G. Marchenko, S. Grigoriev and others) [4; 7, p. 36; 13; 16].

Culture cannot be eco-friendly without a constant supply of vitality, powerful vehicle that has always been and remains popular musical, singing and dance creativity. Entertaining mass culture, liberal market conditions supersede ideological co-natural eternal art treasures from the private and public life, so curtailed, weakening one of the most important factors in quality of life. The very same culture is an absolute integrated source of vitality for the individual and society, and “kulturvitalizm” signifies a new approach to defining the role of culture in human existence.

What is preserved in the Russian society potential folk-song culture? To answer this question, the author and his closest colleagues S. I. Grigoriev and N. A. Primerov in this case of studies have undertaken the nationwide poll of public attitude to Russian folk music, accordion and harmonica (2008–2013). The situation in the field of culture is dramatic. Once most people’s favorite musical instruments, bayan and accordion, become a rarity at home and in general and professional music education. Amateurs increasingly replaced by purely professional. However, people’s interest in folk song, accordion and harmonica is still high. They marked and opposed to denationalizing processes. And it is currently not yet completely missed opportunities are overdue correction of cultural policy in order to revive folk music singing culture, performing the Russian folk instruments will give the greatest effect.

Keywords: folk song and music, vitality of man, ecology of culture, bayan, harmonica, sociological research.

Культура не может быть экологичной без постоянного притока жизненных сил, мощным носителем которых всегда было и остается народное музыкально-певческое и танцевально-плясовое творчество. Развлекательная массовая культура, либерально-рыночная идеологическая конъюнктура вытесняют извечные соприродные художественные ценности из частного и общественного быта, поэтому свертывается, слабеет один из важнейших факторов качества жизни. Сама же культура есть безусловный интегрированный источник жизненных сил для человека и общества, а «культурвитализм» обозначает новый подход к определению роли культуры в человеческом существовании.

Каков же сохранившийся в российском обществе потенциал народно-песенной культуры? Для ответа на этот вопрос автор статьи и его ближайшие коллеги С. И. Григорьев и Н. А. Примеров предприняли всероссийские социологические исследования отношения населения России к народному музыкальному творчеству, баяну и гармонии (2008–2013). Ситуация в этой области культуры драматическая. Некогда самые любимые в народе музыкальные инструменты – баян, гармонь – становятся редкостью, и в быту, и в общем и профессиональном музыкальном образовании. Самодетельное исполнительство все больше замещается чисто профессиональным. Однако интерес населения к народной песне, баяну и гармонии еще высок. Заметно и противостояние денационализирующим процессам. И именно в настоящий момент пока еще не упущенных полностью возможностей назревшая коррекция культурно-политического курса с целью возрождения народной музыкально-певческой культуры, исполнительства на русских народных инструментах даст наибольший эффект.

Заявленная тема является по своей сущности эколого-культурной. Эколого-культурная проблематика до сих пор остается на периферии социального и гуманитарного знания. Сама культура как общественное явление еще не отстояла своего приоритета и пока находится в положении «надстройки». Экология культуры как живого организма для многих и образованных людей сегодня – непонятная вещь. Эколого-природная активность современного российского общества сосредоточилась на гигиенических операциях:

на контроле квот ядовитых сбросов и выбросов, на восстановлении разрушенных природных систем и некоторых других делах, что, безусловно, очень важно, у этого направления есть своя теория и практика. Эколого-культурная же активность носит пока лишь книжный характер, здесь нет личностной и общественной практики, и поле культуры не «врачуется» от стихийных и сознательных повреждений, несоположенных с ее природой привнесений.

Именно неэкологичность нашей культуры, беззащитность перед целенаправленными или стихийными разрушениями, отсутствие работы по ее «очищению», восстановлению и охране – той работы, которая как-то ведется в природной среде, – и лежит в основе многих наших социальных расстройств и затянувшейся более чем на два десятилетия «смуты». Уровень нашего духовного и душевного, а как следствие, и телесного здоровья – крайне низкий, и продолжает понижаться. Нет все сосредоточивающих жизнестроительных идей, нет таких и настроений. В поэтической форме отражение сути нашей трагедии мы находим у Ф. И. Тютчева:

Не плоть, а дух растлился в наши дни.

И человек отчаянно тоскует....

Забывты-заброшены нами и такие подлинные источники жизненных сил как народная песня, музыка, исконный танец, пляска. Общественная жизненная среда, ее звуковая сфера захвачена авангардным «пением», распущенными ритмами и интонациями. Музыкальная экология, можно сказать, напрочь отсутствует в общественном и личном пространстве российского человека. Нет и элементарной гигиены и санитарии звуковой сферы жизненной среды.

О музыке много сказано поэтического и вдохновенного замечательными людьми всех народов и времен. На исходе XX столетия, как никогда в прошлом, заговорили о музыке ученые – психологи, педагоги, биологи, криминологи, священники, врачи и... военные. И это неизбежно. С вакханалией «современной музыки», представленной роком, «попсой», рэпом и другими формами, звуковая сфера жизненной среды обвалю деградировала, наполнилась чуждыми национальному слуху агрессивными «мелодиями», гармониями, ритмами, темпами, громкостью. Во многом именно по этой причине набирают силу и тревожащие нас социальные следствия.

Рок-музыка вызывает у детей и молодежи зависимость по типу наркотической, и она вполне обоснованно может быть обозначена как невещественный психофизиологический наркотик. Научных исследований на этот счет уже довольно много [3; 8; 11; 12; 14; 15; 17; 18]. Однако в силу бесконтрольности процессов рекреации, развлечения массовый человек в современной России, можно сказать, вдавнен, впрессован в мутную звуковую стихию и не осознает ее деструктивного влияния. Эта «музыка» звучит по сетевому радио и ТВ, в общественном и личном транспорте, в магазинах, на больших и малых празднествах, в сотовых телефонах и... проще сказать, где она пока еще не звучит – в операционных палатах, на кладбищах, в читальных залах библиотек и, может быть, где-то еще. Но мало сказать, что «звучит» – она вытесняет из жизненной среды соприродную, национальную музыку. И получается, что вместо подпитки, притока жизненных сил из среды обитания, человек в инородном, деструктивном «звуковом заключении» дополнительно тратит массу внутренней энергии на адаптацию к извращенным условиям информационно-звукового существования.

Но музыка может выступать и как созидающее средство. Соприродная человеку, народу музыка духоподъемна, благодатна, жизнезащитна. Народная песня и музыка – мощный источник духовных и телесных сил. Песня с незапамятных времен была глубоко вкоренена во все сферы труда и быта русского народа. Это обстоятельство обусловило исключительно богатое жанровое разнообразие в певческой культуре. Песня снимала трудовое напряжение, усталость, врачевала душевное смятение и печаль, тем самым укрепляла и телесное здоровье. Например, прядение, перебирание зерен – труд монотонный и утомительный, облегчался пением обычно тяжелых песен.

О жизнедеятельной роли песни очень выразительно сказано у современного русского поэта Константина Скворцова («Матушка пела»): «Больше она ничего не имела, / Только свой голос, чистый, родной. / Не было хлеба, матушка пела, / И оттого я остался живой». Художественный руководитель и главный дирижер выдающегося государственного русского оркестра «Боян» сообщал автору данной статьи о том, как японцы научным путем пытались доказать жизнедеятель-

ную силу русской народной песни. И то, как в период гастролей «Бояна» по Японии его репертуар записывался в специальных студиях музыкально-терапевтических учреждений. В первую очередь записывались песни-премьеры. Повторные исполнения, тиражирование, стало быть, понижают «энергетический потенциал» песни или музыкальной пьесы.

Согласно специальным экспериментальным данным одна музыка дает жизненные силы и порождает созидательные эмоции, другая – отнимает их и порождает разрушительные эмоции. Обратимся к трудам профессора В. П. Морозова – главного научного сотрудника Института психологии РАН, руководителя Отдела научно-экспериментальных исследований музыкального искусства Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, а также создателя и руководителя Центра «Искусство и наука», организатора (с 1997 года) круглых столов «Музыка-психика-здоровье». В. П. Морозов и его коллеги Ю. М. Кузнецов и А. В. Харуто обследовали солистов академического жанра (Ф. И. Шаляпин, И. С. Козловский, С. Я. Лемешев, Дж. Лаури-Вольпи и др.), а также солистов различных групп тяжелого рока («Metallica», «AC-DC», «Gorguts» и др.), различных поп-ансамблей (М. Джексон, «ДДТ» и др.). Аудиторией в основном были психологи и музыковеды. В их задачу входило прослушивание исполнения вокалистов и определение по 10-бальной шкале характера и степени эмоциональной выразительности. Наиболее высокие показатели благополучия, радости, пришлось на первую (академическую) группу исполнителей. Показатели страха, злости, агрессивности были здесь наименьшими. Солисты же поп-ансамблей и особенно тяжелого рока вызывали наибольший накал отрицательных, разрушительных эмоций и наименьшие – созидательных [15]. Не будем преувеличивать степень научной проработки этой темы, пока это только начальные подступы к большой и многогранной научной теме, имеющей, на наш взгляд, глубокую перспективу и значение одного из важнейших ресурсов роста общественного самосознания.

Но автор все же полагает, что музыка – выразительный и безошибочный тест на истинное положение дел в стране, на качество управления и жизни населения. Это вернейшее «зеркало», в котором можно увидеть угрозы нации и госу-

дарству. Уже в древности мудрые люди (Платон, Конфуций и множество других) замечали, что музыка благополучного времени светлая, жизнеутверждающая, радостная и более спокойная. Злополучному времени соответствует мрачная, агрессивная музыка, музыкальное неистовство, музыка гибели.

Музыка мобилизована теперь, и в качестве оружия массового поражения включена в арсеналы боевых средств армий мира [1; 10]. Роковая, погребальная музыка эффективно применялась американцами в военных операциях во Вьетнаме, в Ираке и других местах. Свою меру в разрушении СССР имела и «современная музыка», «попса», «интернет-болтовня», о чем откровенно высказался один из крупных идеологов американского господства над миром и противник возрождения России З. Бжезинский в своей «Великой шахматной доске...» [2]. Массовое сознание сегодня приучено к тому, чтобы музыкой считать все, что покрывается этим древним понятием, и что это все однозначно хорошо.

С 1985 года в России началась напористая и жесткая звуковая проработка жизненной среды. Тогда были сняты все ограничения для «ценностей» антикультуры. Из сетевого радиорепродуктора полилось «искусство», сориентированное на инстинкты – то, что в любом здоровом обществе было вытеснено в психологическое подполье и удерживалось там конструктивным воспитанием и образованием, жизнеутверждающей государственной культурной политикой. «Перестройка» отменила препятствия для низменного и безобразного, чем довольно скоро заполнилась жизненная среда. Заверения главного идеолога страны о том, что грубые вещи, например, «хэви-метал», «панк-рок» в эфир допущены не будут, не осуществлялись. К чему это реально приводит? Теперь, когда мы узнаем из СМИ об очередном подростковом суициде, мы утешаем себя, что следственный комитет разберется, найдет причины их гибели, а значит, будет возможно не допустить повторение трагедии. Но какой следственный комитет в подобных случаях укажет на агрессивную, расчеловечивающую дискотеку, на тайные воздействия на подсознание молодых людей? Ведь «современная музыка» (музыкальный масскульт) создается по образцу промышленного производства. В ней нет национальных корней, она беспочвенна, несоприродна нацио-

нальному мышлению и переживанию. По этому поводу ответственные, совестливые и мужественные ученые уж не раз били тревогу, но деятельной реакции соответствующих лиц и институтов не последовало. Мы лишь постепенно и с большим трудом изменяем свои представления о благосостоянии, уровне жизни как лишь материальном достатке. По-прежнему в нашей «потребительской корзине» нет и минимума народных, национальных песенных и музыкальных «продуктов», а, следовательно, мы продолжаем упражняться в выживании как существа только телесные, «однова живущие».

В настоящее время интенсивно развивается новое научное направление социального и гуманитарного знания – культурвитализм, виталистская социология, сознательно акцентирующие жизнесохраняющие, жизнезащитные функции народного искусства и творчества. Первый этап формирования теории жизненных сил человека, общества и самой культуры, можно сказать, пройден. Начало этому положила алтайская школа виталистской социологии во главе с ее исключительно деятельным пионером и организатором, профессором Святославом Ивановичем Григорьевым. С середины 1990-х годов вышел в свет целый ряд научных трудов, адресованных российскому обществу XXI века [5; 6; 9; 19]. Обозначился и рубеж между сторонниками опасной для будущего страны эконоцентричной модели общественного развития и перспективной культуроцентричной моделью, с большим напряжением и препятствиями утверждающейся в социогуманитарном знании. Культуроцентричность образования и воспитания, государственного строительства и социального развития, приоритет культурологической экспертизы всех государственных и общественных проектов и программ – дело стратегически важное. И суть этого великого дела органически исходит из духа великой русской культуры, из ее миромыслия и мирочувствия.

Жизнедеятельным основанием русской и любой другой национальной культуры всегда являлась и является культура корневая, «неученая», она исторически самодельна по своей природе и питает культуру «ученую», профессиональную. Но народная музыка и песня – корни и соки русской национальной культуры – сегодня в угрожаемом и неустойчивом положении.

Для выяснения остаточной мощи народного музыкально-песенного потенциала по инициативе автора этих строк, при самой энергичной поддержке названного ученого-социолога, профессора С. И. Григорьева и знаменитого народного музыканта и музыкально-общественного деятеля Н. А. Примерова в мае 2008 года начались никогда в истории нашей культуры не проводившиеся всероссийские социологические исследования. Их тема – «Современная Россия: отношение населения к народному музыкальному творчеству с применением баяна и гармони». К началу 2014 года эти исследования в основном завершились. Наступила полоса обобщающей аналитической работы. Изданы в Москве двенадцать монографий, содержащих обширный материал по оценке населением и экспертами состояния и динамики народного музыкального творчества. И сегодня уже можно судить, хотя пока не во всем окончательно, о реальном остаточном потенциале народной музыкально-песенной культуры, сохраняющемся интересе населения к некогда самым любимым в народе инструментам – баяну и гармонии.

Гармонисты на селе ныне становятся редкостью. Участники уникального явления в культурной жизни России – общественного Международного Маланинского конкурса-фестиваля (проводится в г. Новосибирске в течение последних 25 лет) сообщают, что сегодня в большом российском селе один, обычно пожилой, гармонист, и уже встречаются случаи, когда на 2–3 села нет и одного. Не бродят девушки с любимым гармонистом по деревенским улицам до полуночи, не звенят их голоса, умолкли страдания под лирические вздохи гармони... Гармонь ушла в город, но и здесь, и там – из быта на сцену. Народ разделился на «артистов», и «зрителей», на творцов и потребителей. Гармонисты и баянисты все больше становятся живыми памятниками, экспонатами «музея» *народной* музыкальной культуры. Да и на сцене – этом «живом музее» – управленцы от культуры гармонистов мало привлекают, сужается или всегда под угрозой их творческое поле. Взамен дети и молодежь черпают «музыку» из компьютеров и сотовых телефонов, на деструктивных во всех отношениях дисках. Один, но весьма показательный пример. В 1960–1970-е годы в крупных детских музыкальных школах областных и краевых центров

страны были многолюдные отделения народных инструментов. Только педагогов-баянистов в них было до десятка, случалось, и более. И работали многие из них тогда на 1,5 ставки. Детей принимали по конкурсу. Теперь же и в крупных ДМШ и ДШИ нередко и один педагог-баянист не может набрать себе учеников.

Так каким же видит потенциал народной музыкально-песенной культуры сам народ, участники массового и экспертного опросов? Как сегодня оценивается интерес населения к баяну и гармонии в России? Если взять две главные («оптимистические») позиции таблицы, отражающей интерес участников всероссийского массового опроса к народной музыке, баяну и гармонии, а именно позиции «регулярно и с большим интересом» и «достаточно часто», то увидим следующее. Минимум суммарного значения этих позиций пришелся из изученных регионов на Алтайский край – 28,0 % респондентов, максимум – на Кузбасс – 79,0 %. Если же учесть сумму всех степеней интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии (плюс «от случая к случаю», «довольно редко» и «очень редко»), то картина несколько изменится. Минимум интереса придется на Ханты-Мансийский автономный округ – Югру – 77,9 % респондентов, а максимум – на Краснодарский край – 99,2 % респондентов. Кубань остается народно-музыкальным лидером современной России. Будь по-прежнему в составе России Украина, то, несомненно, она в народно-музыкальном и песенном отношении поспорила бы с Кубанью за десятые доли процента. Теперь же Кубань – самая народно-музыкальная и песенная земля России. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре наименьший интерес к баяну и гармонии мало связан, если вообще связан, с национальным составом. Кстати, среди опрошенных в округе русских 70,2 % всего населения. Кроме русских там еще 9 национальностей. Дело в том, что здесь в основном «вахтовое», неоседлое население, и это о многом говорит.

И хотя интерес населения к своей музыкально-песенной культуре, с учетом всех его степеней, еще огромен, однако тенденция на его убывание-затухание очевидна, и в самом недалеком будущем, если оставить нынешний культурно-политический курс без принципиальной коррекции, это может привести к обвалу. И еще. Несмотря на очевидный интерес людей к народ-

ной музыке, баяну и гармонии, с его удовлетворением – большие проблемы. Целого пласта или единой системы народного музыкально-песенного искусства уже нет. Пока остаются, и в небольшом количестве, всякого рода творческие коллективы, объединения, клубы, общества. По условиям своего существования они напоминают (здесь больше подходит язык военного времени) отдельные «укрепрайоны», «брестские крепости», окруженные и теснимые антинациональной, антикультурной стихией. Стратегическая ценность этих народно-художественных «крепостей» огромна.

Такой вот «брестской крепостью» народной музыкальной культуры является и упомянутый выше и неповторимый ни в России, ни в мире Международный Маланинский конкурс-фестиваль, существующий уже четверть века в основном на скромные народные пожертвования. До полутора тысяч участников – от Парижа до Камчатки: от дошкольников до седовласых старцев; от редчайших самородков, «слухачей» до профессоров музыкальных вузов; от претендентов на самое первое в своей жизни звание до лауреатов международных и всероссийских конкурсов, народных и заслуженных артистов России. Конкурс-фестиваль всегда продолжается целую неделю. В его рамках проводятся научно-практические конференции, «круглые столы», мастер-классы. Концертные группы дают до 100 и более благотворительных концертов на предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях, в клубах, интернатах, воинских частях.

Теперь обратимся к динамике интереса населения к родной музыке, баяну и гармонии. Что на этот счет отметили участники массового опроса и эксперты? Остановим внимание на позиции «интерес масштабно растет». Минимальный рост зарегистрирован нами в Алтайском крае – респондентов 5,0 %, экспертов – 4,0 %, максимальный рост – в Кузбассе – респондентов 11,4 %, экспертов – 6,8 %. Эксперты, как видим, к оценке роста интереса населения к баяну и гармонии относятся значительно строже, менее оптимистично. Основная масса и респондентов, и экспертов утверждает, что интерес населения к народной музыке, баяну и гармонии «растет незначительно». Приведем и в этом случае крайние значения: минимальный такой показатель зарегистрирован опять же в Алтайском крае – респондентов 9,0 %, экспертов – 15,0 %, максимальный в Белгородской об-

ласти – респондентов 54,2 %, экспертов 46,8 %. Алтайские эксперты оказались значительно большими оптимистами, чем респонденты. Белгородские эксперты к оценке роста интереса подошли строже. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что максимальное значение роста интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии невелико (позиция «интерес масштабно растет»). А вот показатель по позиции «интерес масштабно падает» в большинстве исследованных регионов России вдвое – втрое больший (максимум падения на Ставрополье: респондентов 26,8 %, экспертов 22,2 %; минимум падения в Белгородской области: респондентов 3,0 %, экспертов 4,8).

Проведем простую счетную операцию. Сложим величины масштабного и незначительного роста интереса, тоже сделаем и с величинами незначительного и масштабного падения, а показатель позиции «интерес сохраняется на прежнем уровне» поровну поделим между позициями всякого роста и всякого падения, и мы увидим следующее. Максимальное значение роста интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии приходится на Белгородскую область – респондентов 76,3 %, экспертов 84,4 % (!). Минимальное значение роста интереса зарегистрировано в Алтайском крае – респондентов 23,5 %, экспертов 27,0 %. Теперь о падении интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии. Максимум падения приходится на Кузбасс (Кемеровскую область) – респондентов 56,7 %, экспертов 60,2 %; минимальные значения падения интереса зарегистрированы в Белгородской области – респондентов 16,7 %, экспертов 13,1 %.

По регионам России наблюдается неровная картина: в одних регионах рост интереса населения к народной музыке, баяну и гармонии несколько превышает меру его падения, в других наблюдается незначительный перевес падения. В целом положение напоминает «перетягивание каната». И хотя есть еще в русском народе (а у других коренных российских народов и того более) довольно серьезный интерес к родной музыке, песне, баяну и гармонии, велики риски обвала интереса, если еще сколько-нибудь долго сохранится государственный денационализирующий культурно-политический курс. Что же касается современных детей, захваченных компьютерными играми и дис-

котечной стихией, то и они еще не потеряны для будущего страны. Так, в 2011 году в целом ряде школ и других учебных заведениях г. Новосибирска были проведены оригинальные социологические исследования. В школу приходит Н. А. Примеров со своими учениками-гармонистами, они рассказывают о гармонии, прекрасным образом демонстрируют инструмент в деле, просят школьников заполнить анкеты. И что в итоге? Школьни-

ки с восторгом слушали выступления своих сверстников, а более 70 % из них высказали желание научиться играть на гармонии. Как легко еще оживает в детях музыкально-генетическая память, и в этом наша надежда! Правда, сегодня далеко не во все школы могут быть допущены примеровские гармонисты, но это уже вопросы общей культурной политики в стране и необходимости ее благотворной коррекции.

Литература

1. Артамошкина Л. В. Информационно-психологическое обеспечение действий вооруженных сил в локальных войнах и конфликтах // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям. – М.: Генерал. штаб Вооруж. сил РФ, 2001. – Вып. 1 (130). – С. 74–88 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы – М.: Междунар. отношения, 1999. – 254 с.
3. Боголюбов Н. Музыка преисподней (шаманизм, наркотики и рок-музыка) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rus-sky.Org/history/library/bogolubv/bogolubv2.Html>.
4. Борисова Л. Г. Экология культуры как научная дисциплина // Научная деятельность в системе современной культуры. – Новосибирск, 1987. – С. 178–204.
5. Григорьев С. И., Демина Л. Д., Растов Ю. Е. Жизненные силы человека. – Барнаул: АлтГУ, 1996. – 247 с.
6. Григорьев С. И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего: избр. ст. по неklas. социологии. – Барнаул: Изд-во АРНЦ СО РАН, 2001. – 229 с.
7. Григорьев С. И., Марченко Ю. Г. Экология культуры ноосферной цивилизации: основы сохранения развития жизненных сил человека и общества в России начала XXI века. – М.; Новосибирск: Русаки, 2009. – 260 с.
8. Дунаев М. Роковая музыка // Наш современник. – 1988. – № 1. – С. 157–168; № 2. – С. 163–172.
9. Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века / под ред. С. И. Григорьева. – М.: Магистр-пресс, 2003. – 380 с.
10. Макаренко В. А. Музыка как средство психологического воздействия // Информационный сборник по зарубежным странам и армиям. – М.: Генеральный штаб Вооруженных сил РФ, 2001. – Вып. 1 (130). – С. 60–73.
11. Маркова Н. Е. Культуринтервенция. – М.: Квадрат-С, 2001. – 90 с.
12. Марченко Ю. Г. Культ света. – Новосибирск: Новосибир. книж. изд-во, 1990. – 216 с.
13. Марченко Ю. Г. Экология культуры: история, состояние перспективные пути развития // Философия образования. – 2004. – № 4. – С. 82–96.
14. Марченко Ю. Г. Русская культура в XX веке: трансформация системообразующих оснований (процессы 1920 и 1990-х годов исторические аналоги и особенности). – Новосибирск: СГГА, 2006. – 447 с.
15. Морозов В. П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники / ИП РАН, МГК им. П. И. Чайковского, Центр «Искусство и наука». – М., 2002. – 496 с.
16. Пивоваров Д. В. Религиозная сущность культуры. Взаимодополнение научного и религиозного познания // Бытие культуры: сакральное и светское. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. – 142 с.
17. Режимбаль Ж.-П. Рок-н-ролл или наплыв музыкального неистовства // Литературная Россия. – 1989. – № 18 (1370). – С. 16–17.
18. Чиркин А. Подростки, семья и рок-музыка // Наш современник. – 1988. – № 10. – С. 141–149.
19. Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции (становление виталистской социологической парадигмы) / под ред.: С. И. Григорьева, Л. Д. Деминой. – М.: Магистр-пресс, 2000. – 242 с.

References

1. Artamoshkina L. V. Informacionno-psihologicheskoe obespechenie dejstvij vooruzhjonnyh sil v lokal'nyh vojnah i konfliktah // Informacionnyj sbornik po zarubezhnym stranam i armijam. – М.: General. shtab Vooruzh. sil RF, 2001. – Вып. 1 (130). – S. 74–88.
2. Bzhezinskij Z. Velikaja shahmatnaja doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy. – М.: Mezhdunar. otoshenija, 1999. – 254 s.
3. Bogoljubov N. Muzyka preispodnej (shamanizm, narkotiki i rok-muzyka) [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.rus-sky.Org/history/library/bogolubv/bogolubv2.Html>

4. Borisova L. G. Ekologija kul'tury kak nauchnaja disciplina // Nauchnaja dejatel'nost' v sisteme sovremennoj kul'tury. – Novosibirsk, 1987. – S. 178–204.
5. Grigor'ev S. I., Djomina L. D., Rastov Ju. E. Zhiznennye sily cheloveka. – Barnaul: AltGU, 1996. – 247 s.
6. Grigor'ev S. I. Vitalistskaja sociologija: paradigma nastojashchego i budushchego: izbr. st. po neklas. sociologii. – Barnaul: Izd-vo ARNC SO RAN, 2001. – 229 s.
7. Grigor'ev S. I., Marchenko Ju. G. Ekologija kul'tury noosfernoj civilizacii: osnovy sohraneniya razvitija zhiznennyh sil cheloveka i obshchestva v Rossii nachala XXI veka. – M.; Novosibirsk: Rusaki, 2009. – 260 s.
8. Dunaev M. Rokovaja muzyka // Nash sovremennik. – 1988. – № 1. – S. 157–168; № 2. – S. 163–172.
9. Zhiznennye sily russkoj kul'tury: puti vozrozhdenija v Rossii nachala XXI veka / pod red. S. I. Grigor'eva – M.: Magistr-press, 2003. – 380 s.
10. Makarenkova V. A. Muzyka kak sredstvo psihologicheskogo vozdejstvija // Informacionnyj sbornik po zarubezhnym stranam i armijam. – M.: General. shtab Vooruzh. sil RF, 2001. – Vyp. 1 (130). – S. 60–73.
11. Markova N. E. Kul'turintervencija. – M.: Kvadrat-S, 2001. – 90 s.
12. Marchenko Ju. G. Kul't sveta. – Novosibirsk: Novosibir. kniz. izd-vo, 1990. – 216 s.
13. Marchenko Ju. G. Ekologija kul'tury: istorija, sostojanie perspektivnye puti razvitija // Filosofija obrazovanija. – 2004. – № 4. – S. 82–96.
14. Marchenko Ju. G. Russkaja kul'tura v XX veke: transformacija sistemoobrazujushchih osnovanij (processy 1920-h i 1990-h godov istoricheskie analogi i osobennosti). – Novosibirsk: SGGa, 2006. – 447 s.
15. Morozov V. P. Iskusstvo rezonansnogo penija. Osnovy rezonansnoj teorii i tehniki / IP RAN, MGK im. P. I. Chajkovskogo, Centr "Iskusstvo i nauka". – M., 2002. – 496 s.
16. Pivovarov D. V. Religioznaja sushchnost' kul'tury. Vzaimodopolnenie nauchnogo i religioznogo poznanija // Bytie kul'tury: sakral'noe i svetskoe. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1994. – 142 s.
17. Rezhimbal' Zh.-P. Rok-n-roll ili naplyv muzykal'nogo neistovstva // Literaturnaja Rossija. – 1989. – № 18 (1370). – S. 16–17.
18. Chirkin A. Podrostki, sem'ja i rok-muzyka // Nash sovremennik. – 1988. – № 10. – S. 141–149.
19. Sovremennoe ponimanie zhiznennyh sil cheloveka: ot metafory k koncepcii (stanovlenie vitalistskoj sociologicheskoi paradigmy) / pod red.: S. I. Grigor'eva, L. D. Djominoj. – M.: Magistr-press, 2000. – 242 s.

УДК 398 (= 512.156)

ФУНКЦИИ МАЛЫХ ЖАНРОВ ДЕТСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА ТЫВИНЦЕВ

Кара-оол Ч. А., аспирантка кафедры этнологии и народной художественной культуры, Восточно-сибирская государственная академия культуры и искусств (г. Улан-Удэ). E-mail: Chinchi.Karaool@mail.ru

В статье рассматривается проблема изучения функциональной направленности малых жанров детского музыкального фольклора тывинцев, в котором отражаются моральные установки народа, его национальные черты.

Ключевые слова: функции, детский музыкальный фольклор, жанровые признаки, пестушки, потешки, заклички, дразнилки.

FUNCTIONS OF SMALL GENRES OF TUVINIAN CHILDREN'S MUSICAL FOLKLORE

Kara-ool C. A., Post-graduate Student of Chair of ethnology and folk art culture, East-Siberian State Academy of Culture and Arts (Ulan-Ude). E-mail: Chinchi.Karaool@mail.ru

The problem of studying the functional directivity of children's of musical folklore, that reflects moral precepts of the people, its national traits, in light of the revival of interest in ethnic and cultural heritage values,

is in demand in the modern humanities. This genre of folk art of the Tuvian population was determined by the child's age, his needs, compliance with mental and physical capacity, and was of great importance as performing the important functions on the upbringing and development of children, as closely linked to aspects such as music, art text, game, and features labor and economic activity.

It should be noted that the materials relating to the children's musical folklore of the Tuvian population, are fragmentary and unsystematic. So, some information is contained in a series of V. P. Deacon's articles "Childhood in Traditional Tuvan Culture and Telengits", in which there are references to the child's play, poteshki and pestushko [4, s. 165]. We also relied on the works of scientist, ethnomusicologist, folklorist A. N. Aksenov (studied the culture of Tuvan population in the 1940s), where are samples of traditional tunes of Tuvan lullabies recorded in Kyzyl with the votes of the writer S. Saryg-ool and dramatist V. Kok-ool. This works were used as their own field materials collected in districts of the Republic of Tuva.

In addition, we relied on the proposed by ethnopedagogic and ethnopsychologic researchers G. N. Volkov, K. B. Salchak, A. S. Schaaly and ethnographer Sund G. D, the following age periods that are existed in the traditional Tuvan culture of lullabies (kavaylyg uezi) infancy (uezi bowls), and childhood (bichii uezi) [3, s. 73; 8, s. 63].

Thus, the purpose of this article is the structurally semantic analysis of the small genre of Tuvan children's folk music. From the foregoing, we have the following tasks:

- to reveal the function of Tuvan children's folk music by genre features;
- reconstruct the small genres of children's folk music, use field of folklore-ethnographical materials of informants Uliana Sandy Khuurak and Sayan Kara-ool.

Keywords: functions, children's musical folklore, genre featured, pestushki, poteshki, zaklichki, teaser.

В традиционной культуре Тувы детский музыкальный фольклор имеет свою специфику, выраженную в его поэтике и формах бытования. Следует отметить, что материалов по данному виду народного творчества в научной литературе встречается крайне малое количество. Известны только две работы, посвященные колыбельным песням. Во-первых, это книга известного этномузыковеда и фольклориста А. Н. Аксенова (40-е годы XX века), в которой были представлены образцы традиционных напевов тувинских колыбельных песен, записанные им в городе Кызыле с голосов писателя С. Сарыг-оола и драматурга В. Кок-оола. Он пишет, что «при убаюкивании ребенка сначала поют колыбельную песню речитационно-мелодического стиля, а каждая мелодическая фраза песен... завершается тремолированием на большой секунде или на малой терции» [1, с. 15]. При этом А. Н. Аксенов указывает, что при укачивании ребенка исполнялись колыбельные песни очень простые и незамысловатые по содержанию и форме: «при убаюкивании детей на такие мелодии речитируется два слова: «*опей, опей*» – «баю-баю», «*удуй бер оглум*» – «усни, мой сын» [1, с. 15].

Во-вторых, статья В. П. Дьяконовой «Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов», которая обратила внимание на систему детских игр и забав и ввела в оборот такие потешки как «*бон-бон*» – «стой-стой», «*тен-тен*» – «надень-надень» [4, с. 165].

В данной статье перед нами стоят задачи: выявить функции детского музыкального фольклора тувинцев, основанные на связи музыки с художественным текстом, игрой, особенностями трудовой и хозяйственной деятельности, в которых отражаются моральные установки народа, его национальные черты, и реконструировать некоторые жанры детского музыкального фольклора, используя полевые фольклорно-этнографические материалы информантов Ульяны Сэнди-Хуурак и Саяны Кара-оол. Сегодня, в свете возрождения интереса к ценностям этнокультурного наследия, проблема изучения функциональной направленности детского музыкального фольклора тувинцев является актуальной.

В традиционном обществе детский музыкальный фольклор имел большое значение, поскольку выполнял важные функции по воспитанию и развитию детей. Он определялся, прежде

всего, возрастом ребенка, его потребностями, соответствием психических и физических возможностей.

Принято классифицировать детский музыкальный фольклор тывинцев по жанровым признакам: а) пестушки; б) потешки; в) заклички, дразнилки.

По народным воззрениям тывинцев, жизнь ребенка после рождения делится на следующие возрастные периоды:

1) колыбельный период (от рождения до 2 лет), который в свою очередь делится на *унгээр узети* (6–7 месяцев, когда ребенок начинает ползать), *кылаштаар узети* (от 1–2 лет, с момента, когда он начинает ходить);

2) период младенчества (*чаиш узети*) – от 1–2 до 3–4 лет;

3) период детства (*бичиш узети*), от 3–4 лет до 9–11 лет [3, с. 73; 8, с. 63].

Данный принцип объясняется тем, что, согласно представлениям тывинцев, ребенок меняется каждые три месяца, поэтому на каждый период ставятся новые, более сложные задачи в овладении им движениями тела и рук, речевыми навыками, эмоциональными проявлениями, познавательными реакциями на окружающий мир. В нашей статье мы рассматриваем только период младенчества и период детства.

С колыбельного периода и периода детства больше всего использовали пестушки, потешки, заклички и дразнилки, которые отличались друг от друга по своей воспитательной и педагогической направленности, в зависимости от возраста ребенка.

Пестушки («*когудуглер*») – это краткие ритмизованные или рифмованные музыкальные приговорки, которые сопровождали те или иные обыденные действия с детьми: кормление, утешение от плача. Детские пестушки включают игровое взаимодействие с ребенком, когда мама или сестра выполняет движения «за него», играя его ручками и ножками, когда маленький ребенок («*чаиш тол*») еще не может сам ходить, и что-то делать своими руками и ногами.

В поселке Баян-Коле Кызылского района эти движения могут, например, сопровождаться следующим текстом:

*Онаа, онаа, кайы уруум,
Онаа, онаа мое дите,
Онаа, онаа тара соктаар.
Толки ячень.*

Подобное можно встретить и у соседних народов. Например, М. П. Чочкина в своей работе пишет, что в алтайском детском фольклоре часто в тексты пестушек «*эргеледир состер*» включаются восклицательные слова, произносимые в такт подбрасывания ребенка [10, с. 123].

В период младенчества у ребенка еще не сформированы внимание и реакция на слова. Поэтому все жанры детского музыкального фольклора просты по форме и содержанию: несложная певучая рифма; неоднократно повторяющиеся звукосочетания и слова; восклицания и эмоциональные обращения и т. д. Но совокупность речитации, интонации, прикосновений и покачиваний невольно заставляла малыша прислушиваться, замирать на какое-то мгновение, всматриваться в лицо исполнителя, улыбаться. Таким образом, благодаря вербальному и тактильному общению с мамой у ребенка появляется первая эмоциональная и социальная реакция.

Потешки (*хогледури, ойнадыры*) – это особые игры-забавы взрослого человека с маленькими детьми, сопровождаемые мимикой и своеобразными движениями, приговорами, иногда короткими песенками. Маленький ребенок привыкает к этим текстам, воспринимает их как сигнал к какому-либо действию. Чочкина М. П. пишет, что в алтайском детском фольклоре приговоры просты и обыденны, но они помогают ребенку координировать движения: «Дети способны десятки и сотни раз повторять одни и те же действия, единственным смыслом которых является тренировка их психофизиологического аппарата» [10, с. 69].

Потешки широко используют в период, когда маленького ребенка, перед тем как он начинает ходить, обучают твердо стоять на ногах. Например, взрослый берет ребенка под мышки, ставит на ноги и приговаривает «*бон-бон*» (стой, стой) и отпускает. Так он играет до тех пор, пока ребенок не упадет. При этом ребенок становится веселым, жизнерадостным и громко смеется. Стоит родителям произнести слово «*бон-бон*» – он сразу же старается подняться на ноги:

боп - боп - боп - боп

При исполнении потешки «*бээр кел каай*» мать протягивала руки по направлению к ребенку и приговаривала: «*бээр кел каай* (иди ко мне), *бээр кел каай уруум* (иди ко мне дитя мое). Ребенок, уже усвоивший этот сигнал, живо реагирует и в ответ протягивает свои ручки [5].

Потешка «*теп-теп*» (надень, надень) посвящена моменту, когда ребенку надевают обувь. Тогда взрослые исполняют:

*Теп-теп тевенек,
Надень, надень тевенек,
Тебе саар идиктиг.
Свои верблужьы сапожки.
Хап-хап хаванак,
Надень, надень хаванак,
Кара саар идиктиг.
Свою юфтовую обувь.*

Исполнение песенки сопровождается ритмичными действиями в такт музыки. В результате у ребенка появляется инициатива к самостоятельным действиям.

Исполняя потешку «*арбай хоорар*» (жарить ячмень), взрослый берет ладонь малыша и указательным пальцем своей руки делает на ней круги, приговаривая:

теп - теп теп - теп

*Арбай тараан, хоор, хоор,
Жарь, жарь ячмень,
Арыг кылдыр сокта, сокта!
Чисто, чисто обработай!
Хоор тараан хоор, хоор,
Жарь, жарь просо,
Хоюг кылдыр сокта, сокта!
Мельче, мельче обработай! [4, с. 165].*

С одной стороны, эти простые движения взрослого, массирующего ладонь ребенка, стимулируют различные точки, связанные со всеми его органами, а с другой стороны, развивают память, речь, реакцию и пр.

Указанные жанры детского музыкального фольклора тывинцев способствуют не только психофизическому, интеллектуальному развитию ребенка, но и социализации, адаптации его в обществе. Через игру со взрослыми отрабатываются навыки общения, правила поведения и т. д.

К тывинскому детскому музыкальному фольклору относятся также произведения детской устной поэзии, цель которых – позабавить, повеселить, потешить себя и своих сверстников. К ним в первую очередь относятся **заклички** («*кыйгырыглар*»). Например, в ветреные, пасмурные и холодные дни дети исполняли заклички, обращаясь к дождю: «*изиг хун чор-чор, чаашкын чаг-чаг!*» (уходи-уходи солнышко, дождик лей!).

Находясь во дворе или на улице, дети радостно играли и хором пели, обращаясь к весеннему дождю (Кызылский района):

*Чаашкын, чаашкын, чаг, чаг!
Дождик, дождик, лей, лей!
Чаашкын, чаашкын, чаг, чаг!
Дождик, дождик, лей, лей!
Чаашкын, чаашкын, чаг, чаг!
Дождик, дождик, лей, лей!
Чараш чечек, унзун – унзун!
Цветочки вырастайте!*

Также обращались к солнцу:

- 1) *Хунээрэк хунеп кел,
Солнышко, выгляни,
Холеге чааштына бер!
Спрячься тенечек!*
- 2) *Изиг хун, кел, кел!
Приди, приди солнышко,
Соок хун чор-чор
А ты холод уходи-уходи! [5].*

Эту закличку дети исполняли, кружась вокруг себя, раскинув в стороны свои руки, глядя в небо. По сведениям Саяны Кара-оол, «после этих детских причитаний, как ни странно, небо

становилось ясным, и солнышко начинало светить, и ветер притихать» [5].

Как видим, данные заклички способствовали развитию у ребенка координации движения, дыхания, и, по нашему мнению, поскольку они носили сакральный характер, то в игровой форме дети учились обращению к силам природы и общению с ними.

Дразнилки (*электээри*) относятся к собственно детскому творчеству и составляют его сатирическую сторону. М. П. Чочкина в своей работе отмечает, что от взрослых к детям перешло обыкновение давать прозвище (*шола*). По содержанию тывинский термин «прозвище» (*шолалар*) близок к алтайскому «*чололор*». Данный жанр обычно бытует в небольшой стихотворной и рифмованной форме. Дразнилки высмеивают те качества, которые воспринимаются детьми как негативные. Объектом насмешек становятся физические недостатки, особенности внешнего облика или поведения. По сведениям Кара-оол Севильбаа (78 лет), в дразнилках дети высмеивают, подражают ябеду обидным сравнением с трусливым жуком (кортук *дооскара*), зайчонком (*койгун*) [6].

Например, когда дети ябедничают и жалуются:

*Хопчу, хопчу,
Ябеда, ябеда,
Хопчу, тооскара,
Ябеда, жук,
Хопчу, хопчу,
Ябеда, ябеда,
Кара хопчу, тооскара.
Ябеда черный жук.
Кортук, кортук,
Трусливый, трусливый,
Кортук, койгун
Трусливый, заяц! [6].*

У алтайцев данная тема звучит следующим образом:

*Копчы, копчы, коптанган,
Ябеда, ябеда, наябедничал,
Богоно сооги торс! эткен,
Маленькие косточки треснули, торс!*

*Богы-чычкагы адыла берген,
Из него выстрелила какашка,
Болчок журеки борс! эткен
Круглое сердечко разорвалось, борс!
[10, с. 96].*

О. В. Хухлаева отмечает, что в прозвище отражается то или иное негативное качество ребенка: жадность, обидчивость. Нам представляется, что прозвища не только позволяли нейтрализовать агрессию между детьми вербально, без драки, но и содействовали усилению «Я» ребенка, а иногда позволяли ему приобрести позитивные изменения [9, с. 164–165].

Нередко дразнилки содержат обидные указания на недостатки внешности ребенка или на плохое здоровье.

Например, дразнилки, связанные с внешностью ребенка:

- 1) *Бичии, бичии семис оол.*
Маленький, маленький жирный мальчик.
- 2) *Аскак аът ышкаш.*
Хромой, как лошадь.
- 3) *Кара кештиг, кара,
Чернокожий, черный,
Кара ыш дег.
Черный как дым.*
- 4) *Бопугур – бопугур чаактыг,
Толстощекий – толстощекий,
Бопугур – хаван.
Толстощекий – свинья.*
- 5) *Кок карак.*
Синяя глазка.
- 6) *Дазагар буттуг.*
Кривоногий [6].

В. П. Аникин отмечает, что «в быту взрослых от прозвищ пошли семейные фамилии» [2, с. 577]. Это относится и к тывинскому фольклору. Например, прозвища из дразнилок, перешедшие в фамилии:

- 1) *Тас, тас,*
Лысый, лысый,
Тас баитыг.
Лысая голова.

- 2) *Кара, кара,*
Черный, черный,
Кара, Кара-ашак.
Черный, черный старик.
- 3) *Кызыл-кызыл, Кызыл-оол,*
Красный-красный, Красный мальчик,
Кып-кып Кызыл-оол.
Красный-красный, Красный мальчик.
- 4) *Сарыг, сарыг уруг,*
Желтая, желтая девочка.
Ортен сарыг, сарыг хлеб.
Желтый жаренный, желтый хлеб [7].

Такие фамилии, как Тас-оол, Кара-оол, Кызыл-оол, Сарыг-оол, у тывинцев часто встречаются. Дразнилками могли стать и любые рифмованные прибавления к имени без всякой связи с реальной жизнью ребенка.

Подводя итог, следует отметить, что мы согласны с мнением В. П. Аникина, который, исследуя дразнилки, пишет об их двойственном

воздействии на ребенка. Само обыкновение дразнить осуждалось: «Дразнило – собачье рыло». Но, ученый полагал, что при всей негативности «обычай дразнить развивал чувство юмора и, что еще ценнее, открытость при выяснении отношений, прямого в осуждении недостойного поведения, неблагоприятных дел. У вошедшего в возраст человека эти черты могли стать и доброй частью общего душевного и психического склада» [2, с. 579].

Несмотря на обидные слова, дразнилки социализируют ребенка в обществе, учат терпению, выдержке, умению контролировать свои эмоции, адекватной реакции, развивают остроумие и способность к импровизации.

Таким образом, детский музыкальный фольклор тывинцев – потешки (*хогледери*), пестушки (*когудуглер*), заклички (*кыйгырыглар*), дразнилки (*электээшкин*) – в занимательной форме выполняет важную целевую установку: воспитывает детей, развивает их умственно и физически, способствует адаптации в обществе.

Литература

1. Аксенов А. Н. Тывинская народная музыка. – М., 1964. – 328 с.
2. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. – М.: Высш. шк., 2001. – 726 с.
3. Волков Г. Н., Салчак К. Б., Шаалы А. С. Этнопедагогика тывинского народа. – Кызыл, 2009. – 212 с.
4. Дьяконова В. П. Детство в традиционной культуре тывинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / отв. ред.: И. С. Кон, Ч. М. Таксами. – Л.: Наука, 1988. – С. 152–186.
5. ПМА. 2011–2012 годы (Кара-оол С. А. 1974 год. Кызылский район, пос. Баян-Кол).
6. ПМА. 2012 год (Кара-оол С. Б. 1934 год. Кызылский район, пос. Баян-Кол).
7. ПМА. 2012 год (Сенди-Хуурак У. А. 1957 год. Кызылский район, пос. Баян-Кол).
8. Сундуй Г. Д. Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. – Кызыл, 2009. – 168 с.
9. Хухлаева О. В. Этнопедагогика: социализация детей и подростков в традиционной культуре. – Новосибирск, 2008. – 248 с.
10. Чочкина М. П. Алтайский детский фольклор. – Горно-Алтайск, 2003. – 156 с.

References

1. Aksenov A. N. Tyvinskaya narodnaya muzyka. – M., 1964. – 328 s.
2. Anikin V. P. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. – M.: Vyssh. shk., 2001. – 726 s.
3. Volkov G. N., Salchak K. B., Shaaly A. S. Etnopedagogika tyvinskogo naroda. – Kyzyl, 2009. – 212 s.
4. D'yakonova V. P. Detstvo v traditsionnoy kul'ture tuvintsev i telengitov // Traditsionnoe vospitanie detey u narodov Sibiri / отв. red.: I. S. Kon, Ch. M. Taksami. – L.: Nauka, 1988. – S. 152–186.
5. PMA. 2011–2012 gody (Kara-ool S. A. 1974 god. Kyzylskiy rayon, pos. Bayan-Kol).
6. PMA. 2012 gody (Kara-ool S. B. 1934 god. Kyzylskiy rayon, pos. Bayan-Kol).
7. PMA. 2012 gody (Sendi-Khuurak U. A. 1957 god. Kyzylskiy rayon, pos. Bayan-Kol).
8. Sunduy G. D. Mir detstva kochevoy Azii: opyt dukhovno-nravstvennogo vospitaniya. – Kyzyl, 2009. – 168 s.
9. Khukhlaeva O. V. Etnopedagogika: sotsializatsiya detey i podrostkov v traditsionnoy kul'ture. – Novosibirsk, 2008. – 248 s.
10. Chochkina M. P. Altayskiy detskiy fol'klor. – Gorno-Altaysk, 2003. – 156 s.

УДК 336.018; 336.781-782; 241; 304.2

ДЕНЬГИ В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ¹

Асканова О. В., доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Финансы и кредит», Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. Н. Н. Ползунова (г. Рубцовск). E-mail: askanova@yandex.ru

Севастьянова С. К., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: sevask@mail.ru

В статье показано, что лежащие в основе мироустройства современной западной цивилизации принципы накопления денег, наживы любой ценой обусловлены господствующими в обществе духовно-нравственными ценностями. Исследование характера отношений к деньгам и богатству в основных религиозных направлениях позволило авторам прийти к выводу, что отказ от христианских норм жизни, трансформировавший отношение к совести, нравственности, религиозности, духовности, породил господствующий сегодня культ «золотого тельца».

Ключевые слова: деньги, ростовщичество, мировые религии, религиозные нормы жизни, экономика, материальные и духовные ценности.

MONEY IN SPIRITUAL AND MORAL CONTEXT

Askanova O. V., Doctor of Economic Sciences, Docent, Chair of Finance and Credit, Rubtsovsky Industrial Institute (Branch) of N. N. Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk). E-mail: askanova@yandex.ru

Sevastianova S. K., Doctor of Philological Sciences, Docent, Senior Researcher of Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk). E-mail: sevask@mail.ru

In the article, the authors show that principles of saving money, enriching oneself by any way are the basis of world order of modern western civilization and they are caused by spiritual and moral values dominating in society. The study of nature of the relationship to money and wealth in the major religious movements allowed the authors to conclude that the rejection of the norms of Christian life, transformed the relation to conscience, morality, religiousness, spirituality, generated the “golden calf” cult, a dominating factor in today’s life.

Authors of the article state in detail the concept about the relation to money, wealth, material moneymaking, existing in modern socio-cultural, economic and scientific fields of knowledge, and also relation to such principle of monetary capital formation, known from the most ancient times, as usury. It is shown in the article that approaches, considering money and mechanisms of their functioning from economic, sociological and psychological points of view are prevailing today. While studying the money as cultural phenomenon not enough attention is paid to moral understanding of this problem.

Using vast source material, the authors of the article proved that in complex relations between spiritual and moral state of society and monetary economy two fundamental positions are allocated: on the one hand, moral values, dominating in society, spiritual and religious principles prevail in the relation to money; on the other hand, the possession of material goods, including the means of exchange, or absence of opportunity to own them, promote the formation of ethical and valuable bases of religious and cultural space in which different degrees of relationship to money are developed.

The authors of the article tried to attract attention of modern scientists, experts in different areas of social, economic and humanitarian knowledge to the problem of functioning money in modern society without

¹ Статья написана в рамках интеграционного проекта X.106.53 Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования.

claiming to be original, and coincided in conclusions with the results of modern researches in relation to people of different nationalities and different types of religiousness to money and the perception of the individual aspects of the business world religions.

Keywords: money, usury, world religions, religious norms of life, economy, material and cultural wealth.

Жизнь современного общества трудно представить без такого важного финансового инструмента, как деньги. Пройдя длительный путь эволюции, деньги сегодня участвуют в осуществлении различных видов общественных отношений, пронизывают все сферы жизни общества. Товары, работы и услуги, производимые людьми, природные ресурсы, а также способность человека к труду выражаются через денежную форму.

Сущность денег и особенности их функционирования не могут оставаться неизменными в условиях развития экономических отношений, что обеспечивает трансформацию роли денег и отношения к ним.

Роль денег (как и любого другого явления) проявляется в результатах их применения и воздействии на различные стороны деятельности, которые сегодня оцениваются неоднозначно. Это и понятно, поскольку деньги раскрывают потенциальные возможности общества, которые могут быть реализованы как на благо, так и во вред человеку. В современном обществе роль денег определяется в большей степени не столько их традиционной функцией – быть *средством* обмена, сколько *целью* обмена, что, как показывает практика, существенно влияет на самого человека, его отношение к целеполагающей деятельности, труду, на формирование его ценностных ориентаций и представлений об этических нормах [36, с. 180–183]. Как отмечает доктор экономических наук В. Ю. Катасонов, сегодня деньги не есть «некий сиюминутный “посредник” в торговле и производстве», «не просто их “бесстрастный слуга”, как это было при простом товарном производстве. «Деньги – это, прежде всего, инструмент организации и управления. А управление может иметь разные цели, что зависит от нравственных, умственных и духовных качеств хозяина денег» [18, с. 18]. По заключению немецкого философа и социолога Г. Зиммеля, пытавшегося постичь деньги как культурно-духовную категорию, характер денежной экономики определяется интеллектуальным развитием человека [14]. Созвучно этому выводу утверждение немецкого социолога

Макса Вебера о том, что одной из определяющих детерминант хозяйственной этики является религиозная обусловленность жизни [7]. Между тем, на протяжении всего XX века, прошедшего под знаменем непримиримой борьбы двух имевших монотеистические корни экономических теорий – либерализма и марксизма, первое место в иерархии ценностей западной цивилизации отводилось экономике. Это объясняется тем, что обе теории, базируясь на «экономоцентризме», отдают приоритет хозяйственной логике перед всеми остальными факторами (национальными, культурными, религиозными, историческими, географическими и др.), определяющими сущность общества, стадию его развития и его идентичность, и не учитывают разницу предпосылок и культурно-религиозную взаимосвязь со специфическим типом цивилизации (Фридрих Лист назвал это «классической космополитэкономией») (см. [22]). Характерно, что указанные теории стали магистральными направлениями в экономической мысли, вытеснив на периферию иные модели, подчинив философию, религию, сформулировав социальные мифы.

Таким образом, в сложных связях между духовно-нравственным состоянием общества и денежной экономикой современные ученые выделяют преимущественно два очевидных типа отношений: с одной стороны, господствующие в обществе нравственные, духовные и религиозные ценности выстраивают характер отношения с деньгами; с другой стороны, обладание материальными ценностями, в том числе средствами обмена, или напротив неимение возможности владеть ими способствуют формированию этических и ценностных оснований религиозно-культурного пространства, в котором вырабатываются разные степени привязанности к деньгам у той или иной социальной группы и общества в целом. Поэтому при написании настоящей статьи мы ставили перед собой задачу осмыслить нравственно-противоречивый характер отношений к деньгам и денежной экономике. Затронутая в работе проблема, не претендуя на новизну, важна прежде

всего с познавательной точки зрения. Не ограничивая цель работы лишь ретроспективным анализом отношения к деньгам в разных культурах и религиях, а также исследованием противоречий существующей финансовой системы и духовно-нравственных норм, считаем необходимым отразить альтернативы западной экономической модели, удовлетворяющие духовным ценностям.

В современной отечественной философской и социально-экономической теории при изучении денег и механизмов их функционирования преобладающими являются подходы, рассматривающие их с экономической, социологической, психологической точек зрения, в то время как нравственному, духовному пониманию их сути, изучению денег как культурного феномена уделяется недостаточно внимания (не считая отдельных исследователей, чьи работы не согласуются с мейнстримом).

В то же время многие представители русской экономической школы (например, славянофилы) разрабатывали проблемы экономики, в том числе денег, с духовно-нравственных позиций. Так, выдающийся русский мыслитель, экономист и общественный деятель рубежа XIX–XX веков С. Ф. Шарапов писал: «При всем относительном совершенстве денежного обращения на Западе... довольно немного углубиться в сущность западных денежных условий, чтобы увидеть в них неизбежный зародыш того же страшного разложения, которое съедает западную науку, искусство, религию, философию, право, государственность, словом, всю западную цивилизацию во всем её объеме и проявлениях» [35, с. 3–4]. **Сегодня** данное высказывание актуально как никогда, хотя относится к концу позапрошлого столетия.

В основе мироустройства современного западного общества (большинства западноевропейских стран и США), выдаваемого за «идеал» и преподносимого как «цивилизованное», лежит доминанта денег, принцип их накопления. В результате крылатое латинское выражение «Aes non olet» («Деньги не пахнут») принимается сегодня западным сознанием априорно. Являясь квинтэссенцией денежной формы жизни людей, западное общество сформировало сложнейший, изощреннейший, высокотехнологичный спекулятивный рынок капиталов, ценных бумаг, на порядок превосходящий по объему стоимость всего реального

объема производимой продукции. Миллионы членов этого общества живут только за счёт прибыли, полученной от умения «вовремя купить – продать – вложить – изъять ценные бумаги и капиталы, чтобы прикарманить себе чужие деньги» [9]. В. Ю. Катасонов называет общество, в котором деньги из простого средства обмена превращаются в цель жизни, из слуги делаются хозяином человека, «денежной цивилизацией» [18]. Особенно сильно доминанта денег стала проявляться в посткейнсианский период, когда, по мнению К. Мямлина, начала складываться «ментальность финансизма»; результатом этого стал перекос распределения мировой прибыли в пользу финансового капитала (современные 60 % против 10 % в 50-е годы) [23].

Любопытно, что уже К. Маркс предвидел возможность выдвижения на передний план процесса накопления денежного капитала и подчинения производительного капитала его логике. В третьем томе «Капитала» он указывал, что процесс капиталистического производства предстает всего лишь в качестве неизбежного посредника, в качестве необходимого зла для процесса делания денег. Хотя, как справедливо замечает К. Мямлин, во времена К. Маркса функционирование системы, возглавляемой денежным капиталом, рассматривалось в качестве временного состояния, возможного лишь в условиях, характерных для периода конца экономического подъема [22].

Бездуховный принцип «накопления денег», господствующий в «денежной цивилизации», основан на ссудном проценте, который обеспечивает пирамидальную структуру денег. К. Мямлин в этой связи отмечает: «в то время как начальная стоимость капитала, воплощенная в материальном активе, снижается, виртуальный эквивалент этого актива – денежный капитал (при обычном течении событий) – не только не обесценивается, но начинает приносить проценты, тем самым порождая возрастающую диспропорцию, что стало порождением чисто спекулятивной «финансовой экономики» [22].

Ссудный процент, являясь вполне обычным и бесспорным в современном западном мире явлением, в прошлом не раз попадал в поле внимания философов, богословов и политиков, вызывая достаточно бурные споры о допустимости его взимания. Негативное отношение к ростовщичеству

было характерно для политеистов Античности. В. Катаонов отмечает, что люди дохристианской эпохи чутко улавливали простую мысль: деньги – это некое общественное достояние, которое не должно превращаться в средство накопления богатства, а выполнять роль «крови», циркулирующая которой в хозяйстве обеспечивает его нормальное функционирование [18, с. 28–29]. Одним из наиболее известных в мировой истории противников ссудного процента считается Аристотель, демонстрировавший достаточно ясно выраженный нравственный выбор по отношению к ростовщичеству [1, с. 41]. Выражаясь языком современной денежной теории, можно сказать, что Аристотель стоял на позициях «номинализма» (см. [18, с. 29]). Между тем, ростовщичество не было греческим изобретением. Первой цивилизацией, где родилась традиция взимать ссудный процент, была Шумерская. Следует заметить, что развитие ростовщичества там поощрялось религиозной элитой – жрецами, поэтому наибольших масштабов достигло храмовое ростовщичество, когда кредиты предоставлялись храмами [4].

Осуждение ссудного процента римскими философами (Аристотелем, Платоном, Катон Младшим, Сенекой) оказало достаточно сильное влияние на отношение к нему в Средневековье, как в Европе, так и в Исламском мире. Вместе с тем во все времена находились «адепты» ссудного процента, приводившие различные доводы в его защиту, которые достаточно полно обобщены А. Пасынковым в работе «Феномен ростовщичества» [26]. В результате эволюции представлений о ссудном проценте он стал краеугольным камнем современных мировых финансов, фундаментом порождённых западным обществом финансовых теорий и моделей, респектабельность которым придают разного рода премии и награды.

Немногочисленные исследователи, рассматривающие деньги (и экономические отношения вообще) в неразрывной связи с духовно-нравственными ценностями, ясно осознают, что сформировавшееся сегодня вполне логичное с точки зрения современной «цивилизации денег и прибылей» отношение к деньгам и ссудному проценту есть результат определённой трансформации культурных ценностей и религиозного мировоззрения. Поэтому далее есть смысл остановиться на особенностях отношения к деньгам и богатству в разных культурах и религиях.

Впервые отрицательное отношение к ростовщичеству в религиозной литературе было сформулировано в Торе. Предоставление ссудного процента единоверцам – евреям – здесь было строго запрещено: «Когда деньгами будешь ссужать народ мой, неимущего, который с тобой, – не будь ему притеснителем и не бери с него проценты» (Шмот 22: 24). Согласно еврейскому праву, богоугодным делом выгладело предоставление своим единоверцам беспроцентных кредитов, долг по которым при определенных условиях можно было простить (Дварим 15: 7–9, 10–11). Беспроцентный займ считался у евреев одним из самых эффективных средств взаимопомощи. В Торе одновременно разрешается давать деньги под процент не единоверцам (Дварим 15: 3, 5–6) и рекомендует бережно обращаться с должником-иноверцем, особенно если он нуждается в помощи и поддержке еврея; закон предписывает в равной мере заботиться о бедняках и «пришельцах», апеллируя к исторической памяти еврейского народа (Вайикра 19: 33–34). Тора запрещает использовать для своей выгоды стесненные обстоятельства другого человека (Вайикра 25: 35–37).

В библейские времена запрет на процентную ссуду зиждился на двух основаниях: во-первых, преуспевающий должен был помогать нуждающемуся; во-вторых, дача в рост – одна из причин разложения общества [30]: Исх. 22: 25; Лев. 25: 35–37; Втор. 23: 19–20 и др. Постановления о запрете давать в рост, как свидетельствуют ветхозаветные тексты, не всегда соблюдались в библейские времена. Иметь доход от притеснения ближнего постепенно становилось нормой у власть имущих. Пророки Иезекииль и Неемия обличали начальствующих Израиля, которые брали «рост и лихву», насильно вымогая «корысть у ближних» (Иез. 22: 12; Неем. 5: 7). Лишь в одной ветхозаветной книге – пророка Иезекииля – ростовщичество названо тягчайшим грехом, заслуживающим смертной казни (Иез. 18: 10–13). Царь Давид, воспевая совершенного человека, называл его добродетельным (Пс. 14: 5).

Благодаря талмудическим толкователям Ветхого Завета еврейское ростовщичество стало обычным делом. В частности, выдающийся еврейский философ и богослов-талмудист XII века Моше бен Маймон (Маймонид) учил: «Бог приказал давать гоям деньги займы, но не ина-

че, как за проценты; следовательно, вместо оказания этим помощи мы должны делать им вред, даже если этот человек может нам быть полезен, тогда как относительно еврея мы не должны поступать таким образом» (см. [31]). Комментаторы трактатов Талмуда, чьи толкования на русском языке впервые были изданы в начале XX века, наделяли только евреев правом предоставлять ссуду и давать деньги под процент иноверцам – «язычникам» [32, с. 115]. Трактат Бава Меция из четвертого раздела Мишны – части Талмуда, содержащей основополагающие религиозные предписания ортодоксального иудаизма, – советует евреям даже в своих семьях давать детям займы за проценты, чтобы они могли с детства вкусить сладость ростовщичества и научились им пользоваться. Талмудические авторитеты расширили понятие роста, включив в него не только денежный или иной процент, но всякую выгоду, которую заимодавец мог бы получить. В Законе было найдено основание, по которому разрешалось давать деньги в рост и своим. Тем не менее, законоучители Талмуда смотрели на процентную ссуду неевреям неодобрительно, и некоторые полагали, что это допустимо только если у еврея нет иного способа поддерживать свое существование; другие считали, что дача денег в рост неевреям должна быть разрешена только ученым, так как несведущие в Законе могут легко впасть в ошибку, предположив, что взыскание процентов разрешено без ограничений [30].

Приведенные примеры убедительно доказывают то, что иудейский закон изначально был противоречив. Противоречия закона, возникшие, как можно думать, из-за особенностей национального характера еврейского народа и очевидные в библейские времена, в Средние века ушли на второй план, поскольку финансирование быстро развивавшихся торговли и ремесла и растущих потребностей средневекового государства стало насущной необходимостью. Используя предубеждение к наживе и накопительству представителей других конфессий, евреи в это время захватили многие важнейшие позиции в торговле и промышленности Европы. Именно превосходство евреев, вытекающее из «нечистого ведения дел», по определению В. Зомбарта [15, с. 564], позволило им стать самым богатым слоем средневекового

общества и преобразовать в дальнейшем накопленный капитал в финансовый.

Религиозное мировоззрение евреев и их экономические воззрения вступили в противоречия с концепциями хозяйствования, характерными для наднациональных вероисповеданий – христианства и мусульманства. Однако не только экономические, но в первую очередь морально-нравственные основания христианских заповедей и мусульманских законов вступили в противоречие с принципами наживы и обогащения иудейской религии.

Как мы показали, Ветхий Завет ограничивал ростовщичество по национально-религиозному признаку. Новый Завет проповедовал одинаковое отношение к людям: Нагорная проповедь призвала любить врагов, благословлять проклинаящих и ненавидящих, молиться за обижающих (Мф. 5: 44). Здесь же содержится косвенно относящееся к ростовщичеству поучение: «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5: 42). В проповеди Христа сформулирован нравственный закон: давая в долг, не следует назначать проценты и ждать возврата ссуды (Лк. 6: 34–35).

По наблюдению о. Алексея Кнута, хорошо известная своим содержанием евангельская притча о талантах может быть рассмотрена как косвенное доказательство запрета в Новом Завете «легализации» ростовщичества (Мф. 25: 26–29) [19]. Иносказательный смысл притчи находится в плоскости духовного ее понимания [5, с. 274–285]. Если вещественная лихва приносит людям вред, то данные от Бога дары обогащают духовно: «...духовная лихва совершенно противоположна вещественному богатству. Тамъ, должникъ, съ котораго взыскивается ростъ, внезапно впадаетъ въ крайнюю бѣдность; а здѣсь, подвергающийся взысканію лихвы, если онъ человѣкъ благоразумный, то чѣмъ большую принесетъ лихву, тѣмъ большее получитъ свыше воздаяніе» [33, с. 445], – учил Иоанн Златоуст.

В раннем христианстве ростовщичество однозначно осуждалось. Так, у отцов Церкви можно обнаружить множество высказываний, обличающих это явление. Церковное право строго осудило и запретило занятие ростовщичеством, особенно среди духовенства, где соблазн наживы был распространен и трудно искоренялся. Вселенские и

поместные соборы неоднократно возвращались к запрету клирикам заниматься ростовщичеством: 44 Апостольское правило, 14 правило свт. Василия Великого, 17 правило I Вселенского собора, 10 правило VI Вселенского собора, 4 правило Лаодикийского собора, 5 правило Карфагенского собора.

Наиболее веские аргументы против ростовщичества приводились в «Декрете» Флавиа Грациана (IV век), положения которого в XII веке легли в основу средневекового канонического права. В кодексе канонического права под ростовщичеством понимались все требования в обмен на заём сверх самого сужаемого имущества [10, с. 374]. Религиозный философ XIII века Фома Аквинский, опираясь в своих экономических воззрениях на идеи Аристотеля, сравнивал взимание процента с продажей того, что не существует в природе, что в конечном итоге ведет к нарушению равновесия. Время, по мнению Фомы Аквинского, является Божьим даром, а потому у взимающего ссудный процент нет никакого права требовать плату за то, что даровано Богом [11, с. 35].

С интенсивным развитием торговли, приходящимся в Европе на начало XII века, и возникновением потребности в финансировании различного рода экономических предприятий отношения между христианством и ростовщичеством усложнялись. Церковь, обладавшая значительными финансами, нередко выступала в качестве заимодавца. Во второй половине XIII века была разрешена продажа товаров в кредит; в обороте стали активно использоваться такие кредитные инструменты, как долговые обязательства, векселя. В начале XVI века на Пятом Латеранском соборе – Вселенском соборе Западной церкви – была одобрена практика францисканцев, учреждавших ломбарды. Однако католическая Церковь в отношении ссудного процента долгое время занимала двойственную позицию: с одной стороны, требовала не признавать его, с другой – рассматривать как неизбежное зло [4].

В вопросе легализации ссудного процента, в отличие от католиков, преуспели протестанты. При Жане Кальвине, одном из деятелей Реформации первой половины XVI века, в Женеве была установлена довольно низкая по тем временам ставка в размере 5 %. Учитывая тот факт, что на протяжении веков представления о чрезмерном

проценте менялись, можно говорить об официальной легализации того, что прежде именовалось ростовщичеством [4].

Особенно в остром конфликте с принципами наживы стоят заповеди православия, которое считается одной из самых мягких, ориентированных на человека, религий. Новый Завет неоднократно говорит об опасности богатства: «Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19: 23). По словам священника Афанасия Гумерова, деньги, с точки зрения нравственной, нейтральны; грехом является повышенный интерес к ним и пагубная страсть к их приобретению (см. [25]).

В социально-экономической жизни России проблема ростовщичества имела свою историю. Одно из ранних упоминаний о лихве находится в памятниках Киевской Руси, когда началось активное развитие торговли с Византией и Западом. В ту пору такая форма экономических отношений использовалась в основном пришлыми людьми, в том числе евреями-купцами, которые занимались скупкой и перепродажей по спекулятивным ценам продуктов широкого потребления. Уже в середине XI века новгородский епископ Лука Жидята учил остерегаться лихоимства: «Мъзды не емлите, въ лихву не даите» [6, с. 225, 228]. Киевский митрополит Никифор в «Поучении в неделю сыропустную» призывал снизить проценты [2, с. 52]. В каноническом памятнике XII века «Вопрошание Кириково архиепископу Нифонту» содержатся вопросы монаха Кирика к главе новгородских церковных учреждений, при помощи которых пылливый христиан пытался соотнести церковно-правовые нормы с реалиями русской жизни, не укладывавшимися в рамки закона [17]. Очевидно, что в XI и XII веках борьба Церкви с безнравственным стяжанием лихвы была малоуспешной, и призывы к высоким моральным качествам лихоимцев не были эффективными. В связи с этим русский князь Владимир Мономах вынужден был законодательно ввести ограничение реза – процента (см. [34, с. 97]). Устав князя Владимира вошел в один из самых ранних сборников правовых норм Киевской Руси – «Русскую правду»; здесь законодательно было ограничено взимание процентов на взятые в долг деньги, чем облегчалось положение городских низов, задолжавших ростовщикам [28, с. 252–253]. В «Русской Правде» подробно охарактеризованы существо-

вавшие уже в Киевской Руси, выражаясь современным языком, такие виды обязательственных отношений между заимодавцем и заемщиком, как займ и закупничество. В качестве предмета займа, согласно источнику, могли выступать не только деньги, но и продукты питания – мед, хлеб. Процентная ставка зависела от срока предоставления ссуды: по краткосрочным займам она была выше. По договору закупничества – займа с самозакладом – должник обязан был погасить долг физическим трудом.

В средневековой Руси на рубеже XIV–XV веков появилась новая форма договора займа – кабала. Сторонами такого юридического акта, оформлявшего долговые обязательства, были заемщик (монастырь или частное лицо) и должник (частное лицо – одно или несколько). Монастыри за выданный заем, как правило, брали процент – обычный ростовой – 20 % [3]. Первый прямой запрет на взимание процентов на Руси появился только в середине XVI века в приговоре Стоглавого Собора (1551) [12, с. 379].

В XVII веке составители Соборного уложения (1649) подготовили ряд статей о договоре займа, что объясняется возросшими к середине столетия процессами в области кредитного дела и ростовщичества. Чтобы приостановить процесс разорения мелкопоместных и средних дворян, Уложение установило лишение процента по заемным кабалам судебной защиты [29, с. 61, 223].

А. С. Пасынков в специальной работе об истории ростовщичества в Российской империи представил наиболее яркие свидетельства противоречивого отношения государства к этому явлению. Если сподвижники Петра I не брезговали заниматься ростовщичеством, то в царствование Анны Ивановны при монетной конторе была учреждена ссудная казна, откуда желающим выдавали деньги под залог серебра по восемь процентов в год, чем пресекалась вредная деятельность ростовщиков. При Петре II был создан государственный ломбард; позже через него осуществлялись банковские операции с движимым и недвижимым имуществом. В середине XVIII века открылся Заемный банк, а в конце столетия при Павле I созданы Учетные конторы при Ассигнационном банке и учрежден Вспомогательный банк для дворянства. До начала XX века активную роль в финансовой жизни России играли банкирские дома [27].

Совершенно очевидно, что отношение русских людей к хозяйственной деятельности в разные периоды в истории России не было последовательным и однозначным, однако всегда русский православный купец при оценке ростовщичества руководствовался этикой хозяйствования, изложенной в святоотеческих учениях: если деньги не помогают людям или начинают ими облагать – это преступно. Примечательно, что эта мысль ярко выражена в русских народных пословицах и поговорках (см. [8]). Именно каноническими православными принципами хозяйствования, с одной стороны, регулировалась в России норма процента, с другой – поддерживалось общественное мнение против лихвых и жестоких, часто безнравственных правил ростовщичества.

Идеологической основой отношений к деньгам и богатству в исламе – самой молодой из мировых религий, выступает Коран, вносящий в них морально-нравственное начало и социальную справедливость (Коран, сура 2: 275). В истинно коранической культуре банки имеют право не на процентные доходы, а лишь на часть создаваемой в реальном секторе экономики с их участием прибыли. По замечанию В. Ефимова, в конечном итоге это ведет к полному исключению инфляции [13].

Отметим, что противоречащие принципам наживы и обогащения морально-нравственные положения находят отражение не только в христианстве или исламе. Отношение к деньгам, например, в индуизме вытекает из отрицания частнособственнических мотивов и принципов современной западной экономической модели. Почти полностью выпадает из общества потребления и накопления буддизм, выступая против мирских желаний. Но при всем при этом следует признать, что победила обусловленная влиянием протестантизма и иудаизма западная «ментальность финансизма», сформировав в результате модель денежных отношений, разрушающих как саму экономику, так и человеческую мораль. Примечательно, что со стороны академической науки существует некий «заговор молчания» относительно альтернатив существующей экономической модели. Предлагаемые же выходы из кризиса глобальной денежной системы обосновываются специалистами в рамках действующей финансовой парадигмы, что, на наш взгляд, хотя

отчасти и позволяет решить проблему в краткосрочном периоде, создает определенные проблемы нарастания диспропорций в будущем.

В этой связи заметим, что только замена развращающей системы кредитных денег на деньги, которые нет смысла накапливать, поскольку они постоянно теряют в своей стоимости, может искоренить тягу к накопительству. Данная идея, несмотря на её революционность даже для нашего времени, была выдвинута ещё в начале XX века экономистом-самоучкой Йоханом Сильвио Гезеллем в опубликованном им труде *Freigeld (свободные деньги)* или «Естественный экономический порядок» (*The Natural Economic Order*) (см. [24]). В основе теории Гезелля лежит простой постулат о том, что деньги должны быть «инструментом обмена и больше ничем». Считая, что традиционные формы денег служат «лишь инструментом мошенничества и ростовщичества», Сильвио Гезелль пошёл дальше обоснования необходимости лишить их функции накопления, предлагая взимать за пользование деньгами плату (демерредж). Эта теория получила высокую оценку у таких авторитетов в области экономики, как И. Фишер, Дж. М. Кейнс и продемонстрировала феноменальные экономические результаты на локальном уровне (в Германии, Австрии, Канаде, США) по преодолению самых мрачных проявлений экономической депрессии [24].

Следует особенно подчеркнуть, что теория свободных денег Сильвио Гезелля базируется на противоположных существующей экономической модели исходных предпосылках и морально-нравственных основах, снова превращая деньги

в средство, а не цель, как это принято сегодня. Поэтому гезеллевская идея, по мнению К. Мямлина, «не просто подрывает самые основы мировой финансовой системы, но и является наиболее действенным из реально существующих и, кроме того, многократно и успешно апробированным на практике способом ликвидировать диктат кредитных денег» [24]. Главное, что «свободные деньги» соответствуют нормам морали и духу большинства религиозных конфессий (православия, исламу, буддизму). Мы полагаем, что само наличие подобных гезеллевской теорий, растущий к ним интерес и многочисленные попытки их практической реализации, несмотря на сопротивление финансовой элиты, являются неоспоримым свидетельством нравственного «пробуждения» общества.

Подводя итог, можно заключить, что экономическая деятельность этносов, финансовые отношения между их членами неразрывно связаны с особенностями религиозного мировоззрения, хотя имеет место и противоречивость этих связей. В каждой культуре получили господство свои формы хозяйствования, специфика которых в определенной степени определяется и регламентируется религией, соответствующей той или иной культуре. Мы полагаем, что поставленная цель работы достигнута, а полученные выводы не противоречат результатам современных исследований о восприятии аспектов предпринимательства отдельными мировыми религиями (см. [16]) и об отношении к деньгам людей разных национальностей (см. [21]) или имеющих разные типы религиозности (см. [20]).

Литература

1. Аристотель. Политика. – М.: АСТ, 2002. – 393 с.
2. Баранкова Г. С., Полянский С. М. Поучение митрополита Никифора в неделю сыропустную // Новая книга России. – М., 2001. – № 12. – С. 51–53.
3. Баскова А. В., Исаев И. А. Правовая регламентация процентного займа на Руси в XVI–XVII веков [Электронный ресурс] // Pandia.ru. Энциклопедия знаний. – URL: <http://www.pandia.ru/text/78/418/50334.php> (дата обращения: 27.12.2013).
4. Беккин Р. Ссудный процент в контексте религиозно-этических хозяйственных систем прошлого и современности [Электронный ресурс]. – URL: <http://institutions.com/general/606-ssudniy-procent.html> (дата обращения: 30.11.2013).
5. Библиейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет: пер. с англ., греч., лат и сир. / под ред. Манлио Симонэтти; русское изд. под ред. Ю. Н. Варзониной. – Тверь: Герменевтика, 2007. – Т. I б: Евангелие от Матфея: 14–28. – 432 с.
6. Бугославский С. А. Поучение епископа Луки Жидяты по рукописям XV–XVII веков // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Император. акад. наук. – СПб., 1913. – Т. XVIII, кн. 2. – С. 196–237.

7. Вебер М. Избр. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
8. Верховин В. И. Опыт интерпретации монетарных стереотипов в русском фольклоре // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 4. – С. 175–184.
9. Водолеев Г. Люди цивилизации денег [Электронный ресурс]. – Ч. 3. – URL: <http://ari.ru/news/509795d3e> (дата обращения: 22.11.2013).
10. Дубянский А. Н. К вопросу об осуждении ростовщичества и процента в христианстве // *Проблемы современной экономики*. – 2011. – № 2 (38). – С. 374–375.
11. Дубянский А. Н. Культурный аспект ростовщичества и процента // *Journ. of institution. studies=Журн. институцион. исслед.* – 2012. – Т. 4, № 4. – С. 33–42.
12. Емченко Е. Б. Стоглав: Исслед. и текст. – М.: Индрик, 2000. – 504 с.
13. Ефимов В. А. Нравственные основы экономического образования и проблемы модернизации // *Ректор вуза*. – 2010. – № 10. – С. 34–39.
14. Зиммель Г. Философия денег [Электронный ресурс]. – URL: http://www.srinest.com/book_897_chapter_13_Georg_Zimmel_FILOSOFIJA_DENEG.html (дата обращения: 29.11.2013).
15. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 617 с.
16. Игнатова И. В. Неформальные институты предпринимательства // *Бизнес, менеджмент и право* [Электронный ресурс]: науч.-практ. эконом.-правов. журн. – URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=776 (дата обращения: 25.12.2013).
17. Иерархия смыслов в «Вопрошании Кирика» [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.staropomog.ru/Ustav\(2\)/voproskanie_kirikovo.pdf](http://www.staropomog.ru/Ustav(2)/voproskanie_kirikovo.pdf) (дата обращения: 24.12.2013).
18. Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». – М.: НИИ школ. технологий, 2011. – Кн. 1. – 304 с.
19. Кнутов Алексей, иерей. Ростовщичество и современные банки [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/466194.html> (дата обращения: 30.11.2013).
20. Кондратова Т. В. Ценностное отношение к деньгам у представителей православной культуры с разными типами религиозности // *Международ. журн. эксперимент. образования*. – 2011. – № 8. – С. 59–63.
21. Короткина Е. Д. Кросс культурное исследование отношения к деньгам у представителей разных национальностей // *Психология в экономике и управлении*. – 2009. – № 1. – С. 105–111.
22. Мямлин К. Единство многообразия [Электронный ресурс] // *Ин-т высокого коммунитаризма*. – URL: <http://communitarian.ru/publikacii/finsys> (дата обращения: 27.12.2013).
23. Мямлин К. Ментальность этатизма, финасизма и мировая революция коммунитаризма [Электронный ресурс] // *Институт высокого коммунитаризма*. – URL: <http://communitarian.ru/publikacii/finsys> (дата обращения: 15.01.2014).
24. Мямлин К. Свободные деньги (Freigeld) [Электронный ресурс] // *Центр консервативных исследований*. – URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/120909030309.xhtml> (дата обращения: 16.01.2014).
25. Отношение Православной церкви к деньгам и богатству [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusbeseda.ru/archive/13.htm#18536> (дата обращения: 20.12.2013).
26. Пасынков А. А. Феномен ростовщичества: от Вавилона до глобальной финансовой системы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.economics.kiev.ua/index.php?id=919&view=articlem> (дата обращения: 14.01.2014).
27. Пасынков А. С. История ростовщичества в Российской Империи. Державин против Полякова [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.usurydata.narod.ru/russianempire.htm> (дата обращения: 22.12.2013).
28. Правда Русская. – Л.: Наука, 1940. – 505 с.
29. Соборное уложение 1649 года: текст и комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.
30. Ссуда денежная [Электронный ресурс] // *Электронная еврейская энциклопедия*. – URL: <http://www.eleven.co.il/article/13931> (дата обращения: 18.12.2013).
31. Талмуд о неевреях [Электронный ресурс]. – URL: <http://nfor.org/forum/thread21.html> (дата обращения: 09.12.2013).
32. Талмуд. Мишна и Тосефта / пер. Н. Переферковича. – СПб., 1902–1906. – Т. 4. – 649 с.
33. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. – СПб., 1898. – Т. 4, кн. 1. – 926 с.
34. Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. – М., 1953. – 112 с.
35. Шарапов С. Ф. Бумажный рубль (Его теория и практика). – М.: Книга по Требованию, 2011. – 166 с.
36. Шептун А. А. Философия денег // *Вопр. философии*. – 1999. – № 7. – С. 180–183.

References

1. Aristotel'. Politika. – M.: ACT, 2002. – 393 s.
2. Barankova G. S., Poljanskij S. M. Pouchenie mitropolita Nikifora v nedelju syropustnuju // Novaja kniga Rossii. – M., 2001. – № 12. – S. 51–53.
3. Baskova A. V., Isaev I. A. Pravovaja reglamentacija procentnogo zajma na Rusi v XVI–XVII vekah [Elektronnyj resurs] // Pandia.ru. Enciklopedija znaniy. – URL: <http://www.pandia.ru/text/78/418/50334.php> (data obrashchenija: 27.12.2013).
4. Bekkin R. Ssudnyj procent v kontekste religiozno-eticheskikh hozjajstvennyh sistem proshlogo i sovremenosti [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://institutions.com/general/606-ssudnyj-procent.html> (data obrashchenija: 30.11.2013).
5. Biblejskie kommentarii otcov Cerkvi i drugih avtorov I–VIII vekov. Novyj Zavet: per. s angl., grech., lat. i sir. / pod red. Manlio Simonjetti; Russkoe izd. pod red. Ju. N. Varzonina. – Tver': Germenevtika, 2007. – T. Ib: Evangelie ot Matfeja: 14–28. – 432 s.
6. Bugoslavskij S. A. Pouchenie episkopa Luki Zhidjaty po rukopisjam XV–XVII vekov // Izv. Otd-nija rus. jaz. i slovesnosti Imperator. akad. nauk. – SPb., 1913. – T. XVIII, kn. 2. – S. 196–237.
7. Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva / per. s nem. – M.: Jurist, 1994. – 704 s.
8. Verhovin V. I. Opyt interpretacii monetarnyh stereotipov v russkom fol'klore // Obshchestvennye nauki i sovremenost'. – 1997. – № 4. – S. 175–184.
9. Vodoleev G. Ljudi civilizacii deneg [Elektronnyj resurs]. – Ch. 3. – URL: <http://ari.ru/news/509795d3e> (data obrashchenija: 22.11.2013).
10. Dubjanskij A. N. K voprosu ob osuzhdenii rostovshchichestva i procenta v hristianstve // Problemy sovremennoj ekonomiki. – 2011. – № 2 (38). – S. 374–375.
11. Dubjanskij A. N. Kul'turnyj aspekt rostovshchichestva i procenta // Journ. of institution. studies=Zhurn. institucion. issled. – 2012. – T. 4. – № 4. – S. 33–42.
12. Emchenko E. B. Stoglav: Issled. i tekst. – M.: Indrik, 2000. – 504 s.
13. Efimov V. A. Nravstvennye osnovy ekonomicheskogo obrazovanija i problemy modernizacii // Rektor vuza. – 2010. – № 10. – S. 34–39.
14. Zimmel' G. Filosofija deneg [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.srines.com/book_897_chapter_13_Georg_Zimmel_FILOSOFIJA_DENEG.html (data obrashchenija: 29.11.2013).
15. Zombart V. Burzhua. Evrei i hozjajstvennaja zhizn'. – M.: Ajris-Press, 2004. – 617 s.
16. Ignatova I. V. Neformal'nye instituty predprinimatel'stva // Biznes, menedzhment i pravo: nauch.-prakt. ekonom.-pravov. zhurnal [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=776 (data obrashchenija: 25.12.2013).
17. Ierarhija smyslov v "Voprosanii Kirika" [Elektronnyj resurs]. – URL: [http://www.staropomor.ru/Ustav\(2\)/voprosanie_kirikovo.pdf](http://www.staropomor.ru/Ustav(2)/voprosanie_kirikovo.pdf) (data obrashchenija: 24.12.2013).
18. Katasonov V. Ju. O procente: ssudnom, podsudnom, bezrassudnom. Hrestomatija sovremennyh problem «denezhnoj civilizacii». – M.: NII shkol'nyh tehnologij, 2011. – Kn. 1. – 304 s.
19. Knutov Aleksej, ierej. Rostovshchichestvo i sovremennye banki [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/466194.html> (data obrashchenija: 30.11.2013).
20. Kondratova T. V. Cennostnoe otnoshenie k den'gam u predstavitelej pravoslavnoj kul'tury s raznymi tipami religioznosti // Mezhdunar. zhurn. eksperiment. obrazovanija. – 2011. – № 8. – S. 59–63.
21. Korotkina E. D. Kross kul'turnoe issledovanie otnoshenija k den'gam u predstavitelej raznyh nacional'nostej // Psihologija v ekonomike i upravlenii. – 2009. – № 1. – S. 105–111.
22. Mjamlin K. Edinstvo mnogoobrazija [Elektronnyj resurs] // In-t vysokogo kommunitarizma. – URL: <http://communitarian.ru/publikacii/finsys> (data obrashchenija: 27.12.2013).
23. Mjamlin K. Mental'nost' etatizma, finasizma i mirovaja revoljucija kommunitarizma [Elektronnyj resurs] // In-t vysokogo kommunitarizma. – URL: <http://communitarian.ru/publikacii/finsys> (data obrashchenija: 15.01.2014).
24. Mjamlin K. Svobodnye den'gi (Freigeld) [Elektronnyj resurs] // Centr konservativnyh issledovanij. – URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/120909030309.xhtml> (data obrashchenija: 16.01.2014).
25. Otnoshenie Pravoslavnoj Cerkvi k den'gam i bogatstvu [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.rusbiseda.ru/archive/13.htm#18536> (data obrashchenija: 20.12.2013).
26. Pasyнков A. A. Fenomen rostovshchichestva: ot Vavilona do global'noj finansovoj sistemy [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.economics.kiev.ua/index.php?id=919&view=article> (data obrashchenija: 14.01.2014).
27. Pasyнков A. S. Istorija rostovshchichestva v Rossijskoj Imperii. Derzhavin protiv Poljakova [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.usurydata.narod.ru/russianempire.htm> (data obrashchenija: 22.12.2013).
28. Pravda Russkaja. – L.: Nauka, 1940. – 505 s.
29. Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst i komment. – L.: Nauka, 1987. – 448 s.

30. Ssuda denezhnaja [Elektronnyj resurs] // Elektronnaja evrejskaja enciklopedija. – URL: <http://www.eleven.co.il/article/13931> (data obrashchenija: 18.12.2013).
31. Talmud o neevrejah [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://nfor.org/forum/thread21.html> (data obrashchenija: 09.12.2013).
32. Talmud. Mishna i Tosefta / per. N. Pereferkovicha. – SPb., 1902–1906. – T. 4. – 649 s.
33. Tvorenija svjatogo otca nashego Ioanna Zlatousto, arhipiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode. – SPb., 1898. – T. 4, kn. 1. – 926 s.
34. Tihomirov M. N. Posobie dlja izuchenija Russkoj Pravdy. – M., 1953. – 112 s.
35. Sharapov S. F. Bumazhnyj rubl' (Ego teorija i praktika). – M.: Kniga po Trebovaniju, 2011. – 166 s.
36. Sheptun A. A. Filosofija deneg // Vopr. filosofii. – 1999. – № 7. – S. 180–183.

УДК 130.2

ПРИНЦИПЫ ДЕТЕРМИНИЗМА В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ Л. УАЙТА

Астахов О. Ю., кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, ведущий научный сотрудник научного управления, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: astshov_oleg@mail.ru

Шикалева И. А., аспирантка, специальность 24.00.01 «Теория и история культуры», Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: schik-irina@rambler.ru

Авторами анализируются принципы организации и построения учения о культуре в методологии Л. Уайта, определяется значение детерминизма в объяснении культурных процессов.

Ключевые слова: культура, культурология, методология, эволюционизм, детерминизм, антропоцентризм.

DETERMINISM PRINCIPLES IN CULTUROLOGICAL METHODOLOGY OF L. WHITE

Astakhov O. Yu., Candidate of Culturology, Docent of Chair of Culturology, Senior Researcher of Scientific Management, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: astshov_oleg@mail.ru

Shikaleva I. A., Post-graduate Student, Specialty 24.00.01 “Theory and History of Culture”, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: schik-irina@rambler.ru

To date, the problem of self-determination of Culturology as an independent science remains relevant, due to the multiplicity of approaches to the definition of culture. The problem of determining the specificity of cultural life and the methods of its study highlights American anthropologist Leslie White; he argued for the approval of Culturology as a new science in connection with the presence of a single class of phenomena, which is impossible by means of the existing scientific analysis.

According to the researcher, culture acts as the conditions and causes of social development. Thus, the communication with anthropocentric conception of man's power over culture can be overridden. The result is contradictory to cultural generalizations related, on the one hand, with a commitment to the American anthropologist classical ideal of rationality, which methodology involves the use of determinism, and on the other hand, with non-classical interpretation of culture in the context of the idea of free events, making it impossible to study the culture on the basis of the causal approach by highlighting the common regularities in its development.

Keywords: culture, culturology, methodology, theory of evolution, determinism, anthropocentrism.

Выявление своеобразия познания культуры, ее места и роли в развитии общества стало важнейшей научной проблемой в начале XX века. Множественность подходов к определению культуры способствовала актуализации поиска принципов методологических оснований в изучении культуры, обеспечивающих формирование целостного знания. В этой связи особую значимость приобретают исследования, посвященные анализу способов самоопределения науки о культуре [1].

Проблему специфики культурного бытия и методов его изучения выделял американский антрополог Л. Уайт. Он аргументировал необходимость утверждения культурологии в качестве новой науки в связи с наличием отдельного класса явлений, анализ которых невозможен средствами уже существующих наук, как естественных, так и гуманитарных. «Рождение культурологии не могло бы состояться, если бы, во-первых, гуманитарии (исходя, разумеется, из анализа собственного тематического поля исследований) единодушно не признали культуру в качестве особого порядка, отличного от других. Во-вторых, если бы не были выделены не только специфический строй этого порядка, но и необходимость поиска специального инструментария для его анализа. Именно к этим выводам и приходит Л. Уайт, ссылаясь в своей аргументации на работы известных антропологов и социологов – Э. Б. Тайлора, Р. Г. Лоуи, Бернарда Д. Стерна, Э. Дюркгейма, А. Крёбера и др.», – отмечает И. В. Левицкая [7, с. 6].

Еще в 1939 году Л. Уайт зафиксировал назревавший в то время кризис культурной антропологии, суть которого он видел в том, что антропологи замкнулись в экзотическом мире бесписьменного прошлого. Он полагал, что выходом из создавшегося положения будет создание особой науки – культурологии, которая, по его мнению, должна была выступать как общетеоретическая и методологическая база для антропологических исследований и, следовательно, как возможность их дальнейшего развития (см. [2]).

Как отмечает И. В. Командорова, «становление Л. Уайта как культурантрополога потребовало его сомоопределения в рамках научно-методологических направлений, которые господ-

ствовали в американской социально-гуманитарной традиции в 30–50-х годах XX века: позитивизма, эволюционизма, диффузионизма, историцизма. Разносторонняя критика атиэволюционизма позволила ему укрепиться в своих мировоззренческих и научных предпочтениях, связанных с классическим эволюционизмом. Это, в свою очередь, обусловило обращение Л. Уайта к марксизму и материалистической теории культурно-исторического процесса, что способствовало рассмотрению культуры как сверхсложной системы» [4, с. 7–8].

Придерживаясь материалистической позиции, Л. Уайт сумел продолжить традиции эволюционизма, утверждение эволюционного принципа развития культуры является одной из главных черт концепции Л. Уайта. Как пишет А. С. Зверев, «эволюция, согласно Л. Уайту, означает процесс, в котором одна форма вырастает из другой в хронологической последовательности» [3, с. 34]. А. С. Зверев подробно описывает процесс исследования культуры в первой половине XX века, который осуществлялся в то время, в основном, двумя способами: 1) историческим и 2) функциональным. По утверждению А. С. Зверева, «первый представлял собой анализ уникальных явлений в хронологической последовательности, второй – изучение общих свойств, процессов и явлений (культуры) вне зависимости от хронологической последовательности. В противовес этому воззрению, Л. Уайт предложил различать три вида процессов в культуре, и соответственно, столько же способов их интерпретации: временные процессы, представляющие собой хронологическую последовательность уникальных событий; их изучение есть история; далее, вневременные, структурные и функциональные аспекты, исследуемые в рамках функционального анализа; наконец, формально-временные процессы, в которых явления предстают как временная последовательность форм, рассматриваются эволюционным методом» [3, с. 35].

Переработанные идеи эволюционизма «служат основанием методологической концепции Л. Уайта» (см. [4]). И. В. Командорова в своей работе «Культура как социальный феномен в символической антропологии Л. Уайта» отмечает, что Л. Уайт пытался соединить наиболее продуктив-

ные подходы к анализу культуры, развиваемые в рамках структурно-функционального, исторического и эволюционного ее рассмотрения (см. [4, с. 16]).

Эволюцию культур Л. Уайт связывал с ростом количества используемой энергии, так как он считал, что критерием развитости культуры является уровень ее энергообеспеченности. О «энергетизме» Л. Уайта И. В. Командорова высказывается как о «результате поиска “нового синтеза”» [4, с. 8]. Именно энергетическая доминанта в развитии культурных систем позволяет Л. Уайту прогнозировать дальнейшие перспективы развития культуры по пути мультипликативной эволюции (см. [4, с. 12]). Признавая решающую роль энергетического базиса, Л. Уайт практически отождествлял уровень технологического и культурного развития. Более того, он считал, что каждому способу «обуздания энергии» соответствуют определенные культурные ценности, идеология общества (см. [3, с. 38]).

При исследовании культурных систем Л. Уайт отмечал особое значение следующих факторов: «рефлексию комплекса “энергетической зависимости” культуры; анализ характера энергетических источников, способов получения, использования и хранения энергии, изучение субординации и содержания технологического социального и идеологического комплексов культурной системы; конкретно-исторический анализ на основе историко-генетического, типологического и интерпретативного методов» (см. [4, с. 18]). Значение вышеперечисленных факторов повлияло на развитие детерминистской методологии Л. Уайта, что нашло свое выражение в технологическом детерминизме. Сущность данной теоретико-методологической установки можно объяснить следующим образом: «Культура в качестве сверхсложной системы описывается Уайтом как интегрирующая, самоорганизующаяся система, к которой также, как и к другим материальным системам, применимы законы термодинамики» (см. [6]).

Одновременно в общетеоретическом смысле культурология для Л. Уайта представляется как наука, рассматривающая культуру, как «самостоятельную упорядоченность феноменов, организованных в соответствии с собственными принципами и существующих по собственным за-

конам» (см. [4, с. 17]). Другими словами, культура понимается Уайтом как «поток взаимодействующих элементов, который течет, изменяется, растет, развивается в соответствии с присущими ей законами» (см. [4, с. 7–8]). Все элементы культуры группируются Л. Уайтом в три сферы: технологическую, социальную и идеологическую, которые взаимосвязаны и образуют иерархическую целостность:

- 1) технологическая (наиболее значимая, по сути, определяющая две другие);
- 2) социальная;
- 3) идеологическая;

В книге Н. П. Копцевой читаем: «Технологическая система состоит из материальных, механических, физических и химических орудий труда вкупе с технологией их использования, позволяющей человеку как представителю животного мира вступать в контакт с окружающей средой. Социальная система состоит из межличностных отношений, выраженных в коллективных или индивидуальных паттернах поведения. Идеологическая система состоит из идей, верований, знаний, выраженных посредством членораздельной речи или в иной символической форме» (см. [5, с. 59]). Таким образом, мы приходим к мысли, что технологический детерминизм проявился и в интерпретации значения частей или слоев культуры.

Многочисленные практические исследования привели Уайта к убеждению, что любой культурный феномен носит системный характер. Но развиваемый Л. Уайтом системный подход к анализу общества и культуры одновременно основывается и на том, что культура выступает в качестве условия и причины развития общества. «Помимо индивидуального и социального психологического фактора в человеческом поведении и над ним существует другой фактор, который отнюдь не является психологическим. Это суперпсихологический, или культурный, фактор. В дополнение к индивидуальному органическому компоненту человеческого поведения и помимо и превыше того социального фактора, который возникает в результате взаимодействия индивидов существует еще и влияние традиционных обычаев, институтов, орудий, философских представлений и т. д. Эти факторы, эти культурные черты существовали до рождения любого из живущих

людей. Они существовали вне человеческого организма; они влияют на него из вне», – отмечал Л. Уайт [9, с. 90–91].

Аргументом в защиту положения о первичности культуры Л. Уайт считал феномен многочисленных изобретений и открытий, совершающихся одновременно разными людьми: «когда восходящие и сходящиеся линии культурного развития достигают определенной точки, наступают слияние и синтез. Если продвижение культуры совершается широким фронтом, то эти синтезы найдут для себя два или более независимых и примерно одновременно выражения... индивидуальные изобретатели или первооткрыватели являются лишь средоточиями и средствами выражения этого процесса» [9, с. 187]. При этом Уайт требует не путать детерминистский эволюционный процесс с исследованием случайного хода истории [9, с. 248].

И. В. Левицкая утверждает, что Л. Уайт призывает «расстаться с антропоцентрическим представлением о власти человека над культурой и обратиться к изучению каузальных связей в сфере культуры с тем, чтобы прогнозировать направления ее динамики. Таковы выводы Л. Уайта о задачах культурологии» [7, с. 9]. Вместе с тем, им активно используются подходы, характерные для исторической и социальной антропологии, социологии и когнитивной психологии. Результатом таких широких научно-теоретических и методологических установок стали противоречивость и определенный эклектизм его концепции, который становится следствием следующих решений:

1) попытка элиминировать культуру как особый объект научного исследования из области антропологии, социологии и психологии;

2) попытка примерить идеалистические и материалистические установки.

Первое решение «потребовало от американского ученого обоснования необходимости создания новой науки культурологии» (см. [4, с. 8]). Второе решение «вызвало огромную критику теории Л. Уайта со стороны всех школ и направлений, что существенно затруднило освоение и продвижение его идей как на Западе (якобы “марксиста”), так и в России (представителя неозволюционизма)» (см. [4, с. 8]).

Конкретизируя причины неприятия программы по культурологии Л. Уайта, следует отметить,

что в его работах наблюдается, «во-первых, абсолютизация культурного детерминизма», во-вторых, «скромный результат в поисках объективных законов, которым подчиняется развитие культуры, в третьих, при всем внешне привлекательном характере культурологии, она оказалась малоприменимой для организации конкретных исследований» (см. [8, с. 17–18]).

Как отмечает И. В. Левитская, указывая на противоречивость культурологических обобщений, «основные методологические принципы, наряду с доктринами культурного детерминизма и эволюционизма, отчетливо демонстрируют приверженность американского антрополога к классическому идеалу рациональности, позволившему культурологии утвердиться в качестве самостоятельной области исследования: выработать ведущие принципы анализа, сформировать свой понятийный аппарат, соответствующий избранной предметной реальности, – словом, пройти весь путь теоретического самоопределения в соответствии с традициями классической науки» [7, с. 9]. Одновременно неклассическая интерпретация культуры в контексте идеи свободного явления, развиваясь в другом направлении, способствует появлению суждений о культурологии как об очередном утопическом проекте.

Таким образом, в определении культурологии как науки присутствует множество нерешенных проблем и противоречивых точек зрения:

1) Л. Уайт призывает обратиться к изучению каузальных связей в сфере культуры с тем, чтобы определить вектор ее дальнейшего развития. Он утверждает, что именно культура контролирует сознание людей, она является детерминантой в психологической и социальной системе.

2) Странники противоположной точки зрения говорят о том, что нельзя изучать культуру на основе каузального подхода, путем выделения общего, закономерного в ее развитии: «культура творится человеком, его индивидуальным творческим актом. В культуре явление тем более всеобщее, чем более оно индивидуально» (см. [7, с. 8]).

Поэтому в настоящее время многие ученые склонны рассматривать культурологию не как науку о культуре, а как сферу научного знания, сочетающую в себе множественность наук о культуре [7].

Литература

1. Астахов О. Ю. Проблемы развития гуманитарного и социально-научного направления культурологического знания // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22, ч. II. – С. 105–108.
2. Воронкова Л. П. Культурная антропология как наука. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – Вып. 4. – 60 с.
3. Зверев А. С. Культурная антропология. – М.: ИПК МГЛУ Рема, 2009. – 112 с.
4. Командорова И. В. Культура, как социальный феномен в символической антропологии Л. Уайта: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 1999. – 23 с.
5. Копцева Н. П. Социальная (культурная) антропология. – Красноярск: СФУ, 2011. – 240 с.
6. Культурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. А. И. Шаповалова. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 320 с.
7. Левитская И. В. Концепция культурологии Л. Уайта: Proetcontra // Вестн. СамГУ. – 2011. – № 1/1 (82). – С. 5–10.
8. Миненко Г. И. Содержание и границы принципа культуроцентризма // Ученые записки научно-исследовательского института прикладной культурологии. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – Т. 2. – С. 11–22.
9. Уайт Л. Э. Наука о культуре: избранное. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.

References

1. Astahov O. Ju. Problemy razvitija gumanitarnogo i social'no-nauchnogo napravlenija kul'turologičeskogo znanija // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 22, ch. II. – S. 105–108.
2. Voronkova L. P. Kul'turnaja antropologija kak nauka. – M.: Dialog – MGU, 1997. – Vyp. 4. – 60 s.
3. Zverev A. S. Kul'turnaja antropologija. – M.: IPK MGLU Rema, 2009. – 112 s.
4. Komandorova I. V. Kul'tura, kak social'nyj fenomen v simvolicheskoj antropologii L. Uajta: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. – M., 1999. – 23 s.
5. Kopceva N. P. Social'naja (kul'turnaja) antropologija. – Krasnojarsk: SFU, 2011. – 240 s.
6. Kul'turologija: ucheb. posobie dlja studentov vyssh. ucheb. zavedenij / pod red. A. I. Shapovalova. – M.: VLADOS, 2003. – 320 s.
7. Levitskaja I. V. Konceptija kul'turologii L. Uajta: Proetcontra // Vestn. SamGU. – 2011. – № 1/1 (82). – S. 5–10.
8. Minenko G. I. Soderzhanie i granicy principa kul'turocentrizma // Uchenye zapiski nauchno-issledovatel'skogo instituta prikladnoj kul'turologii. – Kemerovo: KemGUKI, 2006. – T. 2. – S. 11–22.
9. Uajt L. E. Nauka o kul'ture: izbr. – M.: ROSSPEN, 2004. – 960 s.

УДК 008

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОЗИДАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КУЛЬТУРЫ

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург). E-mail: ariarskiy@yandex.ru

Статья раскрывает роль культуры в условиях креативно-информационной цивилизации и место педагогической культурологии как области науки и социальной практики, обосновывающей методологию и методику вовлечения людей в мир культуры. Педагогическая культурология представляется как средство интеграции философской антропологии, культурологии и педагогики в постижении культуры.

Ключевые слова: креативно-информационная цивилизация, культура, культурология, педагогика.

EDUCATIONAL CULTUROLOGY IN THE SYSTEM OF CREATIVE POTENTIAL CULTURE IMPLEMENTATION

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice President of the Russian Association of Museum Staff, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology of FSFEI HPE "St. Petersburg State University of Culture and Arts" (St. Petersburg). E-mail: ariarskiy@yandex.ru

The article deals with culturology as a field of teaching science and social practice, which integrates the basics of philosophical anthropology, culturology and pedagogy and, based on their interaction and mutual influence, discloses a technique of social and cultural education and individual involvement in cultural activities that facilitate the transformation of knowledge about culture in moral and aesthetic beliefs, norms and principles in the spiritual life, and the skills of creative activity. Constructive contribution to the formation of cultural science teaching culture of the individual and society is manifested in the fact that, based on philosophical anthropology, culturology and centuries of experience in domestic and global pedagogy, complements and enriches it, being specific to the culture and laws of its formation. The most important advantage of culturology is teaching manifested in a synergistic effect that is achieved by relying on three areas of scientific knowledge: philosophical anthropology, culturology and pedagogy, and ensuring integration of their achievements in the process of involving the people in culture and socio-cultural creativity world.

Keywords: creative and informational civilization, culture, culturology, pedagogy.

Креативно-информационная цивилизация, характеризующая современный этап развития человечества, являет собой результат сложившихся к XXI веку достижений в науке, технике, высоких технологиях производства, экономике, социально-политической и духовной жизни. Однако ее фундаментом и ведущей движущей силой выступает культура как исторически определенный уровень развития общества и творческих сил человека, как качество жизни, как совокупность созданных человеком духовных и материальных ценностей, как сотворенная людьми сфера их обитания и созидания, как стержень сохранения исторической памяти и национального достояния, как источник прогресса и социального благополучия, как средство духовно-нравственного развития людей и стимулирования их творческой активности.

Культура всегда играла особую роль в истории России. Она способствовала прогрессивным реформам Петра I, помогала Екатерине II преобразовать страну в великую державу, придала конструктивные начала либеральным преобразованиям Александра II; дала возможность Советскому Союзу совершить исторический рывок в повышении уровня образования, развитии науки и промышленного производства, вовлече-

нии десятков миллионов людей в эстетический всеобщ и социально-культурное творчество. Исключительную роль культура обрела в креативно-информационной цивилизации, основой которой стала наука, научно-технический прогресс, приоритет знаний и общекультурное развитие людей. Культура XXI века позволила создать мир глобализации общественного развития, сломать границы информации, наполнить Вселенную спутниками Земли, посредством энергоносителей обеспечить общедоступность наиболее значимых духовных ценностей, с помощью компьютера и мобильного телефона утвердить принципиально новый уровень жизни, вооружить человека возможностью не выходя из дома решать сложнейшие задачи производства, обучения, общения; обогатила окружающую среду, внесла эстетические начала в быт и досуг. Подтверждается мысль Норберта Винера, утверждавшего, что мы изменили мир столь радикально, что теперь вынуждены сообразно ему изменить и себя.

Мы живем на огромной территории, основная часть которой обращена на север. Миллионы квадратных километров российской земли находятся в зоне вечной мерзлоты. На поддержание тепла, добычу природных богатств и развитие сельско-

го хозяйства мы тратим многократно больше сил, чем другие страны. Преимущества бескрайних просторов оборачиваются издержками на поддержание коммуникаций. Все это детерминирует принципиально более высокий уровень культуры жизнеобеспечения, диктует необходимость формировать способность успешно существовать и творить в сложнейших природно-климатических условиях.

Реализуя свои безграничные возможности, культура способна сыграть решающую роль в создании процветающего гражданского общества и формировании духовно богатой и гармонически развитой личности. Но для этого необходимо в полную меру осмыслить сущность и природу ее функционирования, найти механизмы реализации ее созидательного потенциала. В отличие от стаи птиц культура человека не передается генетически, она является предметом длительного и целенаправленного педагогического процесса, успех которого находится в прямой зависимости от способности учитывать особенности ее постижения, опираться на созидательную силу литературы и искусства, в полную меру осмыслить изменения в человеке и в первую очередь в детях и молодежи, которые порождены эпохой компьютера и мобильного телефона.

Необходимо осознать, что культура носит всепроникающий характер, затрагивает все сферы жизнедеятельности и не может ограничиваться сферой искусств. Культура – это не только театр, кино, музыка, хореография или изобразительное творчество. Культура – это базовые ценности, отраженные в лучших традициях народов, в глубоких и прочных знаниях, в созидательном и высокопроизводительном труде на благо общества, в подлинно гуманных общественных отношениях; это реализуемые на практике духовные идеалы человеческого бытия, это постоянно проявляемое благородство, доброжелательность, способность сопереживать проблемы окружающих и помогать в их разрешении.

Существующая в стране система формирования культуры опирается на культурологическое просвещение в средней и высшей школе, которое, формируя гуманитарные знания, в основном ограничивается лишь сферой литературы и искусства, не вовлекая обучающихся в реальную культурную

деятельность, которая способствовала бы преобразованию знаний о культуре в нравственно-эстетические качества личности, превращала учащуюся молодежь из объектов просветительного воздействия в субъектов социально-культурного творчества. Историко-культурное просвещение в учреждениях базового образования малоэффективно и в силу того, что строится на механическом перенесении на него методик обучения основам наук и не учитывает, что культура постигается иными приемами и способами.

Феномен культуры не укладывается в традиционные рамки методик обучения основам наук, он требует учета многообразия условий и требований, удовлетворение которых не под силу только педагогике или только культурологии. Реализация созидательного потенциала культуры возможна лишь оригинальными методиками, вытекающим из синергетического эффекта интеграции культурологии, педагогики, психологии и иных компонентов человекознания, из опоры на искусствоведение, литературоведение, музыковедение, театроведение, киноведение, на методику социально-культурной деятельности и народного творчества, на досуговедение, музееведение, библиотекведение и иные смежные дисциплины.

Неэффективность сложившейся в России начала XXI века образовательно-воспитательной системы, не способной сформировать у подрастающего поколения минимум знаний в сфере духовной жизни и вооружить человека умениями и навыками, необходимыми для самовыражения и самоутверждения в сложившихся динамичных и нестандартных ситуациях современного мира, привела к потере культурного потенциала общества и его интеллектуального капитала, к существенному ослаблению традиционного проявления открытости и добросердечности, породила чуждые национальному менталитету россиян элементы жесткости и социальной агрессии, вызвала восприятие счастья, ограниченное лишь физическим здоровьем и материальным благополучием. В сложившейся ситуации главная задача просвещения, образования и воспитания проявляется в их способности формировать в полном смысле творческую личность, готовую к преобразовательно-созидательной деятельности в семье, трудовом коллективе, в общественно-

политической жизни, в сфере неформальных отношений, в общественных и государственных институтах; в использовании достижений современной науки как средства реализации созидющего потенциала культуры.

Сложившееся противоречие между способностью культуры отражать и формировать гуманитарную картину мира, синтезировать нравственно-эстетические ценности человечества, духовно обогащать современное общество и реальным уровнем реализации ее созидющего потенциала обусловили целесообразность появления нового направления науки и социальной практики – ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ, которая приняла на себя разработку и внедрение системы инкультурации, учитывающей специфику культуры и закономерностей ее постижения, удовлетворяющих и последовательно возвышающих реальные интересы и потребности человека, и построенных на единстве информационно-логического и эмоционально-образного воздействия на его разум и чувства.

Педагогическая культурология исходит из того, что личность информационного общества – это не только человек, обладающий исторически обусловленной степенью разумности, ответственности перед социумом и ведущий образ жизни, соответствующий идеалам его эпохи. Понятие личность неотделимо от креативности, то есть культуры, основанной на способности к активному, созидательному творчеству, умению не только воспринимать, осмысливать, использовать, воссоздавать, но и эффективно реализовывать ее созидательный потенциал, внедрять высокие технологии, вносить посильный вклад в совершенствование качества жизни. Моделью человека XXI века должна стать креативная личность, однако ее появление нельзя ограничивать влиянием естественной среды. Обладание креативными качествами может быть лишь результатом последовательного, педагогически выверенного воздействия на сознание и чувства индивида, поэтапного приобщения его к культуре творчества и реализации своих интеллектуальных, организационных, коммуникативных и эмоциональных потенций.

Вклад педагогической культурологии в научное обоснование процесса вовлечения людей в мир культуры проявился в том, что она рас-

крыла механизм постижения культуры с учетом ее специфики, с опорой на особенности усвоения ее ценностей, транслируемых средствами слова, музыки и иных каналов распространения духовного богатства человечества.

Определяя особенности постижения ценностей культуры, Х. Г. Гадамер указывал на принципиальное отличие этого процесса от процесса усвоения знаний в области естественных наук. В физике, химии, биологии происходит приращение знания; в культуре – непреложно вовлечение в мир ее ценностей. Законы математики можно выучить, явления культуры необходимо пережить. Вильгельм Дильтей образно заметил, что природу мы объясняем, а духовную жизнь понимаем. В процессе социализации система непрерывного образования объясняет формирующейся личности раскрытые нашими предками формулы, теоремы, законы функционирования природной среды. По мере своего развития наука последовательно обогащает эти данные, что позволило только в XX веке породить авиацию, космонавтику, телевидение, атомную энергетику, компьютерную технику и многое другое, изменившее облик нашей планеты. И все это находит конкретное объяснение в точных науках, опирается на обоснованные ими и подтвержденные практикой закономерности. Принципиально иначе складывается формирование гуманитарного знания, вовлечение человека в мир культуры. Гомера, Дж. Боккаччо или Б. Ахмадулину нельзя «объяснить». Опираясь на требования герменевтики (Фр. Шлейермахер, Х. Г. Гадамер), педагогическая культурология помогает людям воспроизвести и реконструировать соответствующую эпоху, понять и интерпретировать авторский замысел и смысл их творений. Шедевры человеческого гения открывают широчайший простор для их толкований. При этом диапазон проявляющихся различий находится в прямой зависимости от их интеллектуальной емкости, оригинальности и глубины. Величие Рафаэля, А. П. Чехова или Д. Д. Шостаковича проявляется в том, что каждый, кто соприкасается с результатами их творчества, наряду с общечеловеческими и национальными ценностями, находит в них свое, неповторимое, отражающее только ему присущий социально-культурный опыт. М. В. Ломоносов, А. Эйнштейн или Л. Д. Ландау

навеки вписали себя в историю мировой науки. Однако их научные открытия носят объективный характер: если бы не было этих ученых, развитие научного знания через десять или пятьдесят лет взяли бы на себя другие. Принципиально иная атмосфера в гуманитарной сфере, где за ее героями обязательно стоят неповторимые авторы. Не будь Н. В. Гоголя или Б. Л. Пастернака человечество никогда не услышало бы имени Чичикова или доктора Живаго, равно как без Леонардо да Винчи и П. И. Чайковского, не было бы пленительной Джонды и Первого концерта для рояля с оркестром. Наука дает понятийное и логически аргументированное знание, которое не зависит от личных пристрастий; искусство всегда окрашено конкретной личностью, оно эмоционально и образно.

Возможности разума и рационального знания, как подчеркивал Павел Флоренский, весьма ограничены [9, с. 6]. Разум способен лишь выявить противоречия бытия и отражающие его знания. Синтез антиномий возможен лишь сердцем. Познать разумом – значит «обозначить противоречие», уразуметь сердцем – значит «понять всецело». Науку нужно понять, художественное произведение необходимо и понять, и принять.

Многогранность и диалектическая природа культуры, проявляющейся в самых разных сферах жизнедеятельности людей и общества и принимающая самые различные формы функционирования не укладывается ни в одно направление науки и требует, как минимум, междисциплинарного подхода. Это обусловило необходимость интегрировать в педагогической культурологии три направления научного знания:

- философскую антропологию;
- культурологию;
- педагогику.

Философская антропология предопределила восприятие человека как высшей ценности цивилизации, а это в свою очередь детерминировало принципиально иное восприятие методологии постижения культуры, а вместе с ней и научных основ педагогической культурологии.

Жизнь убедительно свидетельствует, что усвоение научных знаний и постижение ценностей культуры осуществляются по разным законам и векторам. Для любого человека таблица умножения или теория относительности остаются

неизменными и однозначными в любой ситуации, а Отелло, Фауст или Арбенин у каждого – свой. Более того, один и тот же человек в разном возрасте смотрит на них разными глазами. Учитель имеет возможность заставить ученика усвоить определенную сумму знаний, но он не в состоянии заставить их полюбить стихи, музыку или живопись, ибо ценности культуры интериоризируются лишь в условиях свободы выбора и реально проявляемых интересов обучающихся.

Процесс социализации строится на методологической основе, исходящей из того, что любая формирующаяся личность способна освоить сущность мировоззренческих и иных гражданских качеств; один – на «отлично», другой – лишь на «удовлетворительно», но каждый может и должен овладеть объемом знаний, входящих в Государственный образовательный стандарт средней школы, и это предопределяет условие, непреложно необходимое для обретения статуса гражданина России. Вовлечение индивида в мир культуры, то есть его инкультурация, носит индивидуальный характер, ориентируется лишь на одного человека, отталкивается от реально проявляемых наклонностей, способностей, дарований, потребностей и интересов каждого индивида. Требования социализации едины для всех, кто осваивает основы гражданских качеств; содержания и форм инкультурации ровно столько, сколько людей вовлечены в процесс постижения культуры и включены в социально-культурное творчество.

Культурология обеспечивает восприятие сущности, природы и бесконечного многообразия культуры и культурных процессов, дает возможность увидеть в ней:

- и совокупность, созданных людьми духовных и материальных ценностей;
- и исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека;
- и сложно организованную систему надбиологических программ человеческой деятельности;
- и сотворенную людьми среду их обитания;
- и средство самоорганизации, саморегуляции, самоутверждения личности.

С утверждением в конце XX столетия культурологии как единой науки о культуре появилась реальная возможность обеспечить комплексное

осмысление закономерностей происхождения, развития и функционирования культуры, раскрытие структуры и специфики духовного производства и воспроизводства, обеспечить разносторонний анализ созданных и создаваемых национальных и общечеловеческих ценностей, а главное – обосновать механизм усвоения культуры как качества личности.

Культурология позволяет увидеть специфику культуры, проявляющуюся:

- в обогащении национальных ценностей и традиций и насыщении духовного пространства каждого народа новым ценностно-смысловым содержанием, отвечающим интеграционным тенденциям XXI столетия;

- в последовательном утверждении нового типа транснациональной духовной жизни, для которой характерны трансформирующиеся в национальные культуры унифицированность, экономическая целесообразность и мобильность;

- в расширении информационно-коммуникативного пространства за счет создания медиапространств и виртуализации культурной среды;

- во внедрении новых форм духовной жизни и усилении диалога культуры, международного обмена и взаимообогащения их ценностями;

- в формировании транснациональных систем образования и науки, приводящих к существенным изменениям национальных образовательных и научных стандартов;

- в стимулировании социальной мобильности человека в новой креативно-информационной цивилизации, в утверждении нового уровня личностной культуры, обеспечивающей адаптивность человека к происходящим в мире явлениям и процессам духовной жизни.

Педагогика вооружила педагогическую культурологию научно обоснованным механизмом постижения культуры; раскрыла возможность разработать и реализовать систему эффективных педагогических методик и технологий, позволяющих учитывать специфику культуры, особенности процесса ее усвоения и преобразования человека из объекта культурно-просветительного воздействия в субъект социально-культурного творчества.

Становление педагогической культурологии связано с попыткой определить научную базу

социально-культурной деятельности, которая в течение семидесяти лет советской власти в условиях отсутствия необходимой теоретической базы в основном руководствовалась лишь директивными документами КПСС. В 80-е годы, когда начала рушиться коммунистическая идеология и социально-культурная сфера оказалась в определенном вакууме, наиболее дальновидные ее представители, направили свою инициативу на поиски методологических и теоретических ориентиров социально-культурной деятельности и нашли их в союзе философской антропологии, культурологии и педагогики. Так родилась педагогическая культурология как мостик между философской антропологией как наукой о сущности и природе человека; культурологией как наукой о культуре, исторически сложившемся уровне развития общества, результатах проявления творческих сил человека и педагогикой как наукой о воспитании, образовании и обучении человека в соответствии с требованиями социального развития. Сегодня это направление научного знания утвердило себя и есть достаточные основания дать его определение и обосновать общие характеристики его исходных целей, объекта и предмета.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ – это область науки и социальной практики, которая интегрирует в себе основы философской антропологии, культурологии и педагогики и, опираясь на их взаимодействие и взаимовлияние, раскрывает методику социально-культурного просвещения и вовлечения индивида в культурную деятельность, способствующую преобразованию знаний о культуре в нравственно-эстетические убеждения, в нормы и принципы духовной жизни, в умения и навыки креативной деятельности.

Объект педагогической культурологии – человек, личность, индивидуальность, социальная общность.

Предметом педагогической культурологии выступает социально-педагогический процесс разностороннего развития личности посредством ее вовлечения в систему социально-культурного просвещения и свободного творчества, результатом которого становятся ценности культуры, обновленная культурная среда и новые социально значимые качества людей.

Ведущая функциональная установка педагогической культурологии – вовлечение челове-

ка в мир культуры. Содержание этого процесса в основе своей составляют индивидуальное постижение ценностей культуры и социально-культурная деятельность; а методика осуществления поставленной цели строится на принципах педагогики, на способах, приемах и технологиях педагогики сотворчества.

К октябрю 1981 года сформировалась научная школа педагогической культурологии, объединившая ученых, преподавателей и специалистов социально-культурной практики в России, Украине, Белоруссии, Закавказье, Средней Азии [1–5].

Для педагогической культурологии исключительное значение приобретает принцип целостного постижения культуры, методология формирования которой исходит из того, что ее нельзя усваивать фрагментарно, не связанными между собой частями, ибо она всегда базируется на синтезе знания и веры, единстве информационно-логического и эмоционально-образного. Это сближает педагогическую культурологию с педагогикой, избравшей магистральный путь развития своей методики – от репродуктивно-информационного к эмпирико-диалогическому, от тематического к проблемно-концептуальному, от созерцательного к деятельному, культуротворческому.

Критикуя ущербность концепции научного мировоззрения, основанного лишь на логической информации, Б. В. Раушенбах убедительно показал, что личность постоянно получает информацию по двум каналам – логическому и внелогическому, которые одновременно воздействуют на разум и на эмоциональную сферу. Только в этом единстве педагогическая культурология способна обеспечить восприятие культуры как фактора целостного мировоззрения. Определяя методологию и методику вовлечения человека в мир культуры, она учитывает не только всепроникающий характер культуры, но и специфику ее постижения в разных сферах жизнедеятельности. Усвоение научных знаний, культуры труда и производственных отношений, как правило, опирается на логику, на разум, требует экспериментальной работы, доказательств формул, теорем, эффективности технологических процессов. Восприятие произведений искусства главным образом основывается на эмоциональной сфере, на эстетических

чувствах. Однако в целом восприятие индивидом любых ценностей духовной или материальной жизни строится на единстве информационно-логического и эмоционально-образного. На научной конференции или при разработке высоких технологий превалирует разум, на концерте симфонического оркестра или художественной выставке решающую роль играют чувства, но любое явление культуры вызывает у людей и логические умозаключения, и эмоциональное восприятие. Как образно отметил Б. В. Раушенбах, целостное – это то, в котором обе составляющие работы головного мозга (и логическая, и нелогическая, основанная на чувствах) гармонично сотрудничают, и индивид только в этом случае становится человеком. Личность, вооруженная только логикой, сродни компьютеру; человек, абсолютно лишенный способности логически мыслить, – это что-то близкое к сумасшедшему. Учет специфики культуры требует от педагогической культурологии разработать и внедрить такой механизм формирования общей культуры личности, который, с одной стороны, обеспечил бы ее постижение как единого целого, а с другой – позволил бы в разных ситуациях в большей или меньшей мере развивать логическое или эмоциональное восприятие.

Ценности культуры невозможно навязать силой. Добро, любовь или дружеские отношения могут быть результатом только свободного, активного, интериоризированного, личностно-осмысленного выбора. Эти ценности нельзя заставить принять или отвергнуть, они должны быть восприняты сердцем, а это предопределяет необходимость сделать стержнем вовлечения человека в мир ценностей культуры методику воздействия на его эмоциональную сферу. Сверхзадача педагогической культурологии – превратить ценности культуры из «вещи в себе» в «вещь для нас», реализовать духовный потенциал культуры, сделать его доступным каждому человеку.

Более чем за тридцать лет своего существования научная школа педагогической культурологии осуществила ряд теоретико-эмпирических исследований, позволивших прийти к достаточно существенным выводам, которые вносят определенный вклад в современное гуманитарное знание.

Школа выявила закономерности педагогической культурологии, проявляющиеся:

- в ее гуманистической направленности;
- в креативно-инициативных началах;
- в удовлетворении и последовательном возвышении духовных интересов и потребностей людей.

На первоначальном этапе своего становления школа ограничивалась научным обоснованием сущности и природы социально-культурной деятельности. Однако логика исследования позволила увидеть в педагогической культурологии гораздо более широкие функции, показала, что она способна обеспечить эффективность постижения культуры в условиях семьи, в учебных заведениях, трудовых коллективах, во всех сферах духовной жизни. Она дала возможность обеспечить научную базу социально-культурной деятельности, преодолеть бытовавшее в годы советской власти ее сведение лишь к организации свободного времени. Она способствовала утверждению принципиально нового уровня подготовки специалистов социально-культурной сферы в вузах и колледжах культуры, которые ныне могут успешно решать вопросы формирования культуры не только в культурно-досуговых учреждениях, но и в самых разных сферах духовной жизни.

Конструктивная роль педагогической культурологии проявилось в обогащении содержания и форм социально-культурной функции учреждений искусств, в духовно-познавательном наполнении туристского досуга, в стимулировании креативно-творческой активности школьников на внеклассных мероприятиях, в реализации созидательного потенциала корпоративной культуры трудовых коллективов. Однако социальная практика убедительно свидетельствует, что синергетический эффект интеграции философской антропологии, культурологии и педагогики этим далеко не исчерпывается. Педагогическая культурология может и должна проявить себя в разностороннем эстетическом развитии детей в дошкольных учреждениях; в системе историко-культурного и нравственно-эстетического воспитания учащейся молодежи; в формировании благоприятной культурной среды в семье, трудовом коллективе, воинской части, общественном объединении, в разных формах досуга.

Конструктивный вклад педагогической культурологии в формирование культуры личности и общества проявляется в том, что, опираясь на философскую антропологию, культурологию и многовековой опыт отечественной и мировой педагогики, она дополняет и обогащает его учетом специфики культуры и закономерностей ее формирования. А это позволяет констатировать, что:

1. Культура носит всепроникающий характер. Ее нельзя ограничивать лишь сферой искусств. Сегодня правомерно видеть культуру личности во всех областях реализации ее созидательного потенциала – от культуры быта, культуры речи, культуры общения до профессиональной, политической, экономической, правовой, экологической, нравственно-эстетической культуры.

2. Природа культуры предполагает абсолютную свободу индивида в выборе ее ценностей и следованию им. Культура – это индивидуально принятые критерии поведения, деятельности и восприятия действительности и искусства. Эти критерии человек выбирает для себя в соответствии с интериоризированными в семье и микро-среде нравственно-эстетическими традициями, образом жизни, способностями, наклонностями, эрудицией, интересами, жизненными притязаниями.

3. Культура всегда субъективна, отражая индивидуальные, личностные дарования, наклонности, пристрастия. Законы природы порождаются естественными потребностями мироздания. В культуре новации носят личностный характер. Заменить Бетховена или Пушкина нельзя. Просто без них духовный мир был бы намного беднее.

4. Научные знания постигаются разумом. Их можно усвоить трудом и терпением. Однако возможности разума и рационального знания ограничены. Они не способны объять все богатство и многообразие культуры, которую нужно не только понять, но и принять, интериоризировать. А это становится реальным лишь тогда, когда разум подкрепляется эмоциональной сферой человека.

5. Освоение ценностей культуры органично связано со спецификой их эмоционального восприятия. Слово воспринимается новизной, музыка – ассоциативной памятью, изобразительное искусство – способностью человека вычленить в нем рациональное зерно. Своими эмоциональны-

ми каналами воздействия отличаются и иные жанры искусства, и это предопределяет богатейшую палитру приемов и способов постижения широчайшего многообразия различных жанров, видов и форм искусства.

6. Методология инкультурации принципиально отлична от социализации. Включение индивида в социум исходит из непреложных требований общества; вовлечение человека в мир культуры строится на учете его индивидуальных

способностей, дарований, наклонностей, потребностей и интересов.

Важнейшее преимущество педагогической культурологии проявляется в синергетическом эффекте, который достигается опорой на три области научного знания – философскую антропологию, культурологию и педагогику – и обеспечением интеграции их достижений в процессе вовлечения людей в мир культуры и социально-культурного творчества.

Литература

1. Ариарский М. А. Педагогическая культурология: в 2 т. – СПб.: Концерт, 2012. – Т. I. – 448 с.; т. II. – 400 с.
2. Ариарский М. А. Педагогическая культурология. – СПб.: Концерт, 2011. – 848 с.
3. Ариарский М. А. Прикладная культурология. – СПб.: Эго, 1999. – 530 с.
4. Ариарский М. А. Созидательный потенциал культуры и условия его реализации. – СПб.: Концерт, 2013. – 64 с.
5. Буров Н. В. Педагогическая культурология музейной деятельности. – СПб.: Концерт, 2009. – 420 с. и др.
6. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: Петрополь, 1996. – 416 с.
7. Новиков А. М. Основания педагогики. – М.: Эгвес, 2010. – 208 с.
8. Фельдштейн Д. И. Проблемы психолого-педагогических наук в XXI веке. // Педагогика. – 2013. – № 1. – С. 3–17.
9. Флоренский П. Столп и утверждение истины. – М.: Правда, 1990.

References

1. Ariarskij M. A. Pedagogičeskaja kul'turologija: v 2 t. – SPb.: Koncert, 2012. – T. I. – 448 s.; t. II. – 400 s.
2. Ariarskij M. A. Pedagogičeskaja kul'turologija. – SPb.: Koncert, 2011. – 848 s.
3. Ariarskij M. A. Prikladnaja kul'turologija. – SPb.: Ego, 1999. – 530 s.
4. Ariarskij M. A. Sozidatel'nyj potencial kul'tury i uslovija ego realizacii. – SPb.: Koncert, 2013. – 64 s.
5. Burov N. V. Pedagogičeskaja kul'turologija muzejnoj dejatel'nosti. – SPb.: Koncert, 2009. – 420 s. i dr.
6. Kagan M. S. Filosofija kul'tury. – SPb.: Petropol', 1996. – 416 s.
7. Novikov A. M. Osnovanija pedagogiki. – M.: Egves, 2010. – 208 s.
8. Fel'dshtejn D. I. Problemy psihologo-pedagogičeskikh nauk v XXI veke // Pedagogika. – 2013. – № 1. – S. 3–17.
9. Florenskij P. Stolp i utverzhdenie istiny. – M.: Pravda, 1990.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 008 : 24 : 34 : 39 : 94 (477)

ТРАДИЦИОННАЯ ДУХОВНОСТЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ И В СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Радзиевский В. А., кандидат культурологии, доцент, Киевский национальный университет культуры и искусств, член-корреспондент Международной академии креативной педагогики (г. Киев, Украина). E-mail: svitrad@yandex.ua

В статье анализируется роль и значение православной традиции в период Киевской Руси и советской Украины в культурном пространстве Украины. Проблема стала актуальной в связи с изменением ментальной парадигмы, общественными трансформациями и социокультурными изменениями в постсоветской Украине.

Ключевые слова: культура, духовность, Киевская Русь, советская Украина, православие, культурология, история, культурное пространство Украины.

TRADITIONAL SPIRITUALITY IN KIEVAN RUS AND IN SOVIET UKRAINE

Radziyevskiy V. A., Candidate of Culturology, Docent, Kiev National University of Culture and Arts, Corresponding Member of the International Academy of Creative Pedagogy (Kiev, Ukraine). E-mail: svitrad@yandex.ua

Analyzing the role and the significance of the Orthodox tradition in the period of Kievan Rus and Soviet Ukraine in the cultural space of Ukraine. The problem became actual due to the change in mental paradigm, social transformation and socio-cultural changes in post-Soviet Ukraine.

Keywords: culture, spirituality, Kievan Rus, Soviet Ukraine, orthodoxy, culturology, history, the cultural space of Ukraine.

For many centuries, the Orthodox religion has been an important aspect of the culture of the Ukrainian population. In the scientific discourse the Orthodoxy traditionally regarded as folk and eventually as the national religion of the Eastern Slavs. This opinion is reflected in the works of the largest pre-revolutionary historians, philosophers and artists. This idea was partly presented and voiced as an opinion even in the difficult years of persecution of Orthodox spirituality (academicians S. Tokarev, D. Likhachev, P. Tolochko etc. [16; 17]). A significant number of Ukrainian scientists (V. Korol, G. Ivakin, A. Motsya, A. Sagaydak, N. Tkach, V. Orlenko and many others [9, p. 3; 13, p. 15–18]) are following the

opinion about the fast Christianization of Kiev and its surroundings, although not everyone agreed with this idea (B. Rybakov, M. Popovich, J. Borovsky [1; 6; 15])

The purpose of this article is to analyze the value of such a sign of a fundamental constant of traditional culture as spirituality in Kievan Rus and in Soviet Ukraine.

Spiritual culture was especially closely linked with religion and language. D. Likhachev celebrated as the beginning of the Christianization of Rus important and glorious phase of the East Slavic culture. NAS academician P. Tolochko believes that spirituality blossomed in culture of Kievan Rus in the 10–13th

centuries; the Orthodoxy was exclusive [17, p. 106], for more information [13, p. 203–228]. The Orthodox “charge” year 988 gave a jolt for almost millennial (up to 1917) movement, inertia MDM in a veiled form was felt in a difficult and largely anti-clerical Soviet times and made itself felt even in today’s reality. For more than a thousand year history of Christianity, the Soviet period was the most difficult and sacrificial. Of course, the spirituality of the Ukrainian population was not limited to the Orthodox Church, as Islam was common in the Crimea, and Judaism and Catholicism existed traditionally (especially among Polish and Hungarian population), and Greco-Roman Catholicism, Protestantism, and a number of other Christian faiths and non-Christian orientation as well.

In the spiritual paradigm of modern Ukraine, an increasingly prominent place is occupied by religiousness and such a multireligious aspect with significant ideological basis, which is the ecumenism. The Cultural Space of Ukraine is not limited to the religious field, as the secular model of behavior has long been the norm. However, among the many reflections, religious and atheistic spiritual practices of the Orthodox faith in the historical context belonged to a special place from the end of the 10th century of Kievan Rus and up to the establishment of Soviet Ukraine. There are two variants and two models with different cultural codes, worldviews and paradigms of the Eastern Slavs’ development, that have revealed a variety of original structures. These are two key steps of the Ukrainian history: Kievan Rus and Soviet Ukraine with two space-time axes.

There is a reason to believe that Kiev of the mid 12th century was the third most important Christian center in the world, surpassed by Constantinople and Rome only [8, p. 2]. There is a considerable evidence that has both, native and foreign sources. For example, after the great fire incinerated Kiev in 1017, the next year, in 1018, Titmar Merseburg counted 400 temples in Kiev [9; 10; 13]. Let this figure be inaccurate (although there is no reason not to trust the distinguished traveler, scholar and Archbishop), but it could hardly be overstated. Rather opposite then, Titmar thought about huge for those times Kiev that nearly doubled in size to exceed Paris or London by population, and had overlooked something. Moreover certain, Titmar was physically unable to visit all the home churches and monasteries of a churchwarden. Unlikely that all of its rich citizens would admit to themselves. It is

logical to offer a version according to which only the rounded number of them was seen by Titmar, indicating 400 temples, of which even after a fire could be up to 500. There is no reason to deny the fact that earlier, before 1017, the number of churches could reach up to thousands (and this is just thirty years after the official Christianization of Kiev). Especially because of the full chronicles we know well, that urban fires were a great calamity, which burned thousands of homes and temples. So, about 600 temples burned in Kiev during the fire at the Nativity of John the Baptist in 1124 [8, p. 2].

When the population of Kiev numbered about 50,000 people, the quantity of its temples exceeded 1000. Although it is conceded by the Moscow history book (remember M. Tsvetaeva, M. Bulgakov etc.) and historical “forty times forty churches”. However, if valid, until the October 1917 revolution, in Orthodox churches, Moscow had 1620 ecclesiastical thrones, the number of ecclesiastical thrones, despite the powerful Ukrainian school for the study of ancient Russia (P. Tolochko, A. Tolochko, N. Nikitenko, V. Korol, G. Ivakin, A. Motsya, A. Sagaydak, M. Braychevsky, Y. Borovsky and others) for a long time was not even discussed. We allow ourselves to be called a hypothetical figure of 1500 Kiev church of Thrones, based on the specifics not only preserved (Kievan Sophia, Church of the Savior on Berestovo such landmark monastery as Crypt, Vyduketskiy, Kirillov monasteries etc.) and restored temples of Kiev (Cathedral of the Dormition Kiev-Pechersk Lavra, St. Michael’s Monastery, Church of the Virgin Pirogoshcha etc.), but also because of the chronicles, archaeological, folklore and other sources.

In Ukraine, there is some doubt about the existence of continuity between Kievan Rus and the Russian state. But it is independent and great Russia, not Ukraine enslaved Poland, continued the ancient tradition of frame dwellings built in the epics of ancient heroes (Ilya Muromets, Alyosha Popovich, Dobrynya Nikitich etc.) and other ancient traditions and rituals. V. Matveev leads N. Berdyaev to thought that “Russia is destined to be the liberator of nations” [5, p. 57], and justice-related problems with this mission “predestined... the spiritual forces of history” [5, p. 57], have also added and the culture. Even the term “Kievan Rus” appeared in the 19th century in Moscow. It had become popular, thanks to historian S. Solovyov, after policies of Stalin extended the

notion of Kievan Rus through the party historians. Sometimes Novgorod and other subcultural features and modes of influence north and east of the ancient Russian state are ignored. (P. Tolochko, A. Tolochko, A. Motsya and others [1; 2; 6; 10; 14; 17]). Concepts “Kievan Rus” and “Soviet Ukraine” have special cultural and historical content. These are the two most important and significant, representative and forming the vector and concentrating the sense of periods in the history of the Ukrainian people.

Of course, there were many stages in the development of history and culture of Ukraine, the great and glorious hetmans (B. Khmelnytsky, P. Doroshenko and others), chieftains, simple honest and decent cossacks. Zaporizhya Sich some time was a unique likeness state. But it is hard to disagree with its further weakening of moral, even partial degeneration. History of Zaporizhya Cossacks is not only great, but sometimes infamous series of events (hiking composed Polish troops in Muscovy and even to Moscow). In our opinion, those historians who believe that Kievan Rus is not quite correct and appropriate term for the ancient Russian state. Kievan Rus as the name is conditional, and not quite accurate and correct [8–14; 16].

In pre-Soviet, Russian imperial Ukrainians believed subetnosa (part of an all-Russian ethnic group), product recall N. Kostomarova “Two Russian nationality”. Little Russia (Ukraine) is the historical name of the native, aboriginal, original Russia (Kievan Rus). It is well known that there is “Little Greece” (the birthplace of the Greek culture) and “Greater Greece” (where the Greeks settled later), “Little Poland” and “Great Poland”, “Little Armenia” and “Great Armenia” etc. with linguistic and cultural unity of the community, but with regional and other subcultural features. Similar observed in East Slavic world.

In pre-Soviet period of East Slavic world does not line up on a deep national level. It was about ethnoterritorial and minor differences were linguocultural. In carrying out the census in the Russian Empire in 1897 was estimated heading “Russian” and “Ukrainians and Belorussians were not statistically allocated” [5, p. 175].

For centuries, Ukraine was the object of the struggle, not some kind of edge, parochial identity, and competition on the one side, great Polish culture and, on the other side, no less glorious all-Russian

culture. Before the 1917 revolution, the Ukrainians, Russians and Belarusians were the one Russian nation as Velikopolyane, Malopolyane, and Mazury were the Polish nation, and the Prussians, Bavarians, Saxons were German etc. It should not focus on the three fraternal peoples, as one people in his triune subcultural and linguistic distinctiveness. Is there a Russian who does not understand without translation, for example, a play by Ukrainian dramatist and writer G. Kvitki-Osnovyanenko “Shelmenko batman”? Are language differences not only between the United States and English-speaking New Zealand or the United Kingdom and Canada, but even among the inhabitants of separate northern and southern states of the USA? However, note the fact that different states may have one common language (Great Britain and the United States, Germany and Austria, Greece and Cyprus etc.).

The Soviet period “formed” Ukrainian nation and its existence becomes axiomatic. Bolsheviks in the Soviet period created Ukrainian statehood and introduced voluntary-compulsory “Ukrainisation” Ukraine, as if worrying about separation of the Eastern Slavs. As needed for many years, two subethnoses and subcultures developed the two nations and the two great cultures. Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CP (b) U (2–6 June 1926) on the outcome of Ukrainianization, in particular: “Over the last year ... we have the greatest achievements in the field of Ukrainianization. In the state apparatus percentage office, which is held in the Ukrainian language, reaches 65, whereas at the beginning of last year, he was 20... Despite all the difficulties, press Ukrainianised 60 %” [3, p. 299].

Soviet scientists, and even more party leaders, that came out of the anti-Russian environment, created new Ukrainian identity, new stereotypes, cliches, cliches and “icons”. A vivid example is famous in Soviet and post-Soviet times Shevchenko. Many incriminating and interesting (though controversial) things about Shevchenko and the unity of the Russian and Ukrainian culture was written by A. Karevin [4]. The work of T. Shevchenko does not even have the words “Ukrainians” or “Ukrainian” [4], but there is the word Christ, God, Church, Orthodox Christianity, Rus.

In “Russia: the national question”, V. Putin indicates that “ethnic Ukrainians live in the area from the Carpathians to Kamchatka” [7], stating the basic

cultural and historical reality: Ukrainians actively build overall, great Russia as its united and beloved motherland. And at the heart of this process of consolidation of the East Slavic unity and common Russian Orthodoxy was for centuries, and later – the communist “postpravoslavie” (communist idea of graceless holiness socialist “Decalogue” as the “Code of the Builder of Communism”, the desire to build a paradise on earth and other simplified, transformed and translated into the earthly plane in communist interpretation and timelines Christian dogmas, canons, axioms and values).

In our opinion, we can not agree with the logic of the modern individual (mainly church) researchers (V. Dyatlov, V. Chernuha etc.) wanting to see the wishing to behold in Kievan Rus’ temple country, “State monastery”, peculiar sanctity certain standard, the image and the view of “heavenly city” and a sample of the highest morality. Even if in Moscow until 1917 was about 800 (maximum 1,000 churches) with more than 1,600 thrones, then it does not imply the presence of nearly 2,000 thrones in ancient Kiev and special “unearthly” spirituality of ancient Russians. Considering the most common type of architecture in ancient domed temple and other cultural features of the Kiev Rus’ period, the version of the 2000 of Orthodox thrones in Kiev of the 12th century is incorrect.

It is easy to see that the period of pre-Mongol Rus is not only a period of so-called Holy Rus, but Rus is quite mundane. Recall papal crown Daniel Galician and flirting with the West for the sake of liberation from the Mongol-Tatar yoke. It was a different, fragmented, impoverished spirit of retreated and enslaved by Mongol-Tatars Rus. Not surprisingly, that B. Rybakov have found in the monuments many pagan symbols of the 7–14th centuries [15], but the pernicious trends romanization wrote more Saint Theodosius of the Caves. Yet even before the active expansion in Russian minds of Western trends and ideas transformers restored paganism of fertile Kiev font went great spirituality of Moscow. It was no accident, great Kievan Prince Yuri Dolgoruky (deceased in 1157 in Kiev) founded in 1147 the future capital of the coming great power.

Despite the fires, and other natural disasters, and the invasion of foreigners came to our time period, a lot of temples, common to all Eastern Slavs of Old Russian Motherland. Many historical vicissi-

tudes swept over the land south and west of the former single East Slavic powers were not enough trials (at least remember the Union of Brest in 1596 year), but such a cruel persecution of the Orthodox, as in the 20th century. Previously was not.

Soviet power was established in Ukraine not immediately. But combating by the Petliurists or by the Makhnovists did not interfere since January 1918 to start a powerful destruction of the Orthodox churches by Bolsheviks. Red Army, or the Makhnovites and the Petliurists did not usually have a high level of spirituality. The period of 1918–1941 is a period of mass destruction of the Orthodox people, orthodox architecture, traditions and culture in general, and everything connected with Orthodoxy. Building the “new society” was accompanied by an even greater destruction of the old traditional society. Not surprising that under the new rulers become infamous glory far more than the glory of young sad mad, the Ephesian, having burnt in 356 B. C. i. e. in his hometown of Artemis temple. Herostratus executed and even tried to bring his name to oblivion. The Ukrainian Bolsheviks turned out differently. Of course, the hydra of revolution over time (especially in the 1930s) absorbed many of the revolutionaries. The names of some of them have disappeared forever. L. Kaganovich by destruction of the temple of Christ the Savior already earned Herostratus’ laurels. On January 13, 2010 the Court of Appeal of Kyiv declared Kaganovicha, Kosior, Khataevich, Chubar, Molotov and Stalin guilty of genocide of 1932–1933 in Ukraine (Part 1 of Art. 442 of the Criminal Code of Ukraine – “Genocide”).

Truth it should be noted that L. Kaganovich and his colleagues built a new society and did not only evil, but Artemis was a vindictive, bloodthirsty and cruel: Killed Actaeon admired her, all the daughters of Niobe, Agamemnon ordered to bring the sacrifice daughter Iphigenia (wanderers were sacrificed at the altar of Artemis in the Crimea). Artemis is sometimes identified with the goddess of darkness, witchcraft, witches and Hecate the underworld, as well as with Cybele, whose servants, obeying her, brought themselves to the ecstatic state with the application of bloody wounds and castration, as well as the goddess of war and strife, whores, and perverts Ishtar. Violence is often engenders violence and deception – deception.

The 1920–30s brought many pangs to Ukraine: red terror, repression, famine, mass executions, imprisonment and exile, coupled with an attempt to destroy the Orthodoxy. Suffice to say that in 2006 the Parliament of Ukraine recognized the Holodomor as genocide of the Ukrainian people. Holodomor of 1932–1933 by many in Ukraine is viewed as even ethnocide, and religiocide, culturocide [12].

In this context, noteworthy state of mind during the Great Patriotic War. At this time there is not only redefining the role of the church, but also appeal to many Orthodox traditions. Recall the name of military orders, opening individual temples etc. A radical turn in the war in 1943 coincided with the revival of sacred patriarchate. Periods of the second half of the war and the economy began to recover time multifaceted feat Ukrainians. Ukraine has considerably transformed increased geographically and industrially matured intellectually revived.

Khrushchev's persecution was not just a blow to religion, it was another benighted communist lies and mass delusion. The illusion of quick construction of communism led the increase in crime, sparked the beginning of a deep latent spiritual, political and economic crisis. Successes of the 40s and 50s years gone forever in the past. Great construction Brezhnev became weak echo of the post-war revival and greatness. Persecution of Orthodox traditions continued, developed kvazipravoslavnye ideas promoted graceless holiness and awareness builders "beyond horizon" of communism. The whole country and the Soviet Ukrainian Republic in particular slowly rolled into nowhere. Prospects of of communism by 1980 became the object of jokes. Party leaders ridiculed (Brezhnev, Khrushchev), Communist heroes (Chapaev, Furmanov etc.) hiding "behind the skyline" communism, the Soviet system (the Communist Party, Politburo etc.). In place of the initiative, enthusiasm, heroism and heroism came drunkenness, debauchery, drug abuse and demoralization. Developed society imaginary bright future where to place the "joy of tomorrow" and welfare invisibly and secretly snuck "standards" hypocrisy, holiness in anti and grace in quasi mass delusion. This is reflected in the drop in latency of the elite and the people "of the people". Addict is not only the grandson of long-time leader of Ukraine V. Scherbitsky, bribery – not just individual teachers, and speculators – not just work-

ers in trade. Irreligious and quasi spirituality rust corrode communist apparatus. The result of decades of decay and rot began to emerge clearly in the 80s years twentieth century.

The people of informals subject of censure, were perceived as a kind of norm, communism – as an ideological fairy tale, tomorrow became uncertain, yesterday – a delusion, and today – a dismal search. And then came the symbolic date of 1000 years of the Baptism of Russia (1988) and 400 years of the Patriarchate (1989).

Decaying from obscure and false westernized searching and vacillation, the powerful state again, as in the 1940s, trying to rely on traditional spirituality. In the late 1980s, more and more – but late – talk about culture-state-and the role of Orthodoxy, the family as a small church on the personal spiritual choice as a sign factor etc. 1990 was the last year not yet surpassed the success of Ukraine's economy and the end of a year of spiritual change for the better. It is symbolic, that year Ukraine was visited by Patriarch of Moscow Alexy II. Already 1991 gave failures economic indicators and disrupted political stability, reminded of sectarians autocephaly and Greek Catholics. It would take just a few years, and Ukrainian Orthodox spirituality strike a deep rift (creating Kiev Patriarchate), "bloom" criminal "White Brotherhood" at the end of 1992 year and then to 1994 year and a number of other dates until 21.12.2012 the assigned "end of the earth".

Instead of burned by shameful Gyrostat Ephesians temple, the best temple of Artemis was built and became the third "wonder of the world". And it may happen in Rus? After all knowingly period of the late twentieth and early twenty-first century was called the second Baptism of Rus. May shine new, more beautiful in Moscow, Kiev, Kemerovo and other churches? And more importantly, restored the best traditions of the East Slavic temples and revive human souls.

As a result, we note that the consolidation of the Eastern Slavs on the basis of orthodoxy should will be one of the major conditions of the crisis, revival and constructive development is not only the former Soviet Union.

Thus, traditional spirituality was the treasure that is in different key periods of Ukrainian history played an important role in the culture and history of the lands of Ukraine. Ancient Russia, after the adoption of Christian baptism in 988 year, became a great

European and world state formation. Even in Soviet times, made itself felt inertia of Christian morality, the Christian archetype path of spiritual development, humane vector cultural past, the projection of the great historical path.

Kievan Rus and Soviet Ukraine had great value humanism and humanity, even when the difference of mentality paradigms, they had a deep common basis, focused on national unity, striving for better and for

inner perfection. Today it is very important to maintain and develop all that was best in our historical development, the achievements of the national culture. It is important not only to the harmonious development of Orthodox spirituality, but also other design and culture-religious practices (Islam, Catholicism, Judaism, Protestantism etc.), because Ukraine has traditionally been distinguished by tolerance, pluralism and rich cultural diversity on their lands.

Литература

1. Боровский Я. Мировоззрение древних киевлян. – К.: Наук. думка, 1982. – 104 с.
2. Брайчевский М. Ю. Утверждение христианства на Руси. – К.: Наук. думка, 1989. – 294,[2] с.
3. Історія України: Документи. Матеріали. Посібник / уклад., комент. В. Ю. Короля. – К.: Академія, 2002. – 448 с.
4. Каревин А. Украинский язык. История становления и развития. – К.: Киевская Русь, 2011. – 232 с.
5. Матвеев В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX века – 1917 год): историография, источники, методология. – Ростов н/Д.: ЮФУ, 2012. – 192 с.
6. Попович М. В. Мировоззрение древних славян. – К.: Наук. думка, 1985. – 167 с.
7. Путин В. В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс]. – URL: soberview.org/politics/putin/russia-national.html
8. Радзиевский В. А. Избр. произведения: к 1025-летию Крещения Руси. – К.: Логос, 2013. – 248 с.
9. Радзиевский В. А. Православие как альтернатива криминальной субкультуры: моногр. – К.: НАКККиМ, 2012. – 98 с.
10. Радзиевский В. А. Православная традиция Новгород-Киевской Руси в историко-культурном и правовом контексте // Актуальные вопросы изучения духовной культуры: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие». XII Кирилло-Мефодиевские чтения 17 мая 2011 года. – М.: Ярославль: Ремдер, 2011. – С. 154–159.
11. Радзівський В. О. Київська Русь як перша вітчизняна цивілізація // Вісник Держ. академії керівних. кадрів культури і мистецтв. – 2013. – № 1. – С. 225–229.
12. Радзівський В. О. Нотатки з субкультури аномії: моногр. – К.: Логос, 2012. – 368 с.
13. Радзівський В. О. Про теорію та історію субкультур: нариси до субкультурології: моногр. – К.: Логос, 2013. – 276 с.
14. Радзівський В. О. Фітокультура та антианомія як елемент субкультури в ритуалах Середньовічної Русі: нотатки до фітокультурології та юридикокультурології: моногр. – К.: НАКККиМ, 2011. – 228 с.
15. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 782 с.
16. Токарев С. А. Этнография народов СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – 615 с.
17. Толочко П. П. Київ і Русь. Вибрані твори 1998–2008 рр. – К.: Академперіодика, 2008. – 348 с.

References

1. Borovskij Ja. Mirovozzrenie drevnih kievljan. – K.: Nauk. dumka, 1982. – 104 s.
2. Brajchevskij M. Ju. Utverzhdenie hristianstva na Rusi. – K.: Nauk. dumka, 1989. – 294,[2] s.
3. Istorija Ukraïni: Dokumenti. Materiali. Posibnik / uklad., koment. V. Ju. Korolja. – K.: Akademija, 2002. – 448 s.
4. Karevin A. Ukrainskij jazyk. Istorija stanovlenija i razvitija. – K.: Kievskaja Rus', 2011. – 232 s.
5. Matveev V. A. Rossijskaja universalistskaja transformacija i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraja polovina XIX veka – 1917 god): istoriografija, istochniki, metodologija. – Rostov n/D.: JuFU, 2012. – 192 s.
6. Popovich M. V. Mirovozzrenie drevnih slavljan. – K.: Nauk. dumka, 1985. – 167 s.
7. Putin V. V. Rossija: nacional'nyj vopros [Elektronnyj resurs]. – URL: soberview.org/politics/putin/russia-national.html
8. Radzievskij V. A. Izbr. proizvedenija: k 1025-letiju Kreshhenija Rusi. – K.: Logos, 2013. – 248 s.
9. Radzievskij V. A. Pravoslavie kak al'ternativa kriminal'noj subkul'tury: monografija. – K.: NAKKKiM, 2012. – 98 s.
10. Radzievskij V. A. Pravoslavnaja tradicija Novgorod-Kievskoj Rusi v istoriko-kul'turnom i pravovom kontekste // Aktual'nye voprosy izuchenija duhovnoj kul'tury: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Slavjanskaja kul'tura:

- istoki, tradicii, vzaimodejstvie". XII Kirillo-Mefodievskie chtenija 17 maja 2011 goda. – M.: Jaroslavl': Remder, 2011. – S. 154–159.
11. Radzievs'kij V. O. Kiivs'ka Rus' jak persha vitchiznjana civilizacija // Visnik Derzh. akademii kerivnih. kadriv kul'turi i mistectv. – 2013. – № 1. – S. 225–229.
 12. Radzievs'kij V. O. Notatki z subkul'turi anomii: monogr. – K.: Logos, 2012. – 368 s.
 13. Radzievs'kij V. O. Pro teoriju ta istoriju subkul'tur: narisi do subkul'turologii: monogr. – K.: Logos, 2013. – 276 s.
 14. Radzievs'kij V. O. Fitokul'tura ta antianomija jak element subkul'turi v ritualah Seredn'ovichnoi Rusi: notatki do fitokul'turologii ta juridikokul'turologii: monogr. – K.: NAKKKiM, 2011. – 228 s.
 15. Rybakov B. A. Jazychestvo Drevnej Rusi. – M.: Nauka, 1987. – 782 s.
 16. Tokarev S. A. Etnografija narodov SSSR. – M.: Izd-vo MGU, 1958. – 615 s.
 17. Tolochko P. P. Kii v Rus'. Vibrani tvori 1998–2008 rr. – K.: Akademperiodika, 2008. – 348 s.

УДК 786

ТРАДИЦИИ РОМАНТИЗМА И «СОВЕТСКОЕ ПИАНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Бородин Б. Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов, Уральский государственный педагогический университет, профессор кафедры фортепиано, Уральская государственная консерватория им. М. М. Мусоргского, член Союза композиторов России (Екатеринбург). E-mail: bbborodin@mail.ru

Определяющее влияние на формирование русской фортепианно-исполнительской школы оказали традиции романтизма, которые сохранялись и академизировались в «советском пианистическом пространстве», обособленном от общего вектора мировой художественной жизни. Дополнительными факторами стали консервативность музыкальной педагогической среды и потребность отечественной публики в эмоциональном общении с музыкой.

Ключевые слова: романтизм, русская фортепианно-исполнительская школа, советская фортепианно-исполнительская школа.

TRADITIONS OF ROMANTICISM AND THE SOVIET PIANISTIC SPACE

Borodin B. B., Doctor of Art History, Professor, Chair of Theory, History of Music and Musical Instruments, Ural State Pedagogical University, Professor of Chair of Piano, M. Mussorgsky Ural State Conservatory, Member of the Union of Composers of Russia (Yekaterinburg). E-mail: bbborodin@mail.ru

This article discusses the factors which have a decisive influence on the formation of the Soviet piano-performing schools. The author introduces the term “Soviet Pianistic Space” for studying indicated process. It’s a conditional term that encompasses the totality of the completeness of national piano culture phenomena relevant period. The concept “Space” is intended to emphasize tangible isolation processes occurring within the territorial limits of the USSR from the total vector world artistic life. This space is quite rigidly stratified, has its own infrastructure, mythology, corporate ethics, and even their sense of humor. Definition of “Soviet” characterizes not aesthetic or ideological installation, but only temporary and geographic identity of the phenomena.

The main local feature of the Soviet Pianistic Space is to preserve the traditions of romanticism in it. This predominance of the romantic paradigm was due to several factors:

1. Domestic piano art of the second half of the XIX century was formed under the determining influence of the aesthetics of romanticism. Aesthetic needs of the Russian audience to develop under the influence of

emotional and meaningful art Rubinstein brothers, in their repertoire central place occupied by romantic music. Genesis romantic composer-pianist (Scriabin, Rachmaninov and Medtner) personified Russian “Silver Age” in the piano field.

2. Performing and pedagogical views of the founders of Soviet piano school Igumnyov, Goldenveizer, Neuhaus and Nikolaev maintained continuity with the previous period in the new historical conditions. Their creativity represents a different branch of Romanticism. Namely romantic existential discourse is most desirable for the domestic audience, satisfying her need for transcendence.

3. Romantic model is modified in the Soviet Pianistic Space, while in the world musical culture grew stronger anti-romantic and retrospective tendencies (neo-baroque, neo-classical), evolved the tradition of “Historically Informed Performing”. The art was considered part of the “ideological front” and its development took place in an ever growing isolation “Proletarian State” from the world artistic process.

4. Performing arts is becoming a showcase achievements of Soviet society from the thirties of the twentieth century. The first Soviet pianists-laureates received the status of national heroes. Ideological censorship in performing field manifested in limiting the repertoire, which is not allowed artwork recognized “formalist” or “ideologically harmful”. Dominant repertoire of most Soviet pianists were Artworks of Romantic composers, also had an impact on the interpretation of Bach and the Viennese classics.

5. The gradual return the country in the world artistic process (70–90 years) led to a greater variety of performing directions. But the romantic tradition in the Soviet and post-Soviet Pianistic Space still continues to occupy a significant place. This is due to the conservatism of the music teaching environment and the need for the general public in the emotional communicating with the music.

Keywords: Romanticism, Russian piano-performing school, Soviet piano-performing school.

В начале статьи следует пояснить термины, вынесенные в заголовок. Советское пианистическое пространство – условный термин, охватывающий всю совокупную полноту явлений, относящихся к отечественной фортепианной культуре, и дающий возможность обобщить, рассмотреть в динамике и взаимодействии факты, связанные с фортепианным композиторским творчеством, исполнительством и педагогикой соответствующего периода.

Понятие «пространство» здесь призвано подчеркнуть ощутимую обособленность процессов, происходивших в территориальных пределах СССР, от общего вектора мировой художественной жизни. (Символом этой разобщенности может служить, например, судьба В. В. Софроницкого, при жизни практически неизвестного за пределами родины.) Это пространство имеет центральные узловые пункты и обширную периферию. Оно густо заселено, и включает в себя не только всемирно признанных артистов, но и безвестных концертмейстеров и скромных преподавателей ДМШ. Оно достаточно жестко стратифицировано, имеет свою инфраструктуру, мифологию, корпоративную этику и даже свой юмор.

Определение «советское» характеризует не эстетическую или идеологическую установку, а большей частью временную и, опять же, географическую принадлежность изучаемых феноменов. Хотя содержательное наполнение данного определения в какой-то мере отражает и глубинное своеобразие их бытования. Ведь искусство Страны советов развивалось на территории, сохраняющей – в разное время и в разной степени – определенную идеологическую герметичность. В этом контексте советское пианистическое пространство оформилось в своеобразную систему, поддерживающую свой гомеостаз, то есть способность воспроизводить себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды. В силу специфики музыкально-исполнительского искусства, его идеологическая охрана велась, конечно же, менее тщательно, чем в других видах художественного творчества – в театре, литературе и даже в музыке, но она все же существовала.

Наибольшие сложности возникают при подходе к последнему ключевому понятию заголовка – «романтизм», заключающему в себе весьма обширное и не всегда общепринятое содержание.

«Всякой по-своему его определяет и находит!» – писал о романтизме в 1826 году Н. М. Языков [14, с. 278]. Но, не желая следовать этой традиции, и, отбросив самонадеянные потуги на оригинальность, позволю себе опереться на авторитетное мнение Н. А. Бердяева, который считал, что именно «романтизм экзальтировал душевную жизнь человека, он утверждал, раскрывал и развивал эмоциональную природу человека. Человек вышел из покорности объективированному порядку, и обнаружили богатства его субъективного мира. <...> Романтизм в судьбах европейского человека означает разрыв между объективным и субъективным» [1, с. 287–288]. Выход из под власти непреложности, пусть даже и субъективный, – это акт свободы. Сошлюсь еще на один авторитет – М. В. Юдина в своей лекции о романтизме говорила: «...как известно, есть знаменитый роман “Утраченные иллюзии”, а что есть романтизм? – Приобретенные иллюзии» [13, с. 73].

Если исходить из бердяевского понимания романтизма, то главной локальной особенностью советского пианистического пространства в социальном плане окажется именно намеренное культивирование «разрыва между объективным и субъективным», высокая и утопическая попытка в государственном масштабе выйти из царства необходимости в царство свободы. В самом деле, никакими экономическими расчетами невозможно оправдать строгую и стройную систему музыкального образования, созданную в Советском Союзе. «Русское образование – удивительное, уникальное – можно сравнить с совершенным биологическим организмом, подаренным нам природой: оно питается не только большими артериями (консерваториями), но и мелкими (училищами), разветвляясь до тончайших, как нити, капилляров (школ), поддерживающих все кровообращение, снабжающих кровью все периферические окончания», – восклицал Л. Н. Наумов, сам бывший частью этого организма [8, с. 274]. Эту систему можно понять только исходя из *идеологической* (идеалистической и романтической) установки о преобразующей, воспитывающей нового человека силе искусства.

Идея контроля над стихией субъективности дала неожиданные результаты. Субъективный мир консолидировался и почувствовал свою от-

носительную автономию. Поэтому советское пианистическое пространство, порожденное отечественной системой музыкального образования, наглядно демонстрирует правомерность диалектического закона перехода количества в качество. Выпуская профессионалов с избытком природного явления (подобно цветению трав, нересту рыб), эта система повышала вероятность появления выдающихся музыкантов. Но, с другой стороны, сколько неудовлетворенный амбиций, тайных и явных драм тайл и таит в себе этот неестественный «естественный отбор»!

Советское пианистическое пространство является динамической системой: оно было разным в 30-е и, скажем, в 80-е годы XX столетия. Но одна закономерность определяла его единство – это сохранение, развитие и академизация в нем романтических традиций, в то время как глобальная мировая тенденция была направлена на их преодоление и трансформацию. Н. А. Бердяев, вспоминая конец 20-х годов, писал: «Когда я оказался в изгнании на Западе, то застал интеллектуальную Европу, в преобладающих ее течениях, в состоянии реакции против романтизма и против XIX века вообще» [1, с. 288]. «Вообще, как в наше время можно быть романтическим? – спрашивал в одном из интервью молодой И. Ф. Стравинский. – По моему мнению, романтика раз и навсегда похоронена как в искусстве, так и в жизни» [12, с. 81]. Молодой Шостакович в это время создает свои самые антиромантические опусы – оперу «Нос», Первую фортепианную сонату, цикл «Афоризмы». Но, в то же время он участвует в международном конкурсе имени Шопена в Варшаве, где получает почетный диплом. Конструктивистские, урбанистические тенденции, господствовавшие в искусстве в целом, не стали главными в фортепианном исполнительстве и не вытеснили романтическое начало.

Такое преобладание романтической парадигмы было обусловлено рядом факторов. Рассмотрим их по порядку.

Трудно отрицать, что отечественное фортепианное искусство второй половины XIX столетия сформировалось под определяющим влиянием эстетики романтизма. Жанры фортепианной музыки, их образная сфера, формы и фактурные решения непосредственно связаны преимущественно с традициями Шопена, Шумана и Ли-

ста. Отмеченные влияния просматриваются даже в наиболее самобытных фортепианных опусах этого периода: «Исламей» М. А. Балакирева развивает линию листовской виртуозности, «Картинки с выставки» М. П. Мусоргского по концепции формы близки шумановской сюите сквозного строения. Этюды польского гения с их единством художественного и конструктивного и естественной пианистической пластики сознательно или интуитивно послужили образцом для этюдов Лядова, Аренского, Блуменфельда, Скрябина и даже для ранних этюдов Стравинского (Четыре этюда ор. 7).

Русский серебряный век в фортепианной сфере олицетворяли композиторы-пианисты весьма несхожих индивидуальностей, но все же преимущественно романтического генезиса. Пианистическое пространство этого периода свободно вмещает утонченную, «мирикусническую» манеру Лядова, монументально-академическую элегичность Глазунова, полнокровное, объемное, многоплановое письмо Рахманинова, мерцающее, ирреальное, «светоносное» фортепиано «экстазов» Скрябина и крепкую конструктивную логику сонат и «сказок» Метнера с их детализированной фактурой. Искания позднего Скрябина были продолжены в композициях Н. Рославца, «гармониеформы» которых выросли из исходных «синтетаккордов»; в причудливой, словно нематериальной нотной графике «Форм в воздухе» А. Лурье, посвященных Пикассо; в мистических опусах Н. Обухова, именовавшего себя «Николаем Экстатическим». В «Пожелтевших страницах» и «Причудах» Н. Мяковского романтический жанр «листка из альбома» предстает в экспрессионистской изломанности и остроте линий. Выразительный потенциал романтических хроматизмов трансформируется в эксперименты с микрохроматикой в сочинениях И. Вышнеградского.

Остро ритмизированное графическое письмо вторгается в пианистические стили романтической традиции – облик позднего композиторского и исполнительского творчества Рахманинова может служить здесь примером. Еще больший удельный вес отмеченная сфера фортепианности занимает в искусстве Прокофьева. Его токкатность многообразна и часто принципиально антиромантична. Пылкому эмоциональному порыву

противопоставляется волевой и мужественный «стальной скак», полный избытка молодых здоровых сил, лишенный рефлексивных нюансов. Но, все же, традиции масштабного романтического пианизма отчетливо проступают в «многоэтажных» циклопических нагромождениях каденции из первой части Второго фортепианного концерта Прокофьева.

Эстетические потребности российской аудитории выработались под воздействием эмоционально-содержательного искусства братьев Рубинштейнов, в репертуаре которых центральное место занимало творчество композиторов-романтиков. Исполнительское кредо А. Г. Рубинштейна выражено в его афоризме: «Игра на фортепиано – движение пальцев, исполнение на фортепиано – движение души» [11, с. 178]. Весьма характерно и продолжение этого афоризма: «Теперь чаще слышишь первое!». Рубинштейн горячо отстаивал право интерпретатора на сотворчество: «Для меня совершенно непостижимо, что вообще понимают под объективным исполнением. Всякое исполнение *eo ipso* субъективно, если производится не машиною, а личностью. Правильно передавать смысл объекта (сочинения) – долг и закон каждого исполнителя, но, естественно, каждый делает это по-своему, то есть *субъективно*. И мыслимо ли иначе? Ведь нет двух людей одного и того же характера, одной и той же нервной системы, одного и того же физического сложения. <...> Если передача сочинения должна быть объективной, то только одна манера была бы правильной, и все исполнители должны бы только ей подражать. Чем же тогда становились бы исполнители? Обезьянами?» [11, с. 151]. Не зная концепции Бердяева, он видел разрыв между «объективным и субъективным» и его помыслы были явно на стороне второго. Вот слова Рубинштейна: «Что предпочитать в художественном произведении: правду без возвышающего полета или возвышающий полет без правды? Я предпочитаю последнее, потому что оно действует на мое воображение, тогда как первое вовсе не обращается к нему» [11, с. 185]. И «возвышающий полет» здесь звучит как пушкинский «возвышающий обман» или как юдинские «приобретенные иллюзии».

Исполнительские и педагогические взгляды основоположников советской пианистической

школы К. Н. Игумнова, А. Б. Гольденвейзера, Г. Г. Нейгауза и Л. В. Николаева, при всем различии их индивидуальностей, в новых исторических условиях сохраняли преемственность с предшествующим периодом. Их творчество представляет собой различные ответвления романтизма: от умеренно академизированного у Гольденвейзера и Николаева – до интимно-лирического у Игумнова и экспансивно-философического у Нейгауза. «Во все времена люди возвышенные, хотя, впрочем, и разногласные в некоторых отношениях, были одной веры по некоторым основным мнениям; несмотря на слова их, противоречащие одно другому, выдавалась у них невольная ответственность», – писал П. Вяземский [2, с. 329]. Таким наиболее общим связующим качеством является принадлежность представителей русской фортепианной школы к тому обширному культурному пространству, которое И. Ф. Стравинский называл «русским европеизмом».

Глубоко символично, что именно эмоционально-открытая исполнительская манера почти всегда находила и находит самый горячий отклик у отечественной аудитории, удовлетворяя ее романтическую «потребность в трансценденции» (Л. Е. Гаккель), в выходе за пределы обыденного существования. Характеризуя послевоенную концертную жизнь Ленинграда, В. Н. Маргулис писал о романтических ожиданиях публики: «Мы были сыты академическим совершенством, сбалансированным экстазом Эмиля Гилельса, Давида Ойстраха, Даниила Шафрана, не приступавших канонов красоты. После пережитого на войне, крайней напряженности сил и нервов, тягчайших мук и пыток людей нам хотелось в искусстве того же – исступления, фанатизма, торнадо, извержения вулкана и землетрясения» [7, с. 70]. На Первом международном конкурсе имени П. И. Чайковского в 1958 году отечественная публика и профессиональные музыканты с восторгом приняли Вэна Клайберна, узнав в его игре желанные черты большого романтического стиля. Вместе с тем в пределах советского пианистического пространства в 50–60-е годы нельзя не отметить появление кризисных тенденций к унификации исполнительской манеры. В рецензиях на концерты молодых пианистов стали раздаваться сетования на недостаточно индивидуаль-

ные, усредненные трактовки. Г. М. Коган в статье 1961 года писал: «Господствующая пианистическая школа приучила нас ко многому хорошему – к высокой культуре, требовательности вкуса, точной передаче текста. Но, превращенные в культ, и эти бесспорные достоинства начали обнаруживать свою оборотную сторону. Все чаще слышишь молодых артистов, засушенных слишком многочисленными запретами, не столько играющих, сколько осторожно скользящих по узкой тропке академически дозволенного, боязливо озираясь на ежетапные «по газонам не ходить». Все чаще на концертах попадаешь в атмосферу Лейпцига времен Рейнеке, некоей нотариальной конторы, где снимаются копии с искусства и где главное – чтоб было “с подлинным верно”» [4, с. 454]. Г. Г. Нейгауз с грустной иронией цитировал слова А. Г. Рубинштейна, что «в наше время “все” умеют хорошо играть» [9, с. 13]. Но публика делала свой выбор, предпочитая не мастеровитых и корректных исполнителей, а неповторимые индивидуальности артистов романтического плана. Невозможно не вспомнить в этой связи волнующую, трепетную, подлинно романтическую атмосферу, царившую на клавирабендах В. В. Софроницкого, Г. Г. Нейгауза, С. Г. Нейгауза, с восторгом встреченные отечественной публикой гастролы «семидесятилетнего юноши» – Артура Рубинштейна, прощальные концерты Владимира Горовица. Клавирабенды С. Т. Рихтера порой воспринимались как некое священнодействие, выступления М. В. Юдиной трансформировались в страстные проповеди, где к музыке присовокуплялось поэтическое слово. Поистине, история отечественного музыкального исполнительства знала такие периоды, когда, если перефразировать слова Е. Евтушенко, пианист в России был «больше чем пианист».

Важнейшим фактором, определяющим своеобразие советского пианистического пространства, являлась его автономия. Так Д. Паперно, вспоминая о концертной жизни Москвы начала 50-х, отмечает: «Гастролеры из западных стран почти не приезжали» [10, с. 80]. В то время как в мировой музыкальной культуре крепились антиромантические и ретроспективные тенденции (необарокко, неоклассицизм), складывались традиции «исторически информированного исполнитель-

ства», в советском пианистическом пространстве происходила модификация романтической модели. В годы становления нового общества, в революционном пафосе «обновления мира» подобная направленность некоторое время поддерживалась даже официальными установками. В статье «Музыка и революция» (1926) А. В. Луначарский писал: «Нам нужны либо кристально-чистые, честные, спокойные, могучие исполнители, которые бы, как в ясном зеркале, давали нам образцы всего исполняемого, или тип исполнителя тенденциозный, страстный, все преломляющий сквозь собственную призму, на все налагающий собственную печать» [6, с. 165]. Это высказывание правомерно прокомментировать двумя персоналиями: молодой Э. Г. Гилельс и М. В. Юдина.

С самых первых шагов советской власти на официальном уровне искусство было признано неотъемлемой частью «идеологического фронта». И если в двадцатые годы еще наблюдались активные контакты с самыми современными образцами культуры Запада (особенно интенсивные в Ленинграде), то тридцатые, а тем более – сороковые годы были ознаменованы все нарастающей изоляцией «пролетарского государства» от мирового художественного процесса. Отголоски пресловутой «классовой борьбы» проникали даже в теорию пианизма. Например, пафос борьбы со всевозможными «уклонами» пронизывает стиль и лексику статьи Г. М. Когана, опубликованной в 1929 году. Он пишет: «В соответствии с таким положением на пианистическом “фронте” главными задачами сегодняшнего дня являются: 1) решительная борьба со “старой” школой; 2) наряду с использованием отдельных ценных положений “анатомо-физиологической” школы (главным образом как орудия борьбы против старой школы) четкая критика основных принципиальных ошибок этого направления, борьба с апологетическим отношением к нему и со всякими попытками “пропитать” наш пианизм принципами этого направления; 3) изучение и критическое освещение “психотехнического” направления; 4) разработка основных проблем теории пианизма в соответствии с принципами марксистской методологии» [4, с. 44]. Порой даже выдающиеся зарубежные интерпретаторы, не вписывающиеся в привычные рамки, принимались весьма настороженно.

Так в статье 1939 года Гольденвейзер с заметным раздражением констатировал: «В Ленинграде – Шнабель, в Москве – Корго, оба большие артисты, но не могущие “словечка в простоте сказать”» [3, с. 354]. Ему вторил Г. М. Коган, сурово изрекавший: «Несомненно, путь Шнабеля – не наш путь. Не посчитавшиеся с этим оказались на опасной дороге» [4, с. 350]. Г. Г. Нейгауз, обращаясь в своей отповеди к Л. А. Баренбойму, писал: «Ваш учитель, которого Вы высоко цените, Ф. М. Блуменфельд буквально пыхтел от негодования, слушая в Малом зале консерватории “Davidsbündler” Шумана в исполнении Шнабеля, и я его очень и очень понимал» [9, с. 9].

На рубеже 20–30-х годов XX века исполнительское искусство становится витриной достижений советского общества. Первые отечественные музыканты-лауреаты, завоевавшие признание на международных конкурсах, получают подлинно романтический статус национальных героев, наравне с полярниками, авиаторами, передовиками труда. Советские гастролеры, выезжавшие за рубеж, должны были быть полпредами «страны победившего социализма» и своим мастерством подтверждать преимущества нового строя. Идеологическая цензура в исполнительской сфере проявлялась, прежде всего, в ограничении репертуара, в который не допускались произведения, признанные «формалистическими» или «идейно вредными». С умеренным критическим настроением воспринимались даже произведения Дебюсси и Равеля. В частности А. Б. Гольденвейзер считал, что «... в большом количестве эти внешне мастерские, но внутренне малосодержательные произведения быстро приедаются» [3, с. 91]. Еще большее отторжение вызывала музыка «нововенцев». В статье 1970 года Ю. А. Кремлев так аргументировал свое неприятие основоположника нововенской школы: «Вглядываясь в вереницу дошедших до нас портретов Шенберга, мы постоянно испытываем неприязненное чувство: в более ранние годы поражает сочетание самодовольства с раздраженностью, в более поздние – горькой разочарованности с презрением к миру. <...> Мог ли так под конец жизни выглядеть истинный новатор, подаривший человечеству нечто ценное и глубокое – будь он трижды стар и болен? Разумеется, нет, нет и нет! Портре-

ты Шенберга – живое, образное свидетельство противостоит его новаций, разрушивших не только основы классических традиций музыки, но даже личность самого композитора» [5, с. 45].

Подобные охранительные меры давали свой результат. Репертуарной доминантой большинства советских пианистов оставались произведения композиторов-романтиков, что нередко накладывало отпечаток на интерпретацию Баха и венских классиков. В советском пианистическом пространстве стремление к аутентичности трактовок и к возрождению старинного инструментария начинает отчетливо проявляться лишь к началу шестидесятых годов и крепнет одновременно с возрастающим вниманием к авангардному искусству и новым композиторским техникам.

Постепенное возвращение страны в мировой художественный процесс (70–90-е годы), изживание идеологических стереотипов и связанное с этим расширение эстетических горизонтов привело к большему разнообразию исполнительских направлений. Но романтическая традиция в советском и постсоветском пианистическом пространстве все же продолжает занимать значительное место, что позволяет определить его неким «заповедником романтизма». Это, прежде всего, связано с определенной консервативностью музыкальной педагогической среды и стойкой потребностью широкой публики в эмоциональном общении с музыкой. Поэтому романтический *бытийный дискурс*, как показывают наблюдения, до сих пор остается наиболее желанным на отечественной концертной эстраде.

Литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Книга, 1991.
2. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. – СПб., 1878. – Т. 1.
3. Гольденвейзер А. Б. О музыкальном искусстве: сб. ст. – М.: Музыка, 1975.
4. Коган Г. М. Вопросы пианизма. – М.: Совет. композитор, 1968.
5. Кремлев Ю. А. Очерки творчества и эстетики новой венской школы. – Л.: Музыка, 1970.
6. Луначарский А. В. Мир обновляется. – М.: Молодая гвардия, 1989.
7. Маргулис В. Н. Паралипоменон. Новеллеты из жизни музыканта. – М.: Классика XXI, 2006.
8. Наумов Л. Н. Под знаком Нейгауза. Беседы с Катериной Замоториной. – М.: Антиква, 2002.
9. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры. Записки педагога. – М.: Музыка, 1967.
10. Паперно Д. А. Записки московского пианиста. – М.: Классика XXI, 2008.
11. Рубинштейн А. Г. Литературное наследие: в 3 т. – М.: Музыка, 1983. – Т. 1.
12. Стравинский И. – публицист и собеседник. – М.: Совет. композитор, 1988.
13. Юдина М. В. Романтизм. Истоки и параллели. Стенограмма лекций // Пианисты рассказывают. – М.: Совет. композитор, 1988. – Вып. 3.
14. Языковский архив / под ред. и с объясн. прим. Е. В. Петухова. – СПб., 1913. – Вып. I: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829).

References

1. Berdjaev N. A. Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii). – M.: Kniga, 1991.
2. Vjazemskij P. A. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – SPb., 1878. – T. 1.
3. Gol'denvejzer A. B. O muzykal'nom iskusstve: sb. st. – M.: Muzyka, 1975.
4. Kogan G. M. Voprosy pianizma. – M.: Sovet. kompozitor, 1968.
5. Kremljov Ju. A. Oчерки tvorchestva i estetiki novoj venskoj shkoly. – L.: Muzyka, 1970.
6. Lunacharskij A. V. Mir obnolvjaetsja. – M.: Molodaja gvardija, 1989.
7. Margulis V. N. Paralipomenon. Novellety iz zhizni muzykanta. – M.: Klassika XXI, 2006.
8. Naumov L. N. Pod znakom Neigauza. Besedy s Katerinoj Zamotorinoj. – M.: Antikva, 2002.
9. Neigauz G. G. Ob iskusstve fortepiannoj igry. Zapiski pedagoga. – M.: Muzyka, 1967.
10. Paperno D. A. Zapiski moskovskogo pianista. – M.: Klassika XXI, 2008.
11. Rubinshtejn A. G. Literaturnoe nasledie: v 3 t. – M.: Muzyka, 1983. – T. 1.
12. Stravinskij I. – publicist i sobesednik. – M.: Sovet. kompozitor, 1988.
13. udina M. V. Romantizm. Istoki i paralleli. Stenogramma lekcij // Pianisty rasskazyvajut. – M.: Sovet. kompozitor, 1988. – Vyp. 3.
14. Jazykovskij arhiv / pod red. i s ob#jasn. prim. E. V. Petuhova. – SPb., 1913. – Vyp. I: Pis'ma N. M. Jazykova k rodnym za derptsij period ego zhizni (1822–1829).

УДК 7

ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ХУДОЖНИКОВ В КУЗБАССЕ В 1980-Х ГОДАХ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «БЕДНАЯ ЛИЗА»)

Ткаченко Л. А., кандидат искусствоведения, директор института дополнительного профессионального образования, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: idpokemgyki@mail.ru

В работе рассматривается деятельность молодежной творческой группы «Бедная Лиза»; раскрываются схожие черты в творческом процессе крупных столичных объединений начала XX века «Бубновый валет», Союз молодежи и небольшой региональной группы конца XX века. Выявлен ряд схожих явлений: освоение современных веяний в искусстве; яркая индивидуальная манера исполнения мастеров; стремление молодых мастеров создать свой творческий стиль.

Ключевые слова: современное искусство, творческое объединение, модернистские течения, нетрадиционный подход, индивидуальная творческая манера, реализм, примитивизм.

YOUTH ASSOCIATIONS OF ARTISTS IN KUZBASS IN THE 1980S (E. G. CREATIVE ASSOCIATION “POOR LIZA”)

Tkachenko L. A., Candidate of Art History, Director of Institute of Continuing Professional Education, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: idpokemgyki@mail.ru

This paper considers the activities of youth creative group “Poor Liza”, created in the Kuzbass in late 1980s, reveals similarities in the creative process of major early twentieth century metropolitan associations “Jack of Diamonds” and “Union of Youth” and a small regional group of the late twentieth century. A number of similar phenomena: the development of modern trends in art; bright individual style of the group members; aspirations of young artists to create their creative style.

The search for modern plastic solutions for some artists members of the group appear in the image of man or nature objectively, almost without any significant changes and deformations. For other artists characteristic images undergoing significant changes: the objects of reality deformed parts transformed lose usual stability. For many artists peculiar deliberate primitivism.

The group members were recognized, became members of the Union of Artists of Russia. Currently, work productively and actively participate in the artistic and social life of Kemerovo region.

Keywords: contemporary art, creative association, contemporary currents, unconventional approach, individual creative style, realism, primitivism.

Одним из значимых вопросов современного отечественного искусствознания является изучение региональных художественных традиций XX века. В творчестве кузбасских художников конца 1980-х годов начинается процесс обновления, основа которого была заложена художниками среднего поколения, участниками выставок «Сибирского салона». Инициатором выставок современного искусства в Кемерово был Рудольф Корягин. Постепенно вокруг него собралась груп-

па молодых художников, стремящихся реализовать свои творческие возможности.

В исторические этапы, отмеченные изменением общественного сознания, активизируется работа молодого поколения. Этот процесс наблюдается и в истории зарубежного искусства, но особенно ярко он проявился в России. Утверждение собственных творческих концепций, отстаивание художественных убеждений и экономических интересов, продвижение своих работ – вот ряд

проблем, которые всегда стояли перед молодыми художниками. Они объединяются, так как это позволяет решать проблемы быстрее и эффективнее. Примером могут служить такие объединения художников, как «Артель художников» (1863–1871), «Товарищество передвижных художественных выставок» (1872), «Союз молодежи», (1909–1913), «Бубновый валет» (1910–1917). Перечисленные общества имели уставы, в которых отмечались главные объединяющие художников концепции.

В уставах последних двух объединений соответственно указывались основные цели: «ознакомление своих членов с современными течениями в искусстве» [1, с. 462], «распространение современных понятий по вопросам изобразительных искусств» [1, с. 81]. Манера исполнения каждого художника, входящего в вышеперечисленные творческие объединения, была яркой и самобытной.

Одновременно с работой творческих объединений были организованы выставки: «Голубая роза» (1907), ознаменовавшая «декоративно-романтическое» направление в русском искусстве, «Ослиный хвост» (1912), «Мишень» (1913), «№ 4» (1914), явившиеся национальным истолкованием принципов постимпрессионизма, фовизма, кубизма и др. В 1925 году состоялась ретроспективная выставка «Мастера “Голубой розы”», а в 1927 году – «Группа художников “Бубновый валет”».

Молодые художники Кузбасса смогли выставлять свои работы открыто лишь в середине 1980-х годов, в эпоху перестройки, когда усиливающиеся демократические процессы позволили свободно проявляться различным эстетическим направлениям в искусстве. В обстановке «безвременья мобилизовались силы, которые играли третьестепенные роли в творческой организации. Не замешанные в официозе, зачастую преданные поисками решения формальных задач, с острым субъективным языком, сравнительно молодые и не всегда определившиеся в пристрастиях – эти художники вдруг получили ранее нереальную возможность выставляться. Сам собой исчезнувший цензор не мешал показывать на выставках сырые, необъективные произведения. Но он не резал и острые, нетрадиционные, по-хорошему злые, запоминающиеся работы» [2, с. 22].

Молодые сибирские мастера сначала объединялись для участия в креативных выставках:

«Люди», «Да!», «Художник и религия», «Выставка “без повода”», «Трамвай», а далее те же художники, выступавшие единой группой с общей эстетической программой, положили начало организации независимых молодежных творческих групп.

Выставки проходили в Кемеровском доме художников и Кемеровском областном музее изобразительного искусства. Для участия в них принимали работы как членов Союза художников, так и еще не принятых в Союз мастеров. Здесь же могли представить работы недавние выпускники и студенты Кемеровского областного художественного училища. Работы принимали без решения выставкома, поэтому профессиональный уровень был не всегда высоким. Несмотря на это, выставки привлекали зрителей разных поколений остросоциальными сюжетами, необычной манерой исполнения, яркими красками.

В представленных произведениях было много фантазии, вымысла, различных измышлений. Авторы использовали язык символов, аллегорий, которые воспринимались не однозначно. Выставленные художниками работы не могли исчерпывающе охарактеризовать эстетические интересы общества. Однако произведения молодых мастеров проявляли настроение определенных художественных кругов, выражали насущные вопросы своего времени. Авторы, тем самым, выступали от имени общества.

Вышеназванные выставки позволили выявить среди массы художников мастеров, чьи творческие пристрастия и устремления были схожи. Самой сплоченной и просуществовавшей почти десятилетие была группа «Бедная Лиза». В состав творческой группы вошли молодые художники, стремившиеся выражать свои мысли особым языком искусства. Инициаторами ее создания стали четыре художника: А. Чумашвили, Ю. Юрасов, С. Червов, А. Дрозд. Организатором и идейным вдохновителем группы был Юрий Юрасов. В своих публичных выступлениях он неоднократно подчеркивал, что художникам и мастерам других видов искусства: писателям, поэтам, музыкантам, театральным деятелям – необходимо объединяться для создания поля общения творческой интеллигенции, что позволит умножить свои силы и улучшить общекультурный фон в городе, области, Сибири.

Перечисленные художники были экспонентами первой выставки. В дальнейшем к ним присоединились В. Свистунов, А. Новиков, а также старшие коллеги – А. Хмелевской и Г. Свистунов. Позже состав участников заметно расширился, а выставки проходили почти ежегодно в Кемерове, Новокузнецке и других городах Сибири. На первой выставке «Бедной Лизы», открывшейся 1 июня 1989 года, были представлены работы, казавшиеся не только непривычными, но и вызывающими. Им были присущи дерзкие сюжеты, ироничные образы, нереалистическая изобразительность.

Многие художники, входящие в состав группы прежде не были приверженцами соцреализма. Они получили академическое образование, основой их творчества была классическая школа. Но традиционное изображение действительности перестало их удовлетворять, художники группы «Бедная Лиза» стремительно уходили от традиционализма. Каждый молодой мастер стремился сказать свое слово в искусстве, занимаясь поиском собственного пластического языка, вырабатывая свой творческий стиль. Каждый член группы работал в особой манере, работы их разительно отличаются друг от друга. В произведениях живописцев чувствовался дух юношеского задора. Высокое качество технического исполнения придавало их произведениям особую завершенность. Основой единения членов группы были «интонации, созвучные нигилизму времени... Ирония и эпатаж питают их творчество и сегодня, оно дышит эксцентричностью, азартом стилевых исканий и пластической изощренностью» [3, с. 55].

В своих произведениях художники использовали известные сюжеты – библейские, исторические, а также отражали современную жизнь, но при этом применяли нетрадиционный, неожиданный подход к изображению, что резко отличало эти работы от произведений соцреализма. Художники опирались в своем творчестве на разнообразные направления, модернистские течения и различные исторические стили. Они «цитируют» искусство прошлых эпох, используют приемы наивного письма, изобретают свои художественные формы – все это характерно для современного искусства.

Невозможно утверждать, что произведения художников группы «Бедная Лиза» не реалистичны. «Художник может отражать действительность, не изображая предметный мир, видимый нашим глазом, и все же останется реалистом. Это широко открывает двери реализма для всех модернистских течений, включая и беспредметную живопись» [4, с. 286].

Как отмечает В. В. Вансалов, «в одном случае под реализмом понимают прямое жизнеподобие, описательно-правдоподобные, непосредственно похожие на жизненные явления формы, внешний слепок с явлений действительности. Это узкое и несколько формальное понимание реализма, нередко приближающееся к натурализму. В другом случае существует более широкое понимание реализма как жизненной правды, истины действительности, независимо от той формы, в которой она выражена» [5, с. 342].

Для художников «Бедной Лизы» «творчество не сковано рамками повседневного, обыденного правдоподобия. Они не изображают окружающую действительность, а сочиняют на темы этой действительности. Увиденная как бы “изнутри”, она созвучна чувствам и размышлениям самих авторов» [6, с. 123]. Никто из членов группы не изображал действительность в описательно-правдоподобном плане, как внешний слепок явленной реальности.

Однако, у одних художников группы (А. Хмелевской) поиски современных пластических решений в реализме, требующих постоянного обновления проявлялись в «изображении человека или природы объективно, практически без каких-либо существенных изменений и деформаций. Человеческая фигура – это один из главных объектов творчества. Он демонстрирует владение хорошим академическим рисунком, живописью, композиционным мышлением» [7, с. 90]. Поэтому есть основания говорить о «фигуративности» пластического языка этого художника.

У других художников (А. Дрозд, Ю. Юрасов, С. Червов, Ю. Белокриницкий, и др.) изображения претерпевают существенные изменения: объекты окружающей действительности деформируются, их части трансформируются, теряют привычную стабильность, пространство делится на бесконечные плоскости, которые подвержены изгибам, изломам, переплетениям, разрывам. Для некоторых

художников группы фигура человека не главный объект творчества (С. Червов, Ю. Белокриницкий, Ю. Ардашкин, Г. Свистунов). Для других мастеров образ человека является одним из основных (Ю. Юрасов, А. Чумашвили, А. Новиков). Для многих художников свойственен нарочитый примитивизм (А. Чумашвили, А. Новиков, Ю. Юрасов, А. Ягунов, С. Червов).

Живопись всех мастеров, входящих в состав группы «Бедная Лиза», декоративна, отличается яркостью красок, резкими цветовыми сочетаниями, экспрессивностью изображения. Часто в картинах много однотонного пространства. Отдельные художники используют прием фовизма: некоторые или все элементы композиции обводят контуром контрастного цвета.

Участники группы получили признание, стали членами Союза художников РФ, до настоящего времени активно участвуют в художественной и общественной жизни области.

2 июня 2009 года в Кемеровском областном музее изобразительных искусств состоялась ре-

троспективная выставка «Бедная Лиза. Двадцать лет спустя...». В ее экспозицию вошли работы тринадцати художников, членов группы, созданные ими за два десятилетия, с 1989 года по 2009 год. Авторы работ – Александр Чумашвили, Юрий Юрасов, Сергей Червов, Андрей Дрозд, Александр Новиков, Юрий Белокриницкий, Алексей Хмелевской, Геннадий и Виктор Свистуновы, Евгений Бабкин, Антон Ягунов, Олег Иноземцев, Виктор Ардашкин.

Таким образом, на определенных рубежах времени активизируется работа молодого поколения. В творческом процессе крупных столичных объединений начала XX века «Бубновый валет», «Союз молодежи» и небольшой региональной группы конца XX века «Бедная Лиза» можно проследить множество схожих явлений: молодые художники осваивали современные течения в искусстве; члены обществ одновременно с выставками объединений участвовали в других значительных показах; работы отличались яркой декоративной индивидуальной манерой исполнения.

Литература

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: терминолог. слов. / под общ. ред. А. М. Кантора. – М.: Эллис Лак, 1997. – 736 с.
2. Кантор А. Веяние времени // Искусство. – 1987. – № 10. – С. 22.
3. 100 художников Сибири. Современное искусство: профессиональный справ. соврем. искусства Сибири / сост. О. М. Галыгина. – Новокузнецк: 2007. – 267 с.
4. Лившиц М. Партийность и реализм // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Изобраз. искусство, 1988. – Т. III. – 385 с.
5. Ванслов В. В. Пластика Александра Бурганова. Романтическая символика // Искусство скульптуры в XX веке: проблемы, тенденции, мастера. – М.: Галарт, 2010. – С. 340–348.
6. Рысаева Т. Д. Художественная жизнь Кузбасса во 2-й половине XX века: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09. – Барнаул, 2006. – 196 с.
7. Ткаченко А. В. Творчество скульптора А. П. Хмелевского в контексте художественных тенденций в изобразительном искусстве последней трети XX – начала XXI века: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09. – Барнаул, 2012. – 310 с.

References

1. Apollon. Izobrazitel'noe i dekorativnoe iskusstvo. Arhitektura: terminolog. slov. / pod obshch. red. A. M. Kantora. – M.: Ellis Lak, 1997. – 736 s.
2. Kantor A. Vejanie vremeni // Iskusstvo. – 1987. – № 10. – S. 22.
3. 100 hudozhnikov Sibiri. Sovremennoe iskusstvo: prof. sprav. sovrem. iskusstva Sibiri / sost. O. M. Galygina. – Novokuzneck, 2007. – 267 s.
4. Livshic M. Partijnost' i realizm // Sobr. soch.: v 3 t. – M.: Izobraz. iskusstvo, 1988. – T. III. – 385 s.
5. Vanslov V. V. Plastika Aleksandra Burganova. Romanticheskaja simbolika // Iskusstvo skul'ptury v XX veke: problemy, tendencii, мастера. – M.: Galart, 2010. – S. 340–348.
6. Rysaeva T. D. Hudozhestvennaja zhizn' Kuzbassa vo 2-j polovine XX veka: diss. ... kand. iskusstvovedenija: 17.00.09. – Barnaul, 2006. – 196 s.
7. Tkachenko A. V. Tvorchestvo skul'ptora A. P. Hmelevskogo v kontekste hudozhestvennyh tendencij v izobrazitel'nom iskusstve poslednej tret'i XX – nachala XXI veka: dis. ... kand. iskusstvovedenija: 17.00.09. – Barnaul, 2012. – 310 s.

УДК 787.5

ПРИНЦИПЫ ЗВУКОИЗВЛЕЧЕНИЯ НА АРФЕ И КАЧЕСТВО ЗВУКА АРФИСТА

Покровская Н. Н., доктор искусствоведения, профессор кафедры струнных инструментов, Новосибирская государственная консерватория (академии) им. М. И. Глинки (г. Новосибирск). E-mail: galkin@sibmail.ru

В статье рассмотрены вопросы работы над звуком у арфистов в зависимости от психофизических особенностей учащихся. Даются критерии оценки звука арфиста и выявляется его связь с основными правилами звукоизвлечения по методу А. И. Слепушкина.

Ключевые слова: арфа, обучение, метод Слепушкина, звукоизвлечение, качество звука.

THE PRINCIPLES OF PLAYING THE HARP AND HARPER'S SOUND QUALITY

Pokrovskaya N. N., Doctor of Art History, Professor of Chair of String Instruments, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Academy) (Novosibirsk). E-mail: galkin@sibmail.ru

The article deals with the importance of working on the sound as one of the basic instrumental standard of excellence. The author says about the specifics of the harp sound: sustain, coloring, depending on the instrument, string material and quality and about limits of the instrument volume range. The article emphasizes that the ability to achieve a variety of sound under the difficult playing conditions is the indicator of the bright musician's personality. The difficulties of working on the sound which are due to the specifics of the instrument can be overcome ways of sound production by A. M. Slepshkin's method. He was the founder of the Russian school of playing the harp which characterized by melodiousness and sincerity. The principles of sound production are work 2–3–4 fingers into the palm of the metacarpal joint, that is an active work of finger from its base, circular movements of the first finger "against itself" with the return to the original position, upward movement of the hand along the plane of the strings during the performance of individual notes and chords in the end of the playing.

Then the author says about the need for natural, approached to everyday, prehensile movements of the fingers (picking hand into a fist) and the need to strengthen the last phalanges of each finger. The article describes two phases of the play of finger movement and their instantaneous transition from one phase to another as the basis of the fluency.

The article emphasizes the relativity of beauty of sound depending on the quality of the instrument and the features of the performers hands and fingers. The author recognizes the primary work on the sound which associated with the psycho-physiological features of the artist, his ability to imagine the perfect sound and translate it into the audible sounds persistence and patience. The ability to create their own sound image of performed music, to hear their own music and "prehear" the result of the necessary movements is the essence of what the teacher should teach the student to master beautiful sound.

The role of internal singing while playing is negative because of the acoustic features of the throat as the any sounding body which prevents to hear the real sound of the performed artwork.

In article gives 4 evaluation criteria of sound:

1. The evenness of sound of all fingers. The errors of sound which connected with the peculiarities of each finger and their incorrect statement.

2. The beauty and fullness of the sound. The appearance of the "crushed" sound and the sound without the timbre "with send" during the playing with the weak or limp fingers and from tension. The sound attack with the limit pressure on the string from the base of the finger.

3. The variety of sound which depends on the two ways of sound production: viscid, heavy during the cantilena performance and light, acute for virtuosic artworks.

4. The clarity of the sound as a result of fast and accurate position of a finger on a string.

Keywords: Harp, teaching, Slepshkin's method, sound production, sound quality.

Самой большой похвалой музыканту считается признание его умения максимально приблизить звучание его инструмента к теплоте и выразительности человеческого голоса. Умение «петь» на своём инструменте – характернейшая черта отечественной исполнительской школы, представителем которой был великий русский арфист Александр Иванович Слепушкин. В книге Г. Нейгауза читаем: «Музыка – искусство звука... Раз музыка есть звук, то главной заботой, первой и важнейшей обязанностью любого исполнителя является работа над звуком. Казалось бы, ничего более очевидного нет. И, однако, очень часто забота о технике в узком смысле, то есть беглости, бравуре, вытесняет или ставит на второй план у учеников важнейшую заботу о звуке» [2, с. 71].

Другая крайность – переоценка звука, любование его физической красотой и забвение того, что характер звука должен быть подчинён (как и темп) выявлению музыкального образа. К. Черни, по воспоминаниям его учеников, насчитывал до ста динамических градаций звука, которые Г. Нейгауз называл «ещё не звук» и «уже не звук» [2, с. 76]. Если это возможно на таком ударном инструменте, каким является рояль, то каковы же должны быть звуковые и тембровые возможности арфы, когда палец сам управляет струной?

С. Е. Фейнберг писал: «Наилучшим образом звуки извлекаются пальцами непосредственно касающимися струн. В этом смысле идеальным инструментом надо считать арфу. Здесь и сила звука, и возможные оттенки тембра, и постепенность затухания или прекращения звука, и сравнительная сила аккордов». [6, с. 173] Арфистам очень лестно подобное мнение об их инструменте, но таковы ли в действительности её звуковые возможности?

Под силой звука С. Фейнберг подразумевал любую силу звука, но может ли **forte на арфе** сравниться с **forte на рояле**? Может ли каждый арфист извлечь на середине струны одним и тем же пальцем три звука разной окраски? Хотя игра у деки, в 1/3 или в верхней части струны дают различные тембры, но это зависит от акустических возможностей инструмента, а не от мастерства арфиста.

Если говорить о постепенности затухания или о внезапном прекращении звука, то можно ли рассматривать эти качества, как положительные? Как и пианисты, арфисты страдают от того, что не могут продолжить единичный звук или усилить

его, а потому вынуждены играть как бы толчками. Чтобы внезапно прекратить звук, арфисту всегда нужно ещё одно лишнее движение рукой или пальцем, а это не всегда бывает возможным. Можем ли мы мягко и бесшумно гасить звуки? Каждый ли арфист совершенно владеет техникой гашения? Далеко не все.

На самом деле звуковая палитра у большинства арфистов ограничена. Поющий, красивый звук на арфе – редкость. Звучание часто прерывается призвуками, стуком педалей и т. п., что говорит о низкой звуковой культуре. Что касается физической силы звука, то мало кто из арфистов знает, сколько нюансов в его исполнительском арсенале.

Между тем разнообразие звуковой палитры – это показатель мастерства музыканта, так как главным образом динамическое и тембровое богатство помогают ему лепить музыкальную форму. Поэтому работа над звуком, его выразительностью и разнообразием должна начинаться с первых уроков и продолжаться всю жизнь, так как каждая новая пьеса – это новый музыкальный образ, требующий неповторимого звучания, особой тембровой окраски. Зависит же сила и красота звучания каждого исполнителя не только от строения его рук и пальцев, но прежде всего от умения себя слышать и правильного звукоизвлечения.

Основной принцип звукоизвлечения на арфе – щипок пальцем одной третью подушки на последней фаланге каждого из четырёх пальцев обеих рук. Начиная с первых уроков, как только ученик усвоил правильное исходное положение (ставка ладонью вниз, с округлыми 2–3–4-м пальцами и с невысоким первым пальцем под углом в 40 градусов с направлением струны), надо показать ему главные игровые движения. По методу Поссе – Слепушкина основной игровой принцип – это движения 2–3–4-го пальцев в ладонь от пястного сустава, то есть активная работа всего пальца от его основания; круговые движения первого пальца «от себя» с обязательным возвращением его в первоначальное положение; кистевое движение вверх вдоль плоскости струн при исполнении отдельных нот и аккордов в конце игры [3, с. 13–17].

В основе игровых движений пальцев лежит естественное хватательное движение: собирание кисти в кулак при хватании какого-либо объ-

ёмного предмета с округлением ладони и всех пальцев от их основания. Оно отнюдь не должно превращаться в царапающее, более мелкое, с наибольшей активностью последних фаланг пальцев при неподвижной и напряжённой ладони. Провоцирует на появление царапающего движения слабость последних фаланг, так как они испытывают основную нагрузку от сопротивления струны. Поэтому кончики пальцев у арфистов должны быть крепче, чем при обычном хватании.

Трудно научить профессионально правильному движению 2, 3 и 4-го пальцев в ладонь, начиная с упражнений для отдельных пальцев, но начинать обучать с игры арпеджио и аккордов, где это движение наиболее ярко выражено, нельзя, так как в них участвует первый палец со своим особым и сложным движением. Поэтому приходится, применяя методы суггестивной педагогики (внушение и убеждение), требовать от начинающих старшего возраста двигать всем пальцем – 2, 3 и 4-м – от основания в ладонь, к мякоти большого пальца. Малолетним же достаточно показать, как надо округлять пальцы, как бы охватывая шарик пинг-понга или маленькое яблоко (см. прим. [5, с. 18–19]).

При рабочем движении первого пальца возникает опасность глиссандирования (сползания на соседнюю струну), так как он играет в плоскости струн, тогда как остальные три пальца немного выводят струны из этой плоскости. Чтобы не зацепить ненужную струну и вернуть большой палец в исходное положение, арфист вынужден им делать кругообразное движение [3, с. 17].

Две фазы игрового движения:

1. Рабочее движение пальца в ладонь, то есть собственно звукоизвлечение, связанное с напряжением мышц пальца и ладони.

2. Возврат пальцев из ладони и связанное с ним освобождение.

Необходимо, чтобы они сливались в единый процесс, без остановки на первой фазе и без задержки пальцев в ладони [7, с. 8]. Иначе возникает остаточное напряжение, которое имеет тенденцию накапливаться, а затем вызывает закрепощение не только ладони и кисти, но и локтя, и в конечном счёте самого играющего. Секрет беглости именно и состоит в молниеносном возвращении к исходному или следующему положению с одновременным освобождением пальца и ладони.

«...научить хорошему звуку труднее всего: почти всё зависит от самого ученика... Конечно, работа над звуком есть самая трудная работа, так как тесно связана со слуховыми и – будем откровенны – душевными качествами ученика. Чем грубее слух, тем тупее звук» [2, с. 73], – эти слова замечательного пианиста и педагога Г. Г. Нейгауза в полной мере относятся ко всем инструментам, так как в них указывается на психофизиологическую основу исполнительства.

От чего в наибольшей степени зависит качество звучания любого инструменталиста? От инструмента или струн? От строения руки или манеры игры? От умения себя слышать или от усиленных занятий? Или от всего вместе? Часть музыкантов полагает, что от усиленных занятий звук исполнителя улучшается. Я не уверена в этом. Мне кажется, что следует согласиться с мнением Г. Г. Нейгауза: зависит качество звука – его богатство, насыщенность – скорее всего от способности играющего представить себе идеальное звучание пьесы и от настойчивой, терпеливой работы для перевода этого идеального звучания в слышимые всеми звуки. Но чтобы передать его через пальцы, чаще всего выдержки и терпения не хватает.

Качество инструмента тут не причём. Обычно стараются приобрести отличный инструмент те музыканты, у которых бедный, слабый или сухой звук. Они восполняют свои недостатки достоинствами инструмента. Но если играющий имеет собственный интересный музыкальный замысел, то соединение такого музыканта и даже некачественного инструмента может дать значительный художественный результат. Возможно и другое. Произведение мало интересно по музыке, и исполнитель не вносит в него ничего свежего, своего собственного, но инструмент в его руках поет – и его хочется слушать и слушать. Покоряет красота тембра. Откуда же берётся эта красота? Можно ли этому научиться и научить? Какова в этом роль учителя?

Учитель не всегда может научить играть красивым и разнообразным звуком, даже если он сам таким обладает. В сущности все обучение музыке сводится к тому, чтобы научить ученика представлять идеальный звуковой образ и слышать собственное исполнение. Научить создавать собственное музыкальное представление, не за-

имствованное ни с записей, ни с чужой игры – трудно. Также трудно научить ученика слышать собственные звуки, оценивать их качество и соответствие своему замыслу. Объективные причины этой последней трудности кроются опять-таки в физиологии и психологии человека.

Многие исполнители во время игры поют про себя, иногда даже довольно громко. Это естественное состояние музыканта – постоянно жить в звуках. Но при этом внутреннее пение мешает слышать то, что выходит из-под пальцев, и критического восприятия собственного исполнения нет, так как играющий его не слышит. Кроме того, во время пения человеческий организм представляет собой резонатор, звучащий орган, а внутри звучащего тела, как доказали акустики, тембр и сила звучания не таковы, какими они доходят до слушателя. То есть поющий инструменталист обманывается, принимая собственные звуки за реализованное идеальное звучание. Так в процесс исполнения вмешиваются физиология и психология. Чтобы ученик избавился от подобной привычки, приходится многократно ему напоминать о необходимости вслушиваться в свою игру.

В арсенале учителя должно быть несколько приёмов, помогающих ученику услышать себя и суметь объективно отнестись к своему исполнению. Для этого ему следует рассказать о критериях оценки звука, который должен отвечать ряду условий.

Первое требование – ровность звучания всех пальцев [4]. Чтобы ученик слышал, насколько пестры по тембру и не одинаковы по силе звуки, извлекаемые его пальцами, можно предложить ему играть одну и ту же музыкальную фразу разной аппликатурой и сравнить между собой звучание разных пальцев. Какие пальцы звучат громче, какие резко? Каких совсем не слышно? Какое звучание соответствует настроению пьесы, а какое нет? Эти и подобные вопросы можно задать – и тут же надо добиться, чтобы при вас, на уроке, ученик начал экспериментировать, подбирать аппликатуру по качеству звука, сравнивая варианты между собой, ища наиболее соответствующие характеру музыки.

Чаще всего у арфистов не звучат вторые пальцы обеих рук, вплоть до звукового провала. Иногда этот дефект связан с ошибкой в постановке: вторые пальцы ставятся слишком высоко. В таком

случае бывает достаточно ставить пальцы ниже, чтобы они находили в струне опору – и звучание улучшается [4, с. 12–13]. Громче всех, до резкости, слышен первый палец правой руки, и совсем пропадает звук первого пальца левой (особенно в октавах).

Второе требование – красота и полнота звучания каждого пальца: звук не жёсткий и не резкий в кантилене, не поверхностный даже в *piano*, не грубый, без дранья струн при *ff* и «без песка». Полнота звука, его глубина и яркость зависят от использования при игре силы пальца от его основания.

Это энергичное, крупное движение, заканчивающееся доведением кончиков 2, 3 и 4-го пальцев (подушечек) до основания большого пальца. К этому двигательному ощущению (сначала с преувеличением) надо приучать начинающих с первых же уроков, постоянно, но без раздражения напоминая им о необходимости собирать пальцы «в кулачок». У старших учеников это движение входит в привычку, но размах его сокращается [3, с. 22], остаётся только едва заметное движение у основания 2, 3 и 4-го пальцев и укороченные, рабочие движения двух последних фаланг, которые собственно и отвечают за конечный результат, за качество звука. Но импульс должен исходить от основания каждого пальца.

Если играют не всем пальцем от его основания, а лишь последними фалангами со слабыми (или расслабленными) кончиками, не округляя их и продавливая последний сустав, то таким пальцем управлять невозможно. От него нельзя получить звука нужной окраски и интенсивности. Чтобы заставить его «слушаться», приходится прикладывать дополнительные усилия: напрягать кисть и предплечье. В результате возникает «давленный» звук, вязкий, тяжелый, плюс дополнительное напряжение в руке. Без помощи руки от такого вялого пальца может исходить только поверхностный звук. Он тянется недолго, не интересен по тембру и часто бывает «с песком». Звук «с песком» слышен, когда пальцы сползают со струн, не зацепляя их крепко, хотя может возникать и от пальца с сильной последней фалангой, когда он отпускает струну с шорохом и даже со скрипом.

Как бороться с этими недостатками? Играть много упражнений на укрепление фаланг (с ак-

центами, ударами на слабые пальцы), так как крепкие фаланги пригодятся и для технических сложностей (скорости). Отпускать струну следует только тогда, когда она отведена от свободного состояния до предела, когда палец чувствует ее сопротивление. В этот момент палец может ею командовать. Если хотя бы немного ослабить давление пальца на струну, она начинает стремиться к исходному положению, к состоянию покоя и на половине дороги к нему вырывается из-под пальца. И добиться нужного качества и нужного нюанса становится уже невозможно. В это же мгновение и возникает звук «с песком», когда струна, уходя из-под пальца, скрипит о кожу. Поэтому отпускать её следует в момент наибольшего выведения из состояния покоя.

Третье требование – разнообразие звука. Под разнообразием звука не следует понимать применение таких колористических приемов, как флажолеты, *etouffe*, игра у деки, игра ногтями, ключом и другие современные эффекты. Речь идет об умении на одной и той же струне, одним и тем же пальцем извлечь звуки не только разной громкости, но прежде всего разного характера, разной окраски.

Две способа звукоизвлечения существуют у большинства инструментов, как струнных, так и ударных, в том числе и у фортепиано. Первый – более вязкий, связанный с исполнением кантилены, с медленными темпами. Тогда приходится играть, глубоко погружая пальцы в струны, применяя даже тяжесть руки. Вторая – легкая, для игры в быстрых темпах мелких длительностей, когда применяется только сила крепких пальцев, избегая давления на них и любого напряжения. Соответственно меняется и окраска звучания: более светлая при игре пассажей и более густая, плотная при исполнении мелодии. Оба этих способа должны быть в арсенале каждого арфиста.

При штрихе *staccato* или *marcato* ощущение в кончиках пальцев также меняется. Оно становится острым, применяется меньше мягкости подушечки, играть приходится ближе к ногтю. Звук при этом светлеет, может даже стать резковатым. Менять окраску и силу звука можно, используя особенности каждого пальца. Первого – самого сильного – для исполнения акцентированных нот (когда его снимают со струны кистевым движением), для выделения верхнего голоса в по-

лифонической фактуре и аккордах. Третьего – с самым глубоким, певучим и чистым по окраске звуком – в исполнении мелодии. Второго – самого звонкого и острого – в исполнении пассажей и в характерных пьесах.

Четвертое требование – чистота звучания. Не только звук «с песком» может исказить музыкальный образ. Даже при хорошем, полном звуке впечатление от игры ухудшают призвуки, возникающие при постановке пальцев на ещё вибрирующие от предыдущей игры струны [1, с. 146]. Этих призвуков можно избежать, обходя пальцем уже отыгранные струны или более круто сгибая последнюю фалангу пальца, чтобы глубже убрать ноготь, из-за которого чаще всего и возникает неприятный призвук. Ещё один способ избежать его: ставить палец на вибрирующую струну сразу же настолько быстро и крепко, чтобы не позволить ей биться о палец.

Впечатление от звучания арфы зависит не только от того, как арфист владеет своими руками. В современном репертуаре для арфы композиторы применяют и хроматические последовательности, и модуляции в отдалённые тональности, переход в которые требует почти мгновенной (иногда со скоростью шестнадцатых и тридцать вторых) смены нескольких педалей во время продолжающейся игры обеими руками. Так как при такой работе ног арфа может слегка отклоняться от исполнителя или, наоборот, ложиться на плечо (тогда как она должна лежать на коленях), то игра рук из-за движений инструмента затрудняется. И одновременно трудно становится поймать ногой нужную педаль при отклонении арфы. В этот момент могут возникнуть педальный стук и запаздывание в переключении вилок, зажимающих струну.

Чтобы всего этого избежать, следует как можно раньше переводить ноги на нужные педали и заранее их (педали) переставлять. Желательно, чтобы обе ноги были задействованы одновременно, даже в противоположных направлениях, так как тогда арфа не будет раскачиваться из стороны в сторону, а останется крепко лежать в коленях играющего. Кроме того, исполнитель получает выигрыш во времени. Для этой цели можно также применять энгармонически равные звуки, внося соответствующую корректировку в аппликатуру и

нотную запись. Например, поставить Ми бемоль вместо Ре диеза, если требуется нажать одновременно педали До диез и Ре диез.

Если вскоре после случайного знака в тексте следует его отмена, то нельзя снимать ногу с соответствующей педали и не следует даже заводить её за зарубку, чтобы легко можно было перевести её на следующую педаль [1, с. 143–146]. При быстрой смене педалей первую из них поспешно отпускают, не доводя до верхней планки у зарубки, и опущенная педаль сама доходит до нее со стуком. Чтобы его избежать, приходится сопровождать ногой педаль до ее исходного по-

ложения, что не всегда возможно. На это уходит время, и об этом надо помнить композиторам, дирижерам и партнёрам по ансамблю и считаться с подобной особенностью арфы. Или мириться с педальным стуком.

Арфистам же приходится учить места с быстрой сменой педалей отдельно ногами и затем их движения точно соединять с соответствующей им по времени игрой рук. То есть координировать скорость и точность работы всех четырёх конечностей, как это делают эквилибристы. Тогда можно получить чистое звучание текста, без скидок на его сложность и на несовершенство инструмента.

Литература

1. Дулова В. Г. Искусство игры на арфе. – М., 1975.
2. Нейгауз Г. Г. Искусство фортепьянной игры. – 2-е изд. – М., 1961.
3. Парфёнов Н. Г. Техника игры на арфе. Метод проф. А. И. Слепушкина. – М., 1927.
4. Рубин М. А. Методика обучения игре на арфе. – М., 1973.
5. Сараджева К. К. Об исполнительском мастерстве арфиста (методические записки). – М., 2001.
6. Фейнберг С. Е. Пианизм как искусство. – М., 1969.
7. Naderman F. J. École ou Méthode raisonnee pour la Harpe OE. 91. – Paris, s. a. I partie.

References

1. Dulova V. G. Iskusstvo igry na arfe. – M., 1975.
2. Neigauz G. G. Iskusstvo fortep'jannoj igry. – 2-e izd. – M., 1961.
3. Parfjonov N. G. Tehnika igry na arfe. Metod prof. A. I. Slepushkina. – M., 1927.
4. Rubin M. A. Metodika obuchenija igre na arfe. – M., 1973.
5. Saradzheva K. K. Ob ispolnitel'skom masterstve arfista (metodicheskie zapiski). – M., 2001.
6. Fejnberg S. E. Pianizm kak iskusstvo. – M., 1969.
7. Naderman F. J. École ou Méthode raisonnee pour la Harpe OE. 91. – Paris, s. a. I partie.

УДК 782.1

ОБНИМУТСЯ ЛИ МИЛЛИОНЫ...? (О РЕЦЕПЦИИ БЕТХОВЕНСКОЙ «ТЕМЫ РАДОСТИ» В ОПЕРЕ А. СМЕЛКОВА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)

Войткевич С. Г., кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры истории музыки, проректор по творческой работе, Красноярская государственная академия музыки и театра (г. Красноярск).
E-mail: art-vice-rector@yandex.ru

В статье освещается вопрос о творческих и философских параллелях, возникающих в творчестве Л. ван Бетховена и Ф. М. Достоевского; делаются выводы на основе глубокого сравнительного анализа двух сочинений: Девятой симфонии с хорами немецкого композитора и последнего романа русского писателя «Братья Карамазовы», которые оказались связаны благодаря обращению их создателей к оде Ф. Шиллера «К радости».

Ключевые слова: А. П. Смелков, Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», опера, тема радости, Мариинский театр.

**WILL MILLIONS BE EMBRACED?
(ON PERCEPTION OF BEETHOVEN'S "JOY THEME"
IN OPERA "THE KARAMAZOV BROTHERS" BY A. SMELKOV)**

Voitkevich S. G., Candidate of Art History, Docent, Professor of Chair of Music History, Vice President for Creative Work, Krasnoyarsk State Academy of Music and Theatre (Krasnoyarsk). E-mail: art-vice-rector@yandex.ru

In June 2008, opera "The Karamazov Brothers", by Aleksander Smelkov, was performed at The White Nights Festival. The critics and audience's response were contradictory. The author was particularly reproached for "absence of originality" and some classical themes used in the opera. In particular, "the joy theme" from the Ninth Symphony by Ludwig van Beethoven was cited. Though the theme was not introduced by chance but well justified. F. M. Dostoyevsky's works are entwined with Schiller's motifs, and they are especially clearly heard in his last novel.

The article parallels Schiller's influence on the works and outlook of Beethoven and Dostoyevsky, whose similarity and specific features are distinguished. Some distinctive characteristics of 'the joy theme' are considered in the continuum of a modern composer's opera. The theme is found out to be performed seven times in separate half-phrases. The second one is heard "surrounded" with two other most important theme of the opera representing the image spheres of Mitya and the childhood. Therefore "the joy theme" is connected with the main idea of both the novel and the opera, the Christian idea of other people's sins atonement and self-sacrifice for others' sake: "I'll do it for the child!" It is interesting to mention that in the second statement the element of the joy theme is so greatly modified that the intonations of *Dies irae* can be heard in it. Here the prospective change of the theme from the sphere of joy into the image of Doomsday can be seen.

The initial element of Beethoven's theme is exposed in connection with the image of F. P. Karamazov and represented in a grotesque and distorted way. Then, in No. 23 it is presented without any variations, in the scene of Ivan Karamazov and the Devil.

The same number cites the instrumental movement of the Beethoven's Ninth Symphony finale. Preserving the principle of the musical source St. Petersburg composer changes its meaning, as the cellos' phrases interchange with those by the Devil exposing the worthless and Utopian idea of universal brotherhood and joy accomplished by force of reason.

In the opera finale both phrases of 'the joy theme' are as if dissolved in the general movement forms and lose their original meaning completely. Such change of the classical theme reflects the 21st century composer's view, as he painfully admits that even many centuries later the nation giving the Saviour to the hangmen or sentencing the guiltless to hard labour will crave for bread and wonders only, unable to appreciate the divine gift of freedom and spiritual unity given by Christ.

But in the final scene of "The Karamazov Brothers", the Grand Inquisitor lets the Incomer go, which can be seen as Aleksander Smelkov's hope that mankind will be saved.

Keywords: A. P. Smelkov, F. M. Dostoevsky, "The Karamazov Brothers", opera, theme to joy, Mariinsky theatre.

В истории человечества существуют творения, претендующие на то, чтобы «перешагнуть границы искусства и сделаться чем-то большим... учением, заповедью, проповедью, неистовым внушением, властно преобразующим совсем не идеальный мир» [5, с. 359]. К такому, безусловно, можно отнести Девятую симфонию

Л. ван Бетховена, исполненную в 1824 году, и роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», законченный в ноябре 1880 года. Два этих шедевра удивительным образом оказались связаны благодаря обращению их авторов к поэзии Фридриха Шиллера, а точнее, посредством знаменитой оды «К радости», созданной немецким поэтом на вол-

не всеобщей эйфории от веры во всемогущество человеческого разума и ставшей воплощением просветительских идей.

О шиллеровских мотивах в творчестве Ф. М. Достоевского написано немало. Одна из последних работ, посвященных этой теме, появилась в 2012 году. Ее автор А. Б. Креницын подробно пишет о влиянии философии, эстетики и творчества немецкого поэта на формирование взглядов Достоевского, а также раскрывает специфику их отражения в сочинениях автора «Бесов». Думается, нет смысла приводить многочисленные, хорошо известные цитаты из писем Достоевского разных периодов, свидетельствующие о признании роли Шиллера в его жизни. Обобщая их, Н. Н. Вильмонт отметил: «Духовное влечение – нет, *страсть!* – к великому Шиллеру прошла через всю мучительно сложную, страдальческую жизнь Достоевского, оплодотворив столь многие творческие его замыслы» [1, с. 9].

Такое же влияние произведения немецкого поэта оказали на его младшего современника Л. ван Бетховена, который с юных лет находился под впечатлением штюрмерских и просветительских идей, а в завершении творческого пути создал грандиозную Девятую симфонию, в финале которой впервые в истории симфонической музыки использовал поэтический текст. Подобно «Братьям Карамазовым», симфония с хорами стала итоговым сочинением и своего рода духовным завещанием великого творца.

Впервые текст оды «К радости» Бетховен прочел в 1792 году. 21-летнего композитора, мечтающего о переустройстве мира, ниспровергателя старого, страстного борца за новое демократическое искусство поразили и потрясли смысл шиллеровского произведения. Он объявляет друзьям о своем намерении «положить на музыку “Оду к Радости” Шиллера строфу за строфой» (см. [5, с. 338]). Но подобно русскому писателю, он долго обдумывал дорогую идею. Лишь спустя 30 лет музыка «сходится» со словами, чтобы обрести, как показало время, бессмертие в финале грандиозной симфонии с хором. И здесь обнаруживается еще одна параллель между Бетховеном и Достоевским. «По мнению А. Лингстад, в литературном воздействии Шиллера на Достоевского можно выделить три большие фазы: пылкое восхищение (докаторжное творчество), пародия и са-

тира (60-е годы), творческая ассимиляция («Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы»)), – пишет А. Б. Креницын [6]. Подобно тому и Бетховен, впечатленный идеями Шиллера, Гете, Канта и других немецких философов о мировом переустройстве, в конечном итоге идет дальше своих современников. Выражаясь словами А. Климовицкого и В. Селиванова, «Шиллер ставит точку там, где для Бетховена мысль еще не является законченной» [8, с. 207]. Показательно в этой связи, что уже в 1800 году автор «Оды» писал: «По моему теперешнему ощущению “Радость” насковозь фальшива, и если она благодаря некоей пламенности чувства способна нравиться, то все-таки это скверное стихотворение, соответствующее той ступени внутреннего развития, которую я непременно должен был отставить позади, дабы создать что-то приличное» (цит. по [5, с. 342–343]).

Иное у Бетховена. Преодолевая просветительские иллюзии, он оставался верен им до конца жизни; «чем дальше уходил Бетховен от идеалов гармонически уравновешенного и измененного орудием мысли мира, тем в большей степени он страдал от совершающегося разрыва и тем сильнее было его стремление вновь утвердить мир устойчивости и порядка» [8, с. 203]. Только этим можно объяснить ту веру, ту мощь и ту правдивость, с которой композитор воплотил идею о всеобщем братстве в финале симфонии. Своеобразный «отход» от Шиллера был замечен еще русским критиком и композитором А. Н. Серовым, который в 1868 году писал: «У Шиллера “все люди становятся братьями”, где веет “кроткое крыло радости”, а Бетховен искал идеи, что истинная радость там только и веет, где все люди братья. Это, как видите, не одно и то же, и у Бетховена взято несравненно шире и глубже» [11, с. 429].

Здесь следует сказать, что Бетховен заимствовал не весь текст оды, а лишь ту ее часть, которая наиболее соответствовала авторскому замыслу, тезисно изложенному в начальной фразе солирующего баритона: «Споем нечто более отрадное и преисполненное радости!» В итоге, как отмечает Л. В. Кириллина, в финале воплощается «нисхождение на землю божественного духа – Радости, «дочери Элизиума» [5, с. 368]. При этом Бетховен достигает невиданной дотоле объективности выражения религиозного начала, воссоздавая картину вселенского богослужения,

происходящего «непосредственно под разверстым небом, в головокружительных высотах которого – «над звездами» – обитает незримый, но ощущаемый всеми Бог» [5, с. 370].

Финал симфонии не оставляет сомнений в том, что для Бетховена достижение братского единения в любви возможно лишь через страдания и преодоления. Эта же идея пронизывает «роман-трагедию» Достоевского, где тема радости (иначе – тема сорадования) становится одной из ключевых для всего сочинения². Возможно, поэтому наш современник, петербургский композитор Александр Смелков счел необходимым ввести бетховенскую цитату в свою оперу «Братья Карамазовы». Прозвучавшая в 2008 году, опера стала кульминацией XVI Международного музыкального фестиваля «Звезды белых ночей»³.

Премьера нового музыкального прочтения романа Достоевского вызвала бурные отклики и обсуждение в прессе. Свидетели первой постановки оперы-мистерии разделились на два лагеря. Та часть слушателей, которых можно назвать любителями и поклонниками оперного жанра, восторженно отзывалась о сочинении и писала, о ярких впечатлениях, потрясших их во время прослушивания. Профессионалы, напротив, высказывались отрицательно и язвительно, называя «кондовым микстом чужих стилей», приписывая ей уровень «консерваторской задачи по гармонии и инструментовке», именуя «образчиком для потребления интуриста» и «трофейной коллекцией советской музыкальной классики», которая «не просто ужасно вторична, но даже третична». Самый неистовый критик произведения Борис Филановский провозгласил, что в стремлении приблизиться к эпохе Достоевского Смелков «приблизился в таком плане, как если бы, допустим, ранний Чайковский писал с тяжелого похмелья и наваял плохого голосоведения, невнятной оркестровки, вялого ритма и ученических мелодий», создав в итоге «поток запредельной, немислимой пошлости и китча» [12].

² Более подробно об этом в романе и на примере оперы А. Н. Холминова «Братья Карамазовы», завершённой в 1981 году и поставленной в Камерном театре Б. Покровским, (см. [2]).

³ Перечень произведений различных жанров, основанных на сюжетах Ф. М. Достоевского, приводится в [9].

Что же вызвало разгромную критику в среде «коллег по цеху» Александра Смелкова? (Заметим, в большинстве своем тех «коллег», чью музыку исполняют редко). Действительно, автор «Братьев Карамазовых» использует традиционный ариозно-декламационный стиль, привычные оперные формы, семантику тональностей и тембров. Композитор словно бы взывает к генетической памяти слушателя, воспитанного на оперных образцах П. И. Чайковского, М. П. Мусоргского, Д. Д. Шостаковича, вследствие чего возникает ощущение знакомого, близкого. Не зря один из критиков высказал мнение, что одной из причин успеха оперы у широкой публики стала «радость узнавания».

Но среди всех «похожих» и «близких» известным классическим темам мелодий «Братьев Карамазовых» именно интонации бетховенской «темы радости» появляются далеко не случайно. Более того, их включение в музыкальный текст современной оперы обусловлено, на наш взгляд, глубоким прочтением и проникновением композитора Александра Смелкова и либреттиста Юрия Димитрина в самую суть произведения Достоевского. Однако тема, символизирующая в первоисточнике гармонию земного и небесного, тема, формирующаяся на протяжении всей грандиозной симфонии и выступающая венцом интонационно-драматургического развития, в музыкальном континууме «Братьев Карамазовых» Смелкова обретает совершенно иной смысл. Обратимся к опере.

Интонации «темы радости» появляются на страницах партитуры петербургского композитора семь раз. Причем, Смелков использует фразы как первого, так и второго предложения бетховенского первоисточника, но ни разу не проводит тему полностью в изначальном виде.

Уже в номере, открывающем оперу – «Начало легенды (Прелюдия)» – модифицированная тема радости звучит как один из тематических элементов сцены, где экспонируются две образные сферы. Первая представлена детским хором, располагающимся по замыслу композитора за сценой. Чистая, светлая мелодия сопровождается звучанием арфы и челесты, чьи гармонические фигурации создают прозрачное, словно бы невесомое обрамление детским голосам. Текст хора Ю. Димитрин заимствует из IV главы романа «Третий сын Алеша». Сравним:

Роман Достоевского
[3, с. 18]

...он запомнил один вечер, летний, тихий, отворенное окно, косые лучи заходящего солнца (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку...

Текст оперы (ц. 2)

Вечер тихий, вечер летний, отворенное окно... Зажженная лампадка перед образом... Косые лучи заходящего солнца...

Второй тематический элемент экспонируется мужским хором. Его текст представляет собой фразы из сцены суда над Митей. В опере она играет важную смысловую роль и связана с сюжетно-событийным планом.

ства и Мити – оказываются сопряжены с первого же появления в опере, что обусловлено важнейшей идеей романа, связанной со старшим из братьев: «За “дítě” и пойду. Потому что все за всех виноваты. За всех “дítě”, потому что есть малые дети и большие дети» [4, с. 31].

Две вышеназванные темы дополняют интонации бетховенской темы радости, которые при первом появлении словно бы поднимаются из нижних слоев фактуры в фугированном изложении деревянных духовых и струнных инструментов.

При повторном проведении (см. Пример 1, т. 3) тема изменяется настолько сильно, что в ней очевидно угадываются интонации *Dies irae* – средневековой секвенции, символизирующей неотвратимость наказания за грехи. Суть этих изменений объясняет авторская ремарка: «Кроваво-красные

Пример 1

А. П. Смелков «Братья Карамазовы», № 1 «Начало легенды», ц. 3

[3] *f marc.*

Об-ви-ня-е-тесь в убийстве... отца ва-ше-го... Отстав-ной поручик, Карамазов...

f marc.

В убийстве отца, в убийст-ве от-ца.

cresc. poco a poco

ff

Композитор рассредоточивает его по нескольким сценам, словно бы определяя общую логику движения к финалу, где Дмитрию Карамазову выносится приговор за несовершенное преступление. Тем самым две образных сферы – дет-

вспохоли. Становится различимой площадь средневекового города. В глубине сцены гигантский костер, на котором сжигают человека. По цене движется Великий Инквизитор – старик в грубой монашеской рясе. За ним – его стража.

А. П. Смелков «Братья Карамазовы», № 1 «Начало легенды», ц. 2, т. 5

Таким образом, в первой сцене все тематические элементы не просто тесно взаимосвязаны, но отражают основные идеи литературного первоисточника, ставшие основой либретто оперы-мистерии⁴. Благодаря им словно бы смыкаются реальный, конкретно-событийный и религиозно-символический планы повествования.

Описанное тематическое «триединство» затем встречается во всех сценах подобного типа. Это завершающий первую часть № 13 «Хвалите Господа», действие которого разворачивается на средневековой площади, где Пришедший⁵ оживает умершую девочку; № 16 «Великий инквизитор», основанный на монологе Первосвященника, и заключительный – 25-й – «Пришедший (постлюдия)», где к двум хорам добавляются реплики Инквизитора, Грушеньки, Алеши и Мити. В последней сцене интонации «темы радости» искажаются синкопированным ритмом, ограничиваются квинтовым диапазоном, из которого мелодия не может «вырваться» пока, наконец, не исчезает совсем в общих формах движения. Перспектива подобного развития темы была заложена, если вспомнить, уже в первой сцене, где модификации бетховенской цитаты привели к ее кардинальному переосмыслению: из темы всеобщей радости – к теме судного дня. Потому столь органично

⁴ Жанр оперы определен самим композитором. На титульном листе читаем: «Братья Карамазовы. Опера-мистерия в двух частях».

⁵ Именно так авторы оперы называют персонаж поэмы Ивана Карамазова, которого автор именуется исключительно «он», а в литературоведении принято назвать «Пленник». Как и литературный прообраз, в опере этот герой не произносит ни звука.

встраивается звучание предельно измененной «темы радости» в заключительную сцену, где Митя обвиняется за несовершенное им убийство отца. Так преобразуется мотив из второго предложения музыкального первоисточника.

Однако, как говорилось в начале статьи, в музыкальном пространстве оперы А. П. Смелкова дважды звучит и иницирующий мотив симфонической темы. Его первое проведение связано с образом Федора Павловича Карамазова. С одной стороны, появление интересующей нас цитаты в сцене с участием отца «одной семейки» «запрограммировано» романом Ф. М. Достоевского: именно Федор Павлович первым из героев обращается к образам шиллеровского произведения. Напомним читателю: «Божественный и святейший старец! – вскричал он, указывая на Ивана Федоровича. – Это мой сын, плоть от плоти моя, любимейшая плоть моя! Это мой почтительнейший, так сказать, Карл Мор, а вот этот сейчас вошедший сын, Дмитрий Федорович, и против которого у вас управы ищут, – это уже непочтительнейший Франц Мор, – оба из «Разбойников» Шиллера, а я, а я сам в таком случае уж *Regierender Graf von Moor*⁶!» [14, с. 66]⁷. Однако в контексте лживого пафоса, пронизывающего речь старшего Карамазова, и в соседстве с танцевальной темой в духе штраусовской оперетты интонации «темы радости» утрачивают свой возвышенный характер, приобретая очертания некоего грубовато-шутиливого пляса.

⁶ Владетельный граф фон Моор!

⁷ В этой связи отметим, что текст с упоминанием персонажей шиллеровской драмы «Разбойники» сохраняется Ю. Димитриным в № 2 «...А дозволено-то все!».

А. П. Смелков «Братья Карамазовы», № 2 «... А дозволено-то всё!», 2 т. до ц. 21

Митя

Не-до-

- стой-на - я ко - ме - ди - я

Этот же музыкальный материал Смелков использует еще раз: в № 23 «Ты – сам я, только с другой рожей», текст которой заимствован из главы IX одиннадцатой книги «Черт. Кошмар Ивана Федоровича». Об этом номере следует сказать особо, поскольку единственный раз в опере встречается ремарка автора: *Quasi IX Sinfonia (Beethoven)*. Но что еще более важно, дословная цитата из большого инструментального раздела финала Девятой симфонии, предшествующего появлению «темы радости», сопровождает речитативные фразы Черта⁸, обнаруживающего перед Иваном несостоятельность и утопичность идеи о всеобщем братстве и радости, достигнутых силой

⁸ В данном случае Черт – это «имя» оперного персонажа, и поэтому пишется с большой буквы.

разума. «Евклидов ум», открывший «химическую молекулу» и «праоплазму», оказывается неспособным к вере в Бога и к духовному единению. Сравним примеры 4 и 5:

Как подтверждение «тезиса» двойника Ивана, что разумом «все испортилось», Черт играет на трубе оперетточную мелодию в прихотливом мазурочном ритме, украшенную трелями и форшлагами, символизирующую в данном случае поверхностность и бездуховность, а обе фразы «темы радости», «вплетаемые» в музыкальную ткань сцены, совершенно утрачивают первоначальный смысл.

И здесь отметим еще одну немаловажную деталь. Прообраз «дословной» бетховенской цитаты впервые прозвучал в опере А. П. Смелкова в № 2 «...А дозволено-то всё!» при появлении Мити,

Пример 4

Бетховен. Симфония № 9, IV часть

Пример 5

А. П. Смелков «Братья Карамазовы», № 23 «Ты – сам я, только с другой рожей», с. 268, т. 7

с которым, как говорилось ранее, связана главная православная идея романа и оперы – идея жертвенного подвига. Словно бы привлекая внимание к первой фразе героя, композитор сопровождает ее ремаркой «quasi recit.» (4 т. до с. 19). Вокальная фраза звучит без сопровождения оркестра, развертывается в свободном темпе и ритме. Тем самым

автор дополнительно подчеркивает значимость появления Дмитрия Федоровича, которому в музыкально-драматическом пространстве оперы отведена важная роль. Обращает на себя внимание текст, с которым Митя входит в комнату Старца: «Простите великодушно, что заставил столько ждать». Его «простите» корреспондируется с фра-

зой Зосимы, которую духовный наставник Алеши произнесет в завершении «неуместного собрания», опустившись перед Митей на колени и поклонившись ему в ноги, коснувшись лбом земли: «Простите. Простите все...». Как пояснит затем Алеше Старец, «великому будущему страданию его поклонился, великому страданию».

В этой связи становится понятным окончательное преобразование бетховенской цитаты в сцене осуждения Мити. Оно отражает взгляд композитора XXI столетия, с болью признающего, что народ, отдающий Спасителя в руки палачей, жестоко и безапелляционно осуждающий невинного в каторгу, и много веков спустя будет жаждать лишь хлеба и чудес, не способный оценить божественного дара свободы и духовного единения, завещанного Христом.

По замыслу композитора опера завершается сценой, в которой на фоне звучания детского хора «Пришедший целует Великого инквизитора в бескровные девяностолетние уста и медлен-

но исчезает. Великий инквизитор, оцепенев, смотрит ему вслед» (ц. 288 клавира). Режиссер-постановщик оперы Василий Бархатов предложил собственное окончание оперы, которое и увидели зрители: большая конструкция, обозначающая ворота, скрывает всех реальных действующих лиц – жителей Скотопригоньевска; в открывшуюся дверь Великий инквизитор выпускает Пришедшего; тот целует первосвященника, но затем остается один, поскольку инквизитор возвращается к людям.

Финал оперы, на первый взгляд, наполнен печалью и безысходностью. Однако за закрытыми воротами остались и уверенный в необходимости «пойти за дитё» Митя, и свято верящий Алеша, и познавший и проверивший на себе «ложность» разума Иван. Возможно, они и станут залогом того нового братства в духе, той «новой семьи», тем «зерном», упавшим в землю, которое прорастет благодатными всходами и приблизит миг «вселенского объятия», где «поцелуй дарится всем».

Литература

1. Вильмонт Н. Н. Достоевский и Шиллер: заметки русского германиста. – М.: Совет. писатель, 1984. – 280 с.
2. Войткевич С. Г. «Любовь сорадовательная» в романе Ф. М. Достоевского и опере А. Н. Холминова «Братья Карамазовы» // Литературное обозрение: классика и современность / Дагестан. гос. пед. ун-т. – 2011. – № 1. – С. 118–123.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14: Братья Карамазовы, кн. I – X. – 511 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1976. – Т. 15: Братья Карамазовы, кн. XI–XII: Эпilog. Рукописные редакции. – 624 с.
5. Кирилина Л. В. Бетховен. Жизнь и творчество: в 2 т. – М.: Москов. консерватория, 2009. – Т. 2. – 595 с.
6. Криницын А. Б. Достоевский и Шиллер [Электронный ресурс]. – Ч. I: «Красота поэтическая». – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/45241.php?PRINT=Y>
7. Криницын А. Б. Достоевский и Шиллер [Электронный ресурс]. – Ч. IV: Мотивы и идеи Шиллера в «Братьях Карамазовых»: «Разбойники». – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/46077.php>
8. Климовицкий А., Селиванов В. Бетховен и философская революция в Германии // Вопр. теории и эстетики музыки. – Л.: Музыка, 1970. – Вып. 10. – С. 199–230.
9. Произведения Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского в музыкальном искусстве: справ. для студентов гуманитар. вузов / сост.: С. Г. Войткевич, О. Ю. Колпецкая, К. А. Носатова. – Красноярск, 2006. – 26 с.
10. Рыжкин И. Я. Сюжетная драматургия бетховенского симфонизма (Пятая и Девятая симфонии) // Бетховен: сб. ст. – М.: Музыка, 1972. – Вып. 2. – 376 с.
11. Серов А. Н. Девятая симфония Бетховена. Ее склад и смысл // А. Н. Серов. Избр. ст. – М.; Л., 1950. – Т. 1. – С. 425–434.
12. Филановский Борис. Братья Мазафакеры [Электронный ресурс]. – URL: <http://forumclassic.org.ua/topic1719.html>

References

1. Vil'mont N. N. Dostoevskij i Shiller: zametki russkogo germanista. – M.: Sovet. pisatel', 1984. – 280 s.
2. Vojtkevich S. G. "Ljubov' soradovatel'naja" v romane F. M. Dostoevskogo i opere A. N. Holminova "Brat'ja Karamazovy" // Literaturnoe obozrenie: klassika i sovremennost' / Dagestan. gos. ped. un-t. – 2011. – № 1. – S. 118–123.
3. Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. – L.: Nauka, 1976. – T. 14: Brat'ja Karamazovy, kn. I – X. – 511 s.
4. Dostoevskij F. M. Poln. sob. soch.: v 30 t. – L.: Nauka, 1976. – T. 15: Brat'ja Karamazovy, kn. XI–XII: Epilog. Rukopisnye redakcii. – 624 s.

5. Kirillina L. V. Bethoven. Zhizn' i tvorchestvo: v 2 t. – M.: Moskov. konservatorija, 2009. – T. 2. – 595 s.
6. Krinicyн A. B. Dostoevskij i Shiller [Elektronnyj resurs]. – Ch. I: Krasota poeticheskaja. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/45241.php?PRINT=Y>
7. Krinicyн A. B. Dostoevskij i Shiller [Elektronnyj resurs]. – Ch. IV: Motivy i idei Shillera v “Brat’jah Karamazovyh”: “Razbojniki”. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/46077.php>
8. Klimovickij A., Selivanov V. Bethoven i filosofskaja revoljucija v Germanii // Vopr. teorii i estetiki muzyki. – L.: Muzyka, 1970. – Vyp. 10. – S. 199–230.
9. Proizvedenija N. V. Gogolja i F. M. Dostoevskogo v muzykal’nom iskusstve: sprav. dlja studentov gumanitar. vuzov / sost.: S. G. Vojtkevich, O. Ju. Kolpeckaja, K. A. Nosatova. – Krasnojarsk, 2006. – 26 s.
10. Ryzhkin I. Ja. Sjuzhethnaja dramaturgija bethovenskogo simfonizma (Pjataja i Devjataja simfonii) // Bethoven: sb. st. – M.: Muzyka, 1972. – Vyp. 2. – 376 s.
11. Serov A. N. Devjataja simfoniya Bethovena. Ee sklad i smysl // Serov A. N. Izb. st. – M.; L., 1950. – T. 1. – S. 425–434.
12. Filanovskij Boris. Brat’ja Mazafakery [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://forumclassic.org.ua/topic1719.html>

УДК 7

ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО НА БАЯНЕ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Тяюкин А. М., доцент, заведующий кафедрой народных инструментов, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: im@kemguki.ru

В данной статье рассматриваются вопросы эволюции гармоника от простейшей диатонической до современного многотембрового готово-выборного баяна.

Ключевые слова: гармоника, многотембровый готово-выборный баян, оригинальный репертуар, соната, музыкальная обработка темы, сонористика жанр, тембр.

PLAYING THE BAYAN: TRADITIONS AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

Tyayukin A. M., Docent, Chair of Folk Instruments, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: im@kemguki.ru

The educational institutions, where national instrument departments function actively, need increasingly to study the history of the development of bayan instrumental art, define its present and forecast its future. The article focuses on the evolution of the harmonica from the simplest diatonic one to the modern multitimbral converter bass bayan.

The improvement in the bayan’s design in the early 20th century contributed the bayan to become the most mass instrument in everyday life and musical amateur activities of urban population. The interest of professional composers in writing original compositions for the bayan increases appreciably. The activity of professional educational institutions where methodological thought develops actively becomes significant and essential for the development of professional academic bayan performance. Important studies in the sphere of technology of bayan performance and the publications of methodological development appear.

Since the 1970s–1980s, the home bayan school becomes the recognized leader in the development of bayan art. This is the great merit of the winners of many competitions Y. Vostrelov, V. Petrov, F. Lips, A. Sklyarov, Y. Shishkin and other outstanding bayan players.

Thus, the formation and bayan development, and performance on it took place step by step. The improvement of the instrument’s design caused the growth of bayan players’ mastery. The edition of highly artistic

compositions by professional composers qualitatively expanded the repertoire list of original compositions for a bayan. This enabled the bayan to take deserved place on the academic scene along with other classical instruments.

Keywords: harmonica, multitimbral converter bass bayan, original repertoire, sonata, musical theme adaptation, sonorism, genre, sound colour.

Процесс оптимизации обучения инструментальному исполнительству имеет немаловажное значение в контексте преобразований, связанных с пересмотром образовательных стандартов в России. В учебных заведениях, где активно функционируют кафедры народных инструментов, возрастает потребность в изучении истории развития баянного инструментального творчества, определении его настоящего и прогнозирования будущего.

Цель статьи – рассмотреть вопросы, связанные с ролью и местом баяна в музыкальном инструментальном творчестве.

В начале XX столетия русские народные инструменты, в том числе и гармоника, интенсивно развивались и претерпели значительные улучшения в своих конструкциях.

Имханицкий М. И. в своем учебном пособии отмечает, что «термин “гармоника” представляет собой обобщающее понятие для всего класса самозвучащих духовых инструментов (самозвучащих аэрфононов)» [3, с. 33]. Звук у этих инструментов воспроизводится металлическим свободно проскакивающим язычком (голосом), колеблющимся под действием струи воздуха. Первоначально гармоники обладали одно- или двухрядной диатонической правой клавиатурой с простейшим басоаккордовым сопровождением в левой клавиатуре. Завезенные в Россию примерно во второй четверти XIX века, постепенно внедрившись в быт русского народа, они становятся самыми распространенными музыкальными инструментами, чему способствовала простота устройства, легкость освоения игры. Это обеспечило гармонике большую популярность. И лишь в начале XX века под словом «баян» стали подразумевать инструмент особого типа, «в котором хроматической правой клавиатуре не менее чем с тремя рядами кнопок соответствует хроматический набор басоаккордового аккомпанемента: мажорные, минорные трезвучия, а так же септаккорды – так называемый полный хроматический набор готовых аккордов» [3, с. 34].

В 1907 году в Петербурге по заказу исполнителя-гармониста Я. Ф. Орланского-Титаренко мастером П. Е. Стерлиговым был изготовлен усовершенствованный концертный инструмент с четырехрядной правой клавиатурой, имевшей полный хроматический звукоряд. В левой клавиатуре, помимо полного хроматического звукоряда басов, имелись готовые аккорды – мажор, минор и септаккорд. Этот инструмент мастер и исполнитель назвали баян, по имени древнерусского певца-сказителя Бояна.

Объединение мастеров-кустарей в артели, а затем и организация гармонных фабрик способствовали увеличению выпуска инструментов в стране. Баян становится самым массовым инструментом в быту и музыкальной самодеятельности городского населения.

К концу 1930-х годов большое распространение имел баян с готовыми аккордами в левой клавиатуре. На этих инструментах исполняемые произведения в художественном и техническом отношении звучали полноценно и убедительно. В качестве примера можно привести произведения, прозвучавшие в концерте, который состоялся в мае 1935 года в г. Ленинграде баяниста П. Гвоздева, – Чакона И. С. Баха, Пассакалия Г. Ф. Генделя, Полонез Ля мажор Ф. Шопена и других композиторов-классиков. Но эти значительные произведения в основном были переложениями с органной и фортепианной литературы, где музыкальный текст необходимо было в определенном смысле изменять или корректировать. Как отметил Р. Ф. Липс, «ограниченность традиционного баяна сказывалась все больше: изменение текста оригинала диктовалась не художественным замыслом транскриптора, а конструктивными особенностями инструмента» [2, с. 7]. Возросший исполнительский уровень баянистов нуждался в оригинальном репертуаре все острее.

В то же время попытки сочинять оригинальную музыку для баяна профессиональными композиторами были: можно назвать московского композитора Ф. Климентова, создавшего трехчастную сюиту. Но в сюите не ощущалось свежих

композиторских решений, новизны, поэтому она в исполнительскую практику баянистов не вошла. Однако следующие два сочинения крупной формы – концерт для баяна с русским народным оркестром ленинградского композитора Ф. Рубцова и концерт для баяна с симфоническим оркестром Ростовского композитора Т. Сотникова – считаются эталонными в становлении баянного академического репертуара. Судьба двухчастного концерта Ф. Рубцова оказалась более удачной. Вскоре он стал репертуарным произведением. В этом сочинении композитору удалось многосторонне раскрыть возможности баяна с готовыми аккордами. Они выявляются в «мелодизации» аккордового аккомпанемента в партии левой руки, в использовании специфических приемов глиссандирования по звукам уменьшенного септаккорда, трактуемого как эффектный прием, пальцевое тремоло в партии левой руки и т. п.

Особое место в баянном исполнительстве занимает жанр обработки народной мелодии. Он продолжает составлять основу оригинального репертуара баянистов.

Значительного совершенства обработка народной песни достигла в творчестве баяниста-самородка И. Я. Паницкого. Яркий пример – протяжная, передающая неспешность и широту повествования «Ой да ты, калинушка» или контрастность душевной лиричности с зажигаемостью и задором в вариациях на темы русских народных песен «Среди долины ровныя» и «Светит месяц». Творчество И. Я. Паницкого во многом послужило отправной точкой для дальнейшего развития жанра баянной обработки, определило основные методы его фактурных преобразований.

Дальнейшие шаги в развитии жанра обработки для баяна были сделаны профессиональными баянистами-исполнителями Н. Ризодем, В. Подгорным, А. Тимошенко.

В своих лучших обработках, среди которых в первую очередь можно назвать «Дождик», «Ах вы, косы русые», Н. Ризодем удается преодолеть замкнутость песенной или танцевальной мелодии. Благодаря этому обычная для данного жанра вариационная форма лишается своей механистичности, подчиняясь в большинстве случаев динамике красочного праздничного действия.

Творчество В. Подгорного раздвигает границы жанра, открывает в нем новые резервы. Композитор находит в работе с народной мелодией

возможность самовыражения, обращаясь с ней как со своим собственным материалом, целиком подчиняя ее своему замыслу, своим художественным задачам (фантазия «Ноченька», «Повея ветер на Украину»). Обобщенная фольклорная интонация наполняется у этого автора особой экспрессией, драматизмом, приобретая одновременно и эпический размах.

Обработки А. Тимошенко отличаются яркой концертностью, насыщенностью интонационными красками. Тематизм претерпевает значительные изменения, меняя свой облик. Все это подчеркивается гармоническими и ритмическими преобразованиями («Посею лебеду на берегу», «Утушка луговая»).

В этом плане путь вышеназванных композиторов продолжают выделяющиеся изобретательностью, тонким ощущением специфики претворения на баяне фольклорного материала композиторы Г. Шендеров, В. Черников, В. Власов, Е. Дербенко и др.

Известно, что художественные и технические возможности музыкального инструмента раскрываются, прежде всего, через исполняемый на этом инструменте репертуар.

Репертуар «классических» инструментов, существующих уже не одно столетие накопил огромное количество самых разнообразных произведений концертного и учебного плана. Репертуарный список оригинальных сочинений для баяна был по-прежнему ограниченным, ярких же произведений было очень мало.

Переломной можно считать ситуацию, когда один за другим появляются два сочинения, ставшие эпохальными в баянной литературе. Это Соната для баяна **h-moll** и **Концерт для баяна** и симфонического оркестра В-dur композитора Н. Я. Чайкина.

«С полным основанием можно полагать, что появление Сонаты **h-moll для баяна Чайкина** стимулировало качественно новый этап в развитии советской оригинальной литературы для баяна...» [1, с. 29], – считает исследователь творчества Н. Чайкина В. Бычков.

Четырехчастный цикл Сонаты **h-moll** был завершен в конце Великой Отечественной войны. События, потрясшие весь мир, не могли не отразиться в творчестве композитора. Главная тема – активная, мужественная олицетворяющая образ родины – красной нитью проходит через сонату.

Тема побочной партии не столько контрастирует основному образу, сколько дополняет его, делает более многогранным, весомым, значительным. Композитору удалось создать полноценное художественное сочинение глубоко впечатляющей силы воздействия на слушателя, значительно расширившее представление о баянной музыке, художественных возможностях инструмента. С появлением многотембрового готово-выборного баяна, становится очевидным стремление авторов к поискам совершенно новых образов, меняется сама стилистика музыки для баяна. Это характерно для творчества композиторов и музыкантов-баянистов: В. Золотарева «Партита» (1968), В. Зубицкого «Камерная партита» (1977), В. Семенова «Соната № 1» (1984), В. Власова Сюита «Пять взглядов на страну ГУЛАГ» (1991), несколько позднее А. Кусякова Цикл в 12 частях «Лики уходящего времени» (1999), с. Губайдулиной Концерт для баяна с симфоническим оркестром «Под знаком Скорпиона» (2004) и др.

Творчество этих композиторов наполнено новаторскими идеями, как в образном строе, так и средствах фактурного воплощения. В своих сочинениях они применяют такие элементы выразительности, как нетерперированное *glessandi*, шумовые ресурсы инструмента, звучание отдушника, различные приемы игры мехом и т. п. Возрастает интерес к нетрадиционным средствам музыкального выражения – додекафонных, серийных, алеаторике. Ширятся поиски новой тембровой палитры баяна, в частности, связанной с различными видами сонористики, и, прежде всего, кластерной.

Начиная с 70–80-х годов XX века отечественная баянная школа становится общепризнанным лидером в развитии баянного искусства. В этом большая заслуга победителей многих конкурсов Ю. Вострелова, В. Петрова, Ф. Липса, А. Складорова, Ю. Шишкина и других выдающихся баянистов, исполнительский стиль которых сочетает строгую рациональность и детальную продуманность всех компонентов интерпретации, виртуозное владение инструментом и искренность исполнительской манеры. Все эти качества подчинены главной цели – выявлению художественной сущности исполняемой музыки.

Важным и существенным для развития профессионального академического исполнительства на баяне становится деятельность профессио-

нальных учебных заведений, в стенах которых активно развивается научно-методическая мысль. Появляются серьезные исследования в области технологии баянного исполнительства и публикации научно-методических разработок. Если в период развития гармоника такие издания ориентировались в основном на практику бытового музицирования, то теперь проводится четкая грань между самодеятельным, любительским музицированием на баяне и обучением, которое требует основательного, долгосрочного профессионального образования и опирается на накопленный опыт фортепианной, скрипичной, виолончельной и иных методик.

Появляются работы, адресованные педагогам музыкальных училищ, училищ искусств и вузов, – например: Баян и баянисты: сборник статей. Вып. 1–7 / ред.-сост. Ю. Т. Акимов (вып. 1–5); С. М. Колобков и Б. М. Егоров (вып. 6–7). – М., 1970–1987. Выходит ряд книг и брошюр, в которых рассматриваются вопросы теории и практики баянного исполнительства, статьи, посвященные художественно-технической подготовке баянистов, проблемам звукотворчества, систематизации баянных штрихов и другим важным вопросам в баянном исполнительстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что становление, развитие баяна и исполнительство на нем проходило поэтапно. Улучшение конструкции инструмента сказалось на росте исполнительского мастерства баянистов. Создание высокохудожественных сочинений профессиональными композиторами качественно расширили репертуарный список оригинальных произведений для баяна. Это позволило баяну наряду с другими классическими инструментами занять достойное место на академической сцене. Широкая сеть профессиональных музыкальных учебных заведений, создание и использование в учебном процессе передовых научно-методических разработок (например: книга Ф. Р. Липса «Искусство игры на баяне» (1998); брошюра А. В. Крупина, А. Н. Романова «Новое в теории и практике звукоизвлечения на баяне» (2002); учебное пособие М. И. Имханицкого «История баянного и аккордеонного искусства» (2006) и др.) также способствуют отечественному баянному исполнительству успешно развиваться. Современный путь баяна – путь самодостаточного инструмента со своей богатой культурой и перспективой.

Литература

1. Бычков В. Николай Чайкин: Портреты современных композиторов. – М.: Совет. композитор, 1986.
2. Имханицкий М. И. Вопросы современного баянного и аккордеонного искусства: сб. трудов / отв. ред. М. И. Имханицкий; сост. Ф. Р. Липс и М. И. Имханицкий. – М.: Рос. акад. музыки им. Гнесиных, 2010. – Вып. 178.
3. Имханицкий М. И. История баянного и аккордеонного искусства: учеб. пособие. – М.: Рос. акад. музыки им. Гнесиных, 2006.

References

1. Bychkov V. Nikolaj Chajkin: Portrety sovremennyh kompozitorov. – M.: Sovet. kompozitor, 1986.
2. Imhanickij M. I. Voprosy sovremennogo bajannogo i akkordeonnogo iskusstva: sb. tr. / отв. red. M. I. Imhanickij; sost. F. R. Lips i M. I. Imhanickij. – M.: Ros. akad. muzyki im. Gnesinyh, 2010. – Вып. 178.
3. Imhanickij M. I. Istorija bajannogo i akordeonnogo iskusstva: ucheb. posobie. – M.: Ros. akad. muzyki im. Gnesinyh, 2006.

УДК 747

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЖИЛОГО ИНТЕРЬЕРА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА. СИТУАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Усанова А. Л., кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории искусства и культурологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул). E-mail: alla_leo@mail.ru

В статье рассматривается социокультурная основа трансформаций в организации жилого пространства в первой половине XX века. Анализируются ключевые события прямо или косвенно повлиявшие на изменение художественно-бытовых традиций в оформлении городского жилища. Рассматривается процесс формирования эстетических ориентиров у городского населения в сфере художественного оформления интерьера.

Ключевые слова: жилище, коммунальная квартира, барак, интерьер, городской быт, традиция.

**FORMATION OF DOMESTIC RESIDENTAL INTEREER IN THE FIRST HALF
OF THE 20TH CENTURY. THE SITUATIONAL ANALYSIS**

Usanova A. L., Candidate of Art History, Docent of Chair of Art Theory and Culturology, Altai State University (Barnaul). E-mail: alla_leo@mail.ru

The context of research is based on intrinsic property of an event row having evolutionary or revolutionary nature of influence on formation of a city inhabited interior.

The event succesion of the first half of the 20th century defining features of a city inhabited interior formation on character is subdivided into evolutionary processes of the beginning of the century and revolutionary changes of the 1920s – early 1930s years connected with creation of a new socio-economic structure.

Evolutionary character of events of a boundary of the 19–20th century is caused by counter interclass integration processes in the field of an interior and as a whole domestic household culture. The phenomenon of democratization of a modernist style, “style for rich”, on the one hand, is predetermined by industrial revolution of the second half of the 19th century of an eyelid, on the other hand, active entry of traditional country art into city, craft culture.

Revolutionary changes of the 1920s – early 1930s years, are connected with creation of a new socio-economic structure. In difference from natural interclass, interregional dialectics household, it is art cultural

traditions of the boundary of the 19–20th century, the period of the first five-years periods is marked by administrative policy of the new power in housing policy and situation speeding up in the welfare sphere.

The special attention in article is paid to value of the compelled urbanization of country people in the 1920s, the first half of the 1930s years. The essence and transformation of concept of a household culture widely adopted in the second half of the 1930s is defined, results and forms of its practical realization in an inhabited interior are analyzed.

The questions connected with the beginning of standard housing construction in the 1930s years, and as problems of creation of a new socialist life and socialization of new citizens are considered. Influence of these factors on art household traditions in registration of an inhabited interior and formation of so-called “barrack-type” culture is estimated. The conclusion about end in the second half of the 1930s of the interconnected processes: unifications of vital space, formation of a uniform social community “the Soviet people” and forming of model of official art culture is formulated.

Further, in the article analysis of value of capital household culture of the military and post-war periods in addition of the provincial city interior which distribution is connected in the beginning with evacuation of industrial productions, theaters, higher education institutions from the central regions of the USSR to the Urals, to Siberia and the republics of Central Asia and subsequently a stream of trophy gifts is carried out.

The formulated conclusions allow considering an inhabited interior of the 1930–1950s as diffusion, but at the same time stylistically the integral and recognizable phenomenon.

Keywords: housing, communal apartment, hut, interior, urban life, tradition.

Экономические и политические события в России конца XIX – первой половины XX века являлись причиной глобальных интеграционных и миграционных процессов населения страны. В то же время, на наш взгляд, целесообразно обособить событийный ряд, разделяя *эволюционные* процессы начала века и *революционные преобразования* 1920 – начала 1930-х годов, связанные с построением новой общественно-экономической формации.

На рубеже XIX–XX веков рядом отечественных и зарубежных исследователей (И. Бартевым, В. Батажковой, Е. Кириченко, У. Брумфилдом и Б. Рублом) отмечается размытие межсловных границ в оформлении жилого интерьера, связанное с массовым распространением стиля модерн на рубеже XIX–XX веков (см. [2; 6]). Феномен демократизации «стиля для богатых» обусловлен промышленным переворотом второй половины XIX века и набиравшей обороты индустрией быта для массового потребителя. За короткое время текстиль, мебель, утварь модных расцветок и форм по доступным ценам проникли не только в жилище городского обывателя, но и крестьянские избы, становясь камертоном «благоустроенного, культурного» быта на более чем полвека. Встречный процесс описывается в трудах исследователей традиционного народного искусства (В. Воронова, Некрасо-

вой и др.), характеризующих данный период как время активной культурной интеграции в городскую, ремесленную культуру [4].

Эти тенденции проявлялись не только в центральной части России, с достаточно высокой плотностью городов на данной территории, но и в менее урбанизированных, отдаленных регионах страны. Например, в процессе изучения домовой росписи южных регионов Урала, Сибири В. Бородулин отмечает явные трансформации в декорировании крестьянского жилища: «В начале XX века происходило изменение вкусов населения. От старинной системы росписи, с ее “аляпистостью”, начался переход к новой, “культурной”, созвучной городскому идеалу манере украшения» [1].

Внутрисловная интеграция хозяйственных, бытовых и художественных традиций в крестьянской среде, обусловившая культурное своеобразие юга Западной Сибири, явилась результатом столыпинской реформы рубежа XIX–XX веков, направленной на укрепление экономики страны и увеличение численности сельского населения региона. Эта особенность художественно-культурного ландшафта отмечается многими исследователями народного искусства, а также истории крестьянского, городского быта Сибири начала XX века (см. [5]). На наш взгляд, внимание к художественным вкусам в крестьянской среде нача-

ла XX века представляется важным, поскольку в последующее десятилетие выходцы из крестьян будут составлять значительную часть городского населения.

В отличие от естественной (*эволюционной*) межсословной, межрегиональной диалектики бытовых, художественно-культурных традиций (костюм, оформление интерьера и т. д.), свойственной рубежу XIX–XX веков, следующие три десятилетия озаменованы управленческой политикой новой власти и форсированием ситуации в социально-культурной сфере. Беспрецедентная вынужденная, насильственная и добровольная миграция населения, обусловленная революцией, войной, курсом на коллективизацию и индустриализацию, способствовали тому, что носители различных типов культур: городской, крестьянской, национальной и т. д. в процессе построения новой общественно-экономической формации оказывались в одинаковых неблагоприятных и непривычных условиях. Длительное пребывание в людей в экстремальной ситуации приводило к стиранию традиционных культурных установок индивида, переворачивало его мировоззрение. Кроме того, идеологический курс на формирование единой общности «советский народ» и «нового советского человека» был ориентирован на социально активную часть населения – молодежь, – усугубляя тем самым разрыв между поколениями, традициями. В исследовании Н. Лебиной о повседневной городской жизни 1920–1930-х годов приводится ряд документальных материалов о проявлениях различных форм девиантного поведения в среде рабочей молодежи, недавних выходцев из крестьян, оторванных от родительского и общинного контроля [8]. Внимание власти к негативным процессам разрушения городской социальной среды во второй половине 1920-х годов обусловило ряд практических шагов в сфере регулирования культуры и быта новых горожан. Используя терминологию В. Волкова, можно сказать, что «огороживание» развернулось одновременно по всем фронтам [3]. Конец 1920 – начало 1930-х годов отмечены серией общесоюзных компаний, направленных на привитие санитарно-гигиенических навыков населению, на борьбу с безграмотностью и алкоголизмом, организацию «культурного досуга», обустройство рабочих окраин городов и многое другое. В статьях идеолога культурной

революции в СССР Н. К. Крупской ключевой фигурой в деле переустройства быта является женщина-общественница. Вовлечение «основной массы домохозяек в общественную работу» рассматривалось ею как залог победы «нового быта» над старым [7].

Приобщение людей, незнакомых с новыми коммунистическими ценностями, к общественной деятельности в сфере санитарного и культурного просвещения давало им шанс пройти начальную школу социализации. Помимо овладения санитарно-гигиеническими навыками, необходимыми для существования в условиях «уплотнения жизни», через лекции агитаторов и обучение на разного рода курсах они знакомились с новыми морально-этическими нормами, культурными установками и языком советской эпохи.

«Уплотнение жизни» в городах происходит вскоре после революции. Декретом от 20 августа 1918 года «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» упразднялся институт частного предпринимательства и частной собственности на большую часть недвижимости. Экспроприированные дома, квартиры (нередко целиком с мебелью, домашней утварью), принадлежащие ранее зажиточным горожанам-домовладельцам, купеческому сословию, заселялись «выдвиженцами» из партийной, рабочей среды, недавними выходцами из городских окраин, окрестных сел. Провинциальные малые города эта программа затронула в меньшей мере, в виду отсутствия или небольшого количества многоэтажных строений, бывших доходных домов и усадебного принципа застройки. Однако жилищная политика, ориентированная на «уплотнение», здесь так же являлась нормой. В воспоминаниях К. П. Перетолчина, бывшего чиновника, лесосторителя Алтайского округа, подробно описываются его злоключения как домовладельца: «С 1917 года мы, ввиду сложившихся внешних и внутренних условий, стали постепенно “свертываться” и готовиться к простой жизни. Прежде всего, продали всю хорошую обстановку, а себе оставили только необходимое и что попроще... Последовало распоряжение занимать квартиры без ведома хозяев, по ордерам, выдаваемым жилищным управлением. Так как у нас был дом большой сравнительно, то к нам ставили такую массу людей, что самим пришлось забиться в одну комна-

ту... Одним словом за 1920–1924 годы у нас было поставлено жильцов 24 семьи! Плиту в кухне топили круглые сутки, там беспрерывно шла стирка белья жильцов, дверь так намерзала от сырости, что не закрывалась зимой» [12, с. 102–105]. Таким образом, практически с момента установления советской власти коммунальная квартира становится едва ли не основным типом городского жилища на десятилетия. В короткий период либерализации экономики (1921–1927) появившаяся кооперативная собственность в виде жилищных товариществ, а также возможность аренды и купли-продажи жилых строений не могли существенно улучшить жилищный вопрос в городах и рабочих поселках, в силу бедности основной массы населения.

На протяжении 1920-х годов активно искали пути решения вопросов жилищной политики, вели дискуссии о принципах организации городского жилища в контексте нового социалистического быта. Этот процесс отражен как в области теории, в трудах ведущих архитекторов и художников-конструктивистов, так и в практических шагах государства по обустройству жилищных и бытовых условий для населения разраставшихся и вновь отстраиваемых городов. О значимости данной проблемы в 1920-х годах говорит создание целого ряда комиссий по вопросам быта: Комиссия Оргбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о перестройке быта под председательством А. П. Смирнова; Комиссия Президиума ЦКК-НК РКК СССР по социалистической перестройке быта под председательством А. С. Гольцмана; Правительственная Комиссия при СТО по переводу предприятий и учреждений на непрерывную производственную неделю под председательством Я. Э. Рудзутака; Комиссия по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР.

Однако, несмотря на созвучие задач, по сути это были разнополярные движения. В статье М. Мееровича «Дискуссия о соцрасселении. Новые материалы. Часть I» подробно анализируются документы и стенограммы выступлений конца 1920-х годов общественных деятелей, ученых, архитекторов по организации быта. Идеи конструктивистов по строительству домов-коммун для рабочих, где заботу об обобществленном быте (фабрики-кухни, банно-прачечные комплексы) берет на себя государство, вступают в конфликт

с экономическими реалиями периода индустриализации. М. Меерович считает, что «окончание дискуссии следует датировать 29 мая 1930 года – в этот день публикуется принятое почти двумя неделями раньше – 16 мая – постановление ЦК ВКП (б) “О работе по перестройке быта”, по сути дела, четко и весьма недвусмысленно провозгласившее: “Хватит дискутировать! Будете делать то, что прикажут”» [9].

К началу 1930-х годов архитекторами разрабатываются типовые проекты экономичного городского жилья – одно-, двухэтажных барачков, вариативных по строительным материалам и планировке, рассчитываемой на подушевое (общезитие) или посемейное заселение. Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание, вход в который осуществлялся с торца через пристроенные тамбуры. В некоторых бараках устраивались дополнительные входы в центральной части, при этом одна из комнат ликвидировалась. Площадь жилых комнат в семейных бараках была от 12 до 15 кв. метров. В каждом бараке было 30–36 таких комнат, благоустройство ограничивалось наличием дощатой уборной и позднее водоразборной колонкой. М. Меерович пишет, что «при наличии в семье детей родители устанавливали над входной дверью антресоль (полати) для игр и сна, площадью до 5 кв. м. В комнатах справа или слева от входной двери размещалась каменная или кирпичная печь для обогрева помещения и для приготовления пищи, которую выкладывали сами жители. Печь топилась со стороны коридора. Часто жители в комнатах под полом устраивали погреба для хранения продуктов. Напротив входа в наружной стене устраивалось небольшое остекленное окно, рамы которого, как и сегодня, на зиму заклеивались полосками газет, чтобы снизить чрезмерное продувание комнаты холодным воздухом через щели в рамах окна и в дверях. Вдоль одной стены комнаты размещалась железная кровать, которая часто вместо сетки имела дощатый настил. Двери не имели запоров, поэтому комнаты оставались не запертыми, и неработающие женщины (больные, беременные) всегда присматривали за детьми. В каждом бараке, в одной из комнат площадью до 30 кв. м., размещался красный уголок, где стояло несколько столов и стульев, на стенах висели портреты Сталина и пролетарских вождей, а также награды коллектива

барака в соревнованиях за лучшую жизнь. Здесь же часто находилась барачная библиотечка, и дети имели свободный доступ к книгам. Многие дети выполняли свои домашние задания в этом помещении. Здесь же играли малыши. Вечерами в помещении красного уголка неграмотные жители учились грамоте. В одной из комнат барака, чаще всего около основной входной двери, проживала семья барачного милиционера, хотя барачным коллективом выбирался и «старший» барака» [10]. Благодаря государственным капитальным вложениям в жилищное строительство (бараков и общежитий) к концу 1930-х годов, в какой то мере острота проблемы была снята. Однако на протяжении 1920–1930-х годов, в годы войны и послевоенного десятилетия, не менее распространенными типами временного городского жилья также были землянки, полуземлянки, шатры и др., а окраины городов пестрели «нахаловками» и «шанхаями».

Таким образом, к концу 1930-х годов складываются основные типы городского жилья: небольшой процент отдельных, благоустроенных квартир и домов для крупных специалистов, партийных руководителей и самый распространенный тип – комнаты в коммунальных квартирах, барачное жилье с посемейной или подушной планировкой (рабочие общежития), а также самостоятельные постройки. В провинциальных городах скромные домовладения нередко являлись достоянием одной или двух семей. Однако, несмотря на унификацию и сужение жилого пространства до минимума, его интерьер продолжал обустраиваться в соответствии с возможностями и художественными притязаниями хозяев. Повышение стандартов потребления во второй половине 1930-х годов привело к тому, что понятие бытовой культуры стало отождествляться с культурой потребления. Этот процесс явился едва ли не ключевым в сложении определенных художественно-бытовых традиций, в формировании эстетических установок бытового дизайна в СССР. Поощрение потребительской культуры дало людям возможность в какой-то степени удовлетворить свою тягу к уюту и комфорту. Население начинает покупать мебель и предметы домашнего обихода. К тому времени борьба за новый быт была уже концептуально проиграна конструктивистами. В. Паперный в своей монографии «Культура Два» подробно анализирует социокультурную

природу смены художественного курса [11]. В домах горожан обосновались вещи из буржуазного прошлого, которые можно назвать символическими в плане «культуры быта»: абажуры, этажерки, жардиньерки и др. Однако неразвитая индустрия быта, дороговизна делали эти вещи малодоступными для большинства. В данной ситуации особую значимость приобретают умения самостоятельного изготовления модных новинок для дома и навыки обустройства быта.

Так, в условиях социокультурного хаоса формируется новая ветвь народной художественной культуры XX века – советский бытовой дизайн. Основу развития данного явления составляли различные виды традиционного рукоделия – вышивка, вязание и т. д., что вполне соответствовало формату «народности», свойственному в целом советскому искусству того времени.

В силу многообразия культурного ландшафта страны изучение процесса сложения художественно-бытовых традиций населения СССР невозможно без учета региональных особенностей. Например, Западная Сибирь, Восточный Казахстан, четверть века являвшиеся территорией ГУЛАГа, стали еще и «плавильным центром» национальных культур и эстетических установок, что неизбежно отразилось в предметном творчестве и сохранившихся образцах рукоделия 1930–50-х годов. Экспансия «столичной» бытовой культуры в начале 1940-х годов, связанная с эвакуацией промышленных производств, театров, вузов из центральных районов СССР на Урал, в Сибирь и республики Средней Азии, также имела определенные последствия и для социокультурной ситуации регионов. Прибывавшая техническая, творческая интеллигенция, врачи, педагоги и другие специалисты с семьями, в отличие от ссыльных, везли с собой не только мелкую утварь, но и предметы мебели, музыкальные инструменты, библиотеки и т. д. Редкие для регионов образцы европейской мебели, гобеленов и шпалер преимущественно XIX – начала XX веков являлись порой «фасонными» образцами для местных умельцев.

Окончание Великой Отечественной войны в массовом сознании прочно связывалось с наступлением «лучшей жизни». В контексте материального воплощения «лучшая жизнь» – это зажиточность, сытость (отмена карточной системы в 1947 году) и наличие «красивых» в общеприня-

том смысле вещей. Поток трофейных подарков, хлынувших в города и веси страны в послевоенное время, явился важным компонентом в формировании эстетических предпочтений, особенно у провинциального населения. На рубеже 1940–1950-х годов на фоне продолжающегося предметного дефицита и бедности тяготение к уюту, обустройству визуального частного пространства в русле «лучшей жизни» порождает целую индустрию китчевых вещей, имитирующих «зажиточность», «роскошь»: ковровая живопись, гипсовая, деревянная пластика и т. д.

Таким образом, анализ событийного ряда позволяет сформулировать следующие выводы: интеграционные процессы художественно-бытовых традиций, начавшиеся на рубеже XIX–XX веков,

являлись частью эволюционного развития и носили естественный характер межкультурного обмена – городской и сельской, столичной и провинциальной, межсословной и внутрисословной культур; далее из социального хаоса 1920-х годов в результате революционных преобразований к 1930-м годам происходит унификация не только жизненного пространства, но образование единой социальной общности «советский народ» и выстраивание модели официальной художественной культуры. Однако даже на фоне социального равенства и декларативного распространения канонизированных культурно-эстетических установок среди населения обустройство жилища осталось заботой самого жильца, а значит, пространством его личных вкусов и эстетических притязаний.

Литература

1. Барадулин В. Народные росписи Урала и Приуралья. Крестьянский расписной дом. – Л., 1987.
2. Бартенев И., Батажкова В. Русский интерьер XVIII–XIX веков. – М., 1977.
3. Волков В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. – 1996. – № 1–2.
4. Воронов В. О крестьянском искусстве. – М., 1972.
5. Гончаров Ю. Облик городов Западной Сибири середины XIX – начала XX века в описаниях современников // Культурное наследие Сибири: сб. ст. / отв. ред. и сост. Т. М. Степанская. – Барнаул, 2001. – Вып. 3.
6. Кириченко Е. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. – М., 2010.
7. Крупская Н. О бытовых вопросах: сб. ст. – М.; Л., 1930.
8. Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. – СПб., 1999.
9. Меерович М. Дискуссия о соцрасселении. Новые материалы. Часть I [Электронный ресурс]. – URL: <http://archi.ru/russia/45601>
10. Меерович М. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926–1932 годы. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008.
11. Паперный В. П. Культура «Два». – М., 1996.
12. Перетолчин К. П. Жизнь прожить не поле перейти... // Краеведческие записки. – Барнаул, 2011. – Вып. 9.

References

1. Baradulin V. Narodnye rospisi Urala i Priural'ja. Krest'janskij raspisnoj dom. – L., 1987.
2. Bartenev I. Batazhkova V. Russkij inter'er XVIII–XIX vekov. – M., 1977.
3. Volkov V. Konceptija kul'turnosti, 1935–1938 gody: sovetskaja civilizacija i povsednevnost' stalinskogo vremeni // Sociologicheskij zhurnal. – 1996. – № 1–2.
4. Voronov V. O krest'janskom iskusstve. – M., 1972.
5. Goncharov Ju. Oblik gorodov Zapadnoj Sibiri serediny XIX – nachala XX veka v opisaniyah sovremennikov // Kul'turnoe nasledie Sibiri: sb. st. / отв. red. i sost. T. M. Stepankaja. – Barnaul, 2001. – Vyp. 3.
6. Kirichenko, E. Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka. – M., 2010.
7. Krupskaja N. O bytovyh voprosah: sb. st. – M.; L., 1930.
8. Lebina N. Povsednevnoj zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930-e godu. – SPb., 1999.
9. Meerovich, M. Diskussija o socrasselenii. Novye materialy. Chast' I [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://archi.ru/russia/45601>
10. Meerovich M. Rozhdenie socgoroda: gradostroitel'naja politika v SSSR. 1926–1932 godu. – Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2008.
11. Papernyj V. Kul'tura “Dva”. – M., 1996.
12. Peretolchin K. P. Zhizn'prozhit' ne pole perejti... // Kraevedcheskie zapiski. – Barnaul, 2011. – Vyp. 9.

УДК 784.4

КОМПОЗИЦИОННОЕ СТРОЕНИЕ КОЖАМЫКТАР ЭРЗИНСКИХ ТУВИНЦЕВ

Кан-оол А. Х., преподаватель народного пения, Кызылский колледж искусств имени А. Б. Чыргал-оол, соискатель кафедры этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки (г. Кызыл, Республика Тыва). E-mail: aylanmaa@mail.ru

На основе опубликованных и экспедиционных материалов в статье рассматривается композиционное строение песенного жанра *кожамык* эрзинских тувинцев. В анализе автор опирается на предложенную в работах Е. Л. Тирон (Крупич) иерархическую схему строения *кожамык*, разработанную на материале песенной традиции тувинцев-тоджинцев.

Ключевые слова: *кожамык*, песенная традиция, эрзинские тувинцы.

THE COMPOSITE STRUCTURE OF ERZIN TUVINIANS' KOZHAMYKTAR

Kan-ool A. K., Lecturer of the Folk Vocal, Tchyrgal-ool Kyzyl Art College, Degree Applicant of Chair of Ethnomusicology, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy) (Kyzyl, Tuva Republic). E-mail: aylanmaa@mail.ru

The relevance of the study. The musical genre has a dominant position in the traditional Tuvan culture, one of the Turkic-speaking ethnic groups of southern Siberia. As a part of dialect-local approach (G.B. Sychenko) more detailed study of song traditions of one of the local groups of Tuva – Erzín kozhuun⁹ is undertaken.

The object of study is the musical genre *kozhamyk* Erzín Tuva.

The subject of the study is the compositional structure of the samples of the genre *kozhamyk*.

The purpose is to identify the main patterns of the text composite structure of *kozhamyk* song genre.

The material for the analysis were the 76 samples collected in the course of musical ethnographic expeditions to Erzín kozhuun¹⁰.

The scientific novelty of this work lies in the fact that the study was carried out on the new field and material using the new methodology for Tuvan musicology. This article was first taken consideration of the composite structure of the song genre of *kozhamyk* Erzín Tuva.

The methodological basis of this work is based on the works proposed in E. L. Krupich hierarchical structure *kozhamyk* scheme developed on a material-song tradition of tuva todzhins¹¹. There are two main genres, *urlar* (singular *uz I uru*) and *kozhamyktar* (singular *kozhamyk*¹²) in our song tradition. At the moment, the genre has *kozhamyk* dominant position, which is characteristic of the Tuvan culture as a whole.

In the genre of *kozhamyk* regulatory type of composition is a verse that in most cases consists of four lines. Also in the composition of *kozhamyktar* noteworthy is the application of the principle of pairing the different types, including inside the line pairing.

⁹ Erzín kozhuun (district) with an administrative center with. Erzín is located in the south of the Republic of Tuva. It is bordered to the south of Mongolia in the west – with Ovur in the east – with Tere-Hol, from the north – with the Tes-Hem kozhuun.

¹⁰ In 2005 A. H. Kan-ool, E. L. Krupich and G. B. Sychenko were examined Soumont Erzín Bai-Doug, Moren, Bulun-Bazhy and Naryn, in 2007, the A. H. Kan-ool and G. B. Sychenko worked Soumont Kachyk.

¹¹ Krupich, E. L. Song tradition of tuva – todzhins / thesis work nauch. ruk.: G. B. Sychenko: NGK (Academy). Glinka, 2006. – 139 p.

¹² Usually, this pair of terms translated as “songs” and “refrains”.

The comparative analysis of composite structures *kozhamyktar* erzin and related occupation shows that the proportion of different types of songs in the tradition of the two varies. The analysis of material showed that Erzin Tuva has a tendency to use megaline compositions. Such Erzin structures represent almost one-fifth of the total, and they are very diverse. The Todzhins recorded only one seven lines composition.

Thus, we can conclude that there are quite significant differences in composite structures *kozhamyktar* in two local traditions of Tuvan musical culture.

Keywords: “*kojamyk*”, song tradition, Erzin Tuvas.

Традиционная музыкальная культура тувинцев изучается довольно давно [1, 3–17, 19, 21, 23 и др.]. В последние годы обосновывается необходимость диалектно-локального ее изучения [5, 21]. В опубликованных материалах, касающихся одной из локальных групп тувинцев – тувинцев Эрзина¹³ – даны общая характеристика песенной традиции в контексте всей интонационной культуры, жанрово-культурологическая типология, охарактеризованы отдельные жанровые сферы и отмечены некоторые пересечения между ними [4–8]. В данной статье впервые предпринимается рассмотрение композиционного строения песенного жанра *кожамык* эрзинских тувинцев. Материалом для анализа послужили 76 образцов.

В рассматриваемой песенной традиции функционируют два основных жанра – *ырлар* (ед. число *ыр/ыры*¹⁴) и *кожамыктар* (ед. число

*кожамык*¹⁵). В настоящий момент жанр *кожамык* занимает доминирующее положение, что характерно и для тувинской культуры в целом.

Наши полевые наблюдения показали, что, в отличие от представителей других кожуунов Тувы, эрзинцы используют в качестве основного глагола «петь» слово *кожамыктаар*, а не *ырлар*. В тувинской культуре последний является наиболее общим и обозначает не только «петь песню», но и просто «петь», тогда, как *кожамыктаар* имеет более конкретное значение «петь *кожамык*». В Эрзинском же кожууне именно *кожамыктаар* выступает в роли глагола для понятия «петь» вообще. Возможно, это связано с большим распространением жанра *кожамык*, чем *ыры*¹⁶, однако не исключено, что такое положение дел объясняется приоритетом самого термина *кожамык*. У южных алтайцев (теленгитов и алтай-кижи) существует только один термин *кожсонг*, обозначающий всю песенную традицию, и он родственен тувинским терминам *кожаң / кожамык*, а также целому ряду аналогичных терминов в других тюркских культурах [22, с. 69–72]. В. А. Рассадин считает данный термин монгольским заимствованием, проникшим к южносибирским тюркам из среды западных монголов в период Джунгарского ханства (30-е годы XVII века) [18]. Возможно, у алтайцев он полностью вытеснил древнетюркский термин *ыр*, а у тувинцев стал использоваться наравне с последним. Большая распространенность термина *кожамык* у эрзинских тувинцев может, таким образом, объясняться близостью последних

¹³ Эрзинский кожуун (район) с административным центром с. Эрзин расположен на юге Республики Тыва. Он граничит с юга с Монголией, с запада – с Овюрским, с востока – с Тере-Хольским, с севера – с Тес-Хемским кожуунами. Через него проходит Федеральная трасса «Енисей», ведущая в Монголию. Часть населения общается между собой и по-тувински, и по-монгольски, некоторые понимают монгольский язык, но не говорят на нем, в с. Качык многие жители говорят преимущественно на монгольском языке. К настоящему моменту проведены две музыкально-этнографические экспедиции в данный кожуун. В 2005 году А. Х. Кан-оол, Е. Л. Крунич и Г. Б. Сыченко были обследованы сумоны Эрзин, Бай-Даг, Морен, Булун-Бажы и Нарын, в 2007 году А. Х. Кан-оол и Г. Б. Сыченко работали в наиболее отдаленном сумоне Качык. Обе экспедиции проводились в рамках проектов РГНФ (05-04-18028 и 07-04-1833, руководитель Г. Б. Сыченко).

¹⁴ В тувинской культуре функционируют варианты терминов *ыр* и *ыры*, причем в словарях различия между ними не объясняются. В работах А. А. Даржая дается следующее разграничение: понятие *ыр* в большей степени связано с поэтическим искусством, а *ыры* – с жанром собственно песни [2, с. 154].

¹⁵ Обычно эту пару терминов переводят как «песни» и «припевки, частушки» соответственно. По поводу второго термина можно высказать сомнение в его адекватности определяемому феномену. На наш взгляд, *кожамыктар* представляют собой особый тип песен.

¹⁶ Хотя подобная картина наблюдается и в других кожуунах.

к территории Монголии. На основе филологического анализа тувинских песенных текстов терминологическую трактовку слов *кожаң / кожамык* дает аспирантка Тувинского государственного университета У. О. Монгуш [17].

Для традиционной тувинской песенной культуры нормативным типом композиции является строфа. В песенной традиции эрзинских тувинцев строфа в большинстве случаев состоит из четырех строк. Однако нами зафиксировано три случая пятистрочной строфы в жанре *кожамык*. Пятистрочная строфа в двух из трех случаев возникает в результате повтора одной из строк (в наших записях это вторая и четвертая строки). В третьем случае пятая строка – это припев, который должен исполняться *хоомеом*.

Об относительной независимости поэтического и музыкального аспектов свидетельствует характер связи текста и напева песен. Для жанра *кожамык* характерно довольно свободное сочетание текста и напева. Структурное строение любого образца поэтического текста *кожамык* позволяет соединить его с любым вариантом напева, а напевы устроены так, что позволяют быстро и легко импровизировать, даже сочинять *кожамык* «на ходу». Умение импровизировать высоко ценится и является неотъемлемым качеством жанра *кожамык*.

В дальнейшем анализе мы опираемся на предложенную в дипломной работе Е. Л. Тирон (Крупич) иерархическую схему строения песенных текстов, разработанную на материале песенной традиции тувинцев-тоджинцев [9, с. 30–32]. Она включает следующие уровни пространственно-временной организации песенных текстов: композиция всей песни; парные строфы; строфы; полустрофы; строки, или стихи; полустроки, или сегменты; слова; слоги. Также в ходе рассмотрения композиционного строения *кожамык* будет проведен сравнительный анализ двух локальных традиций – эрзинской и тоджинской.

Общая композиция конкретного образца в жанре *кожамык* (и не только в эрзинской традиции) во многом зависит от ситуации исполнения: исполнитель может ограничиться одним законченным «текстом», а может петь достаточно долго, меняя темы и образы. Особенно типична

многоstroфность для ситуации диалогического исполнения. Такое явление чрезвычайно характерно для аналогичных импровизационных жанров других тюркских народов Южной Сибири. Однако, анализ материала, записанного нами в Эрзине, показал, что у эрзинских тувинцев тенденция к многоstroфным композициям проявляется и вне диалогических ситуаций. Достаточно упомянуть, что реальных песенных диалогов-состязаний в ходе экспедиции записано не было¹⁷ (что не означает их отсутствия в культуре), однако многоstroфных композиций в наших записях зафиксировано довольно большое количество.

Обращает на себя внимание широкое применение в композиционном устройстве *кожамыктар* принципа парности. Это явление было рассмотрено Е. Л. Крупич на материале песенной поэзии тоджинцев. Парность, с нашей точки зрения, это подбор исполнителем двух песенных строф для создания целостной композиции, раскрывающей ту или иную тему, затронутую в *кожамык*. Вторая строфа подбирается таким образом, что она является полным смысловым и структурным вариантом первой. Здесь сочетаются повторность и обновление, и тема раскрывается более полно, обогащаясь новыми подробностями и деталями.

С точки зрения проявления в текстах принципа парности Е. Л. Крупич выделила:

- 1) композиции, состоящие из парных строф;
- 2) композиции, состоящие из непарных строф
- и 3) композиции, где соединяются парные и непарные строфы [9, с. 31–32].

В эрзинском материале оба принципа – парность и непарность – проявляются достаточно активно, и здесь также можно найти все три вида композиций. Кроме того, нами обнаружены и другие разновидности парности. Так, например, в одном из *кожамык*, исполненных С. Б. Сагды, парность охватывает только вторые половины строф, первые же – непарны:

¹⁷ Был записан один шуточный *кожамык*, представляющий собой любовный диалог парня и девушки, исполнявшийся в рамках художественной самодеятельности. Данный образец, в силу его «приготовленности», не может рассматриваться как пример естественного диалога-импровизации.

Хорум даштыг Улан-Быраа	Гористый мой Улан-Быра
Хос-ла чытсын, шөлээн чытсын.	Останется пусть знойным, свободным.
Хоптуг-чиптиг хөөкүй өскүс	Оклеветанная, обиженная сирота
Хозап бээр мен, коңчап бээр мен, коңчап бээр мен.	Отрекись от вас, покину я, покину я.
Ыдыңарның ээргени	Напев мой звонкий, тревожный
Ырлыг-шоорлуг менди-ле бе ?	Нарушил покой ваших собак?
Ырлыг-шоорлуг улуг өскүс	С напевом звонким, тревожным
Ырай бээр мен, коңчай бээр мен, коңчай бээр мен.	Сирота я уйду далеко, покину я, покину я.

В некоторых однострофных композициях принцип парности проявляется внутри строфы, которая складывается из двух парных полустроф-дистихий:

Сүзүглээштиң сүдүн өргүүр	С верой преподносишь молоко
Сүүр бедик Сөөлчерим.	К высоким возвышенностям Солчер.
Чалбараштың шайын чажар	С молитвой разбрызгиваешь чай
Чаагай бедик Сөөлчерим.	Красивому высокому Солчер.

В *кожамык*, исполненном Б.-Ш. Н. Тангытом, из пяти строф крайние (1 и 2, 4 и 5) объединяются попарно, а средняя, третья строфа складывается из парных двестихий:

Көгей сынны көрбээн черде,	Не сомкну своих глаз,
Көрген караам шимбес-ле мен.	Пока не увижу хребет Көгей.
Хөй-ле чылгы көрбээн черде,	Не сомкну своих глаз,
Ала караам шимбес-ле мен.	Пока не увижу табу н лошадей.
Көгей сынны көрбээн черде,	Не сомкну своих глаз,
Көрбээн караам шимбес-ле мен.	Пока не увижу хребет Көгей.

Хөй-ле чылгы көрбээн черде,	Не натяну поводья коня,
Адым аскын тыртпас-ла мен.	Пока не увижу табун лошадей.
Алдын хөлүм аңгыр кужун,	На турпанов моего золотого озера
Аңнаванар, меңневенер.	Не охотьтесь, не убивайте их.
Өргун хөлүм өдүрек кужун,	Уток моего богатого озера
Өлүрбеңер, чидирбеңер.	Не убивайте, не уничтожайте.
Хөлдер бажы Хөндегде	В Хондеге, что в начале озер,
Алдын-даа бар, мөнгүн-даа бар	И золото есть, и серебро.
Хөлдер бажы Көдүрер Дашта,	В Кодурер-Даше, что в начале озер,
Алдын-даа бар, мөнгүн-даа бар.	И золото есть, и серебро.
Хөлдер мурнуу Кара-Сугда	В Кара-Суге, что перед озерами стоит,
Аъттар-даа бар, шарылар-даа бар.	И лошади есть, и волы.
Хөлдер мурнуу... ¹⁸	Перед озерами ...
...	...

При этом во всех парах строф в данном образце также имеется парность внутри строф. Ее, по-видимому, можно считать отдельной разновидностью парности, которую уместно определить как **внутристрофную парность**.

Другая разновидность парности, более сложная, представлена в трехстрофном *кожамык*, исполненном С. Б. Мижит-оол. Здесь парны между собой первые две, вторые две, а также крайние – первая и третья – строфы, то есть, все строфы парны друг с другом:

Хой[у]тпактаар мээң авам,	Мама моя всегда готовит <i>хойтпак</i> ¹⁹ ,
Хой[у]тпактап олур-ла боор.	Наверно, и сейчас сидит и готовит <i>хойтпак</i> .
Хой[у]тпааның хоюг черин,	Самую вкусную гущу <i>хойтпака</i> ,
Меңээ салып олур-ла боор.	Наверно, для меня приберегает она.

¹⁸ Данный образец исполнитель не допел до конца.

¹⁹ *Хойтпак* – кисломолочный продукт.

Инек малдыг мээң авам,	Мама моя, имеющая коров,
И[и]тпектеп олур-ла боор.	Наверно, сидит и готовит <i>итпек</i> ³ .
И[и]тпээниң эки черин,	Самую лучшую часть <i>итпека</i> ,
Меңээ салып олур-ла боор.	Наверно, для меня приберегает она.
Хой-ла малдыг мээң авам,	Мама моя, имеющая овец,
Хой[у]тпактап олур-ла боор.	Наверно, сидит и готовит <i>хойтпак</i> .
Хой[у]тпааның хоюг черин,	Самую вкусную гушу <i>хойтпака</i> ,
Меңээ салып олур-ла боор.	Наверно, для меня приберегает она.

В шестистрофной композиции, исполненной К. М. Тангыт, сложная парность проявляется на уровне объединения двух пар строф (1 и 2, 3 и 4) парностью более высокого порядка, объединяющей четыре начальные строфы:

Узун-узун дыттар үнген,	Широкая моя река Эрзин
Узун дурттуг Эрзинмейни.	С лиственницами высокими.
Улуг-биче чугаалажыр,	С малым и большим в ладу,
Улуг кыргыз чонумайны.	Великий мой народ – кыргыз.
Кадыр-кадыр даглар үнген,	Крутые горы находятся,
Кадыр оьттуг Эрзинимни.	И сочные травы растут в Эрзине моем.
Кадыр-кадыр чугаалажыр,	Живо-круто общается
Каш-ла кожуун чонумайны.	Из разных кожуунов – народ мой.
Пөдур-пөдур чаап турар,	С проливными дождями
Мөрен хемим мээң чуртум.	Река Морен – моя родина.
Бөрү-биле чугаалажыр,	Даже с волком может поговорить
Мөрен чонум мээң чонум.	Народ Морена – мой народ.
Кадыр-кадыр даглар дуглаан,	Окруженный крутыми горами,

²⁰ *Итпек* – пенка, сгусток на поверхности кислого молока.

Калбак Эрзин мээң чуртум.	Широкий Эрзин – моя родина.
Кадыр биле чугаалажыр,	С рыбой хариусом могут разговаривать
Кудагайлар мээң чонум.	Сватовья – мои родственники.
Авам төрөөн оол-ла болгаш	Матерью рожденный, парень такой я –
Он-на оглум болзуй ындыг.	Десять сыновей чтобы у меня было, хотел бы.
Онгарларга, калзыргайга[й]	Для людей своим мастерством
Онзаларны даарап чордум.	Шил я особо хорошие вещи.
Авам аткан аттып алгаш	Запомнив завещание матери моей,
Алды сөөлдү сөглөп чордум.	Я говорил всем добрые слова.
Алгы кешти эттеп чорускап	Выделявая шкурки,
Авыралдыг чуртап чордум.	Жил я и был милосердным к другим.

Таким образом, в эрзинской традиции принцип парности проявляется в песенных текстах более разнообразно, чем в тоджинской.

Сравнение показывает, что и удельный вес разных видов композиций в двух традициях неодинаков (см. Таблицу):

Таблица

Удельный вес композиционных структур *кожамыктар* эрзинцев и тоджинцев²¹

Вид композиции	Распространенность у эрзинцев	Распространенность у тоджинцев
однострофные	19,7 %	24,7 %
двухстрофные	34,4 %	53,4 %
трехстрофные	16,4 %	6,8 %
четырёхстрофные	9,8 %	15,1 %
многострофные	19,6 %	1,4 %

²¹ Данные по тоджинской традиции взяты из дипломной работы Е. Л. Крупич [9, с. 31].

Если у тоджинцев преобладающей является двухстрочная композиция, составляющая более половины всех образцов, то у эрзинцев она составляет примерно треть всех случаев. Однострочные композиции у тоджинцев составляют четверть, у эрзинцев – одну пятую от общего числа. Трех- и четырехстрочные композиции в совокупности занимают примерно одинаковое место в обеих традициях, но их соотношение между собой противоположно: у эрзинцев больше трехстрочных, а у тоджинцев – четырехстрочных композиций. Наибольшее отличие заключается в распространенности многострофных композиций. У эрзинцев такого рода структуры составляют почти одну пятую от общего числа, и они весьма разнообразны. У тоджинцев зафиксирована всего одна семи-строчная композиция.

По нашим наблюдениям, тяготение исполнителей к многострофным композициям объясняются несколькими причинами. Во-первых, безусловно, на процесс длительного исполнения *кожамык* влияют благоприятная психологическая атмосфера (физиологическая готовность к

пению, хорошее настроение, творческий подъем во время исполнения) и окружающая исполнителя обстановка. Если данные условия благоприятствуют, то исполнитель может «складывать» *кожамык* до бесконечности. Во-вторых, имеет значение наличие у исполнителя дара импровизации. Среди наших исполнителей таким даром обладали многие, но особенно – С. Б. Сагды, чей природный поэтический дар можно назвать исключительным. В-третьих, следует учесть то, что все перечисленные исполнители (за исключением С. Б. Сагды) в прошлом были активными участниками художественной самодеятельности. Этот фактор, отражающий современное бытование фольклора в рамках организованных форм художественной самодеятельности, тем не менее, не противоречит установкам, существующим в традиционной культуре.

Таким образом, рассмотрев композиционный уровень одного из жанров песенной традиции, можно заметить довольно значимые различия в двух локальных традициях тувинской музыкальной культуры.

Литература

1. Аксенов А. Н. Тувинская народная музыка. – М.: Музыка, 1964. – 254 с.
2. Даржай А. А. Шагар-оьтта шалын: проза дептери. – Кызыл: Тыв. НУЧ, 1995. – 192 ар.
3. Карелина Е. К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней: исслед. / Москов. гос. консерватория им. П. И. Чайковского; науч. ред. д-р искусствоведения В. Н. Юнусова. – М.: Композитор, 2009. – 552 с.: нот., ил.
4. Кан-оол А. Х. Песенная традиция в контексте интонационной культуры эрзинских тувинцев // Музыковедение: ежемес. науч. журн. – 2010. – № 3. – С. 30–36.
5. Кан-оол А. Х. Музыкально-диалектологическое изучение Тувы: к постановке проблемы // Тез. Междунар. музыколог. симпозиума «Хоомей (горловое пение) – феномен культуры народов Центральной Азии». – Кызыл, 2008. – С. 82–86.
6. Кан-оол А. Х. Жанрово-культурологическая типология песенной традиции эрзинских тувинцев // Чатхан: история и современность: мат-лы IV Междунар. симпозиума, 1–4 июля 2010 года, г. Абакан. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. – С. 77–83.
7. Кан-оол А. Х. Монгольские песни эрзинских тувинцев // Протяжные песни монгольских народов: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – С. 145–152.
8. Кан-оол А. Х. Скотоводческие заговоры в традиционной культуре тувинцев Эрзинского кожууна // Вестн. науч. журн. по искусствоведению, культурологи, истор. наукам / Восточ.-Сибир. гос. акад. культуры и искусства. – 2012. – № 1 (2). – С. 31–35.
9. Крупич Е. Л. Песенная традиция тувинцев-тоджинцев: диплом. раб. / науч. рук. Г. Б. Сыченко / НГК (акад.) им. М. И. Глинки, 2006. – 139 с.
10. Крупич Е. Л. Образно-тематическая характеристика жанра кожамык тувинцев-тоджинцев // Мельниковские чтения: мат-лы регион. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2005.
11. Крупич Е. Л. Слогоритмическая организация ыр и кожамык тувинцев-тоджинцев // Народная культура Сибири: мат-лы XIV науч. семинара СВЦФ. – Омск, 2005.

12. Крупич Е. Л. Система стихосложения песенной традиции тоджинцев в контексте родственных традиций Южной Сибири // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Немецкие исследователи на Алтае», посвящ. 170-летию со дня рождения выдающегося ученого-востоковеда, исследователя Центральной Азии Радлова Фридриха Вильгельма (Василия Васильевича). – Горно-Алтайск, 2007. – С. 86–89.
13. Кыргыз З. К. Тыва улустун кожамыктары. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975.
14. Кыргыз З. К. Тувинское горловое пение: этномузыковед. исслед. – Новосибирск: Наука, 2002. – 236 с.
15. Кыргыз З. К. Песенная культура тувинского народа / ред. И. В. Мацеевский. – Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1992. – 142 с.
16. Монгуш А. Д.-Б. Тувинский песенный фольклор: ладозвукоязычный аспект: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / науч. рук. д-р искусствоведения С. П. Галицкая. – Новосибирск, 2009. – 27 с.
17. Монгуш У. О. К вопросу терминологической трактовки слов *кожаң*, *кожамык* в контексте песенной культуры тувинцев // Мир науки, культуры, образования: науч. журн. – Горно-Алтайский гос. ун-т, 2011. – № 4. – Ч. 1. – С. 257–261.
18. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.
19. Сузукей В. Ю. Музыкальная культура Тувы в XX столетии. – М.: Композитор, 2007. – 408 с.
20. Сыченко Г. Б. Песня и обряд в традиционной культуре алтайцев // Вопросы музыковедения. – Новосибирск, 1999. – С. 241–256.
21. Сыченко Г. Б. Региональные исследования в Южной Сибири и в Республике Тыва // Тез. науч. докл. V Междунар. этномузыколог. симпозиума «Хоомей (горловое пение) – феномен культуры народов Центральной Азии». – Кызыл, 2008. – С. 60–63.
22. Сыченко Г. Б. Традиционная песенная культура алтайцев: дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1998. – 291 с.
23. Сыченко Г. Б., Тирон Е. Л., Кан-оол А. Х. Результаты полевых и научных исследований Новосибирской консерватории в Республике Тыва (1997–2009 годы) // От конгресса к конгрессу: мат-лы II Всерос. конгресса фольклористов: сб. докл. / отв. ред. А. С. Каргин. – М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 281–299.

References

1. Aksenov A. N. Tuvinskaja narodnaja muzyka. – М.: Muzyka, 1964. – 254 s.
2. Darzhaj A. A. Shagar-o#tta shalyn: proza depteri. – Kyzyl: Tyv. NUCh, 1995. – 192 ar.
3. Karelina E. K. Istorija tuvinskoj muzyki ot padenija dinastii Cin i do nashih dnei: issled. / Moskov. gos. konservatorija im. P. I. Chajkovskogo; nauch. red. d-r iskustvovedenija V. N. Junusova. – М.: Kompozitor, 2009. – 552 s.: not., il.
4. Kan-ool A. H. Pesennaja tradicija v kontekste intonacionnoj kul'tury erzinskih tuvincev // Muzykovedenie: ezhemesjach. nauch. zhurn. – 2010. – № 3. – S. 30–36.
5. Kan-ool A. H. Muzykal'no-dialektologicheskoe izuchenie Tuvy: k postanovke problemy // Tez. Mezhdun. muzykolog. simpoziuma "Hoomej (gorlovoe penie) – fenomen kul'tury narodov Central'noj Azii". – Kyzyl, 2008. – S. 82–86.
6. Kan-ool A. H. Zhanrovo-kul'turologicheskaja tipologija pesennoj tradicii erzinskih tuvincev // Chathan: istorija i sovremennost': mat-ly IV Mezhdunar. simpoziuma, 1–4 ijulja 2010 goda, g. Abakan. – Abakan: Hakas. kn. izd-vo, 2010. – S. 77–83.
7. Kan-ool A. H. Mongol'skie pesni erzinskih tuvincev // Protjazhnye pesni mongol'skih narodov: sb. nauch. st. – Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 2010. – S. 145–152.
8. Kan-ool A. H. Skotovodcheskie zagovory v tradicionnoj kul'ture tuvincev erzinskogo kozhuuna // Vestn. nauch. zhurn. po iskustvovedeniju, kul'turologii, istoricheskim naukam / Vostoch.-Sibir. gos. akad. kul'tury i iskusstva. – 2012. – № 1 (2). – S. 31–35.
9. Krupich E. L. Pesennaja tradicija tuvincev-todzhincev: diplom. rab. / nauch. ruk. G. B. Sychenko / NGK (akademija) im. M. I. Glinki, 2006. – 139 s.
10. Krupich E. L. Obrazno-tematicheskaja harakteristika zhanra kozhamyk tuvincev-todzhincev // Mel'nikovskie chtenija: mat-ly region. nauch.-prakt. konf. – Novosibirsk, 2005.
11. Krupich E. L. Slogoritmicheskaja organizacija yr i kozhamyk tuvincev-todzhincev // Narodnaja kul'tura Sibiri: mat-ly XIV nauch. seminaru SRVCF. – Omsk, 2005.

12. Krupich E. L. Sistema stihoslozhenija pesennoj tradicii todzhincev v kontekste rodstvennyh tradicij Juzhnoj Sibiri // Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. "Nemeckie issledovateli na Altae", posvjashch. 170-letiju so dnja rozhdenija vydajushchegosja uchenogo-vostokoveda, issledovatelja Central'noj Azii Radlova Fridriha Vil'gel'ma (Vasilija Vasil'evicha). – Gorno-Altajsk, 2007. – S. 86–89.
13. Kyrgys Z. K. Tyva ulustun kozhamyktary. – Kyzyl: Tuvin. kn. izd-vo, 1975.
14. Kyrgys Z. K. Tuvinskoe gorlovoe penie: etnomuzykoved. issled. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 236 s.
15. Kyrgys Z. K. Pesennaja kul'tura tuvinskogo naroda / red. I. V. Macievskij. – Kyzyl: Tuvin. kn. izd-vo, 1992. – 142 s.
16. Mongush A. D.-B. Tuvinskij pesennyj fol'klor: ladozvukorjadnyj aspekt: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija / nauch. ruk. d-r iskusstvovedenija S. P. Galickaja. – Novosibirsk, 2009. – 27 s.
17. Mongush U. O. K voprosu terminologicheskoi traktovki slov kozhaŋ, kozhamyk v kontekste pesennoj kul'tury tuvincev // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija: nauch. zhurn. / Gorno-Altajskij gos. un-t. – 2011. – № 4, ch.1. – S. 257–261.
18. Rassadin V. I. Mongolo-burjatskie zaimstvovanija v sibirskih tjurkskih jazykah. – M.: Nauka, 1980. – 115 s.
19. Suzukej V. Ju. Muzykal'naja kul'tura Tuvy v XX stoletii. – M.: Kompozitor, 2007. – 408 s.
20. Sychenko G. B. Pesnja i obrjad v tradicionnoj kul'ture altajcev // Vopr. muzykoznanija. – Novosibirsk, 1999. – S. 241–256.
21. Sychenko G. B. Regional'nye issledovanija v Juzhnoj Sibiri i v Respublike Tyva // Tez. nauch. dokl. V Mezhdunar. etnomuzykolog. simpoziuma "Hoomej (gorlovoe penie) – fenomen kul'tury narodov Central'noj Azii". – Kyzyl, 2008. – S. 60–63.
22. Sychenko G. B. Tradicionnaja pesennaja kul'tura altajcev: dis. ... kand. iskusstvovedenija. – Novosibirsk, 1998. – 291 s.
23. Sychenko G. B., Tiron E. L., Kan-ool A. H. Rezul'taty polevyh i nauchnyh issledovanij Novosibirskoj konservatorii v Respublike Tyva (1997–2009 gody) // Ot kongressa k kongressu: mat-ly II Vseros. kongressa fol'kloristov: sb. dokl. / otv. red. A. S. Kargin. – M.: Gos. respublik. centr rus. fol'klora, 2011. – T. 3. – S. 281–299.

ФИЛОЛОГИЯ PHILOLOGY

УДК 8

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЯГОД В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

Араева Л. А., доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: araeva@list.ru

Ли С. И., Даляньский университет иностранных языков (г. Далянь, КНР). E-mail: Jewaishihcu@dlu.edu.cn

В статье рассматриваются пропозиции, находящиеся в основе наименования ягод в русском и китайском языках, обусловленные свойственными определенной нации культурными концептами и стереотипами.

Ключевые слова: пропозиция, фрейм, мотивационные отношения, культурный концепт.

PROPOSITIONAL FRAME ANALYSIS OF DERIVED WORDS (BASED ON THE NAMES OF BERRIES IN CHINESE AND RUSSIAN)

Araeva L. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Member IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetorics, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: araeva@list.ru

Li S. I., Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China). E-mail: Jewaishihcu@dlu.edu.cn

Frame and propositional analysis of language facts demonstrates that people speaking different languages possess identical cognitive mechanisms of the world perception, discursive by its character, connecting the newly named objects on the basis of previously named ones. This approach applied to the concrete material (name units denoting berries in Russian and Chinese) detects not only universal, but also language-specific propositions underlying the name units denoting berries, which propositions are determined by the cultural concepts and stereotypes characteristic of a particular language community.

According to the concept, which received fruitful development within the cognitive approach, based on the semantics of the word is derived conceptual structure that has the form of a proposition.

Derivative reflects the propositional structure verbally objectifies the mental structure and reflects the ties that set people between the phenomena of the world in the process of cognition.

Studying of propositional structures and word-building models of scientific interest not only as a tool of interpretation ready derived words, but also as a mechanism for the generation of new ideas based on existing schemes. Linguistic forms have the status of constructs that take on reality due to the fact that there are rules of their generation.

Material of our analysis is the name of berries in Chinese and Russian, built using the same basic model for each language.

As a result of analysis, it became clear in the Russian language is practically the same motivational signs that in Chinese. It is also obvious that the community is evident not only in the fact that in each of the languages considered there is one basic (productive) model, but, first of all, that in two typologically different languages operates a similar set of propositional-frame model.

Keywords: proposition, frame, motivational attitude, cultural concept.

Согласно концепции, получившей плодотворное развитие в рамках когнитивного подхода, в основе семантики производного слова лежит концептуальная структура, имеющая вид пропозиции.

Производное слово отражает пропозиционную структуру, вербально объективирует мыслительную структуру и отражает те связи, которые устанавливает человек между явлениями окружающего мира в процессе его познания.

Изучение пропозициональных структур и словообразовательных моделей представляет научный интерес не только как инструмент интерпретации готовых производных слов, но и как механизм порождения новых замыслов на основе существующих схем. Языковые формы обладают статусом конструкторов, обретающих реальность в силу того, что существуют правила их порождения.

По словам Е. С. Кубряковой, «ПС [производное слово] – это по существу краткая дескрипция обозначаемого, за которой стоят более полные и более развернутые знания о нем, – они-то и должны быть «восстановлены» или, по крайней мере, уточнены в акте понимания ПС. Извлечение информации из ПС обязательно требует инференции, то есть некоторого домысливания реального содержания словообразовательной конструкции...» [4, с. 412].

Материалом нашей работы являются наименования ягод (натурфактный феномен) в китайском и русском языках, построенные с использованием одной основной модели для каждого языка. Источником материала послужили современные словари китайского и русского языков [3; 5; 6]. В китайском языке мы рассмотрели наименования с элементом 莓 méi, означающим съедобные дикие ягоды, который, с большой степенью вероятности, нужно признать суффиксом. С одной стороны, он является элементом наименования ягод (например, 草莓 sāoméi – клубника; 黑莓 hēiméi – ежевика; 云莓 yúnméi – морошка),

а с другой стороны – используется как отдельное слово и означает любую дику съедобную ягоду. В русском языке рассматривались только наименования, образованные с помощью специализированного «ягодного» суффикса – ИК /а/.

Таким образом, можно предположить, что элемент 莓 méi, вычленимый у мотивированных наименований, таких как 草莓 sāoméi, 黑莓 hēiméi, 云莓 yúnméi, осмысливается как типовой показатель класса ягодных и до сих пор используется носителями языка для обозначения всех диких съедобных ягод. Это, с одной стороны, демонстрирует стремление к естественной категоризации предметов природного происхождения, окружающих человека, а с другой – стремление к систематизации лексики языка.

Основные мотивирующие признаки – это (1) внешние признаки подобия (цвет, форма, расположение, размер), (2) вкусовые качества.

Главной основой для наименования является указание на внешние признаки. Наиболее важными внешними признаками являются цвет, форма и место расположения плодов. Например, 小红莓 xiǎohóngméi – *клюква* (小 – маленький, 红 – красный); 黑莓 hēiméi – *ежевика* (黑 – черный); 蓝莓 lánméi – *голубика* (蓝 – синий, голубой). Следовательно, мы можем развернуть производное слово в формате пропозиции: 黑莓 hēiméi – «ягода черного цвета». Наименование по месту расположения плодов: 树莓 shùméi – *малина*, 树 – *дерево, куст* (ягода, растущая на кусте).

В отдельных случаях подобие устанавливается на основе одновременно нескольких признаков, например, цвета и размера: 小红莓 xiǎohóngméi – *клюква*, 小 – маленький, 红 – красный (маленькая красная ягода);

Также наиболее важными внешними признаками является общее сходство с другими объектами, ср. 乌莓 wū méi – *черника*, 乌 – *ворон* (черная как ворон); 草莓 sāoméi – *клубника*, 草 – *солома* (ягода, ростки которой (своей сухостью) напоми-

нают солому); 云莓 yúnméi – морошка, 云 – облака (ягода многочисленная, как облака).

Другой основой для наименования является указание на вкусовые качества. Например, 醋莓 cù méi – крыжовник, 醋 – уксус (ягода по вкусу напоминающая уксус, кислая ягода).

Во всех этих примерах выбор мотивирующего слова носит субъективный характер. Основой для наименования служит или чувственный образ предмета, или внешнее уподобление другому известному предмету. Можно говорить о том, что носители языка используют имеющиеся у них знания о предметах окружающего мира, связывая их между собой на основе определенных признаков.

Тем не менее, несмотря на субъективно-индивидуальный характер номинации в китайском и русском языках, общность мотивирующих признаков налично.

В русском языке некоторые ягоды получили свое наименование в соответствии с особенностями их произрастания (включая место расположения, способ роста). Например: земляника – ягода, которая растет близко к земле; поленика – ягода, которая растет в поле.

Целая группа ягод в русском языке поименована в соответствии с их реальными качествами, как внешними, визуально наблюдаемыми, так и внутренними. Например: ежевика – ягода, такая же колючая как ёж; клубника – ягода, имеющая форму клубня; костяника – ягода с крупными косточками. Эффект, который оказывает растение при его употреблении, также является важным элементом опыта для носителей языка и заслуживает стать основой для номинации: например, среди наименований голубики в русском встречаем – дурника, пьяника [1, с. 91].

Цвет и вкус ягоды так же, как и в китайском языке, повлиял на наименование ягодных культур: голубика (голубая ягода); черника (черная ягода); кислица (кислая ягода).

Таким образом, можно сделать вывод, что в русском языке практически те же мотивирующие признаки, что и в китайском. Также очевидно то, что общность проявляется не только в том, что в каждом из рассмотренных языков существует одна основная (продуктивная) модель, но, прежде всего, в том, что в двух типологически разных языках действует сходный набор пропозиционально-фреймовых моделей.

Литература

1. Актуальные проблемы современного словообразования: сб. науч. ст. / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Кемерово, 2011. – Вып. 4. – 91 с.
2. Араева Л. А. Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа толерантной межкультурной коммуникации // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2008. – № 5. – С. 48–50.
3. Большой китайско-русский словарь / под ред. Ся Чжунъи, 2000.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.
6. Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь (БКРС), 1983.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940.
8. Шунков А. В. Проект «Русский язык в пространстве межкультурных коммуникаций» и его реализация в КемГУКИ // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2011. – № 15. – С. 36–41.

References

1. Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya: sb. nauch. st. / pod obshch. red. prof. L. A. Araevoy. – Kemerovo, 2011. – Vyp. 4. – 91 s.
2. Araeva L. A. Elektronnyj propozicional'no-frejmovyj mnogojazychnyj slovar' kak osnova tolerantnoj mezhkul'turnoj kommunikacii // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2008. – № 5. – S. 48–50.
3. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' / pod red. Sja Chzhun'yi, 2000.
4. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovoj slovar' russkogo jazyka. – M., 1999.
6. Oshanin I. M. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' (BKRS), 1983.
7. Tolkovoj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. – M., 1935–1940.
8. Shunkov A. V. Proekt "Russkij jazyk v prostranstve mezhkul'turnyh kommunikacij" i ego realizacija v KemGUKI // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. – 2011. – № 15. – S. 36–41.

УДК 8

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКИХ ТИПИЗИРОВАННЫХ РАЗГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ²²

Фу Лин, Даляньский университет иностранных языков (г. Далянь, КНР). E-mail: Jewaishihcu@dlu.edu.cn

В работе описаны особенности порядка слов в русских типизированных разговорных конструкциях на основе анализа шести типизированных синтаксических моделей и их модификаций с точки зрения актуального членения.

Ключевые слова: типизированные разговорные конструкции, порядок слов, актуальное членение.

ON THE CHARACTERISTICS OF WORD ORDER IN TYPICAL RUSSIAN CONVERSATIONAL CONSTRUCTIONS

Fu Lin, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China). E-mail: Jewaishihcu@dlu.edu.cn

The colloquial speech, being one of the subtypes of the oral type of modern standard Russian language, is used in various spheres of everyday oral communication. The mentioned subtype has both inherent linguistic means with its own syntagmatic and paradigmatic structure and wider set of general linguistic means. All those means can be divided into three groups: general standard, oral standard and typical colloquial. Their usage, particularly of the latter two, is closely associated with their structural peculiarities, which, in turn, affect the word order.

According to those structural peculiarities, two types of oral colloquial constructions can be singled out: weak-formed oral standard and typical colloquial.

According to O. A. Lapteva's classification, typical colloquial group can be further subdivided into two major subgroups A and B on the basis of the leading organizational principle. Group A constructions are formed on the basis of abundance of formal grammar means, while Group B constructions are based on the scarcity of those means. Therefore, those principles of forming are absolutely opposite.

Formal grammar means abundance principle is usually applied in constructions, formed by the detached expression of segments. These are the cases of constructions with topic nominative, constructions of addition and interrogative constructions with an additional phrasal division.

Formal grammar means scarcity principle is applied in constructions with the elimination of informatively irrelevant elements, which can be both auxiliary and nominal elements. This group of constructions can also include additional syntactical meaning and, as a result, the diffusion of the general syntactical meaning of the construction.

The following article gives a detailed illustration to the way of grammaticalization of the word order in Russian typical colloquial constructions. The analysis is based on the principle of actual division and is focused on the six typical syntactical models and their variations: constructions with topic nominative, constructions of addition, interrogative constructions with an additional phrase division, conjunctionless clause constructions, overlapping constructions, double-predicative constructions with *кто*.

The research shows that Russian typical colloquial constructions have the characteristic of increased grammatical meaning of word positioning, as soon as it takes part in building the syntactical model. The word order in those modeled constructions is rigidly fixed. This phenomenon proves that "free word order" is not

²² Данная статья является этапной работой по проекту автора «Исследовательская программа лучших преподавателей вузов провинции Ляонин, № 2008RC11».

a general inherent characteristic of standard Russian language, to be more precise, it is only characteristic in case it is not limited by the requirements of word order fixation. Yet the word order never loses the function of expressing the actual division, which is often combined with grammaticalization.

Keywords: typical conversational constructions, word order, actual division.

Устно-разговорная речь, являясь одной из разновидностей устно-литературного типа современного русского литературного языка, обслуживает различные сферы повседневного устно-речевого общения. Устно-разговорная разновидность обладает как собственными языковыми средствами со своей синтагматикой и парадигматикой, так и общелитературными языковыми средствами. В ней в основном функционируют три вида средств: общелитературные, устно-литературные и типизированные разговорные. Их представленность, особенно последних двух видов средств, тесно связана с особенностями ее строения. Эти особенности сказываются и на порядке слов.

По особенностям строения можно выделить два вида устно-разговорных конструкций: слабо-оформленные устно-литературные и типизированные разговорные. В настоящей работе подробно проиллюстрируем, как происходит грамматикализация порядка слов в типизированных конструкциях.

В существующих описаниях типизированных разговорных конструкций имеются некоторые различия в понимании их синтаксической природы и принципах классификации (Е. Н. Земская, Т. Р. Коновалова, А. С. Попов, О. Б. Сиротина, Е. Н. Ширяев и др.). В настоящей работе принимается концепция выделения и характеристики моделей типизированных конструкций, представленная в книге О. А. Лаптевой «Русский разговорный синтаксис».

Согласно классификации О. А. Лаптевой, типизированные конструкции распадаются на две основные группы (А и Б) в зависимости от ведущего принципа их организации. Конструкции группы А организуются по принципу избыточности формально-грамматических средств, конструкции группы Б – по принципу экономии этих средств. Эти принципы противоположны. По принципу избыточности средств организуются высказывания, оформляющиеся способом раздельного сообщения частей. Это конструкции с именительным темы, конструкции добавления

и вопросительные конструкции с дополнительной фразовой границей.

По принципу экономии формально-грамматических средств организуются конструкции с элиминацией информативно-избыточных элементов, которые могут быть служебными элементами (бессоюзные подчинительные конструкции) и повторяющимися лексически значимыми элементами (конструкции наложения). Во второй группе может возникнуть дополнительное синтаксическое значение и как результат – диффузность общего синтаксического значения конструкции (двупредикативные конструкции с *кто*).

1 Модель конструкций с именительным темы

Данная модель имеет следующие признаки: 1) высказывание расчленяется на две грамматически самостоятельно оформленные части; 2) одна из его частей оформляется в виде группы именительного падежа.

В такой модели может быть три или четыре главных члена, но не два. Именительный темы может быть глагольным и безглагольным, занимать независимую или управляемую позицию, иметь распространенный или нераспространенный состав; другая часть высказывания может иметь или не иметь местоименный коррелят именительного темы. Наиболее информативно значимый центр стремится к начальному расположению, хотя может иметь и конечное. Тенденция к самостоятельности организованных в грамматическое целое единиц может привести к расщеплению высказывания на две синтаксически самостоятельно оформленные части.

Модель состоит из двух групп модификаций. В первой группе именительный темы занимает инициальную позицию субъекта, имеет распространенный состав, а вторая часть высказывания имеет местоименный коррелят (личное местоимение) именительного темы. Во второй группе именительный падеж может иметь или не иметь распространителей, располагается в конце высказывания, составляя его вторую часть, исполняет роль сильноуправляемого объекта, местоимен-

ный коррелят отсутствует. Первую группу составляют 8 модификаций, вторую группу – 6 модификаций. Каждая модификация характеризуется рядом дополнительных признаков.

Модификация 1: 1) именительный темы не имеет глагола, но может иметь приглагольные члены; 2) местоименный коррелят согласуется с ним и имеет форму именительного падежа:

① – У нас эта поликлиника, она на отлете прямо на каком-то.

② – Цветочки, они никогда не лишние.

В таких случаях существительное обычно занимает конечное место первой части конструкции с именительным темы, местоименный коррелят обычно занимает инициальное место второй части конструкции. Это значит, что порядок слов в этой модификации грамматически закреплён.

Модификация 2: 1) именительный темы не имеет глагола; 2) местоименный коррелят получает падежную форму, требуемую управляющим словом:

① – А ребята эти, которые играют в командах, сколько им лет?

② – А вот это брат тети Тани, там у него большая пушка была.

В этой модификации места существительного и местоименного коррелята не так сильно зафиксированы, как в первой модификации.

Модификация 3: 1) в составе именительного темы употреблен глагол (чаще всего *Быть*); 2) местоименный коррелят имеет форму именительного падежа:

① – У меня вот еще потом были розы, они все у меня переродились.

② – У нас одна была бабушка, она говорит...

Здесь обнаруживаются такие же зафиксированные места существительного и местоименного коррелята, как в первой модификации.

Модификация 4: 1) в составе именительного темы употреблен глагол; 2) местоименный коррелят имеет форму косвенного падежа:

① – У нас там дом стоял, так у него все отвалилось.

② – Вот у нас были соседи, у них такой был всегда шум.

Существительное не имеет обязательного конечного места первой части конструкции, местоименный

коррелят обычно занимает инициальное место второй части конструкции.

Модификация 5: 1) именительный темы имеет препозитивное местоимение *который*, близкое по характеру к актуализаторам и усиливающее синтаксическую самостоятельность именительного темы; 2) местоименный коррелят имеет форму именительного падежа:

① – Вот эта вот, которая у нас висит в передней картинка, она представляет ценность.

② – А вот эта, которая на ней была кофта, она тонкая?

Препозитивное местоимение *который* здесь подвергается грамматикализации, потому что если существительное в этой модификации будет предшествовать местоимению *который*, то возникает общелитературный синоним этой модификации с придаточным определительным:

– Вот эта вот картина, которая висит у нас в передней, она представляет ценность.

Модификация 6: 1) в составе именительного темы употреблено препозитивное местоимение *который*; 2) местоименный коррелят имеет форму косвенного падежа:

① – А вот эта, которая внизу фотокарточка, ее специально повесили?

② – Та, которая здесь стояла лампа, я ее не брал.

В этой модификации обнаруживается то же самое, как у модификации 5.

Модификация 7: строится по принципу модификации 3. Однако более распространена первая часть и в связи с этим представлена нисходящая интонация завершенности в ее конце. Тем самым группа именительного превращается в аналог предложения. Она всегда препозитивна. Ее отличие от самостоятельного предложения проявляется в составе целого высказывания, вторая часть которого возможна лишь при условии существования первой и строится на ее базе, в связи с чем имеет краткий состав:

① – У нас здесь был сок. Ты не знаешь, куда он делся?

② – Тут к вам заходил молодой человек. Он не электрик был?

Существует также распространенное речевое представление субъекта речи, который может иметь при себе любые, в том числе глагольные

распространители, впоследствии чего группа именительного может быть и постпозитивна:

– *А кто сидит, вот эта женщина впереди совсем одна, сюда смотрит?*

Модификация 8: строится как модификация 4, но с особенностями модификации 7:

① – *Я вчера в парикмахерскую пришел, там лежит газета, и вот в ней написано ...*

② – *Сергей пропустил всю зиму. Что-нибудь с ним от этого случилось?*

В этой модификации обнаруживается действие принципа стремления информативно наиболее или более существенного центра к инициальному расположению. Любая информативно важная часть высказывания, в том числе и предцируемая, которая может быть представлена в распространенном виде, вплоть до аналога предложения, препозитивна:

– *Мам, а вчера, когда рассказывали детскую сказку. Там называлась медвежья каша или барсучья?*

Модификация 9: 1) именительный темы глагольный (или с признаком глагольности), распространенный, употребляется абсолютно в ответной (второй) реплике в качестве аналога предложения с интонацией завершенности; 2) во второй части высказывания – вопросительная (первая) реплика.

Разновидность 1: глагольный именительный темы:

① – *Она в информационном отделе работала.*

– *В каком?*

– *Информационный, есть такой отдел.*

② – *Куда тебе ее положить?*

– *Кошелек мой лежит на письменном столе.*

Разновидность 2: безглагольный именительный темы, но с признаками глагольности:

① – *На каком?*

– *А вот рядом с нами завод.*

② – *Где это ты купила?*

– *У нас на работе магазин рядом.*

В модификации 9 представлены двучленные диалоги, порядок слов здесь выступает как строевой элемент модификации, то есть группой именительного обязательно становится ответная реплика.

Модификация 10: именительный темы распространенный, занимает позицию прямого объ-

екта, имеет инициальное положение и включает в свой состав препозитивное местоимение *который*:

На границе частей интонационная непрерывность.

① – *Те, которые на Петровке, я могу купить, а те, которые на Серпуховке, сам съезди.*

② – *А которая в центре, пусть нам отдадут.*

Зафиксированность инициального положения распространенного существительного отличает эту модификацию от ее общелитературного синонима с придаточным определительным:

– *Пусть нам отдадут ту, которая в центре.*

Модификация 11: именительный темы включает в свой состав глагол и обычно имеет распространенное строение. На стыке управляющего глагола и независимого члена наблюдается интонационная непрерывность.

Разновидность 1: наличие распространителей при глаголе в составе именительного темы, который реализует валентность беспредложного сильного управления и занимает позицию прямого объекта:

① – *Подайте, пожалуйста, вон перчатки лежат.*

② – *Дай-ка мне, вон носок между шкафом и стулом лежит.*

Разновидность 2: отсутствие распространителей при глаголе в составе именительного темы, который реализует валентность беспредложного сильного управления:

① – *Я сегодня в столовой съела, запеканка была такая творожная.*

② – *Вот такая, если тебе попадется клеенка, К., как у С., купи четыре метра.*

Разновидность 3: именительный темы реализует валентность сильного непрямого управления:

① – *Я тебе сейчас заверну, где-то мой платок был.*

② – *Вон там попей, чашка стоит.*

Разновидность 4: именительный темы имеет глагол не формально уподобленный, а управляющий:

① – *Я тут Наташке заказала, ей шьют пальто осеннее.*

② – *Смотри вот кубики, я нарочно не уби-рала, чтобы ты играла.*

Во всех разновидностях этой модификации именительный темы чаще употребляется в постпозиции, кроме разновидности 2; там именительный темы иногда выносится в начальную часть конструкции (см. ② в разновидности 2).

Модификация 12: именительный темы не имеет глагола, однако сохраняются приглагольные члены:

① – *А, дай мне, «Новгородская правда» вон рядом с тобой.*

② – *Надевай там, вон твои колготки.*

Именительный темы обычно имеет постпозицию.

Модификация 13: именительный темы не имеет глагола и глагольных распространителей, но есть атрибутивные:

① – *Мне подарили, ручка светлая такая.*

② – *А вчера вы видели тут, сестра-хозяйка?*

В этой модификации именительный темы имеет атрибутивные распространители, поэтому его постпозиция благоприятна.

Модификация 14: именительный темы предстает как одиночная форма без атрибутивных распространителей:

① – *Вот еще колбаса, возьми!*

② – *Это что, картошка, ты положила, да?*

Здесь одиночная форма без атрибутивных распространителей именительного темы чаще наблюдается в препозиции по отношению к глаголу.

Конструкции с именительным темы обнаруживают совмещение порядка слов и актуального членения. Из-за стремления актуализировать информативно значимый член высказывания именная основа расщепляется на два члена. Это вынос темы сообщения в инициальную позицию. Порядок слов здесь закреплен и грамматикализован.

II Модель конструкций добавления

Данная модель основана на расщеплении имени на местоимение и существительное – препозитивное местоимение, постпозитивное уточняющее его существительное. Уточняющий элемент обычно находится в конце высказывания.

Модель конструкции добавления имеет 6 модификаций, которые различаются по употребленному местоимению: *личное* – первая модификация, *тот* – вторая, *этот* – третья, *некоторые* – четвертая (*которой* не образует модифика-

ции, потому что часто бывает в начале в разговорной речи), *такой* – пятая, *весь* – шестая.

Наиболее распространенная и характерная первая модификация с личным местоимением:

① – *Она совсем перестала закрываться, дверь.*

② – *А где его нет, ветра?*

③ – *Это ты ее угощал, бабушку, да?*

④ – *Пойдем у тех еще спросим ребят.*

⑤ – *Там тормозные колодки, а этот прямо поднимается вагон.*

⑥ – *Надо снимать пуговицы. Но некоторые могут остаться пуговицы.*

⑦ – *Эта очень большая комната. Сейчас таких нету комнат.*

⑧ – *Нет, все они не имеют права заранее продавать билеты.*

Проведенный материал показывает, что в конструкциях добавления порядок слов грамматикализован. Существительное имеет абсолютное конечное место, оно конструктивно обязательно. Избыточным в информативном отношении оно бывает в ответной реплике или при ясности ситуации. Порядок слов здесь не выполняет функцию АЧ.

III Модель вопросительных конструкций с дополнительной фразовой границей

В данной модели вопросительная реплика имеет краткий состав и небольшую линейную протяженность. Она распадается на два интонационных центра: первый (↑) находится в середине фразы, второй (↓) – к концу.

Для модели с дополнительной фразовой границей характерно присоединение в конце высказывания элемента пояснительного характера, отсутствовавшего в первоначальных коммуникативных установках высказывания.

По наличию вопросительных слов в модели дополнительной фразовой границы различаются 3 модификации:

Модификация 1: ей свойственно наличие вопросительного слова *да*:

– *Где она? Ты ее положила, да? шапочку.*

– *Сколько туда? Минут 15, да? ехать.*

Модификация 2: ей свойственно наличие вопросительного слова *нет*:

– *Ни у кого расписания нет? на автобус.*

– *Мы продали платье, нет? черное.*

Модификация 3: ей свойственно наличие других вопросительных слов:

- Желаящие есть? книжечку купить.
- Девушка, дайте нам 20 копеек, а? взаимы.
- За 14 что ли? брали маленькую.
- Она здесь хорошо, правда? выглядит.

Специфика конструкций смещения фразовой границы, как и конструкций добавления, состоит в дополнительном произнесении в завершающем отрезке высказывания той части, которая информативно мало существенна из-за непосредственной данной в конситуализации. В трех модификациях вопросительное слово имеет грамматически обязательное среднее место, порядок слов демонстрируется так: информативно наиболее значимая часть + вопросительное слово (↑) + информативно не значимая часть (↓).

Вопросительное слово здесь выступает как лексический актуализатор.

IV Модель бессоюзных подчинительных конструкций

Данная модель представляет сложные предложения подчинительного типа. Она имеет следующие признаки:

1) предложение состоит из двух предикативных комплексов и носит характер закрытой структуры;

2) эти комплексы объединены общим типовым значением и соединяются по определенному структурному типу (союз отсутствует);

3) один из комплексов находится к другому в отношении подчинения.

Модель бессоюзного подчинения делится на 4 подмодели (А, Б, В, Г), которые являются разными типами.

В подмодели А зависимый предикативный комплекс носит присловный, присубстантивно-определятельный характер. Конструкция одночленна, типовое значение осложняется пояснительным значением, структура имеет негибкий характер, придаточная часть располагается контактно постпозитивно, проговаривается без паузы и имеет непространный состав.

В **модификации 1** объединяются вопросительные предложения с зачином *А где*. Упрощенное строение придаточной и главной частей:

- *А где носовой платок, я кинула?*
- *А где мои шерстяные носки, тут были?*
- *А где мои бумажечки, тут валялись?*

В этой модификации придаточная часть обычно располагается контактно постпозитивно. Это так же грамматически прикрепленное место зависимой части. В случае изменения ее позиции возникает изменение самой конструкции, ср.:

- *А где мой шнурок, держал ты?*
- *А где ты держала, мой шнурок?*

В **модификации 2** объединяются повествовательные и вопросительные (без зачина) предложения, в придаточной части которых употреблен глагол в прошедшем времени:

- *Нет, моя хорошая, раз у тебя есть салфетки, я тебе дал, полотенце тебе не нужно.*
- *Где-то я ножницы видела, ты держал.*
- *А сухие мои носки, где были, на веревочке висели?*

В связи с вынесением элемента, несущего главную информацию, вперед наблюдается нарушение контактной постпозиции придаточной части по отношению к определяемому существительному.

В **модификации 3** объединяются предложения, в придаточной части которых употреблен глагол в настоящем времени:

- *Эти цветы надо выбросить, в стакане стоят.*
- *Откройте сгущенку, тут лежит.*
- *Я же должен был взять мешок, там у нас есть.*

Здесь придаточная часть может располагаться контактно постпозитивно, или неконтактно постпозитивно. Контактность постпозиции нарушается, если: 1) требование контактного расположения глагола-сказуемого оказывается сильнее требования контактного расположения придаточной части; 2) происходит усиление пояснительного значения придаточной части по принципу добавления.

В **модификации 4** объединяются предложения, в придаточной части которых употреблен глагол в будущем времени:

- *Тогда несколько отзывов отшлепайте, я вам дам.*

В **модификации 5** объединяются предложения с безглагольной придаточной частью:

- *Прогони муху, у меня на спине.*
- *Я ем в диетической столовой, там рядом.*

В модификациях 4 и 5 наблюдается обычная для литературного языка контактная постпозиция придаточной части.

В подмодели Б зависимый предикативной комплексе носит детерминантно-временной характер. Конструкция двучленна, типовое значение может осложняться более общим подчинительным значением диффузного характера. Гибкость структуры относительна, большинство реализаций имеет препозитивную придаточную часть; пауза между придаточной и главной частью отсутствует; состав придаточного стремится к минимуму и часто имеет лишь главные члены.

Модификация 1 в разновидности 1 объединяются повествовательные и вопросительные предложения с 1) неосложненным временным значением; 2) формой прошедшего времени глаголов придаточной и главной частей; 3) совпадением временных планов главной и придаточной частей; 4) препозицией придаточной части; 5) кратким составом придаточной части; 6) разными денотатами подлежащих в частях:

- *Я не успел. Я пришел, там уже не принимал.*
- *Ты пришел, они уже сели?*
- *Я сидела с боку, он подходил ко мне.*

В разновидности 2 объединяются предложения с теми же признаками, что и в разновидности 1, и с дополнительным признаком наличия в придаточной части детерминанта временного значения, подчеркивающего совпадение временных планов частей:

- *Я вчера звонила, ее не было.*
- *Мы вчера уезжали, в Москве было очень жарко.*
- *Я сегодня шла, мальчики катались.*

В модификации 2 объединяются предложения с признаками модификации 1 разновидности 1, кроме 4-го: придаточная часть постпозитивна:

- *Он спал, ты пришел?*
- *Народу много, мы ехали.*
- *Сколько было градусов, ты смотрел?*

В модификации 3 объединяются предложения, у которых представлены 1–3-й и 5-й признаки модификации 1-й, 4-й признак: придаточная часть может быть и препозитивна, и постпозитивна, 6-й признак: главное и придаточное предложения имеют один и тот же денотат подлежащего:

- *Ты за «Вечеркой» ходил, не видел моей варежки?*
- *Я сидела семь часов на аэродроме, я все рассмотрела.*
- *Ты руки вымыл, с улицы пришел?*

– *Я каждый день на километр ходил через поле, в шестом классе учился.*

В модификации 4 объединяются предложения со 2-м и 5-м признаками модификации 1. Признаки 1-й и 3-й стертые и неясные, признак 4-й подвижен – придаточная часть может быть и препозитивной и постпозитивной, 6-й – подвижен:

- *Я спала, она у меня вся сбилась.*
- *Я на задней площадке ехала, там так давили, а вы на передней?*
- *Не было никаких других, я эти купил.*
- *А очень красиво получилось, вот я плакат прибила.*

В модификации 5 объединяются вопросительные предложения с 1–4-м признаками модификации 1, признак 6-й подвижен – денотат подлежащих главной и придаточной части может быть разным или одним и тем же. Препозитивная придаточная часть интонируется как аналог предложения, с понижением в конце:

- *А вот ты съел таблетку тогда. Тебе могло?*
- *Вот вы были в овощном. Там есть лук?*
- *Ты сырок достал. Ты хотел его съесть?*

В модификации 6 объединяются предложения с 1-м и 3–5-м признаками модификации 1. Однако в признаке 3-м временные планы частей могут совпадать лишь частично, возникает значение последовательной смены действий. Глаголы имеют форму будущего времени, денотат подлежащих может быть разным или одним и тем же:

- *Там разница большая во времени. Вы приедете, еще ночь будет.*
- *Прилив придет, мы и перегоним.*
- *В следующий раз приду я, тебе испеку с маком.*

В модификации 7 объединяются предложения с признаками модификации 6, однако, придаточная часть здесь постпозитивна:

- *А кто меня встретить во вторник будет, я приеду?*
- *Жалко, меня не будет дома, он приедет.*
- *Вечером забеги, как-нибудь тут будешь?*

В модификации 8 объединяются предложения с признаками модификации 4, но глаголы главной и придаточной частей имеют форму будущего времени, денотат подлежащего частей может быть одним и тем же и разным:

- *Сейчас я подойду, ты мне все в натуре объяснишь.*

– *Это чемодан маленький, потому что она поедет, туда пальто надо будет уложить.*

– *Я попаду на Речной вокзал, туда войду?*

– *С., мы сядем под дерево, дождь пойдет?*

Здесь придаточная часть может и препозитивна, и постпозитивна.

В модификации 9 объединяются предложения с признаками модификации 6, однако, глаголы частей имеют форму настоящего времени:

– *Я встаю, он только уходит.*

– *Они останавливаются. Мы с папой идем, они всегда останавливаются.*

– *Мы идем там, тетка курицу ощипывает.*

В этой модификации придаточная часть чаще препозитивна.

В модификации 10 объединяются предложения с глаголами настоящего времени в главной и придаточной частях и с остальными признаками модификации 8:

С препозицией придаточной части:

– *По начальству небось идешь, целый день учишь отчества.*

С постпозицией придаточной части:

– *Что мне делать, слесаря не дозовешься.*

В модификации 11 объединяются повествовательные и вопросительные предложения с неосложненным и осложненным временным значением; несовпадением временных форм глаголов придаточной и главной частей; несовпадением временных планов частей; пре- и постпозицией придаточной части; кратким составом придаточной части; совпадением и несовпадением денотата подлежащего в частях:

– *Я пошла, они уже идут.*

– *На улице все еще метет, вы шли?*

– *Вы проходили мимо ворот, там что-нибудь про воду слышно?*

– *Я видела у него глаз опухший такой, он пошел.*

В подмодели В зависимый предикативный комплекс носит присловный, изъяснительный характер, типовое значение недиффузно и не подлежит осложнению, модально-временные планы главной и придаточной частей сочетаются свободно, краткая главная часть.

В модификации 1 объединяются предложения с глаголами dicendi в качестве опорного слова:

– *Они тебе говорили, они куда ездил?*

– *Я сказала у нас нет де'нег, идти без нее.*

В модификации 2 объединяются предложения с глаголами cognosciendi в качестве опорного слова:

– *Я думал, ты просила.*

– *Я боюсь, она мне всю шерсть съест.*

В модификации 3 объединяются предложения с глаголами чувственного восприятия (sentiendi) в качестве опорного слова:

– *Я вон там на дороге видела, хорошая сосенка лежит.*

– *Вы, наверно, видели, была заметка в газете.*

В модификации 4 объединяются предложения с оценочным предикативом в качестве опорного слова:

– *Жаль, сарафанчика у меня нет.*

– *Жалко, девочки уезжают, очень.*

Во всех модификациях подмодели В придаточная часть постпозитивна и обычно примыкает к изъясняемому глаголу.

В подмодели Г зависимый предикативный комплекс не имеет определенного однозначного типового грамматического значения. Конструкция двучленна, подчинительный характер конструкции ослаблен, модально-временные планы частей сочетаются свободно:

– *Сначала зайду на рынок, веники куплю я, вчера видел там веники.*

– *Мы не говорим, что-то дымом запахло, вам не кажется?*

– *Так я тебе клала, ты не ел.*

В этой подмодели зависимая часть постпозитивна.

V Модель конструкций наложения

Данная модель состоит из двух связанных частей с самостоятельной предикацией, которые объединяются общим членом, являющимся областью их взаимного наложения и синтаксически связанным с каким-либо членом каждой из частей. Общий член имеет грамматически закреплённое срединное расположение, является формативным центром и интонируется на тоне понижения.

Модель имеет 8 модификаций.

В модификации 1 общий член частей является двойным управляемым членом.

Разновидность 1: управляющие члены-глаголы с валентностью сильного управления:

– *Ладно, отдам тебе пещку, можешь забирать.*

– Ты возьми с собой что-нибудь поест, нужно приготовить обязательно.

Разновидность 2: управляющие члены-глаголы с валентностью слабого управления:

– Мы были по этому маршруту, ходили.

– Работал он всегда, на международной был, он в Америке много лет жил.

Разновидность 3: управляющие члены-глаголы с валентностью сильного или слабого управления и имя:

– А у них там внизу открыта дверь, в пристройку они бегают.

– А у нас тоже, только за счет азиатской части мы вывозим.

В модификации 2 в функции общего члена выступают самые разные члены предложения – главные, приглагольные и приименные определители, а также вводные слова и обращения:

– Завтра у Виктора Владимировича доклад, он делает.

– Мы всегда ездим, пятеро нас.

– Девушка, магазин «Синтетика», как понасть на Ленинский проспект отсюда?

В модификации 3 общим членом является определяемое слово второй части:

– А у него там есть аппаратик какой-то небольшой остался.

– Меня очень соблазнили удочки были немецкие за 18 рублей.

– У нас там есть чашки стоят.

В модификации 4 общий обстоятельственный член:

– Он курс прошел, в больнице лежал месяц.

– Их снесли, на Новослободской они жили.

– Я проезжал, мимо Савеловского вокзала на машине ехал и вот...

В модификации 5 общим членом является омонимичный по форме им. – вин. падежа сильноуправляемый член первой части, являющийся одновременно подлежащим второй, или сильноуправляемый двумя глаголами член в форме вин. падежа:

– Купите сегодня арбуз, Л. вчера видела, арбузы продавались.

– К., ты видела, там на дне цепь лежит.

– Господин, объявили «Будьбу», танцевать будем.

В модификации 6 общим членом являются: а) сильноуправляемая глаголом первой части форма, чаще всего – омонимичная форма им. – вин.

падежа, но возможна и форма вин. пад.; б) обстоятельственный член; в) управляющий глагол; г) отдельный предлог:

– Он сейчас, в комнате у Петровича стоит клетка.

– Она переезжает, Кунцево квартиру дали.

– Но гнездо у нее, где-то в кустах она прячет, не на камнях выводит.

В модификации 7 общим членом является определитель, управляемое слово или управляющий глагол:

– Панфилова улица следующая, по требованию остановка.

– Они когда подошли к нему, оказался это один парень молодой, врач.

– Они коньки купили, тридцать второй ботинки.

В модификации 8 конструкции с двойными глаголами:

– Ты почему никуда не уходила?

– Сидела дома работала.

Общим членом обычно является управляемое приглагольное слово, что ограничивает возможности совпадения с конструкцией с двойными глаголами:

– У нас не было горячей воды. Я поставила кастрюлю воды вскипятила.

– Она идет после ужина гуляет.

– Иди в ту комнату и там сиди под той лампой читай.

Конструкция наложения с грамматикализованным порядком слов хорошо приспособлена для выражения ремы высказывания, которая всегда совпадает с общим членом первой и второй части конструкции.

VI Модель дупредикативных конструкций с *кто*

Данная модель состоит из двух частей: местоимения *кто* (в им., род. с предлогом *у* или дат. без предлога) и личного глагола + факультативный приглагольный член. Часть с *кто* может выполнять функции: а) номинации и выступать в качестве обращения, подлежащего или зависимого члена; б) номинации и одновременно функции придаточной части сложного предложения в качестве подлежащего, зависимого члена или

обращения; в) придаточного с условным значением. В первых двух функциях свободное расположение части с *кто* обусловлено ее синтаксической функцией, в третьей структура является гибкой. Интонирование части с *кто* зависит от ее места и функции в высказывании.

Модель состоит из трех модификаций.

Модификация 1: часть с *кто* выполняет только функции номинации.

В разновидности 1 часть с *кто* является обращением, глагол другой части предложения выступает в форме повелительного наклонения или ее синтаксического эквивалента. Часть с *кто* может занимать пре- и постпозицию:

– *Кто купил мороженое, идите все сюда.*

– *Погасите свет, пожалуйста, в передней, кто там поближе!*

Часть с *кто*, как обращение, имеет свободное расположение в высказывании.

В разновидности 2 часть с *кто* является подлежащим, глагол другой части предложения выступает в разных формах числа и рода в зависимости от конкретно-ситуативного денотата *кто* (отношения согласования по смыслу):

– *Кто не посещает сольфеджио и хор – не будет допущен на специальность (объявление).*

– *Кто на живописный – рисовали отдельно.*

Часть с *кто* всегда препозитивна.

В разновидности 3 часть с *кто* является зависимым членом, глагол другой части управляет ею:

– *Тем более нам по русскому ничего не задали, кто ходил в Васнецовский музей.*

– *Одного уже выгнали, кто затевал драку.*

Часть с *кто* располагается контактно с управляемым ею глаголом.

Модификация 2: часть с *кто* выполняет функцию номинации наряду с функцией придаточного предложения.

В разновидности 1 часть с *кто* является придаточным условия и обращения, может выступать в пре- и постпозиции:

– *Кто торопится, можете пешком идти.*

– *Садитесь, кто желающий.*

В разновидности 2 диффузность синтаксического значения части с *кто* может проявляться в сильной степени, поэтому построение вообще не поддается синтаксической идентификации:

– *Тут, между прочим, есть огурчики, кто мясо ест.*

– *Кинотеатр «Космос» следующая, кто спрашивал.*

Модификация 3: часть с *кто* выполняет только функцию придаточного с условным значением:

– *Девочки, кто будет спрашивать, я сейчас приду.*

– *Кто за яйцами, их не будет.*

– *Предупреждаю, кто будет выходить не на остановке, в переднюю дверь высажу всех.*

В этой модификации часть с *кто* обычно препозитивна.

Таким образом, на основании приведенных примеров из шести типизированных синтаксических моделей и их модификаций выявлено, что в русских типизированных разговорных конструкциях наблюдается повышение грамматичности словорасположения, поскольку оно участвует в организации синтаксической модели. Порядок слов в них зафиксирован. Это не позволяет считать свободу слов в русском языке общелитературным свойством: она присуща ему только в тех случаях, когда не ограничивается требованиями фиксации словопорядка. Однако порядок слов не теряет функции выражения актуального членения, которая нередко совмещается с грамматикализацией.

Литература

1. Белошапкина В. А. Синтаксис // Белошапкина В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Белошапкиной. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 606–868.
2. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1952. – 336 с.
3. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речевой портрет: фонохрестоматия. – М.: Книж. палата, 1994. – 127 с.
4. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникат.-культуролог. аспект. – М.: Рус. слов., 1999. – 396 с.
5. Ковтунова И. И. Принципы словорасположения в современном русском языке // Русский язык. Граммат. исслед. – М.: Наука, 1967. – С. 96–146.

6. Лаптева О. А. Некоторые понятия теории актуального членения применительно к высказыванию в разговорной речи // Филол. науки. – 1973. – № 6. – С. 46–56.
7. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Едиториал УРСС, (1976) 2003. – 400 с.
8. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. – Изд. 2-е, стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 400 с.
9. Русская разговорная речь. Тексты / авт.-сост.: Г. А. Борисова, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе и др. – М.: Наука, 1978. – 307 с.
10. Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – 172 с.
11. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Наука, 1960. – 377 с.
12. Ширяев Е. Н. Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского языка // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. – М.: Наука, 1996. – С. 181–203.

References

1. Beloshapkova V. A. Sintaksis // Beloshapkova V. A., Bryzgunova E. A., Zemskaja E. A. i dr. Sovremennyj russkij jazyk: ucheb. dlja filol. spec. vyssh. ucheb. zavedenij / pod red. V. A. Beloshapkovoj. – 3-e izd., ispr. i dop. M.: Azbukovnik, 1999. – S. 606–868.
2. Gvozdev A. N. Oчерки по stilistike russkogo jazyka – M.: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1952. – 336 s.
3. Kitajgorodskaja M. V., Rozanova N. N. Rechevoj portret: fonohrestomatija. – M.: Knizh. palata, 1994. – 127 s.
4. Kitajgorodskaja M. V., Rozanova N. N. Rech' moskvicej: Kommunikat.-kul'turolog. aspekt. – M.: Rus. slov., 1999. – 396 s.
5. Kovtunova I. I. Principy slovoraspoloženija v sovremennom russkom jazyke // Russkij jazyk. Grammat. issled. – M.: Nauka. 1967. – S. 96–146.
6. Lapteva O. A. Nekotorye ponjatija teorii aktual'nogo chlenenija primenitel'no k vyskazyvaniju v razgovornoj rechi // Filol. nauki. – 1973. – № 6. – S. 46–56.
7. Lapteva O. A. Russkij razgovornyj sintaksis. – M.: Editorial URSS, (1976) 2003. – 400 s.
8. Lapteva O. A. Russkij razgovornyj sintaksis. – Izd. 2-e, ster. – M.: Editorial URSS, 2003. – 400 s.
9. Russkaja razgovornaja rech'. Teksty / avt.-sost.: G. A. Borisova, E. A. Zemskaja, L. A. Kapanadze i dr. – M.: Nauka, 1978. – 307 s.
10. Sirotinina O. B. Porjadok slov v russkom jazyke. – Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1965. – 172 s.
11. Shvedova. N. Ju. Oчерки по sintaksisu russkoj razgovornoj rechi. – M.: Nauka, 1960. – 377 s.
12. Shirjaev E. N. Osnovnye sintaksicheskie harakteristiki funkcional'nyh raznovidnostej sovremennogo russkogo jazyka // Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Urovni jazyka. – M.: Nauka, 1996. – S. 181–203.

УДК: 821.161.1+82-2.

ПЛАТОНОВСКИЕ АЛЛЮЗИИ В «ФАУСТЕ» А. СОКУРОВА

Проскурина Е. Н., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: proskurina_elena@mail.ru

При сопоставительном анализе киносценария фильма А. Сокурова «Фауст» (2011) обнаруживается множество межтекстовых переключек с романом А. Платонова «Счастливая Москва» (1932–1936). Это касается как сюжетных ситуаций, так и мотивной системы: сцена в кабинете Фауста, открывающая фильм, представляет собой перифразу эпизода в прозекторской в романе Платонова. Оба эпизода ведет мотив поиска загадочной субстанции – души. Кроме этого, в киносценарии есть еще несколько эпизодов, звучащих как вариация платоновского текста. Усиливают аллюзивный план сокуровского «Фауста» мотивы *мусора*, *срада*, *гнева*, коррелирующие с мотивами *нечистот*, *крика* в «Счастливой Москве». Эти и другие элементы кинопоэтики Сокурова дают основание увидеть в «Счастливой Москве» претекст написанного Ю. Арабовым киносценария фильма «Фауст».

Ключевые слова: роман А. Платонова «Счастливая Москва», фильм А. Сокурова «Фауст», интертекстуальность, межкультурный диалог.

PLATONOV'S ALLUSIONS IN "FAUST" BY A. SOKUROV

Proskurina E. N., Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of Institute of Philology of the SB RAS (Novosibirsk). E-mail: proskurina_elena@mail.ru

When interviewed about his work at the screenplay for Alexander Sokurov's "Faust" (2011), Yuri Arabov confessed that his text had a little correspondence to the tragedy by Goethe but was "directly related to the present days since evil in history significantly changes its forms and motivations keeping invariably its deceitful and cruel core". It remains unclear from the interview what works of literature his script converses with. Arabov just mentions a parody pattern of a number of his poetical fragments with respect to Boris Pasternak's translation of "Faust" by Goethe.

In the process of comparative analysis, many intertextual echoes are detected between the screenplay and the novel "Happy Moscow" by A. Platonov (1932–1936). These concern both the plot situations and the motif system: the Faust's study scene opening the film is a periphrasis of the dissecting room episode in Platonov's novel. Both episodes are driven by the motif of investigating a mysterious substance – the soul. Besides, there are a few more episodes in the screenplay sounding like variations of Platonov's text. The allusive aspect of Sokurov's "Faust" is intensified by the motives of *rubbish*, *stench*, *wrath* correlating to the motives of *dirtiness*, *scream* in "Happy Moscow". These and other elements of Sokurov's cinematographic poetic manner give reason to see "Happy Moscow" as a pretext of Arabov's screenplay for "Faust".

Arabov was attracted by Platonov's poetic manner when, still being a student in VGIK, he became the scriptwriter for Sokurov's film "The Lonely Voice of Man" (1978), based on the motives of "The *Potudan River*", "The Innermost Man", "The Making of a Master Craftsman". The inversion principle which was the leading one in Platonov's mature prose is laid in Arabov's intention in "Faust" to tell a "reversed story on the topic of medieval legends, not how the devil seduces man but how man seduces the devil".

The chain of reverberations between Sokurov's "Faust" and Platonov's novel performs a "tuning" function in relation to the antecedent text and accentuates the belonging to Faustian type of the characters preoccupied with the problem of search and destruction of the soul. The dead-ended search for the soul in the screenplay correlates not only with the corresponding attempts of the novel's characters but with the whole strategy of the novel's plot of building which reaches a deadlock similar to Faust's demiurgic "venture" in the tragedy by Goethe.

Keywords: novel "Happy Moscow" by A. Platonov, film "Faust" by A. Sokurov, intertextuality, cross-cultural dialogue.

В своих интервью по поводу работы над сценарием фильма А. Сокурова «Фауст» Ю. Арабов признавался в том, что его текст мало соотносится с гетевской трагедией, поскольку «к Средневековью этот сюжет отношения не имеет, но он имеет прямое отношение к сегодняшнему дню, так как зло в истории существенно меняет свою форму и мотивацию, оставаясь неизменным лишь в своей лживой и жестокой сердцевине» [1]. Из интервью также остается непонятным, с какими произведениями вступает в диалог его сценарий. Арабов отмечает лишь пародийный характер ряда своих стихотворных кусков по отношению к переводу «Фауста» Гете, сделанного Пастернаком. От раннего замысла А. Сокурова сделать фильм по

роману Т. Манна «Доктор Фаустус» в его «Фаусте» сохранена только ядерная основа образа героя как злого гения.

Одним из претекстов киносценария нам видится роман А. Платонова «Счастливая Москва». Притяжение Платонова Ю. Арабов испытал, еще будучи студентом ВГИКа, став сценаристом фильма А. Сокурова «Одинокий голос человека» (1978), снятого по мотивам произведений «Река Потудань», «Сокровенный человек», «Происхождение мастера». В его замысле – рассказать в «Фаусте» «перевернутую историю на тему средневековых легенд не о том, как дьявол соблазняет человека, а о том, как человек соблазняет дьявола» [1], – заложен тот же принцип инверсии, кото-

рый является ведущим в зрелой прозе Платонова. О том, что «Фауст» Гете является одним из шифров платоновской тайнописи, уже не раз шла речь в научных исследованиях (см., напр. [2; 6; 7; 11]). В фильме Сокурова есть ряд сцен, варьирующих фрагменты «Счастливой Москвы», что трудно отнести к случайным совпадениям.

Фильм открывает сцена в лаборатории Фауста, где Фауст и Вагнер ведут разговор о душе во время препарирования трупа. Соответствующей сцены нет в «Фаусте» Гете, но схожий эпизод есть в «Счастливой Москве». Сравним эти два эпизода:

«Фауст»:

«Лаборатория Фауста

На столе лежит тело, покрытое простыней в кровавых и сукровичных разводах, оно только что было вскрыто. <...>

Сам Фауст моет руки над тазиком, а ученик его Вагнер льет ему воду из ковша.

В а г н е р. Вы много рассуждали об устройстве вот этого мешка с кровавой слизью, ни слова не сказавши о душе...

Ф а у с т. Ее я не нашел... Вопрос один: что в этой бывшей плоти, гниющей и смердящей, была душа? Иль в том, что не было ее и не могло быть?

В а г н е р. Коль даже вы не знаете, то что сказать о нас?... Мы в тупике.

Ф а у с т. Жизнь и душа... Где они скрываются? Здесь? (Трогает рукой свой лоб.) Здесь столько мусора, что не расскажешь. Здесь?... (Трогает рукой область сердца.) Здесь один лишь гнев и страсти.

В а г н е р. Мне иногда кажется, что в пятках.
Ф а у с т. Как это?

В а г н е р. Когда ноги сами собой бегут от страха... В них столько жизни, что не передашь.

Ф а у с т. Нет, всё не то...» [1].

«Счастливая Москва»:

«Два помощника Самбикина вынули из одного ящика тело молодой женщины и положили перед хирургом на наклонный стол <...>

– Хорошо, – сказал готовый к работе Самбикин и дал объяснение Сарториусу. – В момент смерти в теле человека открывается последний шлюз, не выясненный нами. За этим шлюзом, в каком-то темном ущелье организма скупно и верно хранится последний заряд жизни. Ничто,

кроме смерти, не открывает этого источника... я найду эту цистерну бессмертия...

– Ищи, – произнес Сарториус.

Самбикин отрезал женщине левую грудь, затем снял всю решетку грудной клетки и с крайней осторожностью достиг сердца. <...> Далее Самбикин начал поворачивать мертвую девушку <...> вскрыл сальную оболочку живота и затем повел ножом по ходу кишок, показывая, что в них есть: в них лежала сплошная колонка еще не обработанной пищи, но вскоре пища окончилась и кишки стали пустые. Самбикин медленно миновал участок пустоты и дошел до начавшегося кала, там он остановился вовсе.

– Видишь! – сказал Самбикин, разверзая получше пустой участок между пищей и калом. – Эта пустота в кишках всасывает в себя все человечество и движет всемирную историю. Это душа – нюхай!

Сарториус понюхал.

– Ничего, – сказал он. – Мы эту пустоту наполним, тогда душой станет что-нибудь другое²³.

– Но что же? – улыбнулся Самбикин.

– Я не знаю что, – ответил Сарториус, чувствуя жалкое унижение.

– Не имея души, нельзя ни накормить никого, ни наестся, – со скукой возразил Самбикин. – Ничего нельзя.

Сарториус склонился ко внутренности трупа, где находилась в кишках пустая душа человека. Он потрогал пальцами остатки кала и пищи, тщательно осмотрел тесное, неимущее устройство всего тела и сказал затем:

– Это и есть самая лучшая, обыкновенная душа. Другой нету нигде» [8, с. 59].

Образ Фауста у Арабова соединяет две традиции: его холодная интеллектуальность, в чем упрекали Гете русские религиозные философы начала XX века, соответствует типу германско-

²³ В образе души как «пустоты в кишках» мерцает мотив голода, что соответствовало исторической ситуации времени, в которое писался роман. На эту параллель указывает в одной из своих работ С. Г. Семёнова [12, с. 69]. Теме голода Платонов посвятит пьесу «14 Красных Избушек», пишущуюся в это же время, где социалистическая столица называется «Москвой проклятой» [10, с. 204], виновницей жалкой судьбы нищих провинций страны.

го Фауста²⁴. Вместе с тем вопрос о душе больше соответствует типу «русского Фауста». Так, например, С. Булгаков в публичной лекции 1901 года «Иван Карамзев (в романе Достоевского “Братья Карамзовы”) как философский тип» (курсив наш. – Е. П.) подчеркивал неорганичность фаустовского практицизма для национального русского характера, доминантным свойством которого он выдвигает душевность [3]. Лексема «душа» действительно не релевантна характерам гетевских персонажей, что отчетливо видно в переводе Холодковского, избегающего ее, в то время как Пастернак переводит немецкое *Brust* (*спудь*) как «душа», то есть обращается к одной из ведущих констант русской культуры. Так, например, в Прологе на небесах фраза Мефистофеля о Фаусте “*Ihn treibt die Gärung in die Ferne*”²⁵ дословно переводится как «Его гонит тоска в даль»²⁶, тогда как в переводе Пастернака она звучит: «И век ему с душой не будет сладу» [4, с. 297], Холодковский же переводит строку ближе к оригиналу: «И в нем ничто – ни близкое, ни даль – // Не может утолить грызущую печаль» [5, с. 23]. В то же время фраза “*Zieh diesen Geist von seinem Urquell ab*” («Удали этот ум/дух от его первоисточника») Холодковский переводит, акцентируя архетипическое ядро фаустовского сюжета о купле-продаже души: «Тебе позволено: иди // И завладей его душой» [5, с. 24], тогда как у Пастернака фраза звучит: «Он отдан под твою опеку!» [4, с. 298], что привносит модальность временного овладения Мефистофелем душой Фауста. Как отмечает С. В. Семочко, исследующая модификации концепта «Фауст» в русском художественном дискурсе, в русском переводе, в первую очередь в переводе Пастернака, наблюдается гораздо

²⁴ Н. Ф. Федоров отмечал ошибочность индивидуалистски-демиургических амбиций героя Гете: «Говоря: “Я хочу открыть новые пространства миллионам людей”, Фауст ошибается, думая, что через такое действие или предприятие он возвышается сам и улучшает судьбу других людей, употребляя их орудием своего предприятия» [15, с. 490]; С. Соловьев в трактате «Гете и христианство» также иронизирует по поводу холодной интеллектуальности Гете, расценивая «олимпийский» дух германского гения как «надчеловеческий», лишенный сострадания [14].

²⁵ Цитаты приводятся по изданию [16].

²⁶ Здесь и далее перевод наш. – Е. П.

больше положительных номинаций и характеристик героя, по сравнению с немецким оригиналом [13]. Это относится не только к образу Фауста, но и к образу Гретхен и Мефистофеля, в характеристиках которого также не раз возникает слово «душа». Так, в сцене «Вальпургиева ночь» он признается Фаусту: “*Mir ist es winterlich in Leibe*”, что дословно означает: «У меня позимнему в теле». Холодковский переводит его как «Во мне зима царит» [5, с. 176]. В переводе же Пастернака этот ответ звучит: «...у меня в душе стоят морозы» [4, с. 447]. Можно согласиться с позицией С. В. Семочко в том, что переложение инокультурного текста на другой язык осуществляется с опорой на духовные ценности родной для переводчика культуры, где одной из ключевых является душа.

Вопрос о душе – один из главных для платоновских героев фаустовского типа. В «Счастливой Москве» это сразу несколько персонажей: Сарториус, Самбикин, Божко, подобно Фаусту Гете стремящиеся к познанию истины и тайны бессмертия (Самбикин, Сарториус), строению советской «рабочей родины» для обездоленного народа всего мира (Божко) – цели, близкой стремлению Фауста в финальной части трагедии.

Сцена в лаборатории Фауста в фильме Сокурова прочитывается как редуцированный вариант платоновского эпизода в прозекторской, из которого убраны те натуралистические элементы, на которые отваживается автор «Счастливой Москвы». Трудно говорить с полной убежденностью о преднамеренности диалогических соответствий двух текстов, но не менее трудно отказаться от этой гипотезы, находящей подтверждение на уровне деталей портретных характеристик героев и отдельных мотивов. Так, в образе сокуровского Фауста акцентированно выделены нечистые руки, которые он «с подозрением нюхает» после того, как заканчивает анатомические манипуляции над мертвым телом: «Ногти на его пальцах несколько отросли и не совсем чистые, в заусенцах, грязи» [1]. Платонов также отмечает в хирурге Самбикине его небрежность и нечистоплотность, объясняя, правда, это «экономией времени», которое герой боится тратить на личные надобности. Образ Фауста выписан в близкой Платонову поэтике телесности. Синонимичен платоновскому и мотивный ряд эпизода, обыгрывающий мо-

тив «пустоты в кишках»: мотивы *мусора, смрада, гнева* коррелируют с мотивами *нечистот, крика* в «Счастливой Москве». Общим для двух текстов является мотив *страстей*. Любовь, в начале романа представляющаяся героям в ее высшем понимании как «влечение людей в тайну взаимного существования», в реальности оборачивается «одним наслаждением», не дающим удовлетворения жизнью и приводящим к убеждению в том, что «любовью соединиться нельзя»: «я столько раз соединялась, – сетует героиня, – все равно – никак, только одно наслаждение какое-то» [8, с. 49]. Близкие мысли посещают и влюбленного в Москву Честнову Сарториуса: «Эх, физика сволочь! – понимал Сарториус свое положение. – Ну, вот что мне теперь делать, кроме глупости и личного счастья?» [8, с. 40].

Несколькими страницами ниже варьирует беседу в прозекторской у Платонова разговор Сарториуса и Божко:

«– Поздно, – сказал Сарториус, напившись чаю с Божко. – Все уже спят в Москве, одна только сволочь наверно не спит, вожделеет и томится.

– А, это кто ж такое, Семен Алексеевич? – спросил Божко.

– Те, у которых есть душа.

Божко был готов из любезности к ответу, но промолчал, так как не знал, что сказать.

– А душа есть у всех, – угрюмо произнес Сарториус; он в усталости положил голову на стол, ему было скучно и ненавистно, ночь шла утомительно, как однообразный стук сердца в несчастной груди.

– Разве с точностью открыто, что повсеместно есть душа? – спросил Божко.

– Нет, не с точностью, – объяснил Сарториус. – Она еще не известна ...

– А нельзя ли поскорей открыть душу, что она такое, – интересовался Божко. – Ведь и вправду: пусть весь свет мы переделаем и станет хорошо. А сколько нечистот натекло в человечество за тысячи лет зверства, куда-нибудь их надо девать!.. Даже тело наше не такое, как нужно, в нем скверное лежит.

– В нем скверное, – сказал Сарториус.

– Когда я юношей был, – сообщил Божко, – я часто хотел – пусть все люди сразу умрут, а я утром сразу проснусь только один. Но все пусть останется: и пища, и все дома, и еще – одна оди-

нокая красивая девушка, которая тоже не умрет, и мы с ней встретимся неразлучно...» [8, с. 70–71].

Если в первой беседе к Фаусту-ученому приближен образ Самбикина, тогда как позиция Сарториуса соотносится с ученической позицией Вагнера, то во второй, в сравнении с профанностью Божко, не знающего, что сказать на размышления Сарториуса о душе, образ последнего поднимается до статуса учителя, несмотря на то, что вопрос для него открыт так же, как и для Божко, с той лишь разницей, что Сарториус уверен в существовании души, тогда как у Божко такой уверенности нет. Усиливает вагнеровскую позицию Божко переключка с текстом Ю. Арапова, в котором продолжение разговора Фауста с учеником переключается с последней частью беседы платоновских героев:

«Ф а у с т (испытующе глядя на ученика).
А ты бы... Что бы попросил у него?

В а г н е р. Когда бы душу заложил?

Ф а у с т. Ну да...

Вагнер медлит с ответом, молчит. Бугристое лицо его наливается румянцем.

В а г н е р. Я бы... Не знаю даже.

Ф а у с т. Я знаю. Любовь красивой девушки?.. Попал?

Ученик застенчиво смотрит в пол.

Ф а у с т (тихо). ...И денег?

В а г н е р (переходя на прозу). Две вещи. Вы не поверите...

Ф а у с т (повелительно). Говори. Не томи душу.

В а г н е р. Вещь первая: чтобы мир провалился в тартарары.

Ф а у с т (потрясенно). Весь мир?

В а г н е р. Целиком. С домами, матронами, бакалаврами и магистрами... В общем, чтобы ничего не было. Гладко.

Ф а у с т. И дети?

В а г н е р. Конечно!..

Ф а у с т. Зверь. Что еще?

В а г н е р. И вещь вторая, какую бы я попросил... (Застенчиво.) Чтобы почаще видеть вас.

<...>

Ф а у с т. Как же ты хочешь видеть меня, когда мира не будет?

В а г н е р. Очень просто. Только вы и я. Посередине мертвых звезд. Я готовлю вам ежевичный соус, а вы рассуждаете о Гиппократе и Зеноне» [1].

Предположение Фауста о том, что главным желанием Вагнера при закладе души станет «любовь красивой девушки», вписывается в основной перечень условий дьявольского партнерства. Однако он ошибается в своем предположении: любви Вагнер предпочитает философскую беседу с учителем «посередине мертвых звезд». Но именно любовь в Москве Честновой, причем, в той же, что и у Араובה, ситуации вселенской катастрофы, становится единственным желанием и Божко, и Сарториуса: «Он даже хотел, чтобы земля стала пустынной и Москва бы не отвлекала никуда своего внимания, а целиком сосредоточилась на нем» [8, с. 45].

Сценарий фильма Сокурова словно ставит духовный диагноз деяниям платоновских персонажей, живущих в обезбоженном мире; расставляет те семантические акценты в их трактовке, которые остаются в «Счастливой Москве» на уровне подтекстных намеков:

«В а г н е р <...> Что есть душа и где она, не знают книги, но знает Бог и вечный враг-соперник.

Ф а у с т (тяжело дыша от борьбы). Где ж взять обоих?..

В а г н е р. А вы-то? Сами?..

Ф а у с т (останавливаясь). Что ты мелешь?..

В а г н е р. Вы для нас, своих учеников... есть нечто большее.

Ф а у с т. Больше черта?

В а г н е р. Много больше.

Ф а у с т (пытливо). И Бога?

В а г н е р. Больше и его.

Ф а у с т (с досадой). Оставим этот бред...» [1].

Вопрос о душе здесь сопровождает мотив человеческой гордыни в ее стремлении не только состязаться с чертом, но стать выше Бога. Сама беседа ведется в том отвлеченном тоне рационального философствования, за которым скрыта перифраза известного тезиса Достоевского: «если Бога нет, то все позволено». Мотив *детской жертвы* служит отсылкой как к Достоевскому, так (в еще большей степени) к платоновским текстам, в которых смерть ребенка является сквозным элементом, свидетельствующим о несправедности деяний героев. Фауст Сокурова не сомневается в существовании Бога, но ненайденность души снимает внутренние скрепы с его поступков, что в дальнейшем помогает ему стать над дьяволом в иерархии зла.

В «Счастливой Москве» тема человеческой души звучит вариантом темы истины в «Котловане». Если для героя повести Вощева истина является таинственным средоточием жизни, без которой слабнет и томится его тело, то для героев «Счастливой Москвы» душа – такая же непонятная и таинственная субстанция, которую они ищут с не меньшим усердием, чем Вощев стремится познать истину. Однако, как отмечалось выше, для героев романа душа, скорее, помеха, чем ценность, что соотносит их взгляд на душу с отношением к истине таких героев «Котлована», как Чиклин или Жачев, также видящих в ней помеху, излишне усложняющую и без того нерадостное существование.

Для героев «Счастливой Москвы» душа – место жизненных отбросов, не только телесных, как это представляется Самбкину или Божко, мечтающему «девать» в нее накопившиеся за тысячелетия человеческие нечистоты, но и пространство ненужных мыслей и чувств, «томления и вожделения», которое должно быть уничтожено, ибо мешает превращению «старого природного человека», изуродованного «историей-матушкой», в человека новой формации. Для сравнения приведем беседу матери Гретхен и Ростовщика-дьявола в «Фаусте» Сокурова:

«Р о с т о в щ и к (уточняя). Я говорю о будущем. Скажем, живет какой-нибудь человек и мучается. Отчего? Оттого, что у него есть мысли.

М а т ь. У всех есть мысли...»

Р о с т о в щ и к. Это и плохо. Нужно их выгнать. Мысли сокращают человеческий век. Я хочу дожить до того славного времени, когда на общественное и семейное поприще выйдет человек без мыслей, гладкий и чистый, словно речной камень, человек-долгожитель с прозрачной головой и такими же прозрачными ясными глазами... Доктора Фауста знаете? Вот он на правильном пути» [1].

В границах подобной логики на еще более правильном пути оказывается ученик Фауста Вагнер, готовый уничтожить весь мир ради философского союза с учителем. Любомудрие как «чистая» философия выявляет здесь свою бесплодность и бесчеловечность. Мечта же Ростовщика о «гладком и чистом» человеке звучит перифразой картины будущего из платоновских «Потомков солнца», где в результате природной катастрофы в живых остаются люди «без чувств, без сердца,

но с точным сознанием, с числовым разумом» [9, с. 224] – «вагнеризированные» Фаусты.

Цепочка подобных взаимоотражений между «Фаустом» Арабова-Сокурова и платоновскими произведениями выполняет «настраивающую» функцию по отношению к тексту-предшественнику, акцентируя принадлежность персонажей, озабоченных проблемой поиска-уничтожения души, к героям фаустовского типа. Тупиковый результат поиска души в сценарии («Коль даже вы не знаете, то что сказать о нас?.. Мы в тупике») соотносится не только с соответствующими попытками героев романа, но и со всей стратегией романного строительного сюжета, движущегося к тупику, подобно демиургической «затее» Фауста.

Вместе с тем сценарий Ю. Арабова высвечивает границу платоновского профетизма в развитии фаутовского сюжета, находящуюся на стыке двух последних веков, но все-таки не сдвинутую в XXI век Фауст, соблазняющий дьявола, – это уже иная, более устрашающая ипостась инфернализации героя, служащая эмблемой современного духовного состояния социума. По свидетельству

сценариста, ему долго не давалась финальная часть, которую он неоднократно переписывал по требованию Сокурова: «Проблема финала встала уже на уровне сценария. Первоначально я планировал окончить фильм на пушкинской ”Сцене из “Фауста” со знаменитым “Мне скучно, бес”». Но режиссер с этим категорически не согласился. Он заставлял меня переписывать сцену снова и снова, пока не произошло то, что произошло. Эту сцену вы можете прочесть в литературном сценарии, в фильме же она еще более усилена и обогащена. Сокуров посредством ее достиг совершенно внятного философского и метафизического высказывания, редкого не только для отечественного, но для мирового кинематографа в целом» [1]. То есть первоначальный финал «упаковывал» сюжет Арабова в существующую фаустовскую традицию, тогда как замысел Сокурова в нее не вписывался, что и заставляло сценариста искать соответствующий заключительный пуант, оправдывающий «худосочность» его дьявола-ростовщика и усиливающий дьявольское начало в образе Фауста.

Литература

1. Арабов Ю. Фауст. Сценарий [Электронный ресурс] // Искусство кино. – 2011. – № 10. – URI: <http://kinoart.ru/archive/2011/10/n10-article5>
2. Ботникова А. Б. Переключки в веках: Гете и Платонов // Гете в русской культуре XX века. – М.: Наука, 2004. – С. 171–179.
3. Булгаков С. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Булгаков С. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 2. – С. 15–45.
4. Гете И. В. Стихотворения. Фауст / пер. с нем. Б. Пастернака. – М.: Рипол Классик, 1997. – С. 287–768.
5. Гете И. В. Фауст. Трагедия / пер. с нем. Н. А. Холодковского. – СПб.: Азбука-Классика, 2004. – 518 с.
6. Дебюзер Л. Тайнопись романа «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Юбилей. вып. по мат-лам 4-й Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Платонова. 19–22 сент. 1999 года. Москва. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – Вып. 4. – С. 632–633.
7. Дебюзер Л. Альберт Лихтенберг в мусорной яме истории (О литературном и политическом подтексте рассказа «Мусорный ветер» // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. – М.: Наследие, 1995. – Вып. 2. – С. 241–242.
8. Платонов А. Счастливая Москва // «Страна философов» Андрея Платонова. – М.: ИМЛИ РАН, 1999. – Вып. 3. – С. 9–105.
9. Платонов А. Потомки солнца // Платонов А. Соч. Науч. изд. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – Т. 1, кн. 1. – С. 223–228.
10. Платонов А. Ноев ковчег. Драматургия. – М.: Вагриус, 2006. – 462 с.
11. Проскурина Е. Н. Метаморфозы образа Фауста и вариации фаустовского сюжета в творчестве А. Платонова. Заметки к теме // Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе. – Новосибирск, 2012. – Вып. 10. – С. 204–217. – Сер. «Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы».
12. Семенова С. Философские мотивы романа «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – М.: Наследие, 1995. – Вып. 2. – С. 54–90.
13. Семочко С. В. Особенности межкультурной адаптации немецкого концепта «Фауст» в русском художественном дискурсе // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 2. – С. 77–82.
14. Соловьев С. Гете и христианство // Богослов. вестн. – 1917. – Т. 1, № 2/3. – С. 238–266.

15. Федоров Н. Ф. «Фауст» Гете и народная поэма о Фаусте // Федоров Н. Ф. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Традиция, 1997. – Т. 3. – С. 489–504.
16. Goethe J. W. Faust. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1973. – 780 S.

References

1. Arabov Ju. Faust. Scenarij [Elektronnyj resurs] // Iskusstvo kino. – 2011. – № 10. – URI: <http://kinoart.ru/archive/2011/10/n10-article5>
2. Botnikova A. B. Pereklichka v vekah: Gete i Platonov // Gete v russoj kul'ture XX veka. – M.: Nauka, 2004. – S. 171–179.
3. Bulgakov S. Ivan Karamazov (v romane Dostoevskogo “Brat'ja Karamazovy”) kak filosofskij tip // Bulgakov S. Sobr. soch.: v 2 t. – M.: Nauka, 1993. – T. 2. – S. 15–45.
4. Gete I. V. Stihotvorenija. Faust / per. s nem. B. Pasternaka. – M.: Ripol Klassik, 1997. – S. 287–768.
5. Gete I. V. Faust. Tragedija / per. s nem. N. A. Holodkovskogo. – SPb.: Azbuka-Klassika, 2004. – 518 s.
6. Debjuzer L. Tajnopis' romana “Schastlivaja Moskva” // “Strana filosofov” Andreja Platonova: Problemy tvorcestva. Jubilej. vyp. po mat-lam 4-j Mezhdunar. nauch. konf., posvjashch. 100-letiju so dnja rozhdenija A. P. Platonova. 19–22 sent. 1999 goda. Moskva. – M.: IMLI RAN, Nasledie, 2000. – Vyp. 4. – S. 632–633.
7. Debjuzer L. Al'bert Lihtenberg v musornoj jame istorii (O literaturnom i politicheskom podtekte rasskaza “Musornyj veter”) // “Strana filosofov” Andreja Platonova. Problemy tvorcestva. – M.: Nasledie, 1995. – Vyp. 2. – S. 241–242.
8. Platonov A. Schastlivaja Moskva // “Strana filosofov” Andreja Platonova. – M.: IMLI RAN, 1999. – Vyp. 3. – S. 9–105.
9. Platonov A. Potomki solnca // Platonov A. Soch. Nauch. izd. – M.: IMLI RAN, 2004. – T. 1, kn. 1. – S. 223–228.
10. Platonov A. Noev kovcheg. Dramaturgija. – M.: Vagrius, 2006. – 462 s.
11. Proskurina E. N. Metamorfozy obraza Fausta i variacii faustovskogo sjuzheta v tvorcestva A. Platonova. Zametki k teme // Liricheskie i epicheskie sjuzhety i motivy v russoj literature Novosibirsk, 2012. – Vyp. 10. – S. 204–217. – Ser. “Materialy k slovarju sjuzhetov i motivov russoj literatury”.
12. Semenova S. Filosofskie motivy romana “Schastlivaja Moskva” // “Strana filosofov” Andreja Platonova: Problemy tvorcestva. – M.: Nasledie, 1995. – Vyp. 2. – S. 54–90.
13. Semochko S. V. Osobennosti mezhkul'turnoj adaptacii nemeckogo koncepta “Faust” v russkom hudozhestvennom diskurse // Vestn. Voronezh. un-ta. Ser. “Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija”. – 2004. – № 2. – S. 77–82.
14. Solov'ev S. Gete i hristianstvo // Bogoslov. vestn. – 1917. – T. 1, № 2/3. – S. 238–266.
15. Fedorov N. F. “Faust” Gete i narodnaja poema o Fauste // Fedorov N. F. Sobr. soch.: v 4 t. – M.: Tradicija, 1997. – T. 3. – S. 489–504.
16. Goethe J. W. Faust. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1973. – 780 S.

УДК 8

МОЖЕТ ЛИ ПУШКИНА ОЦЕНИТЬ НЕРУССКИЙ МИР?

Тер-Минасова С. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США). E-mail: president@ffl.msu.ru

Известно, что для иностранцев загадка – отношение русских к Пушкину: за что они его так пламенно любят? Почему «Пушкин – это наше все»? Для соотечественников великого поэта, солнца русской поэзии загадка – отношение к нему иностранцев: почему они не признают нашего главного литературного гения? Почему на мировом уровне представляют Россию Толстой, Чехов, Достоевский?

В работе сделана попытка изложить и осмыслить эту ситуацию. В качестве причин, затрудняющих понимание и, соответственно, оценку творчества Пушкина, выделены следующие: 1) «непереводимость» его стихов на иностранные языки (самое распространенное мнение), 2) его *русскость*, его душа, менталитет, национальный характер (это главная причина), что приводит к конфликту культур.

Этот конфликт может быть смягчен комментированием, но не устранен. Пушкин – гений, воплотивший русскую душу, а ее нельзя «понять умом».

Ключевые слова: загадка Пушкина, сложность перевода, виды комментария, конфликт культур и менталитетов, понятие «русскости».

CAN THE NON-RUSSIAN WORLD EVALUATE PUSHKIN?

Ter-Minasova S. G., Doctor of Philologic Sciences, Professor, Chair of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Study of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA). E-mail: president@ffl.msu.ru

It is a well-known fact that foreigners are mystified by Russians' attitude to Pushkin: why is he loved by them so passionately, so ardently? Why is Pushkin "everything we have?" Compatriots of the greatest Russian poet are equally puzzled by the foreigner's attitude to him: why don't they appreciate our unrivalled genius? Why is Russia presented by Tolstoy, Chekhov, Dostoevsky at the international level?

The paper is an attempt to describe and comprehend this situation. The reasons hampering both the comprehension and appreciation of Pushkin's literary works may be summed up as follows: 1) the "untranslatability" of his poems into foreign languages (the most popular opinion), 2) his *Russianness*, his soul, mentality, national character (the main reason) which results in a conflict of cultures. The conflict may be eased by commentaries, but not resolved. Pushkin is a genius who embodies the Russian soul that cannot be "understood by intellect".

Keywords: Pushkin's mystery, complications of translation, types of commentaries, conflict of cultures and mentalities, the concept of *Russianness*.

*Есть имена, как солнце! Имена –
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена.
... Его хвалить! – пугаюсь повторений.*

Игорь Северянин.

**О восприятии Пушкина за рубежом
написано много**

Известно, что в Америке Пушкин более популярен, чем в Англии. Именно в Америке появился в 1846 году первый перевод произведения Пушкина на иностранный (английский) язык – за два года до перевода немецкого и на 8 лет раньше французского. В переводе Густава Клеменса Хебба (Gustav Clemens Hebb) вышла «Капитанская дочка, или великодушные русского бунтовщика Пугачева».

В 1847 году был опубликован первый в Америке очерк Джона Уиттера (John G. Whitter) «Пушкин».

Известно также, что Пушкин привлек внимание американцев не своими художественными и поэтическими достоинствами, а – нежи-

данно – «политическими» причинами: его африканские корни заинтересовали аболиционистов, борцов за освобождение негров, как оружие в их борьбе с расизмом.

Очерк Д. Уиттера, поэта-аболициониста, свидетельствует об этом вполне откровенно: «29 января 1937 года в одном из больших особняков Северной столицы на берегах Невы умирал великий человек... Неужели этот одаренный удивительным талантом, всеми почитаемый и оплакиваемый человек был негром? Да, так оно и было, сколь бы невероятным это ни казалось американскому читателю... Он не стыдился своих негритянских предков. Напротив, он, казалось, гордился своим происхождением, он посвятил несколько стихотворений своему черному предку, морскому капитану» [22].

Наиболее распространенное объяснение большой популярности Пушкина у американского читателя заключается в известной идее (или мифе?) о близости русского и американского национальных характеров, основанный, главным образом, на географических мотивах. «Русскому и американскому сознанию ближе ощущение необозримых просторов, необжитых краев. Обе

нации стремились психологически и физически освоить собственную безмерность» [14]. Д. Стейнер, автор этих строк, далее в своем очерке «Пушкин и американский читатель» развивает мысль о параллели между Пугачевщиной и индейцами.

Говоря о причинах бóльшей популярности Пушкина в США, чем в Англии, следует, по видимому, упомянуть тот лежащий на поверхности, но почему-то умалчиваемый факт, что американская нация, разнородная по составу, в отличие от однородной английской, включает в себя выходцев из России, Украины и других славянских стран, выросших и впитавших в себя как культурное наследие предков великую, особую, ни с чем и ни с кем несравнимую любовь к солнцу русской поэзии – Александру Сергеевичу Пушкину.

Русский человек никогда не поймет, почему Толстой, Чехов, Достоевский, Тургенев более известны на Западе, чем Пушкин. Отдавая дань этим великим столпам русской и мировой литературы, каждый русский знает, что патриарх, отец русской литературы, ее солнце – это Пушкин. Отец – один и солнце – одно.

Поэтому известная, подробно описанная непопулярность Пушкина во внешнем мире и, в частности, в Англии настолько оскорбительна и кощунственна для русского человека, что приводит факты, свидетельствующие о ней, неприятно и совершенно не хочется. Все эти разглагольствования людей, для которых язык Пушкина – **неродной**, о Пушкине, дилетанте, эклектике и подражателе, секрет славы которого в общей отсталости, бедности и провинциальности русской литературы, о неспособности России к восприятию европейской культуры со ссылками на самого Пушкина:

*Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него –
Жеманство, больше ничего* (см. [18]).

Все это огульное непонимание Пушкина, иногда искреннее, иногда нарочитое, политически обусловленное, обычно объясняется и российскими специалистами, и западными «защитниками» великого поэта одной причиной – непереваемостью поэзии вообще и пушкинской в особенности.

С. Н. Козлов и Л. Уэй в своей статье с характерным названием: «Почему поэзию А. С. Пушкина недооценивают на Западе» в качестве от-

вета на заголовок своей работы приводят цитату из введения к сборнику переводов его произведений, изданного в США к 100-летию со дня смерти поэта [20]: «Провозглашение этого поэта высшим воплощением национального гения русского народа общеизвестно. Со временем для соотечественников Пушкина стало привычным считать его равней выдающимся художникам Запада, таким, как Шекспир, Микеланджело, Бетховен. И если весь остальной мир не склонен согласиться с такой оценкой, это все же не позволяет игнорировать А. С. Пушкина как литературно образованную личность. Однако на Западе он ценится менее других потому, что он наименее знаком читателям по сравнению с другими русскими авторами. Причина этого ясна. Его поэзия в наименьшей мере поддается переводу, потому что ей не достает воображения и она наивна по мышлению, а ее магическая сила зиждется на точности, ясности и вербальном красноречии, которое настолько ощутимо, насколько и недоступно для передачи на другой язык. В поэзии А. С. Пушкина есть нечто независимое от содержания, которое, как заметил Чайковский, позволяет ей проникать до глубины души; это нечто заключено в ее музыкальности».

На эту же тему – о непереваемости поэзии вообще и стихов Пушкина – вполне категорично высказался Владимир Набоков: «Моя теория перевода в действительности очень проста. Единственное, что имеет значение, – это идеальная точность перевода, а для этого переводчик должен знать язык, на котором написан текст, так же хорошо, как и свой собственный. Иными словами, это проблема владения информацией, а вовсе не изящества или гладкости... В своей книге о Пушкине и во множестве полемических статей, где я уничтожил атаковавших меня невежд, я объяснил и показал, что рифмованный перевод Онегина **н е в о з м о ж е н** (разрядка моя. – С. Т.), ибо пришлось бы постоянно искажать смысл, чтобы получить точное число слогов и найти рифму, как правило, весьма банальную.

Итак, подстрочный перевод с объяснением текста и обширными заметками останется для меня навсегда единственно возможным инструментом» [1].

В. Набоков, таким образом, утверждает две простые мысли: 1) добиться единства формы и содержания, равного оригиналу, в переводе не-

возможно и поэтому 2) следует отдать предпочтение содержанию («владению информацией») и вообще забыть о форме.

По некоторым оценкам, у Пушкина форма значительно превосходит содержание, поэтому при переводе на иностранные языки он проигрывает. Так, по мнению Николая Бестужева, «Обаяние Пушкина заключается в его стихах, которые, как сказал один рецензент, катятся жемчугом по бархату. Достоинство Рылеева состоит в силе чувствований, в жаре душевном. Переведите сочинения обоих поэтов на иностранный язык и увидите, что Пушкин станет ниже Рылеева. Мысль последнего нельзя утратить в переводе, – прелесть слога и очаровательная гармония стихов первого потеряются» [3].

Известный современный французский философ Жак Деррида считает, что сопротивление переводу – черта любого настоящего поэтического произведения: «Стихотворение, которое не сопротивляется переводу, разве это стихотворение?» [2].

Однако это отнюдь не означает, что нужно оставить попытки перевода стихов на другие языки. Наоборот, чем сильнее сопротивление, тем лучше стихотворение и тем более оснований пробовать его донести до иноязычных читателей: «Когда русский или французский поэт пишет стихотворение, он уже скрепляет печатью или подписью нечто, требующее перевода, желающее пересечь границу» [2].

Не вдаваясь глубже и дальше в проблемы переводоведения, хотелось бы, «пугаясь повторений», неизбежных, когда речь идет о Пушкине, заявить следующее.

Разумеется, невероятные сложности и трудности перевода произведений Пушкина на иностранные языки – одно из главных препятствий для того, чтобы его признали не просто, «поверив русским»²⁷, но как интернациональную миро-

²⁷ См. [18]: «Никто из русских, насколько мне известно не ставит под вопрос литературную репутацию Пушкина. Но можно ли верить русским?», (см. [5]): «Известно, что как явление всемирного масштаба Пушкин осознается и признается лишь теми, кто хорошо знает русский язык и, более того, Россию. Дальше – пропасть: остальной культурный мир лишь уважает его – веря нам на слово, из пиетета к литературе Толстого, Достоевского и Чехова».

вую величину. «Одно из препятствий», но далеко не единственное и даже не самое главное. Самое же главное – это его знаменитая *русскость*, это его душа, национальный характер, которые непонятны нерусскому миру.

Пушкин – душа русского народа, а русская душа, как известно, всегда представляла собой загадку, непонятую тайну для иностранцев.

Академик Е. П. Чельшев в статье «Пушковедение. Итоги и перспективы (к 200-летию со дня рождения поэта)» говорит о «тайне личности» Пушкина, который, по словам С. Булгакова, есть «личное воплощение России», «само откровение Русского народа и русского гения» (см. [12]). В нем говорит наша русская душа, русская природа, русская история, русское творчество, сама наша русская стихия. «Мы дышим Пушкиным, мы носим его в себе, он живет в нас больше, чем сами мы это знаем, подобно тому как живет в нас наша Родина» (см. [12]). Вслед за Булгаковым, пытавшимся раскрыть «качественную определенность души народа», составляющую, по его мнению, сердцевину творчества Пушкина, С. Франк размышлял о путях «познания духовного мира Пушкина» как выразителя «духа нации» (см. [13]).

В чем же заключается «русскость» Пушкина? И. Ильин считал, что Пушкин есть «чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости...», «то, что его вело, была любовь к России, страстное и радостное углубление в русскую стихию, в русское прошлое, в русскую душу, в русскую простонародную жизнь» (см. [12]). С. Франк также писал: «В нем был... какой-то чисто русский задор цинизма, типично русская форма целомудрия и духовной стойкости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства» (см. [13]).

Итак, главная причина непризнания и непонимания Пушкина как первой величины русской литературы – это конфликт культур, менталитетов, конфликт душ, наконец. Предвижу немедленные вопросы: А Достоевский? А Толстой? А Чехов? Ответ – значит, они более интернациональны и менее национальны, чем Пушкин. Пушкин – народный писатель. Я понимаю, что это избитая фраза и что на тему «народности» написано много томов научных изысканий. Но Пушкин – **народный**. Русский человек растет с Пушкиным

и живет с ним всю жизнь. Знакомство с русской культурой начинается со сказок Пушкина. В детстве – сказки, потом школьный Пушкин, вошедший в язык, подсказавший слова на все случаи жизни (энциклопедия), потом все, что можно, о нем: письма, воспоминания, друзья, современники, потомки друзей, критика, словари, литературоведение...

С Пушкиным в историю России вошло огромное количество людей, весь его личный мир, те, кого он любил – и мы их радостно любим, и те, кто его ненавидел – и мы их удивленно ненавидим. Кстати, запоздалая оговорка: понятие: *русский человек* не подразумевает этническую чистоту национальности, русский – это человек, у которого родной язык русский и, соответственно, родная культура тоже русская, поскольку язык и культура – основные средства формирования личности. И Пушкин, с его африканскими корнями, доказывает это как нельзя лучше.

Таким образом, дело не в непереводимости Пушкина: его переводили, переводят и будут переводить. Дело в том, что нерусский мир не понимает его души, дело в конфликте культур.

Представители разных культур видят мир по-разному: это разное видение навязано им их родной культурой и родным языком как носителем и хранителем культуры. Каждое иностранное слово – это перекресток, столкновение культур, потому что между ним и обозначаемым им предметом или явлением реального мира лежит понятие, обусловленное коллективным сознанием народа, связанного одной культурой. Поэтому всякий перевод – это конфликт или – мягче – диалог культур. В этом диалоге наибольший интерес представляет чужая культура: ведь перевод имеет целью знакомство именно с ней, а *чужое* как раз наименее переводимо. Об этом говорит Ю. М. Лотман: «Ценность диалога оказывается связанной... с передачей информации между пересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает ее невозможным. Более того, чем труднее и неадекватнее перевод одной интересующейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого парадоксального обще-

ния. Можно сказать, что перевод непереводимого оказывается носителем информации высокой ценности» [4].

Подведем итоги:

Пушкин непереводим, но непереводимы все, одни – чуть больше, другие – чуть меньше.

Пушкин непонятен нерусскому миру из-за конфликта культур. Но... И опять «но»... Пушкин в плане культуры своего времени все больше непонятен и русским.

Его произведения – это классическая русская литература. Классическим произведением может стать, только пройдя испытание временем. Время идет: прошло более 200 лет со дня рождения поэта. Изменились и продолжают (за последние десятилетия – радикально!) изменяться язык, уклад, образ жизни, общественное устройство – в широком смысле слова культура – все радикально изменилось.

Комментарии, за которые так ратует Набоков, нужны – и во все возрастающем объеме – не только при переводах Пушкина на иностранные языки, но и для русского читателя.

Весь культуросносный слой языка Пушкина нуждается в разъяснениях.

Еще в 1959 году журнал «Вопросы литературы» опубликовал письмо филолога Юрия Федосюка, поставившего вопрос о том, что «сотни выражений, встречающихся в сочинениях русских классиков и отражающих собственные отношения и бытовые особенности дореволюционной России... становятся для все более широкого круга современных читателей «камнем преткновения» – либо непонятными вовсе, либо понимаемыми превратно... Мне, знакомому лишь с метрической системой, неясно, богат или беден помещик, владеющий двумястами десятин земли, сильно ли пьян купец, выпивший «полштофа» водки, щедр ли чиновник, дающий на чай «синенькую», «красненькую» или «семитку» [16]. Написанное им пособие на эту тему было издано только в 1998 году его сыном М. Ю. Федосюком, профессором факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, под названием: «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века» [17].

В этом пособии автор обосновывает необходимость объяснения социокультурного фона классических произведений: «Да, люди всегда

были людьми, они дружили и враждовали, трудились и развлекались, уступали или боролись, защищая свои жизненные идеалы – без этих общих с нами черт незачем было бы читать и перечитывать произведения о далеком прошлом. Но вот исторические условия, вся обстановка их жизни в очень многом отличались от современных» [17]. Знание истории русского быта описываемых в классической литературе времен нужно «для того, чтобы облегчить восприятие русской классической литературы, убрав слегка застлавшую ее дымку времени, затрудняющую понимание» [17].

Особый интерес в этой связи приобретает изучение комментария к произведениям Пушкина, изданным для иностранного читателя. Как известно [15], такого рода комментарий позволяет оценить восприятие Пушкина иностранным – в данном случае англоязычным – читателем более объективно, более опосредованно, чем при изучении зарубежной литературной критики.

Изучение социокультурного комментирования внеязыковых фактов высвечивает конфликт культур в чистом виде. При этом – повторяем и подчеркиваем – по большей части это конфликт не только одной культуры с иностранной, но и культуры прошлых времен классического произведения с современной культурой.

В качестве материала исследования были использованы зарубежные – в основном английские – издания произведений Пушкина с учебным комментарием на английском языке.

Социокультурный комментарий, имеющий целью обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог остро необходим как иностранному читателю при изучении русского языка, так и современному русскому читателю.

При этом комментарий не только отражает восприятие писателя читателем, но и, что особенно важно, **формирует** его.

Социокультурный комментарий называют также и реальным комментарием, чтобы подчеркнуть противопоставление реалий языковым фактам. Языковой комментарий, по понятным причинам, резко различается в зависимости от того, адресован он русскому или иностранному читателю.

Социокультурный комментарий в основном совпадает – по причине, указанной выше: все разрывающий разрыв между пушкинской и современной русской культурами все больше перекрещивается с различием между русской и остальными культурами.

Социокультурный комментарий включает:

1. Историзмы – слова, вышедшие из употребления вследствие того, что обозначаемый ими предмет или явление уже неизвестны говорящим как реальная часть их повседневного опыта. Иначе говоря, и слова, и обозначаемые ими реалии ушли из языка и из жизни народа.

Например, *бармы, власяница, воевода, боярство, бунчук, вече, дьяк, плаха, приказный, рядная книга, синклит и т. п.*

2. Архаизмы – устаревшие слова и обороты речи, вышедшие из употребления.

свейский – шведский;

лях – поляк;

егож – форма родительного падежа относительно местоимения из церковнославянского языка: иже, еже;

земь – земля;

заутра – завтра утром;

вечор – вчера вечером;

дотоле – до тех пор;

борзый – быстрый.

3. Слова, изменившие свои значения в современном русском языке:

мамка – кормилица, няня;

мошонка – кисет, кошелек;

язык – народ, племя;

гость – купец, иностранец;

деньга – медная монета;

ток – струя, жидкость;

послушанье – вид церковного наказания, работа, выполняемая в искупление греха;

честный – достопочтенный, преподобный;

бразды – уздечка, упряжь.

4. Реалии, ссылки, аллюзии, требующие фоновых социокультурных знаний, отсутствующих у иностранных и утраченных современным русским читателем.

Комментарий этого рода не просто «переводит» на современный язык устаревшее слово и не

просто объясняет ушедшее из жизни народа понятие: он контекстуально ориентирован, помогает раскрыть замысел автора, дать характеристику персонажа, увидеть событие или действующее лицо через призму описываемого времени, прочитать за текстом, «между строк», то, что было известно и понятно современникам автора.

Приведем примеры:

Воротынский

Ведь Шуйский, Воротынски ...

Легко сказать, природные князья

Шуйский

Природные, и Рюриковой крови

Воротынский

А слушай, князь, ведь мы б имели право наследовать Феодору

Шуйский

Да, более,

Чем Годунов.

Ключевое понятие в этом отрывке из драмы Пушкина. Борис Годунов – это не *рюрикова кровь*. Комментарий к английскому изданию Бориса Годунова [6] объясняет читателю очень важный момент: каждый русский князь, в отличие от не-князя Годунова, может по праву крови стать правителем русского народа [21], так как титул князя обозначает принадлежность к роду Рюрика, легендарного первого (около 862 года н. э.) правителя Руси. Знание этого факта раскрывает глаза читателю и на коллизии драмы, и на обиды «природных, рюриковой крови князей», и на успехи самозванца, и на последующее, после-годуновское развитие русской истории с Шуйским на троне.

Приводимые ниже отрывки становятся понятными читателю, узнавшему из комментария о родственных связях Бориса Годунова: его родная сестра – вдовствующая царица, супруга его предшественника царя Федора, сына Ивана Грозного, а его собственная жена – дочь печально известного предводителя опричников Малюты Скуратова [21].

Воротынский

Но месяц уж протек,

Как, затворясь в монастыре с сестрою,

Он кажется покинул все мирское

... Его сестру напрасно умоляли

Благословить Бориса на державу,

Печальная монахиня – царица,

Как он тверда, как он неумолима.

И далее:

Шуйский

Какая честь для нас, для всей Руси!

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,

Зять палача и сам в душе палач,

Возьмет венец и бармы Мономаха.

После смерти Годунова при восшествии на престол «законного царя» – Лжедмитрия народ нужно настроить против его предшественника:

Пушкин

Московские граждáне!

Мир ведает, сколь много вы терпели

Под властью жестокого пришельца:

Опалу, казнь, бесчестие, налоги,

И труд, и глад – все испытали вы.

Комментатор разъясняет, что жестокий пришелец – это ссылка на татарское происхождение Годунова²⁸. Становится понятной немедленная реакция народа, сотни лет страдавшего от татарского ига:

Народ (несется толпою)

Взять! Топить! Да здравствует Димитрий!

Да гибнет род Бориса Годунова!

Наиболее распространенным комментированием такого рода является объяснение устаревших деталей быта, образа жизни, столь хорошо знакомых современникам Пушкина, но совершенно забытых их потомками. Эти детали весьма существенны для раскрытия внутреннего и внешнего мира героев, отношения к ним автора, оценок читателей-современников. Комментарий в этом случае выполняет роль моста над пропастью, разделяющей «наше» и «то» время, или очков, которые помогут сегодняшнему читателю разглядеть детали минувших эпох.

²⁸ Godunov was supposed to have been descended from a certain Tartar prince who came to serve Ivan I (“Kalita”) in the first of the 14th century. The Godunovs had been for generations free servants of the Grand Dukes of Muscovy. But Boris was the first Godunov to be made a boyar. The Czarina, Mariia Godunova, was in fact the daughter of Grigory Luk’ianovich Skuratov-Bel’sky, nicknamed Maliuta, longtime favourite of Ivan IV and the most notorious of the oprichniki [6].

Рассмотрим, например, через такие очки начало истории о станционном смотрителе: «Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади». Многие комментаторы учебных изданий «Повестей Белкина» ограничиваются лишь переводом на английский язык [11] или вообще не комментируют эту фразу. Однако, современный читатель нуждается в разъяснении системы передвижения пушкинских времен: езда на *перекладных* возможна только на почтовых трактах, по которым регулярно возили почту с остановками на станциях со смотрителями, которым предъявляли *подорожную* – свидетельство о чине, определявшее положенное количество лошадей. *Прогон* – это плата за проезд, выделенная казной. И, наконец, главное: две лошади полагались служащим самого низкого звания [10]. Все вместе эти данные характеризуют и рассказчика, и отношение к нему зрителя, доверившего свою историю человеку именно из низшего, то есть наиболее близкого к нему самому, сословия.

5. Скрытые, как правило, неосознаваемые читателем «непонятные места», в отличие от явных аллюзий, намеки на исторические факты, события, детали быта, образа жизни и пр.

Хорошо общеизвестно описание «мирной цыганской жизни», в которую так хорошо вписался Алеко («Цыгань»).

*Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит
И дань их вольную берет.
Настанет ночь; они все трое
Вяжат нежатое пшено;
Старик уснул ... и все в покое
В шатре и тихо, и темно.*

Вся эта идиллия разбивается о комментарий к *нежтому пшену*: *lit.* “unreaped millet”, *i. e. stolen from the fields* [7]. «Вольный житель мира», «презрев оковы просвещения», питается ворованным пшеном. Эта бытовая деталь высвечивает всю двойственность его жизни, ее фальшь, борьбу в его «измученной душе», которая не может кончиться добром.

Комментатор классического произведения должен быть высокообразованным человеком, должен знать как можно больше об описываемой эпохе, ее культуре, быте, приметах, предрассудках, привычках, обычаях, знать досконально био-

графию автора, критическую литературу о нем, его письма, дневники, черновики и т. п. Тогда он сможет увидеть «между строк» намеки, аллюзии, реминисценции; увидеть – и донести до читателя.

Таким образом, комментирование реальных фактов, отсутствующих в ткани художественного произведения, представляет особые трудности и подчеркивает эрудицию и достоинства комментатора.

Так, в американском издании «Повестей Белкина» [9] комментарий к имени героя «Станционного смотрителя» Самсона Вырина сообщает читателю, что в первом издании «Повестей» Вырин был назван Симеоном, но ошибка была немедленно указана в предложенном списке опечаток. Это показывает, по мнению комментатора, что имя Самсон было значащим для Пушкина, так как одноименный библейский герой был погублен женщиной²⁹.

В повести «Выстрел» в сцене дуэли соперник Сильвио вызвал у последнего особое раздражение своим спокойным поведением перед лицом смерти: «Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня».

Автор комментария к оксфордскому изданию «Повестей Белкина» разъясняет читателю, что эта сцена автобиографична: Пушкин также ел черешни во время своей дуэли с офицером Зубовым в Кишиневе³⁰.

6. Факты, не поддающиеся объяснению из-за того, что «порвалась связь времен».

В некоторых случаях разрыв между культурой пушкинского времени и современной культурой настолько велик, что тот или иной факт реальности уже не поддается объяснению.

В вариантах «Евгения Онегина» у Пушкина есть такие строки: “Женись!” “На ком?” “...На Лидиной”. “Что за семейство! У них орехи подают, они в театре пиво пьют”. Современный читатель недоумевает: какие явно негативные со-

²⁹ In the first edition the name of the stationmaster was given as Simeon Vyrin but the mistake was immediately corrected in the list of printer’s errors appended to shoving the volume, showing that the original name, Samson, referring to the biblical hero deprived of his power by a women, was important to Pushkin [9].

³⁰ The detail is autobiographical: like Silvio’s young adversary, Pushkin was eating cherries at the time of his duel in Kishinev with Zubov, a staff officer [10, p. 18].

циокультурные коннотации не позволяют жениться на бедной Лидиной? Почему угощать орехами или в театре пить пиво настолько противоречило нормам дворянских женихов в культуре пушкинской эпохи, что исключало возможность брака. Собственно значения слов *орех* и *пиво*, разумеется, никакого отношения к контексту не имеют и не проливают света на культурологическую загадку. Ясно одно: общественная жизнь (именно общественная, так как орехи подают гостям, а пиво пьют или не пьют в театре) изменилась настолько, что всякая связь с современностью утрачена, а с нею утрачены и культурные коннотации этих слов. Без специального исследования и последующего комментирования этот контекст непонятен современному русскому человеку.

Еще пример – из Бориса Годунова: Отец Варлаам говорит о Гришке Отрепьеве:

Варлаам:

... Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда – да еще спесивится; может быть кобылу нюхал...

Комментарий к этому выражению только отмечает вульгарность языка, вызывавшую негодование ранних критиков Пушкина³¹ не разъясняя значения самого выражения. Значение же это «теряется во тьме веков»: наказание плетью по судебному приговору совершается на доске – «кобыле» [8].

Подведем итоги.

Почему же все-таки великий русский поэт, солнце великой русской литературы, не получил должного признания в русском мире?

Разумеется, язык является барьером для понимания Пушкина и тем более – наслаждения его творчеством. Однако, по большому счету, все творения художественной литературы, все писатели и особенно поэты неперевоимы, что не помешало некоторым из них получить мировое признание.

Разумеется, разрыв культур также является барьером для понимания Пушкина и наслаждения его творчеством. Действительно творчество Пушкина, удаленное от наших дней более чем на двести лет, нуждается в пространных объяснениях, как языкового, так и – особенно! – внеязыкового – социокультурного плана. Однако, эти комментарии нужны не только иностранному, но и современному русскому читателю.

В чем же дело? Как разгадать загадку Пушкина? Почему русский читатель воспринимает его так восторженно, так лично, так заинтересованно, так безоговорочно, несмотря на временную разницу культур и непонимание культурных реалий? Почему нерусский читатель не может его оценить и, в лучшем случае, просто «верит русским»?

Ответ один: Пушкин – глубоко народный, национальный писатель, он **гений**, воплотивший русский дух, русскую **душу**. А **гений** и **душа** – понятия, не поддающиеся рациональному, научному описанию и изучению, и поэтому загадку Пушкина нельзя разгадать, как нельзя «понять умом» ни Россию, ни ее народ, ни ее великого поэта.

На этой пессимистической для научных изысканий и оптимистической для Пушкина ноте и хотелось бы поставить многоточие...

Литература

1. Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом // Звезда. – 1996. – № 11. – С. 62.
2. Беседа с Жаком Деррида, Жак Деррида в Москве. – М.: Культура, 1993. – С. 162.
3. Воспоминания Бестужевых. – М., 1931. – С. 25.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – С. 15.
5. Непомнящий В. С. Феномен Пушкина и исторических жребий России // Пушкин и современная культура. – М.: Наука, 1996. – С. 31.
6. Пушкин А. С. Борис Годунов. – Bristol: Classical Press, 1995.
7. Пушкин А. С. Цыганы. – London: Bradda Book Ltd, 1962. – P. 27.
8. Пушкин А. С. Борис Годунов Комментарий Л. М. Лотман и С. А. Фомичева. – СПб.: Академ. проект, 1996. – С. 363.
9. Пушкин А. С. Повести Белкина. Calif, USA, 1983.
10. Пушкин А. С. Повести Белкина. – Oxford, 1947.

³¹ It is this kind of shocking vulgar language that caused the indignation of some of Pushkin's early critics [6].

11. Пушкин А. С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. – М.: Рус. яз., 1982.
12. Пушкин в русской философской критике. – М., 1990. – С. 270.
13. Пушкин и современная культура. – М.: Наука, 1996. – С. 17–18.
14. Стейнер Д. Пушкин и американский читатель // Америка. – 1963. – № 77.
15. Тер-Минасова С. Г. Пушкинская проза в восприятии англоязычного читателя // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 2.
16. Федосюк Ю. А. Такое пособие необходимо // Вопр. лит. – 1959. – № 6.
17. Федосюк Ю. А. Что непонятно у классиков или Энциклопедия русского быта XIX века. – М.: Флинта: Наука, 1998. – С. 6.
18. Johnson C. A., Pushkin. A Personal View. Contemporary Review. – L., 1965. – Nov. vol. 206, № 1198.
19. Patrick and April Wreath. Alexander Pushkin: A Bibliography of Criticism in English, 1920–1975 // Canadian – American Slavic Studies. – Montreal, 1976. – Vol. 10, № 1.
20. The Poems: Prose and Plays of Alexander Pushkin. – N. Y., 1936. – P. 11. **Цит. по: Пушкин и современная культура** – М.: Наука, 1996. – С. 311.
21. Theoretically at least, every Russian boyar who bore the title князь was descended from Riurik the Varangian who, according to tradition, founded the Russian state around A. D. 862. His blood was therefore as noble as that of the ruling dynasty.
22. Whitter, J. G. Pushkin. Nat. era: Wash, 1847. – Febr. 11. – Vol. 1, № 6. – P. 2. **Цит. по: Новые зарубежные исследования творчества Пушкина.** – М., 1986. – С. 85.

References

1. Beseda Vladimira Nabokova s P'erom Domergom // Zvezda. – 1996. – № 11. – S. 62.
2. Beseda s Zhakom Derrida, Zhak Derrida v Moskve. – М.: Kul'tura, 1993. – S. 162.
3. Vospominanija Bestuzhevyh. – М., 1931. – S. 25.
4. Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv. – М.: Gnosis, 1992. – S. 15.
5. Nepomnjashhij V. S. Fenomen Pushkina i istoricheskikh zhrebij Rossii // Pushkin i sovremennaja kul'tura. – М.: Nauka, 1996. – S. 31.
6. Pushkin A. S. Boris Godunov. – Bristol: Classical Press, 1995.
7. Pushkin A. S. Cygany. – London: Bradda Book Ltd, 1962. – P. 27.
8. Pushkin A. S. Boris Godunov Kommentarij L. M. Lotman i S. A. Fomicheva – SPb.: Akadem. proekt, 1996. – S. 363.
9. Pushkin A. S. Povesti Belkina. Calif, USA, 1983.
10. Pushkin A. S. Povesti Belkina. – Oxford, 1947. – P. 18.
11. Pushkin A. S. Povesti pokojnogo Ivana Petrovicha Belkina. – М.: Rus. jaz., 1982.
12. Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. – М., 1990. – С. 270.
13. Pushkin i sovremennaja kul'tura. – М.: Nauka, 1996. – С. 17–18.
14. Stejner D. Pushkin i amerikanskij chitalel' // Amerika. – 1963. – № 77.
15. Ter-Minasova S. G. Pushkinskaja proza v vosprijatii anglojazыchnogo chitalatelja // Russkij jazyk za rubezhom. – 1994. – № 2.
16. Fedosjuk Ju. A. Takoe posobie neobhodimo // Vopr. lit. – 1959. – № 6.
17. Fedosjuk Ju. A. Chto neponjatno u klassikov ili Jenciklopedija russkogo byta XIX veka. – М.: Flinta: Nauka, 1998. – С. 6.
18. Johnson C. A., Pushkin. A Personal View. Contemporary Review. – L., 1965. – Nov. vol. 206, № 1198.
19. Patrick and April Wreath. Alexander Pushkin: A Bibliography of Criticism in English, 1920–1975 // Canadian – American Slavic Studies. – Montreal, 1976. – Vol. 10, № 1.
20. The Poems: Prose and Plays of Alexander Pushkin. – N. Y., 1936. – P. 11. **Cit. po: Pushkin i sovremennaja kul'tura** – М.: Nauka, 1996. – С. 311.
21. Theoretically at least, every Russian boyar who bore the title knjaz' was descended from Riurik the Varangian who, according to tradition, founded the Russian state around A. D. 862. His blood was therefore as noble as that of the ruling dynasty.
22. Whitter J. G. Pushkin. Nat. era: Wash, 1847. – Febr. 11. – Vol. 1, № 6. – P. 2. **Cit. po: Noveye zarubezhnye issledovanija tvorcestva Pushkina.** – М., 1986. – С. 85.

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 316.477

ФИЛОСОФСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ: ДИССИДЕНТСТВО КАК ФОРМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НОНКОНФОРМИСТСКИХ СЛОЕВ СССР В ПРЕДДВЕРИИ РОССИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ

Красиков В. И., доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

В статье анализируются мировоззренческие позиции третьей эмиграции, взгляды и теоретические произведения ее представителей. Автор доказывает, что эмиграция и диссидентство составляли единое поле интеллектуального внимания, на котором шли ожесточенные дискуссии. Они и стали «дорожной картой» для будущей демократизации в России.

Ключевые слова: теоретики третьей эмиграции, диссиденты, неомарксизм, либералы, почвенники.

A PHILOSOPHICAL COMPONENT IN THE THIRD WAVE OF EMIGRATION: DISSIDENCE AS A FORM OF SELF-DETERMINATION OF NONCONFORMIST SEGMENTS IN THE USSR BEFORE DEMOCRATIC RUSSIA

Krasikov V. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

The third wave of emigration was unlike the first and the second, because it was associated with people remaining in the USSR. Emigrants and dissidents within the country were one community with a common field of intellectual attention and were associated with multiple communications channels.

We can describe the world of dissidents as follows. The human rights movement or a small group of people concentrated in Moscow was its center. Activists of a variety of social movements: ethnic, religious, socio-political and cultural were associated with this group.

Dissident movement in the Soviet Union begins in the 1950s – early 1960s. Together dissidents denounced the evils of the Soviet system, but they began to argue about the ways of healing the country. Debaters have developed three ideologies that underpin the opposition. There were three groups namely “authentic Marxists”, “orthodox nationalists” and “liberals”.

The first direction believed that the regime perverted Marxist-Leninist ideology and for the improvement the society needs to return to basics of Marx and Lenin. The author examines the views of immigrants P. Abovin-Egides and V. Turchin as an example of this position.

The second direction intended to rebuild Russia in accordance with Christian values and Slavophil principles. Literary and journalistic activities of Solzhenitsyn is the most vivid expression of this attitude.

Liberals wanted a transition to a democratic society of the Western type. Here we can see the greatest number of philosophizing figures such as B. Shragin, A. Yesenin-Volpin, B. Chalidze and A. Amalric.

The author considers two key debates in exile between liberals and nationalists (1974–1976 and 1983–1985), which was initiated by Solzhenitsyn.

So dissent in the Soviet Union was the breeding ground of the third emigration. Emigration does not lose touch as many of their confederates, friends and relatives lived in the homeland. These lines create the structure of positions, which later became the “road map” of perestroika and the liberal revolution.

Keywords: theorists of the third emigration, dissidents, neo-Marxism, Liberals, Nationalists

60-е годы и первая половина 80-х годов XX века существенным образом изменили ситуацию в эмигрантском сообществе и связано это было, в первую очередь, с процессами, шедшими в СССР. Экзистенциальные следствия Великой Отечественной войны, критика Сталина и хрущевская оттепель породили новую генерацию людей внутри советского режима, называемую обычно шестидесятниками, характеризовавшуюся идеализмом, романтизмом и развитым чувством ответственности. Многие из них были выходцами из столичных большевистских элит, подвергшихся сталинским чисткам во второй половине 30 – начале 50-х годов, которые приобретали все более выраженный этнический характер – против кавказцев, немцев, прибалтов, украинцев, крымских татар и особенно евреев (борьба с безродными космополитами, дело врачей-убийц). От союза с советской властью, от полной с ней самоидентификации наиболее пассионарная часть партийной интеллигенции (еврейская) встала на путь борьбы с режимом. Ее представители и составляли костяк как диссидентства, так и третьей эмиграции. В силу специфики своей этнической психологии и ментальности они были настроены в большинстве своем прозападнически, хотя первой формой протеста стало «марксистское самоочищение». Вместе с тем, появляется и другая имманентная составляющая российского самоопределения – опять новое славянофильство.

Подобные события, происходящие на родине, обусловили серьезные изменения интеллектуального ландшафта русской эмиграции в 70–80-х годах, в том числе и его философской составляющей. Эмиграция – всегда явление вторичное и производное от того, что происходит в метрополии. Первая эмиграция стала столь самобытным, самодостаточным и мощным социальным

образованием, имеющим кроме всего прочего и развитую мировоззренческо-философскую надстройку, в силу того определяющего обстоятельства, что *практически вся* активная оппозиция как социально-классовая сила (офицерский корпус и правая интеллигенция) была вытеснена за границу, где смогла стать «государством» в государствах. Вторая эмиграция носила в основном плебейский, или, мягче, народный характер и за небольшим литературным исключением, привела более к географическому, нежели интеллектуальному разнообразию. Она не имела самодостаточного характера, за исключением, может быть, сильной ненависти к коммунистам, и мировоззренчески подчинялась деятелям первой эмиграции.

После смерти Сталина режим необратимо либерализовался и допустил появление своего будущего могильщика. Оставались тюрьмы, психушки, массовое промывание мозгов, однако ушли те вера, беспощадность и истовая серьезность, которые составляли ранее его основу. Нынешняя же основа все более смягчала вследствие возобладания желания пожить и не отягощать свою совесть демоническими злодеяниями в сталинском духе. Новая генерация коммунистов (брежневских бюрократов) все более разрыхлялась – от всепроникающего скепсиса и иронии людей, разбуженных войной, предлагавших свои, новые ценности и новую веру. Истончился и железный занавес – вместе с новыми желанными западными шмотками стали проникать подрывные идеи и подрывные издания.

Специфика третьей волны эмиграции в том, что она представляла собой часть *одного* социального целого: диссидентства, имеющего корни в новых людях, шестидесятниках, появившихся как плоть от плоти советской действительности.

И высланные за границу, и диссиденты внутри СССР уже имели многочисленные коммуникационные каналы, составляя, по сути, *единое сообщество с единым полем интеллектуального внимания*. И никакие КГБ и промывка мозгов не могли уже остановить активность самиздата и тамиздата, который и формировал это общее пространство внимания, подпитывающееся кухонными разговорами столичной интеллигенции и ее подпольными культур-кружками – наглядное свидетельство истончения железного занавеса и начало конца режима. Мир диссидентов можно описать следующим образом. Его центром являлось правозащитное движение – небольшая, но очень заметная группа людей, сосредоточенных, в основном, в Москве и нескольких других крупных городах. С этой группой были связаны активисты самых разных общественных движений: национальных, религиозных, социально-политических, культурных и таких, которые можно считать пограничными по отношению к этим категориям. Иные из этих движений смело можно назвать массовыми: так, под некоторыми петициями литовских католиков или крымских татар собирались тысячи подписей; в общинах баптистов-инициативников или христиан веры евангельской (пятидесятников) состояли, по-видимому, десятки тысяч верующих; евреев, решившихся подать заявление на выезд в Израиль, также считали тысячами.

Такого не было ни в первой, ни во второй эмиграции. Симптоматично, что деятели третьей волны, независимо от направлений, практически в унисон утверждают о стене непонимания между ними и еще живыми представителями первой эмиграции. Последние навсегда остались в старой России, не знали и не хотели знать о советских людях, их реальных делах, потребностях и интересах.

Диссидентское движение в СССР начинается в виде отдельных эксцессов, протестов – в 50-е – начале 60-х годов, когда поиск альтернатив в общественном развитии велся почти исключительно по марксистской схеме, ибо в течение полувека это была единственная для всех школа мышления. Тяжелый удар нравственной привлекательности социализма нанесло советское вторжение в Чехословакию. И лишь в 70-е годы

инакомыслящие, единые в осуждении пороков советской системы, стали расходиться в объяснении ее природы и, особенно – в способах исцеления страны. И в эти же, 70-е годы, советская система стала широко практиковать высылку диссидентов за границу как более эффективную (как им казалось) форму борьбы, нежели репрессии. На деле диссидентство получило свою надежную и недосыгаемую для КГБ медийную и материально-организационную основу в виде третьей эмиграции, позволившую ему пережить неудачи внутри СССР.

Хотя открытые столкновения среди диссидентов по поводу мировоззренческих стратегий начинаются в 70-е годы, но уже в конце 60-х годов они стали очевидными для наиболее проникательных участников. Так еще в 1969 году, один из наиболее одаренных теоретиков-диссидентов, рано трагически погибший Андрей Амальрик прозорливо отметил три основные силы анти-советского движения: «подлинный марксизм-ленинизм», «христианская идеология» и «либеральная». Первая сила полагала, что режим извратил марксистско-ленинскую идеологию и для оздоровления нашего общества необходимо возвращение к ее истинным принципам. Вторая была нацелена на переход к христианским нравственным принципам, которые толковались в славянофильском духе, с претензией на особую роль России. Наконец, либералы были настроены на переход к демократическому обществу западного типа с сохранением, однако, принципа общественной и государственной собственности.

Существуют и другие, более дробные классификации, но, думаю, что эта, наиболее общая, данная одним из ключевых фигур диссидентства и на заре описываемых событий, обозначает как главные различия, так и основные позиции в едином поле интеллектуального внимания – страницах сам- и тамиздата.

Итак, три группы: «аутентичные марксисты», «православные националисты» и «либералы». В отношении представленности этих диссидентских групп в эмиграции существовал явный перекос – последние две явно доминировали, ее представители высылались режимом в первую очередь, наверное, в силу своей откровенной

чуждости, тогда как «своих», «марксистов» хотя и сажали, но гораздо реже выслали. Также другая особенность во внутренних взаимоотношениях между этими группами: острая конфронтация между патриотами и демократами (вновь: славянофилами и западниками) и вялотекущие дискуссии между ними и социалистами-гуманистами.

Направление, которое называют по-разному: «истинный, аутентичный марксизм», «демократический социализм», «социализм с человеческим лицом» и т. п., возник в первую очередь – в обществе тотального коммунистического единомыслия и массивной пропаганды. Однако никакие идеологические заклинания не могли убедить критически настроенных и проникательных людей в соответствии окружающей их действительности с гуманистическими формулами в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Последние были сакральны – значит, неверна была действительность, которую следует привести в адекватное состояние при помощи волшебных энергетических формул революционного преобразования мира. Очарование радикального гуманизма- марксизма известно давно, даром даже мощные интеллекты типа Бердяева, Булгакова и Франка оказывались на некоторое время пленены им, как несть числа другим. И в 50–60-е годы XX века многие из будущих либералов и патриотов также были на время уловлены поветрием очищения, возвращения к истокам и духу произведений Маркса – Ленина. Переболели этим и многие известные диссиденты: Л. Богораз, П. Марченко, П. Григоренко и др., в некоторой степени, даже А. Солженицын и А. Сахаров.

Поразительно, но настроения революционного энтузиазма вновь и вновь рождались в городах и весях СССР, особенно среди молодежи, на протяжении всего времени существования советского режима, но наиболее интенсивно в постсталинское время – насчитывали от 16 до 22 левых подпольных оппозиционных групп. Однако самым представительным и теоретизированным среди новых социалистов был неформальный круг, выразителем настроений которого стал московский историк Рой Медведев: разработка марксизма-ленинизма применительно к современности и поиск конструктивных путей демократизации эко-

номики, образования, структуры власти. Он сумел дать жизнь самиздатовскому выпуску «Политического дневника», некоего подобия подпольного журнала, среди читателей которого были также люди из партийного и государственного аппарата (своего рода самиздат для официальных лиц, охарактеризовал его позднее Сахаров). Вторжение в Чехословакию, однако, разрушило надежды на смягчение советского режима и способствовало массовому пересмотру прежними сторонниками партийно-демократического направления оценки советской системы как системы социалистической – одни перестали считать ее таковой, другие перестали вкладывать положительный смысл в самое понятие социализма.

Немногие из марксистски настроенных диссидентов были высланы за границу, верно власти все же рассчитывали на большой успех по их перевоспитанию, нежели по отношению к уже совсем чуждым идеологическим элементам типа либералов и почвенников. Другая общая тенденция – постепенное размывание марксизма в их взглядах – в направлении к демократизму, а то и к национализму (Л. Плющ) и религии. Приведем наиболее характерные типы «аутентичных марксистов».

Петр Маркович Абовин-Егидес (1917–1997) – философ по образованию и профессии, кандидат философских наук (диссертация «Проблема смысла жизни»), преподаватель кафедры философии ряда вузов. До того – участник войны, отбыл шесть лет лагерей за нахождение в плену. Искренне преданный идеям социализма, что доказывают примечательные факты его жизни: шесть лет добровольно работал в советских колхозах, быв одно время и председателем, пытаясь доказать действенность социалистических принципов. Три года – в психиатрической больнице, вполне в духе репрессивных практик того времени. Семидесятилетие провел, как и большинство диссидентов того времени, – между безработицей, случайными заработками и активной дискуссионной, самиздательской деятельностью (редактор знаменитого журнала «Поиски»). В 1980 – эмиграция во Францию, где продолжал свои философские изыскания, переиздавая «Поиски». В 1989 вернулся в Россию и привычно возобновил критику

правляющего режима – на этот раз уже не за искажение социалистической идеи, а за ренегатский отказ от нее.

Егидес разработал интересную концепцию «панперсонализма» и «оазисного социализма», разновидность социалистической этики. Личность – зияние зазора (экономического, политического, бытового, духовного) между индивидом и обществом, историческая мера автономии человека, проявляющаяся как реальная возможность решать что-то и где-то. Панперсонализм – это такое общество, где каждый человек является личностью во всех отношениях. Такого общества еще нет нигде, – полагал Абовин-Егидес, – на Западе оно еще фрагментарно, ибо наемные работники не являются субъектом решения. Человек является личностью там, где он реально может сам принимать решения. В нашей стране до недавнего времени он не мог быть личностью ни в каком отношении, разве что в бытовом. Самоуправляющееся общество, то есть ассоциации самоуправляющихся индивидов, будут возникать оазисно, в разных странах, на разных континентах и станут, накапливая позитивный опыт, испробуя разнообразные формы организации свободного труда и справедливого распределения прибыли, создавать оазисы подлинного, а не мнимого социализма [2].

Валентин Федорович Турчин (1931–2010) – физик-теоретик, выдающийся математик, диссидент и философ. Причем стал он диссидентом благодаря философско-экзистенциальному складу своего ума.

Как и многие, в 60-е годы он был более ориентирован на идеалы подлинного социализма, что нашло свое выражение в статье, потом книге «Инерция страха. Социализм и тоталитаризм». Затем экзистенциализм окончательно устраняет остатки марксизма. В 1977 году КГБ заставляет его эмигрировать в США, где он успешно продолжает свою научную деятельность, преподает в Нью-Йоркском университете, разрабатывает масштабный междисциплинарный философско-кибернетический проект *Principia Cybernetica*.

Причем сами мотивы занятия Турчиным философско-кибернетическими изысканиями, как и диссидентской деятельностью были также экзистенциальными: осознание смертности человека

и протест против нее, порождающий стремление к бессмертию в творчестве. Суть последнего – во внесении конструктивного вклада в космическую эволюцию, вершиной которой на данном этапе и является прогресс науки. Квинтэссенцией его вклада стала *Principia Cybernetica* (коллективный проект совместно с двумя американскими профессорами). Создание подобных «естественно-научных философем» (другой пример – синергетика) явилась одним из выражений довольно популярных в то время (70–80-е годы XX века) натурфилософских усилий сведения воедино гносеологии, онтологии и этики – на основе кибернетического и эволюционного подходов. Центральное понятие конструкции *Principia Cybernetica* – «квант эволюции» или «метасистемный переход» – скачок при переходе системы мирового целого из одного состояния в другое. В момент совершения «метасистемного перехода» над уже существующими системами, объектами возникает новый уровень. Он называется уровнем управления в любых эволюционирующих системах, затем идет дальнейшее нарастание уровней и другие переходы [6].

Большинство диссидентов придерживались все же западной, демократической, либеральной ориентации, к которой пришли и многие бывшие приверженцы «аутентичного марксизма» – особенно после подавления пражской весны и начала новой мягкой сталинизации общественно-политической жизни. Именно среди либеральной интеллигенции мы видим наибольшее количество философствующих индивидов.

Борис Иосифович Шрагин (1926–1990) – философ по образованию, также, как и Абовин-Егидес, – кандидат философских наук. С начала 60-х он – активный участник правозащитного движения, что привело его к эмиграции в США (1974), где он становится преподавателем в престижных американских университетах. Бывший неомарксист он, как и Турчин, дрейфует к экзистенциализму, самой актуальной для диссидентской интеллигенции того времени позиции «бремени свободы». И это не удивительно, памятуя об оглушительной популярности тогда экзистенциалистских идей в Европе. Позже, уже в Америке он обобщает пережитое в своей лекции «Диссидентский экзистенциализм», раскрывая смысл сопро-

тивления несогласных с советским тоталитаризмом. Этот смысл, в условиях индифферентизма большинства народа, носит сугубо личный характер и состоит в спасении себя, своей собственной совести.

Шрагин активно участвовал в полемике с нео-националистическим направлением в русской эмиграции. Так он стал составителем и участником сборников «Самосознание» (1976), в котором бросил вызов авторам сборника «Из-под глыб». В 1977 выходит книга «Противостояние духа» – развернутое философское эссе, посвященное осмыслению духовного опыта советского дисидентства. На радио «Свобода» выходят в эфир программы его программы: «Демократия в действительности», «Иностранцы ученые СССР», «Лекции о русской философии» и др.

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (1924) – математик, кандидат математических наук и философ. С 1949 – вплоть до высылки в Америку (1972) он проводит время в спецпсихолечебницах, ссылках и организации правозащитных акций, находя при этом время писать статьи для знаменитой «Философской энциклопедии» 60-х годов. Преподавал в американских университетах.

Мышление его, как отмечают очевидцы, действительно своеобразно, и заключается в ригористической экстраполяции законов формальной логики и права на реальную жизнь: все в жизни должно подчиняться правилам и законам. Он писал в «Свободном философском трактате», что мысль состоит в поисках истины, а жизнь – в поисках пользы. И тут конфликт: как живое существо, человек ставит жизнь выше мысли, но как существо мыслящее, он делает мысль выше жизни. Однако, если подобный ригоризм не принес сыну Есенина счастья в жизни личной, ибо многочисленные жены его были в ужасе от изысков формализации (в плане распределения семейных обязанностей и организации), то вот применение этого принципа к сфере права принесло неожиданную эффективность. Власти чувствовали себя неуютно перед требованием соблюдения советских же законов.

Валерий Николаевич Чалидзе (1938) – физик, кандидат физических наук. С 1968 года издавал самиздатский журнал «Общественные проблемы». В 1972 году выехал по приглашению в США

для чтения лекций и почти сразу же был лишен советского гражданства. Основал собственное издательство, в котором начал публикацию на русском языке документов и материалов из архива Троцкого, хранящегося с 1940 года в библиотеке Гарвардского университета в США и включающего в себя материалы по истории Советской России и о деятелях революции, воспоминания Н. С. Хрущева. В 1983 году Чалидзе получил премию «Гений» от фонда Мак-Артуров и на эти деньги купил дом и участок земли на берегу озера в штате Вермонт. Здесь они с женой и обосновались, реализуя вековую мечту интеллектуалов о философском уединении. Чалидзе – автор многих историко-политических и социально-политических исследований, но также написал и любопытный философский труд «Иерархический человек» [7].

Произведение демонстрирует недюжинный ум и отличные спекулятивно-конструирующие способности автора. Конечно, чувствуется сильное влияние социобиологии и натурфилософских (позитивистских) установок. Вместе с тем, читать труд довольно интересно – именно в силу свободной, легкой (по стилю) и смелой манеры проблемно и нестандартно-оригинально обсуждать традиционные, казалось бы, набившие оскомину, проблемы.

Спекулятивность проявляется в полагании целого ряда довольно рискованных конструкций, типа «расход воли», «ген воли», «сильные и слабые», «мера культуры», «мера цивилизованности» и пр. Однако Чалидзе и не претендует на концептотворчество, подчеркивая их рабочую условность.

Для чего, вообще говоря, он затевает анализ в духе отбрасывания «предрассудков об исключительно культурной основе поведения человека и изучения нашей скотской природы»? Для того, чтобы понять и описать, в глубинном формате, ситуацию нового и новейшего времени – с ее революциями: социальными и культурными.

Чувствуется у него некий элемент нищества: деление людей по признаку воли, интерпретируемой несколько прямолинейно, чуть ли не физически, на сильных и слабых. Также проводится тезис о победе ранее, уже в ходе цивили-

зационной истории, слабых. Вместе с тем, победа эта у Чалидзе вовсе не есть зло как у Ницше, и не при помощи христианства. Это просто новый формат человеческого, социального, гипербиологического существования: цивилизационные запреты сохраняют внутреннее поле культуры, терпимости и равенство возможностей, подавляя древние иерархии грубой силы. Полииерархии более полно отражают разнообразную природу человека – вне лишь контекста признаков волипокорности. Выживали и побеждали в истории социально приспособленные, покорные и пр., что тоже не хорошо, так как приводит, рано или поздно, к стагнации утраты генов воли, утери энергии и страсти.

Итак, история людей, биологическая и социальная, есть напряжение переходов между двумя крайними состояниями общества – *естественным* с иерархией по силе, по объему собственно воли и *цивилизованным*, с иерархией по накопленным суррогатам и уровню сознательной воли. Мы переживаем, начиная с Нового времени, и особенно в XX веке, реванш сильных из низов и стремление установить единую иерархию, подобную древней волевой иерархии. Это, начиная с Французской революции, и революция 1917, и приход нацистов к власти в Германии. Эти революции были направлены против собственности, затем против тех, кто раньше был силен знаниями и волевым суррогатом (ценности, идеи), и воссоздание архаической единой иерархии.

Чалидзе негативно относится к этим реваншам, которые возможны при следующих условиях, когда: 1) существует сильное давление на низы; 2) происходит ослабление социальных поддержек порядка, прежде всего «волевых суррогатов» (традиционных ценностей, религии и пр.); 3) низы слабо цивилизованы; 4) налицо низкая степень обновляемости иерархий (слабые социальные лифты).

Андрей Алексеевич Амальрик (1938–1980) – историк с блестящими аналитическими способностями, после трех сроков, «вкрапленных» в его диссидентскую деятельность в 60–70-е годы, был выслан в 1976 году за границу, чтобы спустя несколько лет трагически погибнуть в автокатастрофе.

Собственно, работа, за которую мы смело можем причислить его к выдающимся социальным философам, имеет небольшой объем, нося характер эссе. Однако, это явно нетленка, учитывая время ее появления и концептуальное содержание первой ее части. Вторая часть – скорее антиутопия-блокбастер, и, возможно бы послужила хорошим сюжетом для соответствующего романа или фильма.

Остается загадкой, как недоучившийся 31-летний студент-историк, за три месяца 1969 года в деревне Акулово под Москвой смог написать блестящее социально-философское эссе («Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?») с массой социологических новаций, актуальный и сейчас, написанный как будто сегодня, *post factum* [1].

Что, какие результаты мы конкретно имеем? Это, во-первых, саморефлексия новой силы в СССР – среднего класса – Демдвижения (кто мы, откуда, что хотим), во-вторых, концептуальный анализ советского общества и ситуации конца 60-х годов (как оказалось, и 70–80-е годы тоже), в-третьих, точный диагноз менталитета родимого народа.

Советское общество Амальрик уподобляет трёхслойному пирогу: с правящим бюрократическим верхним слоем во главе; средним слоем, или «средним классом» (свободные профессии, служилая советская интеллигенция и др.) – посредине; и наиболее многочисленным нижним слоем – рабочими, колхозниками, мелкими служащими, обслуживающим персоналом и т. д. Причем нижний класс характеризуется сильной социальной дезориентацией: пролетаризация деревни породила «странный класс» – не крестьян и не рабочих, с двойной психологией собственников своих микрохозяйств и батраков гигантского анонимного предприятия; в городе же – запуганные и агрессивные обыватели-наемные работники. Кем сама осознает себя эта масса и чего она хочет – неизвестно. Верхний класс также деградирует – после сталинских чисток, устранивших все более или менее активное и деятельное, приходит слабое и нерешительное новое поколение бюрократической элиты, впадающее в ступор самосохранения.

Суть ситуации, которая оказалась еще растянутой на 15 предстоящих лет, – нарастающая закостенелость и дряхление режима. Вроде была надежда – на средний класс, который постепенно формируется с 50-х годов XX века, сначала через культурную оппозицию, потом посредством самиздата. Он уже сознателен, хочет работать в условиях легальности и гласности, ему понятны принципы личной свободы, правопорядка и демократического управления. Однако автор не заблуждается на сей счет: в массе эта среда столь посредственна, ее мышление столь очиновлено, а наиболее в интеллектуальном отношении независимая ее часть так пассивна, что успехи Демократического движения, опирающегося на этот социальный слой, представляются весьма проблематичными. Таким образом, парадокс ситуации в том, что пассивному среднему классу противопоставит пассивная бюрократическая элита. Что, собственно и показала последующая история. Пока сам режим просто не упал, как гнилой плод, – и то лишь с иссяканием потока нефтедолларов – не было никаких попыток самоорганизации и волеизъявления масс.

Амальрик продолжает и традицию обнажения нелицеприятных сторон менталитета дорогого нашего народа. Он также пассивен, как и его вышестоящие соотечественники, способен, как и они, лишь на пассивное недовольство – из-за сильного имущественного неравенства, низких заработков, тяжелых жилищных условий, нехватки или отсутствия товаров первой необходимости, насильственного прикрепления к месту жительства или работы и т. д. Самые понятные и близкие народу идеи – идея силы и идея справедливости – одинаково враждебны демократическим идеям, основанным на индивидуализме. Русскому народу почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы – и связанной с этим ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово «свобода» понимается большинством народа как синоним слова «беспорядок», как возможность безнаказанного свер-

шения каких-то антиобщественных и опасных поступков. Что касается уважения прав человеческой личности как таковой, то это вызовет просто недоумение. Справедливость на практике оборачивается желанием, чтобы никому не было лучше, чем мне. Эта идея оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, ко всякой инициативе, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем живет большинство.

Что же касается обвинений в ошибочке с Китаем, апокалиптическое столкновение с которым пророчил Амальрик, то, по большому счету, его и не понадобилось. Хватило и Афганистана – дабы совсем надорвать экономику и обвалить показатели сакрального для режима «неуклонного роста благосостояния советского народа», по сути, и оказавшиеся решающими для начала обвала.

Направление «неонационализма», сформировавшееся в СССР, действовало в виде подпольных групп со славянофильскими взглядами. Они выпускали в самиздате свои журналы: «Вече», «Земля», «Московский сборник» (В. Осипов, А. Иванов, Л. Бородин), имели собственные нелегальные объединения типа «Всероссийского христианско-социального союза за освобождение народа». Принадлежащие ЦК комсомола журнал и издательство с одинаковым названием «Молодая гвардия» в конце 60-х годов становятся основными инициаторами националистического движения, выступающего как реакция на кризис официальной идеологии. Схожие настроения звучали и в других периодических изданиях, таких как «Наш современник» и «Литературная Россия», «Октябрь» и «Огонек», а иногда и в ежедневных газетах, таких как «Советская Россия».

Признанными идеологами направления были И. Шафаревич и высланный за границу в 1974 году знаменитый писатель, лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын (1918–2008).

Как Ф. М. Достоевский и И. А. Ильин, наиболее близкие ему мыслители, Солженицын был озабочен философией истории, экзистенциальными и эстетическими проблемами. Настроен был резко антизападнически, полагая марксизм и коммунизм результатом кризиса всей культуры и

всей системы мышления в мире, который начался в эпоху Возрождения и нашел свое максимальное выражение в просветителях XVIII века. Все беды России начались с вестернизации Петра и с попыток модернизации православного культа, предпринятых в XVII веке патриархом Никоном. 1917 год с его революцией стал лишь последним и роковым шагом в пропасть. Солженицын потешался разочарованию Запада, который вдруг увидел какого матерого националиста он защищал и использовал любой предлог для обвинений Запада в аморальности, консюмеризме и декадансе [5].

Солженицын был настроен провиденциалистски и даже мессиански, впрочем, вполне в духе своих великих предшественников (Толстой и Достоевский). Вокруг него в эмиграции сложилась экзальтированная и чуть ли не религиозная атмосфера обожания и почитания – разумеется, со стороны православно-националистически настроенных эмигрантов. Мир и история – органический, предопределенный Божьим замыслом, процесс и не подвластен рациональным просчетам и достижениям. Универсальная, духовная основа мира предполагает существование единой и единственной Божьей же истины. Идея плюрализма в отношении истины – энтропия мысли, рушащая культуру. Истина также неразрывно связана с нравственностью, добром. Носителем же всего это является – догадайтесь, кто?

Обладающий незаурядным темпераментом борца, абсолютно убежденного в своей правоте, отличающийся, как и И. Ильин, также чертами нетерпимости и фанатизма, именно Солженицын стал, по сути, инициатором двух ожесточенных столкновений, *фокусных* дискуссий (1974–1976 и 1983–1985) – с либеральным прозападническим лагерем советского диссидентства.

Предысторией столкновений в эмиграции является известное противостояние 1960-х годов – война журналов: «Нового мира» А. Твардовского и «Юности» Б. Полевого, с одной стороны, и журналов «Октябрь» (В. Кочетов) и «Огонек» (А. Софронов) – с другой. Особое место в этом конфликте занимали журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник». В борьбе с либерализмом они выступали как стратегические союзники Кочетова и Софронова, но действовали скорее

в рамках почвеннической, чем ортодоксально-коммунистической позиции.

Журналов в эмиграции всегда хватало, но для третьей волны особое, центральное мировоззренческое значение приобрело противостояние позиций двух из них: ежеквартальника «Континент» (редактор – Владимир Максимов) и журнала «Синтаксиса» (редакторы – Андрей Синявский (Терц) и его жена Мария Розанова). Противостояние было перманентным, напряжение же в него вносили сборники и программные статьи лидеров направлений.

Так осенью 1974 года в Париже вышел сборник «Из-под глыб», ставший важным коллективным манифестом современного православного почвенничества. В нем опубликованы три работы Солженицына, в том числе и знаменитая «Образованщина». Она и стала модным полемическим брендом: образованщина, образованцы – работники умственного труда без нравственных устоев, охотно дающие государству себя использовать, присягой лжи поддерживающие режим, не способные к жертве, но оскорбительно отзывающиеся о России и русском народе. Это воскресшие двойники беспочвенной, антирелигиозной, противогосударственной дореволюционной интеллигентщины с ее леволиберальным уклоном и нападками на русскую историю. На кого же надеяться? Для Солженицына общество состоит не из социальных слоев, а из личностей, а потому его ответ естествен: «из прошедших (и в пути погибших) одиночек составится эта элита, кристаллизующая народ».

Ответ критикуемых не заставил себя ждать. Сборник статей «Самосознание» (Нью-Йорк, 1976) вышел под редакцией Павла Литвинова, Михаила Меерсона-Аксенова и Бориса Шрагина. «Самосознание» демонстрировало плюралистические, либерально-демократические ценности, обсуждало возможность соединения христианских и гуманистических ценностей, резко критиковало отказ от основополагающих принципов демократии, говорило о роли чужого, иностранного элемента в развитии цивилизации, обсуждало возможность социализма не тоталитарного типа, исследовало человеческую психологию в условиях тоталитарного режима, ведущего к отчуждению, приспособленчеству и двоемыслию.

Спустя почти десять лет Солженицын вновь «выстреливает» программной публицистической статьей «Наши плюралисты» (1983), вводя новый таранный лозунг против диссидентов-западников: «руссофобия». Обозначая их плюралистами, он обвинял их в сознательной и планомерной лжи: «в круговую знают, что лгут, – и лгут!». Запад и все плюралисты заражены манией руссофобии, от западных и внутренних врагов-руссофобов происходят все несчастья России: они хотят истребить и душу, и тело, и память нации, и русскую культуру, и русский народ.

Синявский отвечает статьей «Солженицын как устроитель нового единомыслия», в которой предъявляет вердикт «шовинизм» направлению, возглавляемому Шафаревичем и Солженицыным. Национализм не является опасностью, а идет на пользу нации, как отмечает Синявский, – пока не выделяет из себя ядовитый фермент – понятие «врага». В патриотически настроенной эмиграции вдруг в изобилии появились эвфемиз-

мы для подозрительных в национальном отношении лиц и объединений – «русскоязычники», «третьеэволновники», «хозарский наездник», «этночески чуждые» элементы.

Таким образом, как и всегда – в двухвековой ли полемике западников и славянофилов, в семидесятилетней расправе коммунистов и эмиграции – мы видим торжество эмоций, идеологизаций, страстей.

Диссидентство было основой третьей эмиграции, стоявшей, фигурально выражаясь, одной ногой в зарубежье, другой же оставаясь на родине. *Их социальные сети существовали в виде связей внутри разнородного, но спаянного общим противостоянием диссидентского сообщества – в эмиграции и в СССР.* Эти направления, сформировавшиеся в едином поле интеллектуального внимания, образовали ту структуру позиций, которая и стала впоследствии «дорожной картой» последующих перестройки и либеральной революции.

Литература

1. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? [Электронный ресурс] // Б-ка «Вехи»: сайт. – URL: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html> (дата обращения: 16.03.2014).
2. Интервью П. М. Егидеса журналу «Община» [Электронный ресурс]. – URL: <http://piter.anarhist.org/o40-02.htm> (дата обращения: 16.03.2014).
3. Красиков В. И. Русские философы-мигранты: судьбы представителей первой волны в 40–60-е годы XX века // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 18, ч. 1. – С. 175–182.
4. Солженицын А. «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Очерки изгнания [Электронный ресурс]. – Ч. 1: 1974–1978. – URL: <http://javot.net/arhiv/6.htm> (дата обращения: 16.03.2014).
5. Турчин В. О кибернетической эпистемологии. Введение [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.refal.net/origins/epystmlg/epystmlg.htm> (дата обращения: 16.03.2014).
6. Чалидзе В. Н. Иерархический человек [Электронный ресурс] // Этология.Ru: сайт. – URL: <http://ethology.ru/library/?id=182> (дата обращения: 16.03.2014).

References

1. Amalrik A. Prosushchestvuet li Sovetskij Soyuz do 1984 goda? [Elektronnyj resurs] // Biblioteka “Vehi”: sayt. – URL: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html> (data obrashchenija: 16.03.2014).
2. Intervju P. M. Egidesa jurnalu “Obshchina” [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://piter.anarhist.org/o40-02.htm> (data obrashchenija: 16.03.2014).
3. Krasikov V. I. Russkie filosofy-migranty: sud’by predstavitelej pervoj volny v 40–60-e gody XX veka // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul’tury i iskusstv. – 2012. – № 18, ch. 1. – S. 175–182.
4. Soljenizin A. “Ugodilo zernishko promezh dvuh zhernovov”. Ocherki izgnanija [Elektronnyj resurs]. – Ch. 1: 1974–1978. – URL: <http://javot.net/arhiv/6.htm> (data obrashchenija: 16.03.2014).
5. Tuchin V. O kiberneticheskoj epistemologii. Vvedenie [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.refal.net/origins/epystmlg/epystmlg.htm> (data obrashchenija: 16.03.2014).
6. Chalidze V. N. Ierarhicheskij chelovek [Elektronnyj resurs] // Etologija.Ru: sait. – URL: <http://ethology.ru/library/?id=182> (data obrashchenija: 16.03.2014).

УДК 316.612

РОЛЬ ИНТЕРИОРИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГАРМОНИЧНО РАЗВИТОЙ ЛИЧНОСТИ

Огородников А. Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (г. Москва). E-mail: oau2005@yandex.ru

В статье рассматриваются механизмы формирования гармонично развитой личности, этапы этого процесса, характер интериоризации ценностей, способствующий или препятствующий становлению целостности личности. Статья содержит анализ основных подходов к условиям полноценного развития личности через принятие ею системообразующих общество ценностей.

Ключевые слова: самоидентификация, индивидуализация, социализация, развитие личности, ценности, устойчивое развития российского общества, интериоризация ценностей.

ROLE OF VALUES INTERIORIZATION IN SHAPING THE HARMONIOUSLY DEVELOPED PERSONALITY

Ogorodnikov A. Yu., Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Philosophy and Socio-economic Disciplines, Kutafin Moscow State Law University (Moscow). E-mail: oau2005@yandex.ru

The article considers the mechanisms of human values interiorization in modern society on a personal level, discloses stages of interiorization of values in terms of their functional significance for the human development. It contains the analysis of the degree of involvement, the role and direction of values actualization in the construction of social reality, the characteristics of structure and crystallization in the institutional practices of values in which the agents project existing social attitudes and ideas about the significance of the direction of social participation.

Interiorization of values in the article is defined as an intrapersonal process of forming the individual, holistic and hierarchical system of personal values, which consists of the formation of personality importance in rules, tools and goals of social participation. The paper considers intrapersonal factors of values interiorization that define the degree of acceptance of the individual group values. These factors include characteristics of self-identification, self-esteem, orientation to values, desire to realize the potential, and volitional qualities, degree of awareness and sustainability of life priorities, ideals and values.

Then, the article reveals the four stages of a mature personality formation: adaptation, socialization, self-actualization and transcendence. An analysis of these stages as four successive processes of integration of the individual and society has shown that each of these levels of development of the individual values play a key role as a determinant of development and media from the external social environment to human. But the function values in each process is different. Adaptation is to overcome the uncertainty and maintaining the equilibrium in *people-social environment* through synchronization of value orientations. At this stage, the value of the function of feedback goes from external (cultural) environment to man, but the individual is a passive receiver of information. Socialization reflects the internal acceptance of the values of social environment (culture medium, reference groups etc.).

With socialization, keeping information, the function values become motivators and the basic connection between man and his particular social position, allowing the individual to understand the social position, communication, and in accordance with them, features of his situation (action, expectations, benefits and limitations). Self-actualization is directed to developing the unique, autonomous system of values. In the process of self-actualization, the values become a source of changes (private and social), and, unlike

the first two levels, can lead to conflicts. The values become an indicator of compliance, and social conditions are realized in them as the essential human needs. Transcendence is realized in self-identity and subsequent self-realization of individual in society.

Keywords: identification, individualization, socialization, personality development, values, sustainable development of the Russian society, interiorization of values.

Развитие духовно-нравственного потенциала личности в современном меняющемся обществе создает условие для устойчивого и стабильного развития общества на основе способностей и потребностей индивидов в ответственном, сознательном и целенаправленном поведении, в творческом конструировании социальной реальности. Способность быть не пассивным, но активным участником социальных отношений, развивать, преобразовывать социальную среду является важнейшим показателем развитой личности. Однако творческое и результативное участие индивида как субъекта в социальных процессах возможно только в том случае, если интериоризируемые им ценности имеют сложившуюся устойчивую иерархию, обеспечивающую раскрытие и единство всех личностных свойств в процессе социального участия. Только в случае успешной интериоризации системообразующих социокультурных ценностей социальная активность становится устойчивой, общезначимой и продуктивной. Поэтому процесс интериоризации ценностей играет важную роль в формировании способностей личности свободно встраиваться в социальный процесс с целью активного участия и преобразования общественных отношений.

Под интериоризацией ценностей мы будем понимать внутриличностный процесс формирования индивидуальной, целостной и иерархичной системы ценностей личности, который заключается в становлении у индивида значимости правил, инструментов и целей социального участия. В работах психологов и социологов часто можно проследить связь интериоризации ценностей и гармоничного развития личности. У Л. С. Выготского интериоризация понимается как присвоение общественно-исторического опыта и выступает в качестве основного механизма социализации. По словам Б. Г. Ананьева, «формирование личности путем интериоризации – присвоения продуктов общественного опыта и культуры в процессе воспитания и обучения – есть вместе с тем освое-

ние определенных позиций, ролей и функций, совокупность которых характеризует ее социальную структуру» [1, с. 108]. Ряд российских авторов (П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, Н. Ф. Талызина и др.) понимают интериоризацию как преобразование структуры познавательной деятельности в структуру внутреннего плана сознания, как процесс формирования умственных действий.

Таким образом, интериоризация ценностей является неотъемлемой частью процесса формирования гармонично развитой личности, то есть формирования такого человека, который был бы способен участвовать в социальном взаимодействии, вступать в социальные отношения, рефлексировать результаты индивидуальных и групповых социальных действий, классифицировать ресурсы и возможности достижения целей, прогнозировать развитие социальных систем, дифференцировать функциональные и дисфункциональные элементы системы и др.

В процессе формирования личности, ее вхождения в общество она проходит уровни адаптации, социализации, самоактуализации и трансценденции. На каждом из этих этапов существуют свои специфические функции ценностей и особенности их восприятия, отбора и актуализации. Изменение ценностей приводит к трансформации когнитивных способностей человека. Меняются точки концентрации внимания, восприятие социальных ситуаций и др. Следовательно, данные четыре уровня интеграции индивида и общества можно рассматривать как этапы становления гармонично развитой личности, на каждом из которых интериоризация ценностей играет особую роль.

Первым уровнем становления личности и основой дальнейшего вхождения индивида в общество можно считать процесс адаптации. В процессе интериоризации ценностей на этом этапе происходит пассивное восприятие полезных свойств предметов окружающего мира и значимости потребностей, удовлетворяемых этими

предметами. Основной задачей непрерывного процесса адаптации является обеспечение состояния равновесия человека с природной и социальными средами, которое может осуществляться на физиологическом, психологическом или на социально-психологическом уровнях. Интериоризация ценностей на этом этапе направлена, в первую очередь, на выработку приоритетов для индивидуального сохранения и развития в конкретных социальных условиях, определение ценности элементов окружающей среды: угроз или преимуществ.

В процессе адаптации реализуются социально-психологические механизмы снижения неопределенности, сопровождающиеся становлением значимости тех или иных качеств личности, трансформирующихся в инструментальные ценности, что создает основу формирования ценностных ориентаций личности. Данный процесс подробно проанализирован в теориях «зеркального я» Г. Кули и символическом интеракционизме Дж. Мида.

В современном мире быстрых технологических преобразований и инноваций роль адаптации расширяется. Успешная адаптация формирует такие качества личности, которые позволяют ей оставаться устойчивой в среде постоянных и быстрых перемен. По мнению П. Бергера, для такой адаптации необходимо системообразующее свойство личности – духовный интеллект как средство для определения и мобилизации умений и способностей, необходимых для прикладного использования духовных свойств личности в контексте конкретных социальных ситуаций постоянных социальных и технологических изменений. Поэтому в условиях современного быстро меняющегося мира для развития личности особенно важным становится наличие устойчивых эталонов (образцов или идеалов), «закодированных» в системе ценностей на ее высших уровнях, позволяющих определять свои преимущества или опасности от изменений, нововведений и таким образом успешно адаптироваться к новым условиям.

Вторым, после адаптации, этапом развития личности и уровнем интериоризации ценностей является самоидентификация. Социологическая трактовка самоидентификации разрабатывается в западной социологической традиции, в частности,

в работах Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, где она рассматривается как становление мировоззрения, поиск своего места в мире (через принятия норм, подкрепленных ценностями), формирование способности интерпретации символического аппарата и, в конечном счете, вхождение индивида в конкретные социальные роли. В социологических теориях источником самоидентификации служит либо институциональная система (Т. Парсонс, Ч. Миллс, Г. Тард, Э. Дюркгейм), либо поле культуры как система накопления опыта, интерпретаций, значимостей, коммуникационная среда (М. Вебер, П. Бергер, Н. Луман). Объединяет эти теории положение о том, что решающее значение процесса самоидентификации отводится обществу, а не личности, которое посредством своих институтов принуждает индивида к внутреннему принятию социальных норм. Таким образом, самоидентификацию можно определить как сознательно осуществляемый процесс приобщения личности к себе подобным, сопровождаемый субъектным соотношением индивидуальных, личностных и групповых особенностей, присвоением интересов и ценностей группы.

Следовательно, в процессе самоидентификации человек начинает осознавать, кем он может и должен быть, а затем какие внешние условия ему для этого понадобятся. Из этого представления формируется понятие о значимости как внутренних, так и внешних свойств, а внешние или внутренние предметы, явления, процессы и свойства, понимаемые как значимые, становятся ценными для человека и в дальнейшем абсолютизируются как ценности.

Результатом самоидентификации в развитии личности является выбор ею своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни. Интериоризация ценностей здесь направлена на включение в систему ценностей, направляющих жизненную активность субъекта на жизненный путь социальной общности или группы, с которыми он себя идентифицировал и тем самым занимает свою позицию в социокультурном пространстве. Определение человеком себя в обществе как личности есть определение себя (самоопределение, занятие активной позиции) относительно социокультурных ценностей и тем самым – определение смысла своего существования.

Таким образом, на этапе самоидентификации интериоризация ценностей в развитии гармоничной личности способствует не просто оценке внешних явлений для своего существования и формирования, но и присвоению общезначимых смыслов, оценок и дальнейшему оперированию ими. В результате такой интериоризации индивид налаживает связи с элементами общества (группами, организациями, институтами), формирует свое место в социуме и приобретает опыт деятельности, а главное, приобретает возможность стать значимым в конкретных социальных процессах, то есть усваивает образ (тип) человека, присущий конкретному обществу. Благодаря этому личность начинает идентифицировать себя с определенной общностью, воспроизводя этим социальные структуры.

На третьем этапе становления и развития личности, включения ее в социальный процесс осуществляется самоактуализация, которая имеет свои особенности интериоризации ценностей личностью. На этом этапе человек вступает в отношения с обществом, осознавая себя как субъекта социальных отношений. Самоактуализацию мы понимаем как процесс сознательной и целенаправленной реализации в социально значимых процессах индивидуальной системы ценностей. Самоактуализация неразрывно связана с такими стадиями развития личности, как автономизация, индивидуализация, персонализация и др. В процессе самоактуализации интериоризация ценностей личности становится инструментом отбора сущностных для человека признаков его внешнего и внутреннего бытия. В результате человек становится готовым к свободе, в частности, к свободе воли и свободе выбора. Из опаснейшей и разрушительной способности индивида свобода воли на этом этапе превращается в фактор развития гармоничной личности и позитивного конструирования социальной реальности.

Движущей силой процесса самоактуализации, в отличие от адаптации и идентификации, является не потребность в адаптации и приспособлении, а, напротив, сопротивление равновесию, постоянное становление (Г. Олдпорт); раскрытие общезначимого, духовного (С. Л. Франк), формирование собственного (и уникального) образа жизни и собственного внутреннего мира

(Б. Ф. Ломов), внутренний рост или развитие (К. Роджерс); осуществление личностного смысла (В. Франкл). В процессе самоактуализации индивид стремится интегрировать декларируемые и актуализируемые ценности, в том числе через преобразование социальных условий. Вследствие этого развивается дискурсивное сознание, способность к принятию инновационных решений, участию в процессах самоорганизации. С. Л. Франк указывал, что «особость и особенность индивидуальности есть форма, которую насквозь пронизывает общее всем людям трансцендентальное» [6, с. 414], а именно ценности формируют ориентацию на всеобщее, на общезначимое. Личность в процессе самоактуализации обретает способность сопоставлять явления со своими идеалами и представлениями о значимости для своего или общественного развития процессов, свойств и явлений, определять расхождение должного и сущего в социальном мире.

Именно на этом уровне ценности могут способствовать трансформации социальных институтов, так как во-первых, личность начинает актуализировать ценности не на интуитивно-эмоциональном, а на сознательно-волевом уровне, во-вторых, от простого копирования социальных действий индивид переходит к социальному конструированию. На этом этапе своего развития индивид перестает довольствоваться выбором из равнозначных и релятивных вариантов, моделей социальных действий, наборов значимых потребностей, приоритетов жизненных планов, целей, поскольку у него формируется собственная иерархия ценностей, система прочных предрасположенностей, основанная на устойчивых терминальных ценностях. Человек осознает необходимость реализации терминальных ценностей, они становятся достаточным основанием деятельности. Творческая активность личности в социальном поле, в случае успешности самоактуализации, осуществляется на основе «найденного строения бытия, имеет осмысленный целестремительный характер: будучи сверхвременным, деятель способен предвосхищать ценное будущее как возможность проникнуться к нему чувством и сознательным хотением или, по крайней мере, психоидным стремлением и, сообразно стремлению, совершать действия в

настоящем ради будущего на основе прошлого опыта» [2, с. 273]. Успешность участия индивида в трансформации социальных институтов в этом случае зависит от его способности адаптировать инструментальные ценности под условия достижения терминальных, а также от согласованности и зависимости его терминальных ценностей от доминирующих ценностей в обществе и от бытийных ценностей. *Следовательно, самоактуализация достигается путем интериоризации гармоничной, иерархической структуры ценностей.* По мнению А. Маслоу, «для самоактуализированного человека жизнь – бесконечный процесс развития и самовоплощения, чудный процесс постижения высших, абсолютных ценностей Бытия» [3].

С одной стороны, процесс самоактуализации личности зависит от глубины самосознания, от нравственной сформированности и устойчивости, от способности интегрировать социальный интерес группы, слоя и свой собственный на основе универсализации общих смыслов. С другой – механизм самоактуализации человека непосредственно связан с формированием ответственности через составление личного плана и принятие конкретных обязательств. Учитывая свои реальные возможности, анализируя обязательства, молодой человек не только демонстрирует свою ответственность и принципиальность, но и формирует в себе эти качества, выполняя функцию самоконтроля за результатами деятельности. Одновременно он проводит и самооценку своих внутренних возможностей и действий. В процесс самореализации человека, особенно молодого, оказываются включенными все его личностные волевые компоненты, влияющие на его содержание. Но важнейшим компонентом в цепи этих влияний является самосознание: структура последнего и определяет тип активной жизненной позиции.

На высшем этапе своего развития, мы его условно назвали трансценденцией, личность перестает довольствоваться автономным развитием, достигнутым в процессе самоактуализации. Одной из сущностных потребностей человека как социального существа является потребность в ощущении принадлежности к определённой группе, в чувстве единства с ней. Это может быть малая группа или организация, страта, нация. Од-

нако человек не довольствуется пассивной интеграцией с группой. Пройдя этапы социализации и самоактуализации, индивид стремится к постоянному воспроизводству отношений с группой, к активному участию в ее жизни, в том числе к самопожертвованию. Трансценденция проявляется одновременно как специфический психологический опыт, например, альтруистическая любовь, как внешнее поведение, например, защита группы, и как социальное отношение, например, оценка социальных изменений не с индивидуальной, а общегрупповой позиции. На этом этапе своего развития приоритеты социальной активности перемещаются за пределы индивидуальных отношений и обстоятельств, ориентируют личность воздействовать на всю социальную и культурную жизнь общества. Чтобы лучше понять этот этап развития личности, можно рассмотреть его частный случай – альтруистическую любовь [см. 5, с. 121–137]. Такая любовь тысячами считалась одним из высших проявлений человеческого духа: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»³². Любовь как способность к трансценденции выступает «как движущая сила творческого прогресса человека в направлении к более полной вечной истине, более достойной вечной добродетели, более чистой вечной красоте, более глубокой вечной свободе и более прекрасным вечным формам социальной жизни и институтов» [5, с. 123]. Посредством разного рода общих и специальных социальных агентов, например, через друзей, соседей или организации, альтруистическая любовь направляет индивида к тем группам и субъектам, которые больше всего в ней нуждаются в данный момент.

В основе механизма интеграции на основе трансценденции находится бытийное сознание. По определению профессора Ю. А. Огородникова, бытийное сознание – «это тип сознания, свойством которого является охват бытия как целого, вбирание его в себя и оценки явлений мира и своих поступков с позиций общебытийных процессов» [4, с. 4]. Бытийное сознание характе-

³² Новый Завет. Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла. Глава 13, ст. 3.

ризуется ощущением наличия в себе Мирового Духа, и как следствие, наивысшей целостности и непротиворечивости системы ценностей, что позволяет человеку постигать смыслы и сущности явлений через бытие, через образ целостности мира. Только на этом этапе развития личности и интериоризации ценностей человек как агент социальных отношений, постигая всеобщие, общезначимые смыслы, становится способным на творческое преображение мира. Диалектика взаимовлияния ценностей и социальных условий проявляется здесь в высшей степени. Социальные условия из рамок, сдерживающих индивида, становятся «материалом» преобразования окружающего мира, средством конструирования «общего блага», а ценности начинают в полной мере реализовывать функцию дифференциации сущностного и временного, единичного и универсального, значимого для всего общества.

Завершенная интериоризация ценностей последовательно на четырех рассмотренных уровнях является показателем гармонично развитой личности и условием продуктивного включения индивида в процесс становления и трансформации социальных институтов. Однако в обществе всегда существует расхождение между бытийными, историческими и личностными ценностями, что приводит к отклонению от идеальной модели процесса интериоризации ценностей. Данное расхождение, с одной стороны, создает ресурс (возможность) свободного, творческого участия индивида в развитии социальных институтов через изменение ролевого набора, норм, изменения рангов в иерархии потребностей, целей и масштабов деятельности организаций и др., с другой – приводит к противоречию ценностей между собой и угрожает развитию социальных отношений и институтов.

Литература

1. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. – СПб.: Питер, 2001. – С. 108.
2. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994.
3. Маслоу А. Мотивация и личности [Электронный ресурс]. – URL: [http:// lib.ru/PSIHO/MASLOU/motivaciq.txt](http://lib.ru/PSIHO/MASLOU/motivaciq.txt)
4. Огородников Ю. А. Художественное творчество (философские и психологические основы): слов. – М.: Изд-во МГПУ, 2009.
5. Сорокин П. А. Таинственная энергия любви // Соц. исслед. – 1991. – № 8. – С. 121–137.
6. Франк С. Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990.

References

1. Anan'ev B. G. O problemah sovremennogo chelovekoznanija. – SPb.: Piter, 2001. – S. 108.
2. Losskiy N. O. Bog i mirovoe zlo. – M.: Respublika, 1994.
3. Maslou A. Motivacijja i lichnosti [Elektronnyj resurs]. – URL: [http:// lib.ru/PSIHO/MASLOU/motivaciq.txt](http://lib.ru/PSIHO/MASLOU/motivaciq.txt)
4. Ogorodnikov Yu. A. Hudozhestvennoe tvorcestvo (filosofskie i psikhologicheskie osnovy): slov. – M.: Izd-vo MGPU, 2009.
5. Sorokin P. A. Tainstvennaja energiya lyubvi // Soc. issled. – 1991. – № 8. – S. 121–137.
6. Frank S. L. Sochinenijja. – M.: Pravda, 1990.

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGY

УДК 331.44

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ НА УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

Калянов А. В., доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Орловский государственный институт искусств и культуры (г. Орел). E-mail: mikhanna@mail.ru

Развитие организационной культуры хозяйствующего субъекта требует от молодых специалистов принятия норм, морали, сознания и ценностной ориентации фирмы, что актуализирует внимание ученых на изучение влияния социально-культурного пространства-времени на управление данными процессами.

Ключевые слова: организационная культура, хозяйствующий субъект, молодой специалист, социально-культурное пространство, самосознание личности.

THE IMPACT OF SOCIO-CULTURAL SPACE-TIME ON MANAGING THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE ENTITY

Kalyanov A. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Economical Sciences, Docent of Chair of Economics and Management, Orel State Institute of Arts and Culture (Orel). E-mail: mikhanna@mail.ru

Since the decisive causal factor in performance of people is their motivation, in world science it is the connection of studies in Economics with psychology and pedagogy of the object of study which becomes the identity of an individual. Hence the natural interest of the Russian management to organizational culture as a management tool that can provide the appearance of the advantages necessary for successful competition on domestic and foreign markets. As shown by management practices, problems of organizational culture manifested in already existing socio-economic system in 2–3 years of its existence, because the first year is spent on the formation and survival while nobody thinks about culture. If the system is successfully launched, the formation is strengthening the basic principles of its work and the conduct of people. As a rule, this process goes spontaneously, unknowingly, under the influence of many external and internal factors. Organizational culture as if enshrines the past experience and peculiarities of the personality of its founders. Before each economic entity sooner or later the question arises: is culture in development and in the achievement of the planned purposes or obstruct. The answer to this question defines two choices. When the organizational culture is formed in a way that helps in achieving its goals, it is great success, the task of leadership is to maintain and develop this culture. If the organizational culture is more of a hindrance to the effective development that meets much more frequently, occurs more difficult task as you need to change and adjust the organizational culture in accordance with the objectives, priorities, strategy for the efficient formation of a business entity. In this study, the identity of a young specialist is identified with a particular social group, society, culture. It has been established that in most cases, a new worker, as a young specialist, has some difficulties with adaptation in life

and organizational and production space of the economic entity, acquiring the knowledge of environment with the norms of morality, law, communication etc., selecting those ideas, values and principles, which correspond to its specific and individual needs. Personality development is characterized actually by manifestations of inner reflections, which bring man beyond the current time, revealing him the timeless meanings and values as life itself, and the significance of this personality in this thread.

Keywords: organizational culture, economic entity, a young specialist, socio-cultural space, self-consciousness.

На современном этапе социально-экономическое развитие общества, которое имеет четкое направление на рост инновационности, эффективности и конкурентоспособности, только работник с его творческим и физическим потенциалом, способностью не только к воспроизводству своей рабочей силы, но и к саморазвитию, становится для организации персонифицированным активом, определяющим фактором успеха общества и каждого отдельного хозяйствующего субъекта. В условиях рыночной экономики от работника требуются такие качества, как инициативность, ответственность, дисциплинированность, честность, желание работать, добросовестность, трудолюбие, умение адаптироваться, нестандартность мышления, то есть формирование его самосознания. Для достижения этих целей в процессе взаимодействия социально-культурного пространства-времени и хозяйствующих субъектов необходимо изменение содержания деятельности персонала, создание условия для развития мотивации на продуктивную самореализацию и дальнейшую самоактуализацию в профессии.

Для нашего исследования актуально, что социально-культурный контекст понятия «пространство» понимается как форма, содержащая культурно-исторические ценности, переходящие по времени в пространство жизни благодаря его активным чувственным индивидуальным способам действия, направленным на достижение и постижение целей-ценностей. Время есть абстрактное понятие, отражающее бесконечность, с одной стороны, и сиюминутность, с другой. Оно объединяет в данный момент прошлое, настоящее и будущее, и именно это относится к вечным культурным ценностям, которые не имеют прошлого, настоящего и будущего. Поэтому любой член трудового коллектива должен принимать их как значимые лично для него в данный момент жизни. Понятия пространства и времени соотносительны: пространство отражает координацию

различных внеположных друг другу объектов, а время отражает координацию сменяющих друг друга объектов в одном и том же месте пространства. Современная социально-экономическая ситуация характеризуется столь быстрым и фундаментальным изменением мироустройства и вследствие этого оснований бытия человечества, что философско-культурологическое осмысление происходящего в значительной степени отстает от темпов самих этих изменений. Результатом этого стало отсутствие как целостного видения современной действительности, так и определения специфики современной формы научной репрезентации социально-экономической системы, необходимой и достаточной для ее освоения на уровне целостности. Поскольку решающим причинным фактором результативности деятельности людей является их мотивация, в мировой науке наблюдается соединение исследований по экономике с психологией и педагогикой, объектом изучения которых становится личность отдельного человека. Отсюда закономерный интерес российского менеджмента к организационной культуре как инструменту управления, который может обеспечить появление преимуществ, необходимых для успешной конкуренции на внутреннем и внешнем рынках.

Проводя исследование в области организационной культуры нельзя не обратиться к термину «культура». В широком смысле «культура» – это цивилизация, например, Западная или Восточная культура. Далее следуют страны или нации, например, американская или русская культура. Внутри каждой страны выделяются этнические культуры. Еще более узко определяется профессиональная культура. Любая относительно стабильная социальная группа, имеющая общий опыт исторического развития, создает свою культуру. Следовательно, культура является средой существования человека: нет ни одного аспекта человеческой жизни, который бы не затрагивала

или на который не оказала бы влияние культура. Это касается личностных качеств, способов самовыражения, образа мысли, средств передвижения, путей решения проблем, а также функционирования хозяйствующих субъектов.

Первоначально исследование вопросов организационной культуры проводилось в ракурсе теории человеческих отношений на производстве и в дальнейшем в рамках теории организации. Крис Арджирис в 1957 году разработал основы теории человеческих отношений на производстве, которые затем были соединены Д. Мак Грегором в 1960 году в теорию Х и теорию Y. **Сторонники** теории Х считают, что работники при всяком удобном случае стараются уклоняться от работы и работают лишь затем, чтоб зарабатывать деньги. Следовательно, ими необходимо руководить, контролировать их работу и угрожать наказаниями, только тогда организация сможет выполнить поставленные перед нею задачи. Согласно теории Y работа является естественным состоянием человека, работники внутренне дисциплинированы и будут преданы организации, если ее политика сможет увязать потребности рабочих в совершенствовании и самовыражении с задачами организации и социально-экономической системы в целом. В 70-х годах мысль о том, что организации имеют свои «культуры» высказывалась несколькими исследователями, например, П. Тернером в 1971 году, С. Ганди в 1978 году, А. Петтигру в 1979 году. Основы теории организационной культуры, как считают многие ученые, были заложены антропологом Клиффордом Гиртцем в его книге «The Interpretation of Cultures» в 1973 году.

Начало 80-х ознаменовалось возросшим интересом к организационной культуре, на эту тему было опубликовано много книг, статей и монографий. Некоторые авторы придерживаются мнения, что организационная культура является объединяющей силой внутри организации и имеет свое реальное материальное выражение, и что руководство организации может идентифицировать ее и управлять ею для достижения лучших результатов в работе организации. Так, например, и Р. Ватерман, а также Т. Дил и А. Кеннеди говорят о возможности достижения совершенства и положительного результата в работе организации лишь путем признания и усвоения единых корпоративных ценностей.

В работах, посвященных организационному климату (М. Шнейдер, 1979), организационному познанию (К. Арджирис и Д. Шон, 1978), значению организационной истории и роли основателей компании в ее культуре (А. Петтигру, 1985), основным понятиям организационной культуры (Э. Шейн, 1987) прослеживается идея о том, что культура – это коллективная совесть организации и что менеджеры могут управлять, манипулировать ею. Согласно Юнгу все теоретики организационной культуры сходятся в одном: культура – это объединяющее понятие, отражающее, с одной стороны, социальное единство и сплоченность хозяйствующего субъекта, а с другой стороны, эффективность ее деятельности.

В 1979 году в журнале «Administrative Science Quarterly» А. Петтигру опубликовал статью о культуре, в которой он представил свою концепцию культуры и показал, как родственные понятия (символизм, миф, ритуал и т. д.) можно использовать в организационном анализе. В 1982 году Т. Дил и А. Кеннеди в своей книге «Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Organizational Life» не только разрабатывали подобные идеи, но и доводили их до широкой публики. В том же году журнал «Organizational Dynamics» посвятил целый номер вопросам организационной культуры, обращая особое внимание на необходимость осознания ее значимости для менеджеров.

В России также проводились социологические исследования теории организации в рамках социологии управления (Лапин Н. И., Пригожин А. И.), развития организации (Дудченко В. С.), организационных конфликтов (Здравомыслов А. Г.), управления организацией (Никаноров С. П.), западных моделей менеджмента применительно к России (Ядов В. А.) и т. д. До недавнего времени тема организационной культуры в нашей стране почти не исследовалась или рассматривалась с иных теоретических позиций, поэтому в данной работе приходится больше опираться на зарубежных авторов. Однако следует отметить, что в последнее время, в связи с активным вовлечением России в процессы глобализации и международной экономической интеграции, вступлением в ВТО проблемы организационной культуры стали завоевывать внимание российских исследователей.

Все изменения в организационном мире в последнее время указывают на важность не только сильных организационных культур, но и гибких, способных приспосабливаться к новым условиям. При этом второе качество часто оказывается важнее первого.

а) исследования показали, что политика всех процветающих компаний, которые хорошо знают свое дело и имеют ясные цели и четко выраженные принципы обязательно включает в себя представление об организационной культуре как залого успеха хозяйствующего субъекта (организации).

б) появились количественные, эмпирические свидетельства связи между организационной культурой и ее производственными показателями. Ряд исследований, проведенных Т. Петерсом и Р. Ватерманом, предоставляют достаточно подтверждений тому, что существует неопровержимая связь между высокими производственными показателями в компании и ее организационной культурой. Конечно, культура является не единственной составляющей успеха; очень важны такие аспекты, как стратегия компании и ее структура, организация производственных процессов и система оплаты, состояние рынка, конкуренция и многое другое.

С началом постиндустриальной эпохи промышленного развития пришло время смены системы привычных взглядов и концепций. На смену технической научной парадигме пришла теоретическая модель системных научных взглядов, возникли новые научные представления и подходы к решению задач: логистика, стратегический менеджмент, стратегический маркетинг и т. д. И если в первом случае общие критерии развития были направлены на улучшение технических параметров отдельных элементов исследуемых систем, то во втором – критериальные цели направлены на оптимизацию деятельности всей системы в целом, включая культуру системы, культуру организации. В связи с переходом науки на системную парадигму, возникла новая идеология «связанного роста», детализированная в организационной философии «общей судьбы» и взявшая за теоретическую базу новые и адаптированные к современным условиям концепции, подходы и школы управления: концепции МОН (ме-

неджмент без иерархии) и ЛТ (точно в срок), психотехнический подход В. Вундта, так называемую «новую школу» М. Бира, доктрину «человеческих отношений» Э. Мэйо и т. д. Новая корпоративная философия основывается на морально-этических ценностях солидарности, самоконтроля и культуре качества. Она порождает новый стиль управления, новую культуру, которая приносит удовлетворение и служащим, и обслуживаемым.

Исследования Института стратегических изменений американской консалтинговой группы «Андерсен» показывают, что совокупная капитализация компаний, в управлении которых к формальным должностям привлечены неформальные лидеры выросла за десять лет на 900 %, тогда как за этот же период у компаний, которым недостает эффективных лидеров, этот показатель не превысил 74 %.

При этом акцент переносится с производственных процессов на мотивации, стимулы и коммуникации работников: успеха добиваются те организации, философия которых очевидна как их персоналу, так и общественности.

Если при формальном подходе к управлению хозяйствующими субъектами для реализации стратегических целей применялись механизмы «промышленной инженерии», то для решения неструктурированных проблем новой эпохи западными теоретиками современного менеджмента предлагается механизм «социальной инженерии»: сочетание технологий социально-культурной деятельности и инструментов менеджмента. Таким образом, акцент новой философии, доктрин и концепций ставится на углубленное исследование теоретических и практических областей социально-психологических функций менеджмента и объединение в корпоративных целях целей и взглядов многочисленных неформальных организаций порожденных новыми коммуникативными возможностями. Настало время выработки новой методологии, разработки новых методик, адаптации организационной культуры к современным изменениям в стране и мире, адекватных требованиям времени.

Как показывает управленческая практика, проблемы организационной культуры проявляются в уже сложившейся социально-экономической системе через 2–3 года ее существования, так

как первый год уходит на становление и выживание, когда о культуре никто не задумывается. Если система успешно стартовала, происходит формирование и закрепление базовых принципов ее работы и поведения людей. Как правило, этот процесс идет самопроизвольно, неосознанно, под влияние множества внешних и внутренних факторов. Организационная культура как бы закрепляет прошлый опыт и особенности личности ее основателей. Перед каждым хозяйствующим субъектом рано или поздно встает вопрос: помогает ли культура в развитии и достижении намеченных целей или мешает. Ответ на этот главный вопрос определяет два варианта действий. Когда организационная культура сформировалась таким образом, что помогает в достижении ее целей, а это является большой удачей, задача руководства – поддерживать и развивать такую культуру. Если же организационная культура является скорее тормозом в эффективном развитии, что встречается гораздо чаще, возникает более сложная задача – необходимо изменять и корректировать организационную культуру в соответствии с целями, приоритетами, стратегией эффективного формирования хозяйствующего субъекта [2].

В данном исследовании личность молодого специалиста идентифицируется с определенной социальной группой, обществом, культурой. При этом установлено, что в большинстве случаев новый работник – молодой специалист – имеет некие затруднения при адаптации в жизненном и организационно-производственном пространстве хозяйствующего субъекта, усваивая знания об окружающей среде с ее нормами морали, права, общения и т. д., выбирая те идеи, ценности, принципы, которые соответствуют его индивидуальным особенностям и потребностям. Развитие личности характеризуется проявлениями собственно внутренней рефлексии, которая выводит человека за пределы актуального времени, раскрывая для него вневременные смыслы и ценности как самой жизни, так и значимости данной личности в этом потоке. Следовательно, процесс формирования самосознания вновь принятого специалиста можно определить на основе определения его динамичности и вариативности. В этом процессе происходит осознание личности себя как будущего субъекта труда и

собственного профессионального и личностного становления. В результате приобретает чувство полноценной идентичности со своей деятельностью, социальным окружением, что позволяет реализовать свое индивидуальное бытие-в-культуре в настоящем времени. В исследовании выделены пять позиций, ставшие теоретическим фундаментом концепции продуктивного взаимодействия социально-культурного пространства-времени и формирования самосознания новых работников – молодых специалистов – с целью повышения эффективности управления организационной культурой хозяйствующего субъекта.

I – концептуальная позиция основана на утверждении глубокой взаимосвязи категории пространства-времени с процессами становления личности молодого специалиста и, в силу этого, ее самоосуществлении в активном развитии.

II – концептуальная позиция обосновывает значимость самодетерминации и самополагания в процессе формирования самосознания новых работников – молодых специалистов.

III – концептуальная позиция подчеркивает необходимость опоры в организационно-управленческом процессе на идеи самоценности личности, возможности ее духовного строительства в Большом (историческом) времени.

IV – концептуальная позиция основана на утверждении, что деятельность субъекта организационной культуры прежде всего включает в себя процесс смыслообразования, отличающий деятельность именно как феномен культуры, для которой главным оказывается смысл деятельности, смысл жизни, судьбы, открывающий возможность понимания себя и других.

V – концептуальная позиция основана на положении о константах пространственно-временного континуума организационной культуры: 1) в континууме культуры выступает актуализированное в настоящем времени существование личности; в связи с этим, одной из важнейших является перевод смыслов будущего, то есть целей, в настоящее; 2) циклический характер становления организационной культуры [1].

В целом, в науке созданы достаточно глубокие предпосылки для обоснования фундаментальной концепции организации пространства-времени, оказывающего позитивное влияние на становление личности современного молодого человека.

Однако, исследование различных управленческих аспектов влияния социально-культурного пространства-времени на деятельность хозяйствующих субъектов: в частности, создание условий для усиления резонансного взаимодействия в производственном процессе и одновременного преодоления негативного влияния реверберации на процесс формирования самосознания, моделирование организационно-управленческих ситуаций, побуждающих личность к активной жизненной позиции и выработке опыта принятия самостоятельных ответственных решений, технологии построения индивидуальных траекторий молодых специалистов – еще не были систематично и обстоятельно изучены в современном менеджменте как науки. В современной концепции управления важным элементом является признание социальной ответственности менеджмента как перед российским обществом в целом, так и перед людьми, работающими в организации. Сегодня внимание обращается на человека, который рассматривается как ключевой ресурс компании, и на создание условий для реализации его потенциала и способности к эффективной работе. Организационная культура – одна из самых действенных средств привлечения и мотивации сотрудников, которая приносит хозяйствующему субъекту совершенно конкретный материальный результат.

На основе многолетнего исследования процессов формирования самосознания учащихся под влиянием социально-культурного пространства-времени нами сделан вывод о том, что для наи-

более эффективного и, в то же время, его позитивного воздействия на сотрудников организации, также необходимо стимулирование процессов резонансного взаимодействия, то есть комплекс педагогически и управленчески организованных мер. Основными компонентами стимулирования влияния социально-культурного пространства-времени на деятельность по формированию самосознания новых членов трудового коллектива (молодых специалистов) в процессе осуществления резонансного взаимодействия признаны:

- «мягкая» социализация;
- культурная интеграция;
- творческая самореализация в коллективной деятельности;
- индивидуализация, способствующая формированию адекватной самооценке;
- построение индивидуальных траекторий развития личности молодого специалиста [1].

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что вершиной влияния социально-культурного пространства-времени на управление организационной культурой хозяйствующего субъекта путем формирования самосознания молодого специалиста, является профессиональная самоактуализация. На этом этапе происходит гармонизация всех компонентов личностного развития. Стержнеобразующим компонентом при этом становится мотивационно-ценностный компонент, стимулирующий личность к постоянному совершенствованию и активному целеполаганию в организационной культуре конкретного хозяйствующего субъекта.

Литература

1. Калянов А. В. Педагогическое влияние социально-культурного пространства-времени на деятельность учреждений культуры и образования по формированию самосознания учащихся молодежи: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05: защищена 22.10.2012. – М., 2012. – 394 с.
2. Михайлина А. В. К вопросу о необходимости формирования эффективной корпоративной культуры управления социально-экономическими системами // Интеграл. – 2013. – № 1–2. – С. 117.

References

1. Kaljanov A. V. Pedagogicheskoe vlijanie social'no-kul'turnogo prostranstva-vremeni na dejatel'nost' uchrezhdenij kul'tury i obrazovanija po formirovaniju samosoznanija uchashchijhsja molodezhi: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.05: zashchishhena 22.10.2012. – M., 2012. – 394 s.
2. Mihajlina A. V. K voprosu o neobходимosti formirovanija effektivnoj korporativnoj kul'tury upravlenija social'no-ekonomicheskimi sistemami // Integral. – 2013. – № 1–2. – S. 117.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ SOCIO-CULTURAL ACTIVITY

УДК 316.61

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ УЧАСТНИКОВ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Васильковская М. И., аспирантка, преподаватель кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: margo197411@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению и анализу развития творческого потенциала и инициатив участников молодежных объединений. В статье представлена классификация педагогических факторов процесса развития творческих инициатив участников молодежных объединений, а так же выделены компоненты их развития. Автором выявлены педагогические условия, способствующие реализации и развитию творческой инициативы молодежи.

Ключевые слова: творческая инициатива, творческий потенциал, молодежное объединение, творческая направленность, ситуация успеха.

DEVELOPMENT OF CREATIVE INITIATIVES OF YOUTH ASSOCIATIONS

Vasilkovskaya M. I., Post-graduate Student, Lecturer of Chair of Socio-cultural Activities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: margo197411@rambler.ru

One of the most effective ways of education, socialization and development of the identity of youth is activity in developing the reformative social creative activity. One of examples of such activity can consider be creative social youth initiatives.

In our opinion, classification in which the following pedagogical factors are allocated: psychological and pedagogical, organizational and pedagogical, social and pedagogical.

Development of a creative initiative of youth is inseparably linked with development of creative potential in which development, we allocate the following components: cognitive, emotional and strong-willed (affective), operational and active.

It is necessary to define a number of approaches and the principles which can promote change of traditional teaching and educational process in youth association. The most productive for us are integrative approach and synergetic approach.

Efficiency of experimental model of development of a creative initiative of participants of youth associations is caused by application of the basic principles which conceptual justification is given in the theory of creative self-development and the theory of social activity.

Pedagogical conditions of development of creative initiative of youth associations participants: existence of an example of creative behavior, coauthorship of the participant and head of youth sociocultural association, subject position in creative activity, making the creative atmosphere.

Important component of the creative atmosphere is the organization the head of collective of situations of success which is a kind of the pedagogical situation, forming the young people's subjective desire to join in creative activity at the level of the opportunities, providing the necessary conditions for this purpose.

On the basis of the analysis of psychological and pedagogical literature, the choice of criteria and the indicators interfaced to them is determined by a problem of development of creative potential of the personality for definition of levels of development of a creative initiative. The listed criteria and indicators give the chance to describe three levels of development of a creative initiative of participants of youth associations: high (creative), average (standard and creative), low (reproductive).

Base of experimental approbation of this model is the youth association “Scarlet Sail” of the Center of development of creativity of children and youth of Kirovsky district and “NEXT Generation” Center of development of creativity of children and youth of Zavodsky district of Kemerovo, in which teaching and educational process introduction of the experimental program on development of creative initiative of the personality, within which a number of theoretical and practical tasks was solved, was carried out.

The experimental work on development of creative initiatives of youth associations participants allows to speak about the practical importance of the developed model which is necessary for formation of perspective regional projects and programs for social development of youth.

Keywords: creative initiative, creative potential, youth association, creative orientation, success situation.

Опыт многочисленных и многообразных по формам, методам и содержанию деятельности молодежных организаций и объединений во всем мире показывает, что один из наиболее эффективных способов воспитания, социализации и развития личности молодежи – активное участие во всякого рода развивающе-преобразующей социально-культурной творческой деятельности. Примерами такой деятельности можно считать творческие и социально-культурные молодежные инициативы, то есть конкретные меры и программы, направленные на решение проблем молодежи, исходящие из понимания самими молодыми людьми своих проблем и потребностей.

Как известно, любая человеческая деятельность осуществляется в определенных условиях. Это в полной мере относится и к социально-культурной деятельности, направленной на развитие творческого потенциала участников молодежных объединений. Прежде чем определить педагогические условия, способствующие развитию творческого потенциала молодых людей, нам необходимо определить факторы процесса формирования их потребности в творческом саморазвитии.

С философско-методологической точки зрения под факторами понимается причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая характер или отдельные черты; это одно из необходимых условий, воздействующих на индивида и создающих среду, в которой протекает процесс. С точки зрения психологии и педагогики под факторами понимаются задачи воспитания,

основные причины и условия, движущие силы процесса формирования личности, ее особенностей [7].

Однако анализ педагогических исследований показывает, что общепринятое деление факторов воспитания и развития на внешние и внутренние недостаточно полно и целостно отражает данное педагогическое явление, так как есть факторы, которые одновременно можно отнести и к внешним, и к внутренним. На наш взгляд, более полной является классификация, в которой выделяются следующие педагогические факторы: психолого-педагогические, организационно-педагогические, социально-педагогические.

В русле данного исследования важно отметить, что психолого-педагогический фактор детерминирует процесс развития творческого потенциала участников молодежных объединений. К нему мы относим мотивационно-потребностную сферу личности (направленность), творческое саморазвитие личности, которое нами рассматривается как процесс самопознания, самовоспитания и самореализации; формирование соответствующего сознания, отношений и поведения. Благодаря данному фактору происходит развитие всех компонентов творческого потенциала.

К организационно-педагогическим факторам развития творческой инициативы участников молодежных объединений нами отнесена социально-культурная деятельность как целостностный, системный процесс, включающий в себя творческую направленность, взаимодействие участников и

руководителя, осознание руководителем объединения и молодым человеком потребности рынка в профессионалах, обладающих творческим стилем деятельности и включение в работу по их подготовке; использование новейших достижений педагогической науки в социально-культурной сфере, культуротворческих педагогических программ; управление творческой деятельностью молодежных социокультурных объединений.

А к социально-педагогическим факторам мы отнесли молодежные объединения как социальные институты воспитания; требования, предъявляемые к подготовке молодых людей, запрос рынка образовательных услуг в социально-культурной сфере, общественно-ценностный характер преобразующей творческой деятельности.

Анализируя проблему развития творческого потенциала личности, следует отметить, что в последнее время многие исследователи приняли точку зрения, согласно которой ключевой характеристикой потенциала личности является ее мотивационная направленность, которая доминирует потребность в творческом саморазвитии. Процесс творческого саморазвития интенсифицирует процессы «самости»: самопознание, самовоспитание, самореализацию [6, с. 115–116].

Итак, самопознание связано с «Я-концепцией», в которой отражается образ собственного Я. Эту концепцию можно характеризовать как установку по отношению к самому себе. «Я-концепцию» включает в себя когнитивный компонент творческого потенциала (образ своих индивидуальных качеств, способностей, социальной значимости) и аффективный (самоуважение, самооценка, самоуничижение и т. д.).

Самопознание имеет естественный выход на самоорганизацию, что связано с самовоспитанием, самообучением, самообразованием, самоконтролем и самооценкой личности.

Мы предполагаем также, что самоорганизация как процесс связана с определением целей, содержания и этапов самоорганизующейся творческой деятельности. Самоорганизация связана с самообучением, самообразованием, более того, проявляется только через них. Причем, самообучение рассматривается нами как процесс самообразования, включающий в себя самовоспитание. Самообразование связано с расширением и углуб-

лением знаний, формированием творческой направленности личности.

Процесс развития творческой инициативы молодежи неразрывно связан с процессом развития творческого потенциала, в котором мы выделяем следующие компоненты: когнитивный, эмоционально-волевой (аффективный), операционно-деятельностный.

Развитие когнитивного компонента творческого потенциала связано с формированием творческой направленности сознания молодых людей:

- осознание ценностной сущности творческой деятельности;
- осознание результатов творчества как составной части общечеловеческих ценностей;
- формирование базовых знаний о феномене творчества;
- формирование знания об индивидуальных особенностях своей личности;
- формирование знания о способах саморазвития.

Развитие эмоционально-волевого (аффективного) компонента творческого потенциала проявляется в эмоциональном состоянии участников молодежных объединений, в приложении волевых усилий в творческой деятельности и поведении. Эмоции отражают как положительное, так и отрицательное отношение к участию в творческой деятельности. Эмоциональное отношение переходит во внутреннее состояние, переживание, которое перерастает в настроение.

Воля выступает психической формой отражения действительности. Волевой структурный элемент связан с целью, со стимулами и волевыми усилиями по достижению цели, являющимися составным компонентом в творческой деятельности (действия). Данный структурный элемент включает в себя волевые свойства личности (сильная воля, настойчивость, упрямство, податливость, внушаемость, решительность, слабость), осмысление личностью цели и стремление к ее достижению (осознание цели, интенсивное стремление к ней, нечеткое осознание, легко меняющееся, слабое стремление к достижению и т. д.), мотивированность действий (обоснованные, необоснованные, легко меняются, нечеткие), решение и его осуществление (обоснованное, необоснованное,

стойкое, легко меняющееся). Аффективный компонент как бы настраивает, побуждает личность к волевым действиям.

Операционально-деятельностный компонент выступает в нашем исследовании важной составляющей творческого потенциала участников молодежных объединений. Он позволяет целенаправить творческую деятельность молодых людей на формирование соответствующего сознания, отношений и поведения, где, как отмечает А. Н. Леонтьев, общая цель выступает как осознанный мотив [10].

Вышеизложенные факторы позволяют, на наш взгляд, составить достаточно правильный прогноз относительно педагогических условий, способствующих их реализации и, в конечном счете, развитию самого потенциала. Прежде чем рассматривать проблему развития творческой инициативы молодых людей с позиций определения конкретных методических условий, необходимо определить ряд подходов и принципов, которые могут способствовать изменению традиционного учебно-воспитательного процесса в молодежном объединении. Наиболее продуктивными для нас являются:

- *интегративный* подход, рассматривающий творческий потенциал как интегративное качество личности, которое: выражает отношение (позиции, установки, направленности) человека к творчеству [12]; определяет потребность и возможность творческой самореализации и саморазвития [5]; отражает меру возможностей актуализации ее сущностных сил в реальной преобразовательной практике [9]; представляет систему знаний, убеждений, на основе которых строится, регулируется деятельность человека, способность быстро менять приемы действия в соответствии с новыми условиями деятельности [4, с. 16], представляет собою единство творческого потенциала индивида как порождения биогенеза, творческого потенциала личности как порождения социума и творческого потенциала индивидуальности как порождения личности [13];

- *синергетический* подход, характеризующий процесс развития творческого потенциала личности на основе новых представлений о «человекознании». Синергетика, являясь результатом достижений многих наук, способствует комплексному подходу к развитию человека путем синтезиро-

вания фундаментальных законов естественных и гуманитарных наук, в результате чего достигается понимание личности как самоорганизующейся системы, действующей по объективным законам природы. Достаточно близко к концепции синергии подходят ведущие представители теории социально-культурной деятельности, рассматривающие творческий потенциал в сфере социально-культурной деятельности с точки зрения продукта творчества; содержания социокультурного опыта, транслируемого от поколения к поколению; осуществления социально-культурной деятельности на творческом уровне; преодоления творческих задач, которые ставят перед личностью партнеры по сотрудничеству [3; 10].

Эффективность экспериментальной модели обусловлена применением основных принципов развития творческой инициативы участников молодежных объединений, концептуальное обоснование которых дано в теории творческого саморазвития [2] и теории социально-культурной деятельности [8; 14]:

- принцип всеобщности и доступности, который предполагает приобщение, вовлечение молодых людей в сферу социально-культурной деятельности с целью удовлетворения их творческих потенциалов;
- принцип самодеятельности, основанный на творческой активности, увлеченности и инициативе молодых людей, с одной стороны, и их поощрении, стимулировании руководителями объединений, с другой;
- принцип систематичности и целенаправленности, предполагающий целесообразное осуществление социально-культурной деятельности на основе планомерного и последовательного сочетания непрерывности и взаимозависимости в работе всех социальных институтов, призванных обеспечивать досуг молодежи.
- принцип социально-культурной преемственности, основанный на культурном взаимодействии и взаимовлиянии поколений;
- принцип творческого саморазвития, суть которого заключается в целенаправленном творческом саморазвитии, удовлетворении потребностей и интересов, прежде всего, конкретной личности (группы), предоставлении возможности самосовершенствования;

- творческой самореализации, который отражает зависимость эффективности процесса развития творческого потенциала личности от наличия педагогических условий в социально-культурной сфере;

- принцип педагогической поддержки, предполагающий позитивное подкрепление творческой деятельности каждого субъекта, создание условий психологической безопасности, помощи и принятия проявлений индивидуальности, толерантности и эмпатии, а также обеспечение независимости в выборе и принятии решений, возможности самостоятельного контроля собственного продвижения в направлении развития творческого потенциала.

Руководствуясь вышеизложенными принципами в процессе экспериментального обучения, нами реализовывались следующие педагогические условия развития творческой инициативы участников молодежных объединений: наличие образца креативного поведения; сотворчество участника и руководителя молодежного объединения; субъектная позиция в творческой деятельности; создание творческой атмосферы.

Рассмотрим вышеперечисленные условия.

Наличие образца креативного поведения руководителя молодежного социокультурного объединения. Образцом для подражания выступает не определенный алгоритм действий и операций, а, прежде всего, творческая направленность личности руководителя, его креативное поведение. При этом важно, чтобы взрослый, демонстрирующий творческое отношение к действительности, являлся значимым для молодых людей. Возникающий эмоциональный контакт между ними создает условия для продуцирования участниками объединения оригинальных идей. Можно говорить об их эмоциональной включенности в творческий процесс.

Сотворчество участника и руководителя молодежного объединения. Доказано, что становление творческой личности, раскрытие ее сущностных сил возможно не иначе как через сотворчество с талантливой, творческой личностью [1, с. 26–30]. Проблема сотворчества в отечественных педагогических и психологических исследованиях, теории социально-культурной деятельности разрабатывается преимущественно

в контексте идеи сотрудничества (А. А. Бодалев, В. А. Кан-Калик, Н. Д. Никандров, Киселева, Ю. Д. Красильников и др.). Однако сотрудничество, выступая необходимым условием сотворчества, не определяет полностью его специфики, что связано с особенностями позиции субъектов взаимодействия. Следует отметить, что именно сотворчество позволяет утвердить в общении руководителя и участников молодежного социокультурного объединения такую оптимальную форму их взаимодействия, как диалог. Суть *диалогового взаимодействия* состоит во взаимном обогащении и личностном развитии его участников. Данный процесс может представлять из себя субъект-субъектное взаимодействие руководителя и молодых людей как партнеров. Молодой человек становится соавтором социально-культурной деятельности, которую творчески организует руководитель объединения. Сотворчество дает участнику объединения право на свой темп, свой потенциал творческих возможностей и свой путь его реализации.

В. И. Андреевым [1], Е. А. Глуховской [5] и другими исследователями выделены условия, позволяющие реализовать сотворческие субъект-субъектные отношения руководителя и участников молодежного объединения в процессе социально-культурной деятельности:

- субъект-субъектное взаимодействие, когда каждый участник творческого процесса имеет право на собственное решение. Субъект-субъектные отношения стимулируют развитие творческого потенциала молодых людей, так как характеризуются активностью сторон;

- создание и сохранение участниками объединения атмосферы творчества;

- стимулирование индивидуального стиля творческой деятельности и самовыражения каждого из субъектов досуга;

- постоянное развитие собственных творческих возможностей и педагогического мастерства руководителя молодежного объединения.

Субъектная позиция в творческой деятельности способствует развитию способности к самостоятельному целеполаганию и мотивации, умения оперировать освоенными способами осуществления простейших действий в изменяющихся условиях, самостоятельно оценивать

результат творческой деятельности, выходить за пределы заданной ситуации, вариативно и творчески решать новые задачи. Отсюда вытекает развитие следующих личностных качеств участников объединения: самостоятельности, ответственности, организованности, инициативы, творческой направленности.

В связи с вышесказанным особое значение имеет *создание творческой атмосферы* в совместной социально-культурной деятельности руководителя и участников молодежного объединения.

Многие исследователи отводят решающую роль позиции самого руководителя объединения, его творческому энтузиазму, доброжелательности в создаваемой им атмосфере свободы мысли и самопроявления. Выделено множество приемов для достижения этого: проявлять интерес к действиям молодых людей; признавать и поощрять множество вариантов ответов; поощрять чувство предвосхищения и ожидания; показывать другую точку зрения на знакомые предметы, явления и т. п. Мы полагаем, что названные приемы могут быть эффективны и для организации социально-культурной деятельности участников объединения.

Итак, важным компонентом творческой атмосферы является организация руководителем коллектива ситуаций успеха. *Ситуация успеха* – это разновидность педагогической ситуации, формирующая у молодых людей субъективное желание включиться в творческую деятельность на уровне своих возможностей, обеспечивающая необходимые условия для этого. Ситуация успеха развивает нестандартное мышление, стремление к творческому самопроявлению, формирует у личности позицию активного участника процесса деятельности, субъекта деятельности [11].

Анализ психолого-педагогической литературы позволяет нам выделить следующие приемы создания ситуации успеха: эмоциональное «поглаживание», словесная поддержка, «скрытая педагогическая инструментовка» (косвенное влияние – незаметная помощь, словесная инструкция и т. п.), «авансирование», «коллективная радость» (совместные переживания – реализация потребности в эмоциональных связях с другими людьми). Правильное использование системы стиму-

лирования и поощрения позволит руководителю объединения организовать учебно-воспитательный процесс участников социально-культурной деятельности, в которой им всегда будет обеспечен успех.

На основе анализа психолого-педагогической литературы по **проблеме развития творческого потенциала личности** определен выбор критериев и сопряженных с ними показателей для определения уровней развития творческой инициативы. Перечисленные критерии и показатели дают возможность описать три уровня развития творческой инициативы участников молодежных объединений: высокий (креативный), средний (нормативно-творческий), низкий (репродуктивный).

База экспериментальной апробации данной модели – молодежные объединения «Алый парус» Центра развития творчества детей и юношества Кировского района города Кемерово и «Поколение NEXT» Центра развития творчества детей и юношества Заводского района города Кемерово, в учебно-воспитательный процесс которых осуществлялось внедрение экспериментальной программы по развитию творческой инициативы личности, в рамках которой решался целый ряд теоретических и практических задач, таких как:

- развивать творческий потенциал каждого субъекта, включенного в культуротворческий процесс молодежного объединения;
- обеспечить получение представлений молодых людей о творчестве как ведущем акте жизнедеятельности личности;
- создать условия для успешного овладения каждым субъектом различными видами творческой деятельности;
- формировать индивидуально-личностную направленность на творческое отношение к окружающему миру;
- стимулировать потребность осуществлять различные виды деятельности на основе творческого подхода;
- способствовать получению знаний о собственных творческих способностях для адекватной оценки и эффективности их использования;
- выработать способность преодолевать психологические барьеры, препятствующие творчеству (склонность к конформизму, боязнь пока-

заться «белой вороной», боязнь показаться экстравагантным, личная тревожность, ригидность мышления, установка на стереотип).

Проведенная экспериментальная работа по развитию творческих инициатив участников

молодежных объединений позволяет говорить о практической значимости разработанной модели, которая необходима для формирования перспективных региональных проектов и программ для социально-культурного развития молодежи.

Литература

1. Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 567 с.
2. Андреев В.Н. Педагогика: учеб. курс для творч. саморазвития. – Казань: Центр инновац. технологий, 2000. – 608 с.
3. Бакланова Т. И. Организация и научно-методическое обеспечение художественной самодетельности: учеб. пособие. – М., 1992. – С. 51–55.
4. Бодалев А. А. Личность и общение. – М., 1983. – 271 с.
5. Глуховская Е. А. Развитие творческого потенциала старшего школьника в учебной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 1997. – 18 с.
6. Грановская Р. М., Крижанская Ю. С. Творчество и преодоление стереотипов. – СПб.: OMS, 1994. – 465 с.
7. Дуранов М. Е., Дуранов И. М., Жернов В. И., Лешер О. В. Педагогика воспитания и развития личности учащегося. – Магнитогорск: МГПИ, 1996. – 315 с.
8. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность: учеб. – М.: МГУКИ, 2004. – С. 113–114.
9. Кравчук П. Ф. Формирование творческого потенциала личности в системе высшего образования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Курск, 1992. – 35 с.
10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: ИПЛ, 2007. – 218 с.
11. Лешер В. Ю. Развитие творческого потенциала подростка в учреждении дополнительного образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2000. – 21 с.
12. Матюшкин А. М. **Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности // Вопр. психологии.** – 1982. – № 4. – С. 5–17.
13. Саламатова Т. А. Актуализация творческого потенциала личности в процессе изучения педагогических дисциплин: На примере высшей школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 1999. – 21 с.
14. Титов Б. А. Организация и методика работы детского самодетельного объединения. – Л., 1991.

References

1. Andreev V. I. Pedagogika tvorcheskogo samorazvitija. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2006. – 567 s.
2. Andreev V. N. Pedagogika: ucheb. kurs dlja tvorch. samorazvitija. – Kazan': Centr innovac. tehnologij, 2000. – 608 s.
3. Baklanova T. I. Organizacija i nauchno-metodicheskoe obespechenie hudozhestvennoj samodejatel'nosti: ucheb. posobie. – M., 1992. – S. 51–55.
4. Bodalev A. A. Lichnost' i obshchenie. – M., 1983. – 271 s.
5. Gluhovskaya E. A. Razvitie tvorcheskogo potenciala starshego shkol'nika v uchebnoj dejatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Orenburg, 1997. – 18 s.
6. Granovskaja P. M., Krizhanskaja, Yu. S. Tvorchestvo i preodolenie stereotipov. – SPb.: OMS, 1994. – 465 s.
7. Duranov M. E., Duranov I. M., Zhernov V. I., Leshher O. V. Pedagogika vospitanija i razvitija lichnosti uchashchegosja. – Magnitogorsk: MGPI, 1996. – 315 s.
8. Kiseleva T. G., Krasil'nikov Yu. D. Social'no-kul'turnaja dejatel'nost': ucheb. – M.: MGUKI, 2004. – S. 113–114.
9. Kravchuk P. F. Formirovanie tvorcheskogo potenciala lichnosti v sisteme vysshego obrazovaniya: avtoref. dis. ... d-ra filoz. nauk. – Kursk, 1992. – 35 s.
10. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. – M.: IPL, 2007. – 218 s.
11. Leshher V. Yu. Razvitie tvorcheskogo potenciala podrostka v uchrezhdenii dopolnitel'nogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Orenburg, 2000. – 21 s.
12. Matjushkin A. M. **Psihologicheskaja struktura, dinamika i razvitie poznavatel'noj aktivnosti // Vopr. psichologii.** – 1982. – № 4. – S. 5–17.
13. Salamatova T. A. Aktualizacija tvorcheskogo potenciala lichnosti v processe izuchenija pedagogicheskikh disciplin: Na primere vyssh. shk.: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – Ekaterinburg, 1999. – 21 s.
14. Titov B. A. Organizacija i metodika raboty detskogo samodejatel'nogo ob"edinenija. – L., 1991.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ DOCUMENTARY INFORMATION

*К 45-летию кафедры технологии документальных коммуникаций
ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университета культуры и искусств»*

УДК 001.89:378.09

РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА КАФЕДРЫ ТЕХНОЛОГИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Пилко И. С., доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

Тараненко Л. Г., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

В статье приводятся результаты анализа научных публикаций преподавателей кафедры ТДК в период с 1972 по 2013 год. Определен типологический состав научных работ преподавателей кафедры. Выявлена динамика развития основных направлений научной деятельности.

Ключевые слова: Кемеровская научная библиотечная школа, организация научных исследований, профессорско-преподавательский состав, кафедра технологии документальных коммуникаций, научные направления, научные публикации, библиотечно-информационная деятельность, высшее образование.

*To the 45th Anniversary of Chair of Documentary Communication Technology of
FSBEI HPE “Kemerovo State University Culture and Arts”*

DEVELOPING THE SCIENTIFIC POTENTIAL OF CHAIR OF DOCUMENTARY COMMUNICATION TECHNOLOGY

Pilko I. S., Doctor of Pedagogical Science, Professor, Vice Rector for Academic Affairs, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

Taranenko L. G., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

There described the results of scientific publications analysis of Chair of Documentary Communication Technologies' teaching staff, Kemerovo State University of Culture and Arts, from 1972 to 2013. The author notes the increase of the publications amount from 50 in the first decade of the Chair to 293 in the period of 2004–2013. The types and kinds of teaching staff scientific papers are defined. The author reveals the dynamic of the development of the main scientific activity directions. It is marked that the themes of the science publications in the period of 1972–1983 are connected to the individual scientific interests of the teachers. This period there formed the main scientific directions of the Chair and leaders. The scientific and research activity of the Chair in 1984–1993 is characterized with widening the themes of scientific researches, increasing the amount of publications in professional periodical editions, participation in scientific arrangements of All-Union and republican libraries and higher education establishments of culture and arts. The period of 1994–2003

of the scientific development of the Chair is connected to increasing the amount and detailing the directions of the scientific activity, comprehending the significance and possibilities of the introduction of information and communication technologies into the education process and practice of the library and information activity. The last decade of the Chair history (2004–2013) is characterized by the increasing the scientific rating of teachers, growing the amount of publications included in the Russian Index of Scientific Quotation, appearing of the young scientists educated in ideology of technological approach to library and information activity.

Keywords: Kemerovo Scientific Library School, organization of scientific research, faculty, Chair of Documentary Communication Technology, areas of research, scientific publications, library and media services, higher professional education.

В 2014 году кафедра технологии документальных коммуникаций (ТДК) вместе с Кемеровским государственным университетом культуры и искусств (КемГУКИ) отмечает свое 45-летие. Авторам настоящей статьи показалось интересным проследить становление и развитие научной деятельности своей кафедры через призму публикаций ее преподавателей.

По библиографическим данным Научной библиотеки КемГУКИ, первая публикация кафедры ТДК (в то время кафедры библиотековедения и библиографии) увидела свет в 1972 году, ее автором была Валентина Алексеевна Сасс [20]. С этой даты и начнем «летоисчисление» публикационной активности кафедры.

Для целей анализа все публикации были сгруппированы по десятилетиям: 1972–1983, 1984–1993, 1994–2003, 2004–2013. Их количе-

ственное распределение (рис. 1) свидетельствует о положительной динамике публикационной активности кафедры на протяжении всех хронологических периодов. Суммарное количество научных публикаций кафедры ТДК и ее исторических предшественниц (кафедр библиотековедения, библиографии, технологии информационного обеспечения, технологии формирования и эксплуатации информационных ресурсов) на 01.03.2014 составляет 809 единиц. Все они были тематически распределены по рубрикам Библиотечно-библиографической классификации (табл. 1), (без учета учебно-методических изданий кафедры) и подвергнуты типологическому и содержательному анализу. Эта историческая ретроспектива позволила проследить динамику развития научного потенциала кафедры и обозначить возможные перспективы научно-исследовательской деятельности.

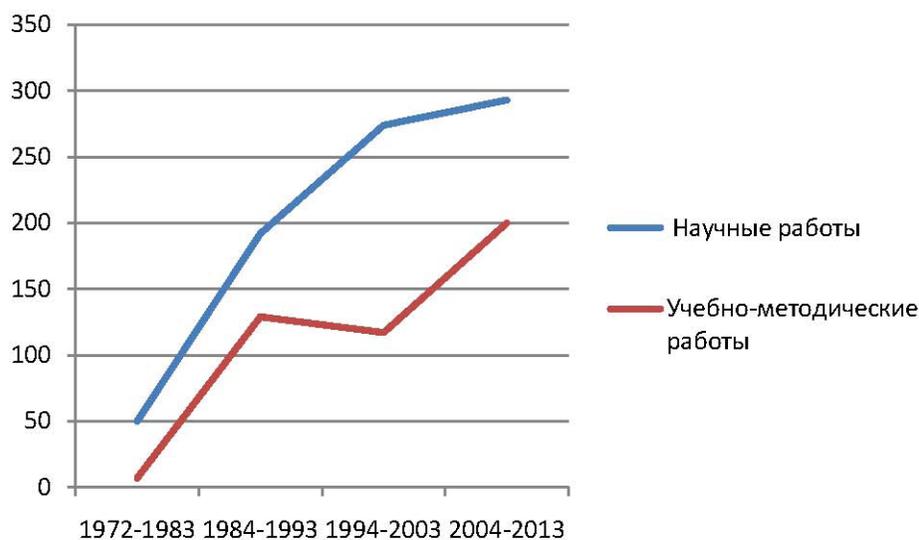

Рисунок 1. Динамика научных публикаций и учебно-методических изданий кафедры ТДК в период с 1972 по 2013 год

Тематическое распределение научных публикаций

Индекс и рубрика ББК	Количество публикаций в хронологическом интервале							
	1972–1983		1984–1993		1994–2003		2004–2013	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
74.026.843 ИКТ в учебном процессе	-	-	-	-	9	3	13	4
74.48 Высшее профессиональное образование	-	-	4	2	50	18	40	14
74.48 Технология обучения	8	16	48	25	39	14	13	4
74.480.278 Научная работа студентов	12	24	23	12	7	2,5	10	3
74.480.44 Выпускники высшей школы	-	-	-	-	-	-	14	5
78.01 Документоведение. Документология	-	-	4	2	15	5,5	5	2
78.07 Информационная культура личности	1	2	14	7	33	12	11	4
78.073 Чтение и работа с книгой. Изучение читательских интересов	5	10	7	4	13	5	4	1
78.2 Технология библиотечной, библиографической и научно-информационной деятельности в целом	1	2	14	7	16	6	18	6
78.33 История библиотечного дела	-	-	5	3	2	1	-	-
78.34к1 Законодательные директивные материалы по библиотечному делу	-	-	-	-	-	-	18	6
78.38 Библиотечное обслуживание детей и подростков	8	16	2	1	6	2	12	4
78.347.23 (2Рос) Муниципальные публичные библиотеки РФ	-	-	-	-	-	-	3	1
78.347.61 Библиотеки учреждений высшего профессионального образования	-	-	-	-	4	1,5	2	0,5
78.347.63 Библиотеки общеобразовательных учреждений. Школьные библиотеки	-	-	-	-	5	2	7	2
78.349. Управление персоналом в библиотеках проблемы управления	-	-	-	-	-	-	10	3
78.349.2 Менеджмент библиотек	-	-	3	1,5	10	4	-	-
78.349.3 Пропаганда библиотеки	2	4	14	7	12	4	-	-
78.349.5 Методическая работа библиотек	-	-	-	-	-	-	5	2
78.349.5 Аналитическая деятельность библиотек	-	-	-	-	2	1	23	8
78.349.6 Культурно-досуговая и социально-культурная деятельность библиотеки	-	-	5	3	4	1,5	-	-
78.349.7 Издательская деятельность библиотек	-	-	-	-	-	-	3	1
78.35 Фонды. Фондоведение	6	12	9	5	8	3	8	3
78.36 Каталогизация. Каталоговедение	2	4	12	6	4	1,5	8	3
78.370 Виды библиотечных услуг	-	-	4	2	5	2	5	2
78.370.1 Менеджмент качества библиотечного и информационного обслуживания	-	-	-	-	-	-	4	1

Окончание таблицы 1

Индекс и рубрика ББК	Количество публикаций в хронологическом интервале							
	1972–1983		1984–1993		1994–2003		2004–2013	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
78.370.5 Общение с пользователями в библиотеках	-	-	-	-	3	1	-	-
78.376 Справочно-библиографический аппарат	-	-	-	-	-	-	16	6
78.376 Поиск информации	-	-	3	1,5	3	1	5	2
78.377 Информационное обслуживание пользователей в библиотеках	-	-	9	5	3	1	-	-
78.50 Теория научно-информационной деятельности	5	10	2	1	9	3	9	3
78.55 Виды библиографии	-	-	4	2	2	1	1	0,5
78.554 Региональная, краеведческая библиография	-	-	-	-	-	-	5	2
78.501 Базы данных библиографические	-	-	6	3	6	2	-	-
78.501 Качество библиографической информации	-	-	-	-	-	-	12	4
78.653.3 Информационно-поисковые языки	-	-	-	-	4	1,5	5	2
79.1с51 Использование информационно-коммуникационных технологий в отдельных направлениях музейной работы	-	-	-	-	-	-	4	1
Всего	50	100	192	100	274	100	293	100

Публикационная активность кафедры в 1972–1983 годы

В период 1972–1983 годов были опубликованы 50 научных работ, более 60 % из них – тезисы докладов и сообщений на внутривузовских и межвузовских (в пределах г. Кемерово) конференциях: «Совершенствование методики обучения и воспитания студентов института культуры (1978)», «Организация и контроль за самостоятельной работой студентов» (1979), «Тезисы докладов 1-й межвузовской конференции молодых учёных Ленинского района г. Кемерово» (1982), «Совершенствование подготовки специалистов в заочной системе образования» (1983) и др.

В этот период Л. М. Туева [26], Л. И. Рудич [16], Л. И. Сальникова [19], Г. И. Сбитнева [21], Е. В. Мартынова [10], Г. М. Брагина [3] готовят к защите кандидатские диссертации, поэтому публикуют полученные результаты в профессиональных журналах «Библиотекарь», «Научные и технические библиотеки СССР», материалах конференций Московского государственного института культуры, Ленинградского ордена Дружбы

народов государственного института культуры им. Н. К. Крупской, Уральской государственной консерватории (г. Свердловск) и др.

Проблематика публикуемых статей, тезисов докладов преподавателей в период с 1972 по 1983 год (см. табл. 1) была связана преимущественно с вопросами методики и организации аудиторной, самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов (24 % публикаций). Публикации Г. Н. Бурцевой, Л. А. Лазаревой, И. С. Павленко, В. А. Сасс, Г. А. Стародубовой, Л. И. Шпак посвящены организации самостоятельной работы студентов, планированию и контролю выполнения индивидуальных и домашних заданий, разработке требований к курсовым и дипломным работам и др. Методика преподавания отдельных дисциплин представлена в работах С. П. Галактионовой, И. С. Пилко, В. А. Сасс, Г. И. Сбитневой и составляет 16 % от общего количества опубликованных за данный период.

Вполне естественно, что тематика научных публикаций данного периода тесно связана с профилем индивидуальных научных интересов пре-

подавателей. В этот период формируются основные научные направления кафедры и их лидеры. Так, вопросами *межличностного общения старшеклассников, их обслуживания в библиотеках* занимается Г. М. Брагина [3]. Проблемы *изучения читательских интересов, начитанности художественной литературы* представлены в научных исследованиях Л. М. Туевой. Она первая из преподавателей кафедры в 1977 году защитила кандидатскую диссертацию [26]. Проблемы *фондоведения*, в частности, совершенствование технологии процессов комплектования, качества фонда, использование экспертных оценок в управлении библиотечными фондами представлены в научных работах Е. В. Мартыновой [10]. Научно-исследовательская деятельность данного периода Г. И. Сбитневой посвящена *анализу первичного документального потока, изучению потребностей отдельных категорий пользователей* [21]. Именно эти преподаватели и исследователи определяли в то время научное лицо кафедры, им принадлежит 54 % публикаций того периода.

Проблематика публикаций исследуемого десятилетия выявляет истоки зарождения новых научных направлений кафедры ТДК, получивших впоследствии свое развитие. Так, появляются первые публикации по проблемам *каталогизации и каталоговедения* (В. А. Сасс, О. Я. Сакова); *информационной культуры личности* (Г. А. Стародубова), *библиографической деятельности библиотек* (И. С. Пилко) и др.

Публикационная активность кафедры в 1984–1993 годы

В период с 1984 по 1993 год были опубликованы 192 научные работы, то есть количество публикаций преподавателей кафедры увеличилось почти в четыре раза относительно предыдущего десятилетия. По-прежнему более 56 % общего количества статей размещены в материалах конференций, проходящих на базе КГИК и других вузов г. Кемерово. В то же время 26 % научных статей опубликованы за пределами Кемеровской области. География публикационной активности кафедры увеличивается за счет участия ее преподавателей в научных мероприятиях, подготовленных **крупными библиотеками**: Государственной республиканской библиотекой УССР, г. Киев

(А. Г. Гук), Библиотекой академии наук УССР³³, г. Киев (Е. В. Мартынова), Библиотекой академии наук СССР, г. Москва (А. Г. Гук), Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, г. Ленинград (О. Я. Сакова), ГПНТБ СО АН СССР, г. Новосибирск (И. С. Пилко, Л. Н. Старикова) и др.; **профильными вузами**: Минским институтом культуры (И. С. Пилко); Московским государственным институтом культуры, – (Л. А. Еременко); Саратовской государственной консерваторией (И. С. Пилко), Самарским государственным институтом культуры (А. Г. Гук), Челябинским государственным институтом культуры (И. С. Пилко), Томским государственным университетом (О. Я. Сакова), Восточно-Сибирским институтом культуры, г. Улан-Удэ (И. С. Павленко); Алтайским государственным институтом культуры, г. Барнаул (О. Я. Сакова), Республиканским институтом повышения квалификации, г. Алма-Ата (Л. М. Туева) и др.

Расширяется ассортимент периодических профессиональных изданий, используемых для публикации результатов научно-исследовательских деятельности. Так, 10 % общего числа научных работ в данный период приходится на профессиональные периодические журналы: «Библиотекарь / Библиотека» (Е. В. Мартынова, О. Н. Морева), «Советская библиография» (И. С. Пилко), «Научные и технические библиотеки СССР» (И. С. Пилко, Г. И. Сбитнева), «Советское библиотечное ведение/ Библиотечное ведение» (Л. Н. Старикова, Л. Л. Шпак, Е. В. Мартынова), «Научно-техническая информация, серии 1, 2» (К. В. Перевозчикова) и др.

6 % научных работ педагогов кафедры ТДК были депонированы в Научно-исследовательском отделе анализа и обобщения информации по проблемам культуры и искусства (НИО Информкультура), Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Свои работы депонируют С. П. Галактионова, В. А. Кошкар-оол, Е. В. Мартынова, И. С. Павленко, Л. А. Савкина, Г. И. Сбитнева, Л. Н. Старикова, Г. А. Стародубова.

В данный хронологический период были защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук Г. А. Ста-

³³ Названия далее в соответствии с периодом истории.

родубовой [23], И. С. Пилко [14], Л. Н. Стариковой [22], О. Я. Саковой [18], В. А. Кошкар-оол [8], А. Г. Гук [6].

Меняется *тематический профиль публикаций* (см. табл. 1). Увеличивается до 25 % удельный вес работ, посвященных методике и технологии обучения в высшей школе и вопросам преподавания отдельных курсов.

По-прежнему актуальной темой публикаций остается научная работа студентов (12 % статей). Специфичными для данного исторического периода являются вопросы *пропаганды библиотеки и ее идеологических функций, формирования коммунистического мировоззрения студентов* (7 % общего количества научных публикаций). Ими занимались И. С. Павленко, В. А. Сасс, Л. Н. Старикова.

Динамично развиваются в этот период и привлекают новых исследователей следующие научные направления: *технология библиотечной и библиографической деятельности* (7 % публикаций) (И. П. Карпова, И. С. Пилко); *информационная культура личности* (7 %) (Е. В. Мартынова, К. В. Перевозчикова, И. С. Пилко, В. А. Сасс, Г. И. Сбитнева); *аналитико-синтетическая переработка информации* (6 % статей) (К. В. Перевозчикова, О. Я. Сакова, В. А. Сасс); *проблемы фондов и фондоведения* (5 %) (Е. В. Мартынова); *чтение и работа с книгой, изучение читательских интересов* (4 %) (Е. В. Мартынова, Г. И. Сбитнева, Л. М. Туева).

Происходит перераспределение научных интересов преподавателей кафедры и дифференциация тематики научных исследований: *проблемы высшего профессионального образования* (Г. М. Брагина, О. Н. Морева, И. С. Пилко, Л. Н. Старикова); *информационное обслуживание пользователей в библиотеках* (И. П. Карпова, И. С. Пилко, Л. М. Туева); *культурно-досуговая и социально-культурная деятельность библиотеки* (Л. Н. Старикова); *история библиотечного дела* (В. А. Кошкар-оол), *проблемы формирования системы рекомендательных библиографических пособий в массовых библиотеках для детей* (Г. Н. Бурцева, Г. А. Стародубова, И. С. Павленко); *библиографические базы данных* (Гук А. Г.); *библиографический поиск* (И. С. Пилко); *менеджмент библиотеки* (О. Н. Морева); *проблемы до-*

кументоведения (К. В. Перевозчикова, Г. И. Сбитнева, Л. Н. Старикова) и др.

В целом данный период научного развития кафедры связан с расширением тематики научных исследований, увеличением числа публикаций в профессиональных периодических изданиях, участием в научных мероприятиях всесоюзных и республиканских библиотек и высших учебных заведений сферы культуры и искусства.

Публикационная активность кафедры в 1994–2003 годы

В период с 1994 по 2003 год преподавателями кафедры ТДК опубликованы 274 научные работы. Более 40 % общего количества статей – в сборниках научных трудов ГПНТБ СО РАН, в материалах конференций различного уровня. В их числе: международные конференции «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: Новые технологии и новые формы сотрудничества» (Форос, Ялта, Крым, Украина; Судак, 1996, 2002), «Библиотечное дело – 2001. Российские библиотеки в мировом информационном и интеллектуальном пространстве» (г. Москва, 2001); межрегиональная научная конференция «Макушинские чтения» (г. Новосибирск, 1994, 1997, 2003; г. Томск, 2000); региональная научно-практическая конференция «Информационные недра Кузбасса» (г. Кемерово, 2001) и др.

В научный сборник Кемеровской государственной академии культуры и искусств «Сбитнев: Жизнь, отданная людям: Хроника. Воспоминания. Исследования» (Кемерово, 2003) вошли 10 публикаций преподавателей кафедры ТДК. Это был первый опыт коллективного участия кафедры в подготовке вузовского научного издания.

Кафедра ТДК наладила тесные научные связи с вузами культуры Сибири и Урала, об этом свидетельствуют 30 научных работ, опубликованных в материалах конференций вузов культуры и искусств городов Тюмень, Улан-Удэ, Челябинск.

Преподаватели кафедры продолжают расширять ассортимент периодических изданий, используемых для публикации результатов своей научно-исследовательской деятельности. Так, И. С. Пилко в 2002 году публикует свою научную работу в «Библиотечном вестнике» Национальной библиотеки Украины (Библиотечный вісник / Нац. б-ка України); Г. А. Стародубова публику-

ются в профессиональных изданиях «Школьная библиотека», в информационном вестнике «Юношеские библиотеки России»; Е. В. Мартынова – в «Библиотечном вестнике Прибайкалья», И. С. Пилко в – «Вестнике Омского государственного университета». Сборник «Библиотечная жизнь Кузбасса» Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Федорова становится своеобразной презентационной площадкой научных достижений преподавателей, студентов и практикующих специалистов. Он содержит более 60 научных статей кафедр за исследуемый период.

Продолжаются защиты диссертаций: кандидатской – О. Н. Моревой [13] и первой докторской – И. С. Пилко [15]. защите докторской диссертации И. С. Пилко предшествовала подготовка научной монографии «Библиотечная технология как предмет научного осмысления и преподавания» (Кемерово, 2001).

Характеризуя *тематику научных исследований* этого десятилетия (см. табл. 1), следует отметить значительное увеличение (с 4 до 50 работ) в сравнении с предшествующим периодом количества научных публикаций, посвященных проблемам *высшего профессионального образования*. Они составляют 18 % общего числа опубликованных работ и освещают его общие тенденции, вопросы уровневой непрерывности и преемственности, актуализации содержания и профилирования обучения (Г. М. Брагина, С. П. Галактионова, Е. В. Мартынова, О. Н. Морева, К. В. Перевозчикова, Г. И. Сбитнева, Г. А. Стародубова, Л. М. Туева); технологизации и стандартизации библиотечного образования (Г. М. Брагина, И. С. Пилко), социальной и профессиональной адаптации выпускников библиотечной специальности (О. Н. Морева).

По сравнению с предыдущим периодом незначительно (с 48 до 39 работ) снижается количество научных публикаций по тематической рубрике *технологии обучения*. Это обусловлено увеличением числа статей, посвященных высшему библиотечному образованию. Формируется новое тематическое направление *информационно-коммуникационные технологии в учебном процессе*. Первые работы, посвященные организационно-педагогическим аспектам компьютеризации процесса обучения студентов кафедры, появились в 1996 году (А. Г. Гук). В рамках данного

направления решались следующие научные задачи: изучение технологии ППП «LIBER» в рамках научной и учебной деятельности кафедры (О. Н. Морева), обучение информационным технологиям в системе непрерывного библиотечного образования (Г. М. Брагина, И. С. Пилко), организация дистанционного обучения библиотечных специалистов (Г. М. Брагина, А. Г. Гук), педагогический потенциал аудиовизуальных средств обучения (А. Г. Гук) и др.

Наблюдается рост публикаций (до 12 % общего документопотока) по тематическому направлению *информационная культура личности*. Тема разрабатывается в различных аспектах: технологический подход к формированию основ информационной культуры (И. С. Пилко), профессиональная подготовка библиотечных специалистов к работе по формированию информационной культуры пользователей (А. Г. Гук, Е. В. Мартынова, Г. И. Сбитнева, Г. А. Стародубова).

Стабильно развиваются в данный период следующие научные направления: *технология библиотечной, библиографической и научно-информационной деятельности* (И. С. Пилко), в его структуре формируется профиль, связанный с технологическим обеспечением производства информационных продуктов и услуг (С. П. Галактионова, Л. Г. Тараненко); *проблемы фондов, фондоведение*: моделирование документальной коллекции в библиотеке (О. Н. Морева), комплектование документального фонда вузовской библиотеки (С. П. Галактионова); *изучение читательских интересов* (Л. М. Туева); *научно-информационная деятельность* (Е. В. Мартынова, О. Н. Морева, Г. И. Сбитнева); *каталогизация* (создания списка ключевых слов к автоматизированной базе данных «Краевед», формирование предметных краеведческих рубрик для программы «Liber», работа с электронными каталогами) (А. Ш. Меркулова, О. Я. Сакова) и др.

Развиваются и другие научные направления: *менеджмент библиотек* (С. П. Галактионова, О. Н. Морева), *информационно-поисковые языки* (А. Ш. Меркулова, К. В. Перевозчикова), *внедрение новых технологий в работу вузовской библиотеки* (Е. И. Боброва), *аналитическая деятельность библиотек* (О. Н. Морева), *библиотеки общеобразовательных учреждений, школьные библиотеки* (Г. А. Стародубова) и другие.

В целом данный период научного развития кафедры связан с увеличением количества и детализацией тематических направлений научной деятельности, с осмыслением значения и возможностей внедрения информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс и практику библиотечно-информационной деятельности.

Публикационная активность кафедры в 2004–2013 годы

В период с 2004 по 2013 год преподавателями кафедры ТДК были опубликованы 293 научные работы. Более 40 % общего количества статей включены в сборники материалов конференций различного уровня. Это международные научные конференции «Документоведение. Библиотековедение. Информационная деятельность: проблемы науки, образования, практики» (г. Киев, 2004–2006), «Библиотечное дело – 2004. Всеобщая доступность информации» (г. Москва, 2004), «Наука о книге: традиции и инновации» (г. Москва, 2006); Современные образовательные технологии: качество и образование (г. Санкт-Петербург, 2010); всероссийские, региональные и межрегиональные конференции «Информационные недра Кузбасса»/«Инновационные недра Кузбасса. IT-технологии» (Кемерово, 2004–2007), «Юдинские чтения» (Красноярск, 2005–2006). Преподаватели кафедры ТДК принимают активное участие в мероприятиях под эгидой Российской библиотечной ассоциации и публикуют результаты исследований в «Информационном бюллетене РБА» (более 20 научных работ за указанный период).

О научном статусе преподавателей кафедры свидетельствует тот факт, что их приглашают публиковать результаты своих исследований в различных научных сборниках крупных библиотечно-информационных учреждений России, в их числе: «Труды международного библиографического конгресса» Российской национальной библиотеки (Л. Г. Тараненко), «Заочная школа школьного библиотекаря» Российской государственной библиотеки и Российской школьной библиотечной ассоциации (И. С. Пилко); «Электронная библиотека» Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина (Л. Г. Тараненко),

«Информационные ресурсы технологий в гуманитарном образовании» СПбГУКИ (А. Ш. Меркулова, И. С. Пилко, Л. Г. Тараненко) и др.

Кафедра ТДК участвует в научных проектах под эгидой Некоммерческого библиотечного партнерства «Кузбасские библиотеки», публикуя результаты научных исследований в сборнике «Библиотечная жизнь Кузбасса», в материалах региональных конференций «Библиотеки и молодежь в социокультурном пространстве региона», «Сибирский библиотечный форум» и др. (более 40 научных работ за исследуемый период). В 2004–2007 годы кафедра была задействована в проекте Центра информационных технологий Кемеровского государственного университета, выступая соорганизатором научно-практической конференции «Информационные недра Кузбасса / Инновационные недра Кузбасса. IT-технологии». Эта работа дала прирост более 20 научных публикаций по ключевым проблемам библиотечно-информационной деятельности и внедрения информационных технологий в образовательную практику высшей школы.

Год от года расширяется ассортимент периодических изданий, в которых можно найти работы наших преподавателей. В анализируемый период они стали активно публиковать результаты проведенных исследований в научных журналах вузов культуры и искусств, среди них: «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств» (Л. Л. Диденко), «Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств» (И. С. Пилко, О. В. Абалакова, С. В. Савкина), «Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусство» (И. С. Пилко), «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» (опубликована 21 научная работа преподавателей кафедры); в профессиональных периодических изданиях «Библиосфера», «Библиотечные технологии» (И. С. Пилко, О. Н. Морева, С. В. Савкина), «Петербургская библиотечная школа» (Г. М. Брагина); «Независимый библиотечный адвокат» (И. С. Пилко, О. В. Абалакова).

Одним из главных требований к научно-педагогическим кадрам сегодня является наличие научных публикаций в профессиональных периодических изданиях, рекомендованных Высшей атте-

стационарной комиссией (ВАК). Вследствие этого ученые кафедры направляют свои публикации в признанные профессиональным сообществом журналы «Библиотекведение», «Библиография», «Научные и технические библиотеки», «Информационные ресурсы России», «Библиосфера» и др. Преподаватели кафедры ТДК имеют более 100 зарегистрированных научных работ в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки и более 200 цитирований публикаций.

У кафедры появляются новые традиции подготовки и выпуска собственных научных изданий. Под руководством заведующей кафедрой ТДК, профессора И. С. Пилко и под ее научной редакцией были изданы два научно-практических сборника: «Вузовская наука – библиотечной практике» (2007), он включает 36 научных работ преподавателей, студентов кафедры ТДК, практикующих специалистов; и «Методы информационно-аналитической деятельности» (2010), он содержит 17 научных статей преподавателей кафедры [4, 12]. Л. Г. Тараненко публикует научную монографию «Электронный справочно-библиографический аппарат: методико-технологическое обеспечение формирования и использование в библиотеках» [25].

За последнее десятилетие кафедра ТДК значительно повысила свой научный статус. Были защищены 8 кандидатских диссертаций на соискание ученой степени кандидата педагогических наук С. П. Галактионовой [5], А. Ш. Меркуловой [11], Л. Г. Тараненко [25], Е. И. Бобровой [2], М. Г. Ли [9], Л. Л. Диденко [7], О. В. Абалаковой [1], С. В. Савкиной [17]. Вследствие этого на кафедре появилась целая плеяда молодых ученых, воспитанных в идеологии технологического подхода к библиотечно-информационной деятельности.

В последнее десятилетие расширяется *проблематика научных исследований*, появляются новые тематические направления (см. табл. 1). В их числе: *информационно-аналитическая деятельность библиотек*, методы информационной аналитики, информационно-аналитическая продукция (М. Г. Ли, Е. В. Мартынова, И. С. Пилко, Л. Л. Диденко); *электронные продукты и услуги*, электронный сервис библиотек, музеев, информационных учреждений (И. С. Пилко, Л. Г. Таранен-

ко, С. В. Савкина, Е. В. Мартынова, Г. И. Сбитнева); *компетентностная модель библиотечного специалиста*, профессиональный стандарт как регламент библиотечно-информационной деятельности (М. Г. Ли, И. С. Пилко, О. В. Абалакова); *методическая работа библиотек*, методическая библиотечная документация (Л. Л. Диденко) и др. Изменилось содержательное наполнение проблематики, связанной с *региональной, краеведческой библиографией*: предметом изучения становится литературное краеведение в библиотеках, региональная статистическая информация в Интернете, электронная библиотека как форма интеграции информационных ресурсов региона (Л. Г. Тараненко). В структуре направления «менеджмент библиотеки» формируется самостоятельный тематический профиль *управление персоналом библиотеки*, социальная и профессиональная адаптация выпускников библиотечной специальности, профессиональная переподготовка в системе непрерывного профессионального образования, повышение квалификации школьных библиотекарей, обучение библиотечного персонала (О. Н. Морева, Г. М. Брагина, Г. А. Стародубова). Объектом особого внимания и изучения становятся отдельные типы и виды библиотек: публичные библиотеки (Г. М. Брагина, Г. И. Сбитнева), библиотеки высших образовательных учреждений (Е. И. Боброва), школьные библиотеки (Г. А. Стародубова).

Таким образом, при общем росте количества публикаций ТДК в период с 2003 по 2013 год ключевыми научными темами кафедры становятся: технологии библиотечно-библиографической деятельности, включая аспекты технологической регламентации, технологического проектирования библиотечно-информационного производства, оценки качества производимых продуктов и услуг; информационно-аналитическая деятельность библиотек; тенденции модернизации высшего образования, включая вопросы уровневой подготовки кадров (бакалавриат-магистратура), реализации компетентностно-ориентированных образовательных программ, использования в учебном процессе актуальных образовательных и информационно-коммуникационных технологий.

Прежде чем перейти к основным выводам, проведем выборочный анализ динамики развития отдельных научных направлений кафедры ТДК.

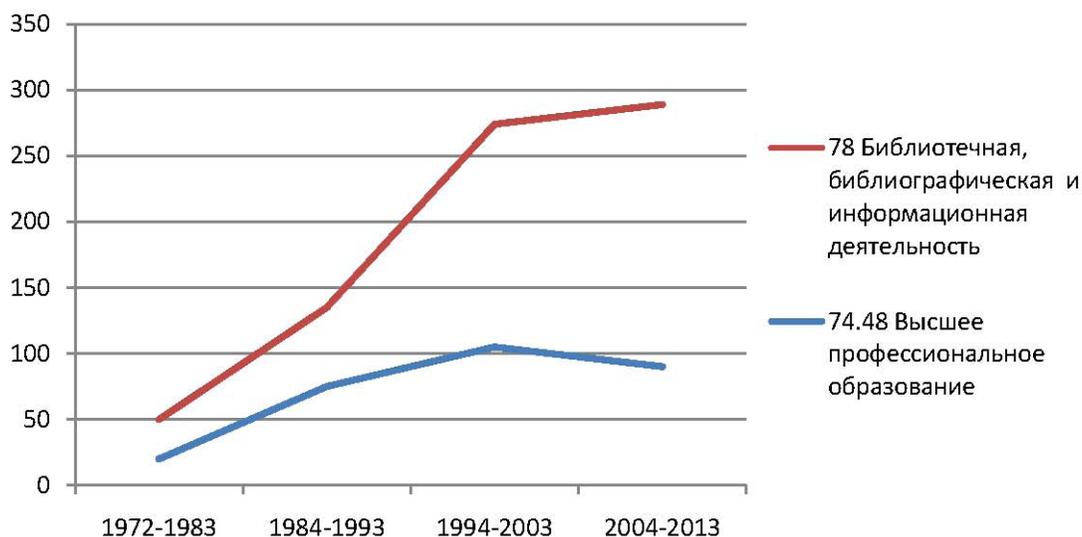

Рисунок 2. Динамика публикаций по научным направлениям 74.48. Высшее профессиональное образование, 78. Библиотечно-библиографическая и информационная деятельность

Так, рис. 2 отражает вполне естественный рост публикаций в разрезе хронологических периодов наблюдения по ключевым для кафедры ТДК укрупненным группам направлений научных исследований: *библиотечная, библиографическая и информационная деятельность* – предмет пре-

подавания и *высшее профессиональное образование* – нормативно-правовые основы, организационно-методические аспекты, технологии, обеспечивающие средства и формы образовательной деятельности.

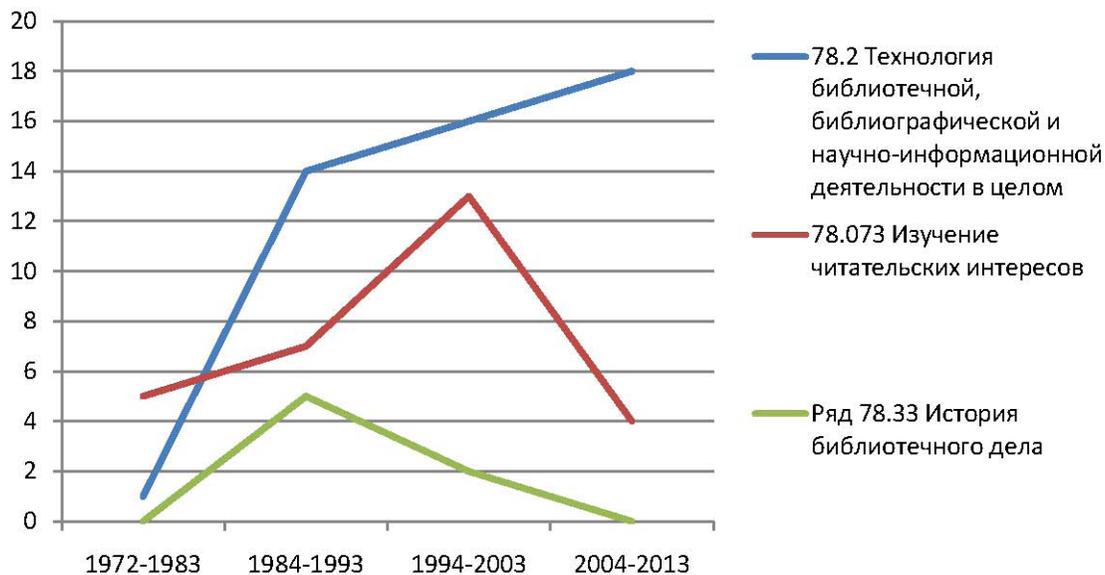

Рисунок 3. Динамика публикаций по научным направлениям 78.2 Технология библиотечной, библиографической и научно-информационной деятельности, 78.073 Чтение и работа с книгой. Изучение читательских интересов, 78.33. История библиотечного дела

Динамика развития отдельных научных направлений (рис. 3) не выглядит столь оптимистично. Так, если актуальным технологиям библиотечной, библиографической и научно-информационной деятельности справедливо уделяется достаточно внимания, то падение в последнее десятилетие научного интереса к проблемам чтения и – до «нуля» – к осмыслению истории библиотечного дела, к анализу культурно-досуговой и социально-культурной деятельности библиотек не может быть признано справедливым (см. табл. 1). Ситуация требует решительного реагирования.

Следует констатировать, что освещение отдельных аспектов библиотечно-библиографической деятельности (изучение библиографических баз данных, электронных каталогов) удалось под-

нять на более высокий уровень обобщения (анализ структуры и назначения справочно-поискового аппарата библиотек и информационных учреждений). Другие комплексные направления (менеджмент библиотеки) сведены до исследования отдельных объектов (управление персоналом библиотеки).

Таким образом, историческая ретроспектива научных публикаций позволила выявить основные тенденции и лакуны в исследовательской деятельности кафедр, сделать общий вывод, что научный потенциал кафедры ТДК позволяет публиковать результаты научных исследований в форме монографий, размещать их в изданиях ВАК и отражаемых в РИНЦ, повысить индекс цитирования публикуемых работ.

Литература

1. Абалакова О. В. Концептуальные и методические аспекты моделирования деятельности библиотечного специалиста на основе компетентностного подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. – Челябинск, 2012. – 22 с.
2. Боброва Е. И. Информационно-коммуникационные технологии в деятельности библиотеки вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / ГПНТБ СО РАН. – Кемерово, 2007. – 23 с.
3. Брагина Г. М. Межчитательское общение старшеклассников как условие руководства их чтением в библиотеке: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Ленинградский ордена Дружбы народов гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Л., 1983. – 16 с.
4. Вузовская наука – библиотечной практике: научно-практический сборник / КемГУКИ: науч. ред. И. С. Пилко. – Кемерово, 2007. – 348 с.
5. Галактионова С. П. Документальные ресурсы вузовских библиотек как компонент образовательно-информационного пространства территории: автореф. дис... канд. пед. наук: 05.25.03 / ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2004. – 20 с.
6. Гук А. Г. Автоматизированные базы данных в универсальных и научно-технических библиотеках: Состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. пед. наук / МГИК. – М., 1992. – 16 с.
7. Диденко Л. Л. Методическое и технологическое знание о библиотечной деятельности: на основе анализа методической продукции библиотек: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Челяб. гос. акад. культуры и искусства. – Челябинск, 2012. – 22 с.
8. Кошкар-оол В. А. Библиотечное строительство в Тувинской АССР (история, современное состояние и перспективы развития): автореф. дис. ... канд. пед. наук / ЛГИК. – Л., 1990. – 15 с.
9. Ли М. Г. Проектирование и внедрение образовательных технологий в практику высшей библиотечной школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Челяб. гос. акад. культуры и искусства. – Челябинск, 2010. – 25 с.
10. Мартынова Е. В. Теоретические предпосылки изучения качества фондов и практика его измерения в ЦБС: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. – Л., 1981. – 15 с.
11. Меркулова А. Ш. Функциональный анализ лингвистических средств библиотечной технологии (на примере областных библиотек разных типов): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03/ ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2005. – 20 с.
12. Методы информационно-аналитической деятельности: науч.-практ. сб. / КемГУКИ; науч. ред. И. С. Пилко; редкол.: Г. М. Брагина, А. Ш. Меркулова, О. Я. Сакова. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – 228 с.
13. Морева О. Н. Региональная специфика потребности в специалистах с высшим библиотечным образованием в России: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. – Санкт-Петербург, 1995. – 18 с.
14. Пилко И. С. Библиографическое информирование специалистов народного хозяйства в ЦБС сельских районов. Вопросы организации и методики: автореф. дис. ... канд. пед. наук / МГИК. – М., 1986. – 16 с.

15. Пилко И. С. Библиотека как система: технологический подход: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук / МГУКИ. – М., 2001. – 44 с.
16. Рудич Л. И. Формирование единой территориальной системы справочно-информационных фондов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – Л., 1978. – 15 с.
17. Савкина С. В. Электронные выставки библиотек: научно-методическое и технологическое обеспечение создания и оценки качества: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2013 – 25 с.
18. Сакова О. Я. Унификация ссылочно-справочного аппарата предметного каталога: автореф. дис. ... канд. пед. наук / ЛГИК. – Л., 1989. – 16 с.
19. Сальникова Л. И. Н. К. Крупская и формирование библиотековедения как общественной науки: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1980. – 24 с.
20. Сасс В. А. Методика руководства курсовыми работами // Совершенствование форм и методов преподавания в институте культуры: тез. докл. и сообщ. к науч.-метод. конф. / КГИК. – Кемерово, 1972. – С. 42–46.
21. Сбитнева Г. И. Проблемы совершенствования библиографического обслуживания ученых и специалистов научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций: автореф. дис. ... канд. пед. наук / ЛГИК. – Л., 1981. – 16 с.
22. Старикова Л. Н. Массовая библиотека как организатор досуга молодых рабочих-читателей (на материалах массовых библиотек Кузбасса): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Моск. гос. ин-т культуры. – М., 1987. – 16 с.
23. Стародубова Г. А. Формирование библиотечно-библиографической культуры у учащихся 4–8 классов в совместной работе детской библиотеки и школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук / МГИК. – М., 1984. – 16 с.
24. Тараненко Л. Г. Методико-технологическое обеспечение формирования и использования электронного справочно-библиографического аппарата универсальной научной библиотеки: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2005. – 24 с.
25. Тараненко Л. Г. Электронный справочно-библиографический аппарат: методико-технологическое обеспечение формирования и использование в библиотеках: моногр. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 2011. – 240 с.
26. Туева Л. М. Проблемы начитанности молодежи, восприятие и оценка ее художественных достоинств произведений литературы: автореф. дис. ... канд. пед. наук / МГИК. – М., 1977. – 16 с.
27. Целикова М. В. Проблемы теории и практики внестационарного библиотечного обслуживания населения (На примере РСФСР): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Моск. гос. ин-т культуры. – М., 1977. – 25 с.

References

1. Abalakova O. V. Konceptual'nye i metodicheskie aspekty modelirovanija dejatel'nosti bibliotechnogo specialista na osnove kompetentnostnogo podhoda: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03. – Cheljabinsk, 2012. – 22 s.
2. Bobrova E. I. Informacionno-kommunikacionnye tehnologii v dejatel'nosti biblioteki vuza: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03 / GPNTB SO RAN. – Kemerovo, 2007. – 23 s.
3. Bragina G. M. Mezhhitateľ'skoe obschenie starsheklassnikov kak uslovie rukovodstva ih chteniem v biblioteke: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03 / Leningradskij ordena Druzhby narodov gos. in-t kul'tury im. N. K. Krupskoj. – L., 1983. – 16 s.
4. Vuzovskaja nauka – bibliotechnoj praktike: nauch.-prakt. sb. / KemGUKI; nauch. red I. S. Pilko. – Kemerovo, 2007. – 348 s.
5. Galaktionova S. P. Dokumental'nye resursy vuzovskih bibliotek kak komponent obrazovatel'no-informacionnogo prostranstva territorii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03 / GPNTB SO RAN. – Novosibirsk, 2004. – 20 s.
6. Guk A. G. Avtomatizirovannye bazy dannyh v universal'nyh i nauchno-tehnicheskikh bibliotekah: Sostojanie i perspektivy razvitija: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / MGIK. – M., 1992. – 16 s.
7. Didenko L. L. Metodicheskoe i tehnologicheskoe znanie o bibliotechnoj dejatel'nosti: na osnove analiza metodicheskoy produkcii bibliotek: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03 / Cheljab. gos. akad. kul'tury i iskusstva. – Cheljabinsk, 2012. – 22 s.
8. Koshkar-ool V. A. Bibliotechnoe stroitel'stvo v Tuvinskoj ASSR (istorija, sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / LGIK. – L., 1990. – 15 s.
9. Li M. G. Proektirovanie i vnedrenie obrazovatel'nyh tehnologij v praktiku vysshej bibliotechnoj shkoly: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03 / Cheljab. gos. akad. kul'tury i iskusstva. – Cheljabinsk, 2010. – 25 s.
10. Martynova E. V. Teoreticheskie predposylki izuchenija kachestva fondov i praktika ego izmerenija v CBS: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03. – L., 1981. – 15 s.

11. Merkulova A. Sh. Funkcional'nyj analiz lingvистических средств библиотечной технологии (na primere oblastnyh bibliotek raznyh tipov): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03/ GPNTB SO RAN. – Novosibirsk, 2005. – 20 s.
12. Metody informacionno-analiticheskoj dejatel'nosti: nauch.-prakt. sb. / KemGUKI; nauch. red. I. S. Pilko; redkol.: G. M. Bragina, A. Sh. Merkulova, O. Ja. Sakova. – Kemerovo: KemGUKI, 2010. – 228 s.
13. Moreva O. N. Regional'naja specifika potrebnosti v specialistah s vysshim bibliotечным obrazovaniem v Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03. – Sankt-Peterburg, 1995. – 18 s.
14. Pilko I. S. Bibliografическое информирование специалистов народного хозяйства в CBS sel'skih rajonov. Voprosy organizacii i metodiki: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / MGIK. – M., 1986. – 16 s.
15. Pilko I. S. Biblioteka kak sistema: tehnologический podhod: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk / MGUKI. – M, 2001. – 44 s.
16. Rudich L. I. Formirovanie edinoj territorial'noj sistemy spravocno-informacionnyh fondov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03 / Leningr. gos. in-t kul'tury im. N. K. Krupskoj. – L., 1978. – 15 s.
17. Savkina S. V. Elektronnye vystavki bibliotek: nauchno-metodическое i tehnologическое obespechenie sozdaniya i ocenki kachestva: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03 / Cheljab. gos. akad. kul'tury i iskusstv. – Cheljabinsk, 2013 – 25 s.
18. Sakova O. Ja. Unifikacija ssylochno-spravocного apparata predmetного kataloga: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / LGIK. – L., 1989. – 16 s.
19. Sal'nikova L. I., N. K. Krupskaja i formirovanie bibliotekovedeniya kak obshhestvennoj nauki: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – M., 1980. – 24 s.
20. Sass V. A. Metodika rukovodstva kursovymi rabotami // Sovershenstvovanie form i metodov prepodavaniya v institute kul'tury: tez. dokl. i soobshch. k nauch.-metod. konf. / KGIK. – Kemerovo, 1972. – S. 42–46.
21. Sbitneva G. I. Problemy sovershenstvovaniya bibliografического obsluzhivaniya uchjonyh i specialistov nauchno-issledovatel'skih i proektno-konstruktorskih organizacij: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / LGIK. – L., 1981. – 16 s.
22. Starikova L. N. Massovaja biblioteka kak organizator dosuga molodyh rabochih-chitatelej (na materialah massovyh bibliotek Kuzbassa): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / Mosk. gos. in-t kul'tury. – M., 1987. – 16 s.
23. Starodubova G. A. Formirovanie bibliotечно-bibliografической kul'tury u uchashchihsja 4–8 klassov v sovместной rabote detskoj biblioteki i shkoly: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / MGIK. – M., 1984. – 16 s.
24. Taranenko L. G. Metodiko-tehnologическое obespechenie formirovaniya i ispol'zovaniya elektronного spravocno-bibliografического apparata universal'noj nauchnoj biblioteki: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03 / GPNTB SO RAN. – Novosibirsk, 2005. – 24 s.
25. Taranenko L. G. Elektronnyj spravocno-bibliografический apparat: metodiko-tehnologическое obespechenie formirovaniya i ispol'zovanie v bibliotekah: monogr. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, 2011. – 240 s.
26. Tueva L. M. Problemy nachitannosti molodjozhi, vosprijatie i ocenka ee hudozhestvennyh dostoinstv proizvedenij literatury: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk / MGIK. – M., 1977. – 16 s.
27. Celikova M. V. Problemy teorii i praktiki vnestacionarnого bibliotечноgo obsluzhivaniya naseleniya (Na primere RSFSR): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03 / Mosk. gos. in-t kul'tury. – M., 1977. – 25 s.

УДК 023.5

РАЗРАБОТКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пилко И. С., доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

Абалакова О. В., кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: olga.uso@gmail.com

Авторами описан опыт участия преподавателей кафедры технологии документальных коммуникаций и сотрудников Лаборатории инновационных образовательных технологий в разработке про-

екта профессионального стандарта специалиста библиотечно-информационной сферы; представлен вариант описания трудовых функций по работе библиотечного персонала с электронными данными; дана общая характеристика проекта нового регламента библиотечной профессии.

Ключевые слова: библиотечно-информационная деятельность, библиотечно-информационное образование, компетентностная модель специалиста библиотечно-информационной сферы, кадры библиотек, профессиональный стандарт, опыт разработки.

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL STANDARDS FOR THE SPECIALIST OF LIBRARY AND INFORMATION ACTIVITIES

Pilko I. S., Doctor of Pedagogical Science, Professor, Vice Rector for Academic Affairs, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

Abalakova O. V., Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: olga.uso@gmail.com

Development and implementation of professional standards is an important condition for the development of the Russian economy and social sphere. The government plan to develop professional standards for 2012–2015 was approved. Moscow State University of Culture and Arts has become a leading developer of professional standards for projects of cultural sphere of art. Lecturers of Chair of Documentary Communication Technology and Laboratory of Innovative Educational Technologies, in Kemerovo State University of Culture and Arts, were invited to participate in drafting the professional standards for the library and information activities specialist. They were assigned to the job description for the library staff that works with electronic data.

Developers have relied on scientific endeavor, resulting in a study of forming the competence model of the specialist of library and information sector and adapt the methodology to develop professional standards to the specifics of the library branch (2010–2013).

Study of the current regulations of library and information and related fields of activity was developed into a list of current job functions for the specialist working with electronic data (search for information in electronic resources, semantic and technical processing of electronic information, creating the electronic information products, monitoring the electronic information resources, storage of electronic information resources; training staff and library users to information and communication technologies, participating in the management and implementation of information and communication technology in the library, and specifying their level of labor action.

In the course of further joint work on the professional standards project, taking into account the comments made during the discussion in the professional community, they adopted the final structure of the document, which builds on the 7 generalized job functions: 1) performing, forming, recording, processing and organizing of the funds; 2) implementation of work on the library fund; 3) organization of bibliographic apparatus for a library, 4) bibliographic reference and information service for users; 5) library service for users; 6) providing the cultural, educational and recreational services for library users; 7) scientific analytical, methodical and consulting work. Labor actions by the use of electronic data are integrated into the structure of these functions.

The project received the approval of the new regulations in professional environment, but the lack of structure in this description of the professional competencies would not allow the required mutual understanding between the school library and the library practice in terms of entry requirements for the specialist in library and information field from the standpoint of the competence approach.

Keywords: library and information activities, library and information education, competence model of the specialist for library and information field, library staff, professional standard, developing experience.

Разработка и внедрение профессиональных стандартов является важным условием качественного развития российской экономики и социальной сферы. Профессиональные стандарты призваны «задать требования к квалификации каждого специалиста», перенастроить систему профессионального образования [5, с. 6]. Это достижимо при условии согласованной работы практикующего, научного, образовательного, управленческого сегментов профессионального сообщества над содержанием документа.

Идея разработки профессиональных стандартов различных сфер экономической деятельности принадлежит Российскому союзу промышленников и предпринимателей. В конце 1990 – начале 2000-х годов Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» были разработаны профессиональные стандарты для сфер туризма и гостиничного бизнеса, индустрии питания, образования, строительства, авиаконструирования и др. Эта практика привлекла внимание О. В. Абалаковой, которая в 2007–2012 годах работала над кандидатской диссертацией, посвященной моделированию профессиональной деятельности специалиста библиотечно-информационной сферы с позиций компетентностного подхода [1]. Родилась идея адаптировать методику проектирования профессионального стандарта к библиотечно-информационной сфере (рис. 1), в которой определены круг участников проекта и функции каждого из них (табл. 1). В 2010–2011 годах под эгидой РБА с инициативой разработки профессионального стандарта, содержащего обоснование ключевых компетенций выпускника библиотечной школы, баллотировалась в члены Совета Российской библиотечной ассоциации (РБА) И. С. Пилко [3]. Преподаватели кафедры технологии документальных коммуникаций (ТДК), сотрудники Лаборатории инновационных образовательных технологий КемГУКИ И. С. Пилко, О. В. Абалакова, М. Г. Ли в период 2010–2013 годов занимались продвижением идеи проектирования нового регламента библиотечной профессии на ежегодных конгрессах РБА, межрегиональных научно-практических конференциях «Научные библиотеки: взгляд в будущее (Новосибирск, 2012), «Публичная библиотека и общество: пути и проблемы модерни-

зации» (Томск, 2012); заседаниях секции «Библиотеки в системе информационного обеспечения образования и науки» Международной научно-технической конференции (Омск, 2012), учебно-методического совета по образованию в области библиотечно-информационной деятельности (Москва, 2012); в рамках дискуссии «Профессиональные стандарты библиотечной деятельности» Futur-форума «Новая библиотека» (Новосибирск, 21.05–23.05.2013). Общественная экспертиза значимости данного инициативного проекта была проведена методом рассылки концепции профессионального стандарта библиотечной деятельности руководителям 276 библиотек – членов Российской библиотечной ассоциации (14.01–15.06.2012). Экспертами выступили 104 респондента, 84 % которых не только поддержали идею разработки профстандарта, но и выразили готовность в том или ином качестве участвовать в его создании. Таким образом, идея находила позитивный отклик в любой аудитории, однако довести инициативу до уровня практической реализации не удавалось.

Ситуация кардинально изменилась, когда во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» Правительство утвердило план разработки профессиональных стандартов на 2012–2015 годы (распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2012 года № 2204-р). Министерство труда и социальной защиты разработало план-график подготовки профессиональных стандартов в 2013–2014 годах (утвержден Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 30 ноября 2012 года № 565), согласно которому предусмотрена разработка не менее 400 профессиональных стандартов ежегодно. В том числе для сферы искусства, культуры, физической культуры и спорта запланировано создание 25 таких регламентов. Постановлением Правительства РФ от 22 января 2013 года № 23 установлены два варианта разработки проектов профессиональных стандартов: 1) в инициативном порядке – за счет собственных средств разработчиков; 2) на основе государственных контрактов на выполнение работ – за счет средств федерального бюджета.

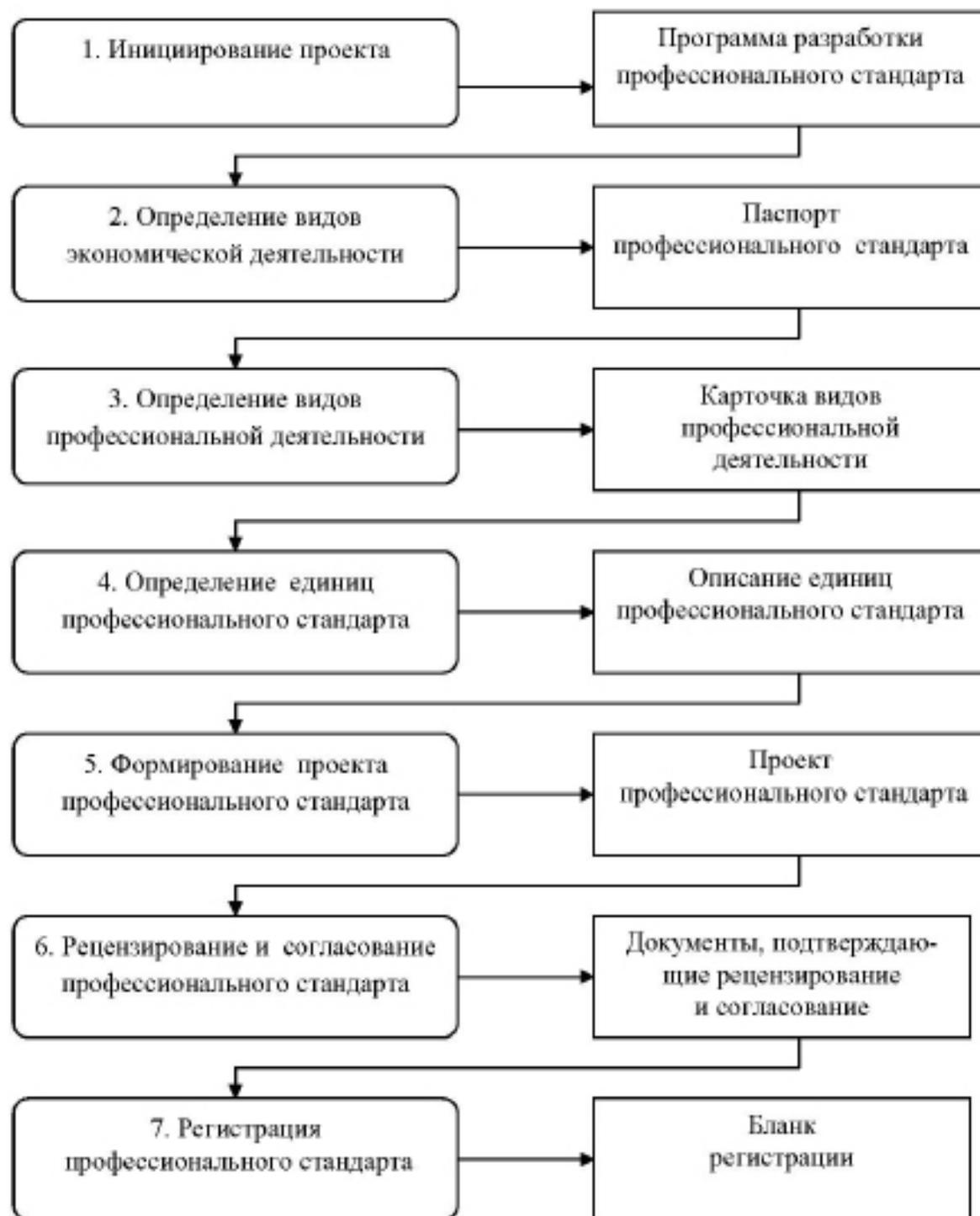

Рисунок 1. Технологическая схема разработки профессионального стандарта библиотечно-информационной деятельности

Таблица 1

Матрица ответственности разработки профессионального стандарта библиотечно-информационной деятельности

Алгоритм формирования профессиональных стандартов	Участники разработки ³⁴			
	Группа организаторов	Группа контроля	Группа экспертов	Группа методистов
Инициирование проекта разработки профессионального стандарта	МК РФ РБА УМО			
2. Формирование экспертной и методической групп	РБА УМО УМС			
3. Аналитический этап исследования		РБА УМО УМС	Представители профессионального сообщества	РБА УМС
4. Подготовка проекта профессионального стандарта		РБА УМО УМС		РБА УМС
5. Рецензирование и согласование проекта стандарта с заинтересованными лицами	РБА УМО	МК РФ		
6. Регистрация	МК РФ РБА УМО			

³⁴ МК РФ – Министерство культуры РФ.

РБА – Российская библиотечная ассоциация.

УМО – Учебно-методическое объединение высших учебных заведений РФ по образованию в области народной художественной культуры, социально-культурной деятельности и информационных ресурсов.

УМС – Учебно-методический совет по образованию в области библиотечно-информационной деятельности.

Представители профессионального сообщества – научные и педагогические работники, директора библиотек, руководители органов управления библиотечной сферой, ведущие специалистов библиотек различных ведомств, ведущие специалисты смежных сфер деятельности, привлеченные для экспертизы проекта.

Московский государственный университет культуры и искусств, пройдя конкурсную процедуру, стал обладателем государственных контрактов на разработку проектов профессиональных стандартов руководителя организации культуры и искусства; хранителя музейных ценностей; специалиста по учету музейных предметов; специалиста по техническим процессам художественной деятельности; звукорежиссера; продюсера в области кинематографии; специалиста по организации и предоставлению туристских услуг; балетмейстера; специалиста в области библиотечно-информационной деятельности; гида-экскурсовода; режиссера в области кинематографии; хормейстера. В проектную группу по созданию профессионального стандарта специалиста в области библиотечно-информационной деятельности вошли представители вузов, работодателей и профессиональных объединений и ассоциаций, включая авторов настоящей статьи. Им предстояло осуществить проектирование контента документа, обеспечить его общественную и профессиональную экспертизу.

Кемеровской группе разработчиков было поручено описание трудовых функций, обеспечивающих работу библиотечного персонала с электронными данными. Владение информационно-коммуникационными технологиями – неотъемлемый компонент профессиональной компетентности современного библиотечного специалиста, независимо от его функционала (комплектование, организация и эксплуатация фонда, каталогизация, библиотечное обслуживание, библиографическая деятельность, организационно-методическая работа и т. п.). Предстояло решить сложную задачу – предложить процессную модель работы с электронными данными в библиотеке, актуальную для сотрудников любых подразделений и производственных участков. Опираясь на имеющийся научный задел [1, 3, 4, 6], мы понимали, что формирование контента профессионального стандарта предусматривает анализ действующих регламентов библиотечной практики и образования, изучение международного и отечественного опыта стандартизации различных видов профессиональной деятельности. Это позволяет раскрыть сущность профессии, учесть тенденции развития библиотечно-информационной деятельности, содержательно обогатить документ актуальными

трудовыми функциями и действиями. В основу аналитической работы по концептуальному обоснованию структуры будущего проекта были положены образовательные стандарты среднего и высшего библиотечного образования; профессиональные стандарты в сфере информационных технологий; положения об отделах и должностные инструкции сотрудников библиотек, работающих с электронными данными; инструкции по работе с электронными формами документов.

Обработка результатов аналитического этапа, проведенная на основе технологического подхода к библиотечно-информационной деятельности, позволила выстроить структуру первого уровня декомпозиции трудовых функций специалиста по работе с электронными данными, это: поиск информации в электронных ресурсах; семантическая и техническая обработка электронной информации; создание электронных информационных продуктов; мониторинг электронных информационных ресурсов; хранение (консервация, архивирование, защита) электронных информационных ресурсов; обучение сотрудников и пользователей библиотеки информационно-коммуникационным технологиям; участие в управлении внедрением информационно-коммуникационных технологий в деятельность библиотеки.

Каждая из предложенных обобщающих функций была конкретизирована описанием трудовых функций (табл. 2).

Таблица 2

Конкретизация обобщающих функций по работе с электронными данными в библиотеке (фрагмент)

Наименование обобщающей функции	Перечень трудовых действий
Поиск информации в электронных ресурсах	Составление поискового предписания
	Поиск библиографической информации в электронных ресурсах
	Поиск фактографической информации в электронных ресурсах
Семантическая обработка информации	Поиск полнотекстовой информации в электронных ресурсах
	Компьютерная обработка текста
	Аналитико-синтетическая переработка информации с использованием прикладного программного обеспечения
	Компьютерная визуализация данных

Трудовые функции были дополнены подробным описанием трудовых действий (табл. 3). Для выделенных трудовых действий сформирован перечень соответствующих им знаний и умений. Разработчиками было принято решение включить в раздел «Другие характеристики» перечень компетенций и условий труда, что позволяет распространить компетентностный подход на сферу практической библиотечной деятельности. Наличие позиции «Условия труда» отражает специфику библиотечной деятельности – активное использование компьютерного оборудования, технических средств различного назначения, а также интеллектуальную насыщенность библиотечного труда [2].

Таблица 3

Описание трудовой функции «Составление поискового предписания»

Элемент профессионального стандарта	Описание
Трудовые действия	Формулирование (прием) запроса
	Определение вида, цели и задач поиска
	Структурно-семантический анализ запроса, расширение предметного поля поиска
	Выбор языка поиска (естественный, информационно-поисковый)
	Перевод запроса на ИПЯ поисковых систем
	Уточнение (корректировка) запроса
	Определение формальных ограничений и содержательных границ поиска
Необходимые умения	Разработка программы поиска
	Формулировать, принимать, уточнять информационные запросы
	Создавать поисковый образ запроса
	Выделять поисковые признаки
	Проводить структурно-семантический анализ информационных запросов
	Индексировать запросы на ИПЯ ключевых слов, предметных рубрик, классификационных индексов
	Использовать методы морфологического анализа запросов, присвоения булевых операторов, определения синтаксических знаков
	Осуществлять выбор источников информационного поиска
	Разрабатывать программу информационного поиска

Продолжение таблицы 3

Окончание таблицы 3

Элемент профессионального стандарта	Описание
Необходимые знания	Требования к информационным запросам
	Виды информационного поиска
	Методы структурно-семантического анализа и уточнения информационных запросов
	Информационно-поисковые языки
	Методы индексирования документов и запросов
	Типовые алгоритмы решения поисковых задач
	Методы информационного поиска
	Типологию источников поиска информации
Другие характеристики	Ассортимент электронных информационных ресурсов
	Перечень компетенций: <ul style="list-style-type: none"> • готовность к постоянному личностному росту, саморазвитию и самообразованию; • способность находить контакт, общий язык и правильный тон при общении с потребителем; • готовность выявлять и качественно удовлетворять запросы потребителей; • способность выявлять и формулировать проблему, корректно формулировать цель, определять логические взаимосвязи и последовательности при решении интеллектуальной задачи; • готовность модифицировать привычные способы работы, осваивать новые методы и технологии в случае невозможности выполнить поставленную задачу традиционным способом; • способность к корректному и грамотному использованию профессионального языка, терминологии и стилей в устной и письменной коммуникации
	Условия работы: <ul style="list-style-type: none"> • постоянный график работы Повышение квалификации не реже 1 раза в 5 лет
	Условия труда: <ul style="list-style-type: none"> • повышенный уровень электромагнитных излучений; • повышенный уровень статического электричества; • повышенная яркость света; • прямая и отраженная блесковость;

Элемент профессионального стандарта	Описание
	<ul style="list-style-type: none"> • статические перегрузки костно-мышечного аппарата и динамические локальные перегрузки мышц кистей рук; • перенапряжение зрительного анализатора; • умственное перенапряжение; • эмоциональные перегрузки; • монотонность труда. Соблюдение условий труда в соответствии с: <ul style="list-style-type: none"> • Трудовым кодексом Российской Федерации; • СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 «Гигиенические требования к ПЭВМ и организации работы»; • Инструкцией по охране труда при работе на персональном компьютере

Сложно давалась декомпозиция обобщенной функции «Создание электронных информационных продуктов». Первоначально она была представлена детальным описанием трудовых функций (суть алгоритмов) процессов создания различных информационных продуктов и ресурсов: мультимедийных презентаций, электронных выставок, баз данных, сайтов, электронных коллекций, электронных библиотек, электронных хранилищ и т. п. Проведя консультации с преподавателями кафедры технологии документальных коммуникаций (Л. Г. Тараненко, М. Г. Ли, А. А. Меркуловой) и кафедр технологии автоматизированной обработки информации (И. Л. Скипор, Н. И. Колковой), а также сотрудниками Научной библиотеки КемГУКИ, Томской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина и другими специалистами, мы остановились на «свернутом» (предложенном И. Л. Скипор и Н. И. Колковой) описании данной обобщенной трудовой функции, включающем следующие трудовые функции второго уровня декомпозиции: проведение предпроектного обследования предметной области; концептуальное проектирование электронного информационного продукта/ресурса (ЭИП/Р); логическое проектирование ЭИП/Р; физическое проектирование ЭИП/Р; изготовление опытного образца ЭИП/Р; проведение предварительных

испытаний ЭИП/Р; подготовка объекта к внедрению; регистрация ЭИП/Р; эксплуатация ЭИП/Р актуализация и модернизация ЭИП/Р.

Работа в корпоративных проектах предполагает поиск компромиссов. В ходе обсуждения проектов профстандарта, представленных московской и кемеровской группами, учета замечаний и предложений, высказанных коллегами из Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, заинтересованных членом РБА, родился новый интегрированный проект документа. Он включает 7 обобщенных функций: 1) выполнение работ по формированию, учету, обработке и организации фонда; 2) осуществление работ по сохранению библиотечного фонда; 3) организация справочно-библиографического аппарата библиотеки; 4) справочно-библиографское и информационное обслуживание пользователей; 5) библиотечное обслуживание пользователей; 6) предоставление культурно-просветительских и досуговых услуг пользователям библиотеки; 7) научно-аналитическая, методическая и консультационная работа. Трудовые функции и действия по работе с электронными данными, необходимые для этого умения и знания, интегрированы в структуру каждой взятой обобщенной функции. Это вполне приемлемое решение. Оста-

ется сожалеть, что в процессе редактирования из раздела профстандарта «Другие характеристики» были исключены требуемые для реализации конкретных трудовых функций компетенции. Это не позволяет обеспечить такое необходимое взаимопонимание между библиотечной школой и библиотечной практикой в плане предъявляемых требований к специалисту библиотечно-информационной сферы с позиций компетентного подхода.

Профессиональный стандарт рассматривается нами в качестве реальной основы согласования регламентов профессиональной деятельности, выстраивания преемственности между различными уровнями профессионального образования, налаживания конструктивных связей с практической деятельностью. Библиотечно-информационная сфера динамично развивается, она «впитывает» в себя технические и социальные новации современности. Сегодня библиотечная практика немислима без информационно-телекоммуникационной составляющей. Расширение номенклатуры электронных продуктов и услуг, активное использование электронных ресурсов – одна из перспектив развития библиотек. Эти аспекты требуют обязательного отражения в регламентах профессиональной деятельности.

Литература

1. Абалакова О. В. Концептуальные и методические аспекты моделирования деятельности библиотечного специалиста на основе компетентного подхода: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. – Челябинск, 2012. – 22 с.
2. Ли М. Г. Опыт формирования компетентностной модели библиотечного специалиста // Библиосфера. – 2010. – № 1. – С. 46–50.
3. Пилко И. С. О кадрах, решающих все: На пути к созданию профессионального стандарта // Библиотечное дело. – 2011. – № 7. – С. 15–16.
4. Пилко И. С., Абалакова О. В. Нужны ли библиотечной профессии новые стандарты? // Независимый библиотечный адвокат. – 2012. – № 5. – С. 14–23.
5. Путин В. В. Для обновления всей системы высшего образования нужно использовать потенциал лучших вузов, делегировав им право и полномочия по оценке качества образования (Послание В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 12.12.2013) // Высшее образование сегодня. – 2014. – № 1. – С. 5–7.
6. Усольцева О. В. (Абалакова О. В.) Профессиональный стандарт как модель деятельности специалиста библиотечно-информационной сферы // Библиосфера. – 2010. – № 2. – С. 43–48.

References

1. Abalakova O. V. Konceptual'nye i metodicheskie aspekty modelirovaniya dejatel'nosti bibliotecnogo specialista na osnove kompetentnostngo podhoda: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03. – Cheljabinsk, 2012. – 22 s.
2. Li M. G. Opyt formirovaniya kompetentnostnoj modeli bibliotecnogo specialista // Bibliosfera. – 2010. – № 1. – S. 46–50.
3. Pilko I. S. O kadrah, reshajushchih vse: Na puti k sozdaniju professional'nogo standarta // Biblioteknoe delo. – 2011. – № 7. – S. 15–16.

4. Pilko I. S., Abalakova O. V. Nuzhny li bibliotechnoj professii novye standarty? // Nezavisimyj bibliotechnyj advokat. – 2012. – № 5. – S. 14–23.
5. Putin V. V. Dlja obnovlenija vsej sistemy vysshego obrazovanija nuzhno ispol'zovat' potencial luchshih vuzov, delegirovav im pravo i polnomochija po ocenke kachestva obrazovanija (Poslanie V. V. Putina Federal'nomu Sobraniju RF 12.12.2013) // Vysshee obrazovanie segodnja. – 2014. – № 1. – S. 5–7.
6. Usol'ceva O. V. (Abalakova O. V.) Professional'nyj standart kak model'dejatel'nosti specialista bibliotechno-informacionnoj sfery // Bibliosfera. – 2010. – № 2. – S. 43–48.

УДК 025.32+025.4.02

УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА «АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ» В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Меркулова А. Ш., кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

Сакова О. Я., кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

В статье рассмотрена эволюция преподавания курса «Аналитико-синтетическая переработка информации» на кафедре технологии документальных коммуникаций от традиционной каталогизации к созданию информационных продуктов с использованием в учебном процессе информационных технологий и технологического подхода.

Ключевые слова: аналитико-синтетическая переработка информации, каталогизация, информационные продукты, профессиональные компетенции, информационные технологии, технологический подход.

THE COURSE “PROCESSING THE ANALYTIC AND SYNTHETIC INFORMATION” IN THE CONTEXT OF COMPETENCE APPROACH

Merkulova A. Sh., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

Sakova O. Ya., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

Development of cataloguers has been conducted at Kemerovo State University of Culture and Arts since 1969. The course “Library catalogs” has been changed for some years not only according to its name, but also the contents and approaches to its teaching. All that is caused by set of tendencies in development of information and library practice and the higher education in general. Current teaching of the course “Processing the analytic and synthetic information” is based on the technological approach to the library activity developed by N. I. Gendina and I. S. Pilko, and also on the implementation of information technologies.

The purposes, objects, technological processes, resources, means, regulations, information products, subjects are provided and characterized in technological model of analytical and synthetic information processing. The analysis of designing bibliographic description, subject analysis, systematization, annotation, summarizing, reviewing allowed to reveal the general approaches to definition of technological activities in each of the called processes.

Information products of analytical and synthetic information processing (heading of bibliographic list, the bibliographic description, a subject heading, keywords, a descriptor, a classification index, an annotation, the summary, the review etc.) are logical end of all technological cycle which can be presented as independently, and in the form of bibliographic list. These information products form a basis for information and analytical activity in all areas of modern society.

The modern content of the course "Analytical and synthetic information processing" is beyond the frames of documents cataloguing in its traditional understanding and is focused on working out the various information and analytical products. Formation of professional competences within this course is possible with implementation of technological approach which promotes good training of the Bachelor in the field of analytical and synthetic information processing, and the lecturers of Technology of Documentary Communications Chair are very experienced in it.

Keywords: Analytical and synthetic information processing, cataloguing, information products, professional competences, information technologies, technological approach.

Развитие информационного общества тесно связано с информационно-аналитической деятельностью в различных областях деятельности человека. Создание современных аналитических продуктов невозможно без специалистов, обладающих соответствующими профессиональными компетенциями. Подготовка специалистов любого профиля, особенно специалистов библиотечно-информационной деятельности, должна включать дисциплины, связанные с информационно-аналитической деятельностью. Базовой составляющей в этой деятельности является аналитико-синтетическая переработка информации.

Подготовка студентов в области аналитико-синтетической переработки информации в Кемеровском государственном университете культуры и искусств (КемГУКИ) осуществляется с открытия вуза в рамках курсов «Алфавитный каталог», «Систематический каталог» [1].

В основе преподавания этих дисциплин находились «Единые правила описания произведений печати» и таблицы библиотечных классификаций с изучением общих и частных методик описания и классификации документов.

В связи с необходимостью унификации библиографических записей для библиотек разного типа, служб информации, издательств и других учреждений, в отечественном библиотековедении в 60–80-х годах XX века начинают разрабатываться и внедряться государственные стандарты, что обусловило внесение изменений в преподавание каталогизационных дисциплин, в частности, привело к их объединению в единый учебный курс

«Библиотечные каталоги». Предметом курса являлись теория, история, методика каталогизационной обработки произведений печати (описания, классификации, предметизации) и организации каталогов. Углубление теоретических основ каталогизации было связано с применением различных средств механизации и автоматизации каталогизационных процессов, что в перспективе явилось необходимым условием для внедрения машиночитаемой каталогизации.

Развитие теории и практики зарубежной и отечественной каталогизации в 90-е годы обусловило разделение курса «Библиотечные каталоги» на учебные дисциплины «Научная обработка документов» и «Информационные базы», которые отражали производственную необходимость информационно-библиотечных учреждений. С середины 90-х годов в компьютерных учебных аудиториях студенты нашего университета одними из первых в России осуществляли машиночитаемую обработку документов с использованием программного обеспечения автоматизированной библиотечно-информационной системы (АБИС) «LIBER».

В эти же годы активно ведется разработка новых таблиц Библиотечно-библиографической классификации (ББК), создание которых было вызвано коренными изменениями, происходящими в российском обществе. В новой редакции рабочих таблиц ББК для массовых библиотек появился раздел «1. Общенаучное и междисциплинарное знание» и таблицы типовых делений социальных систем, изменилась частная методика систематизации документов отдельных отраслей.

Концепция лингвистического обеспечения библиотечной технологии, разработанная в 1994 году Н. И. Гендиной, способствовала развитию теории и практики каталогизации, важной составляющей которых является комплекс лингвистических средств [2].

Учебные программы курсов находились в постоянном редактировании в связи с созданием и внедрением новых ГОСТов, обеспечивающих современный уровень научной обработки документов. Традиционное преподавание каталогизационных курсов перестало соответствовать требованиям времени.

В связи с внедрением государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования второго поколения [3] курс «Аналитико-синтетическая обработка документов» был переименован в «Аналитико-синтетическая переработка информации» (АСПИ). В начале XXI века с приходом на кафедру в качестве заведующей доктора педагогических наук И. С. Пилко, которая является автором технологического подхода к библиотечной деятельности, катало-

гизация стала рассматриваться как совокупность технологических процессов, что привело к пересмотру преподавания дисциплины. Данный курс аккумулировал все виды научной обработки информации и представил единую точку зрения на ее результаты: библиографическую запись в целом и ее отдельные элементы, которые могут использоваться самостоятельно, например, аннотация и реферат. Системный подход, отраженный в этой дисциплине, позволяет формировать у студентов целостное представление о процессах, связанных с переработкой информации.

Реформа высшей российской школы, включающая двухуровневую подготовку (бакалавриат, магистратура), обусловила внедрение федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, в том числе и по направлению 071900 «Библиотечно-информационная деятельность» [4].

Согласно этому документу выпускники должны владеть следующими компетенциями в области аналитико-синтетической переработки информации, представленными в таблице 1.

Таблица 1

Матрица соответствия компетенций и знаний, умений, владений в курсе «аналитико-синтетическая переработка информации»

Компетенции	Аналитико-синтетическая переработка информации		
	Знать	Уметь	Владеть
владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1)	объекты аналитико-синтетической переработки информации (ОК-1)		
владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-12)	виды аналитико-синтетической переработки документов (ОК-12)	использовать коммуникативные и машиночитаемые форматы в аналитико-синтетической переработке информации (ОК-12; ПК-4)	методами анализа и синтеза информации (ОК-12, ПК-1)
способность создавать и предоставлять информацию, отвечающую запросам пользователей (ПК-1)			технологическими процессами аналитико-синтетической переработки информации (ПК-28; ПК-1); методами анализа и синтеза информации (ОК-12, ПК-1)

Окончание таблицы 1

Компетенции	Аналитико-синтетическая переработка информации		
	Знать	Уметь	Владеть
готовность к овладению перспективными методами библиотечно-информационной деятельности на основе информационно-коммуникационных технологий (ПК-4)	коммуникативные и машиночитаемые форматы библиографических, авторитетных записей и классификационных данных (ПК-4)	использовать коммуникативные и машиночитаемые форматы в аналитико-синтетической переработке информации (ОК-12; ПК-4)	
готовность к аналитико-синтетической переработке информации (ПК-28)	регламентирующую документацию по аналитико-синтетической переработке информации (ПК-28); технологию и методику аналитико-синтетической переработки информации (ПК-28; ПК-31)	применять регламентирующие документы по аналитико-синтетической переработке информации (ПК-28); осуществлять аналитико-синтетическую переработку документов в традиционном и автоматизированном режиме (ПК-28)	технологическими процессами аналитико-синтетической переработки информации (ПК-28; ПК-1); методиками аналитико-синтетической переработки информации (ПК-28)
готовность к созданию информационно-аналитической продукции на основе анализа информационных ресурсов (ПК-31)	результаты аналитико-синтетической переработки информации и области их применения (ПК-31); технологию и методику аналитико-синтетической переработки информации (ПК-28; ПК-31)	создавать поисковый образ документа и/или запроса (ПК-31)	

Компетенции в курсе «Аналитико-синтетическая переработка информации» реализуются посредством практико-ориентированного обучения, которое заложено в учебный процесс во всех формах учебных и самостоятельных занятий студентов, например, интерактивные лекции, практические занятия с использованием информационно-коммуникационных технологий (Интернет, Электронная образовательная среда КемГУКИ), производственная практика, что отражено в публикациях [5, 6].

Фундаментом современного понимания аналитико-синтетической переработки информации

является технологический подход [7], который отражен в учебно-методических комплексах «Аналитико-синтетическая переработка информации» [8, 9], но не представлен в современных отечественных учебниках по этой дисциплине [10, 11, 12].

На основе технологического подхода к библиотечной деятельности был проведен сопоставительный анализ элементов информационной технологии и аналитико-синтетической переработки информации, результаты которого представлены на рисунке 1.

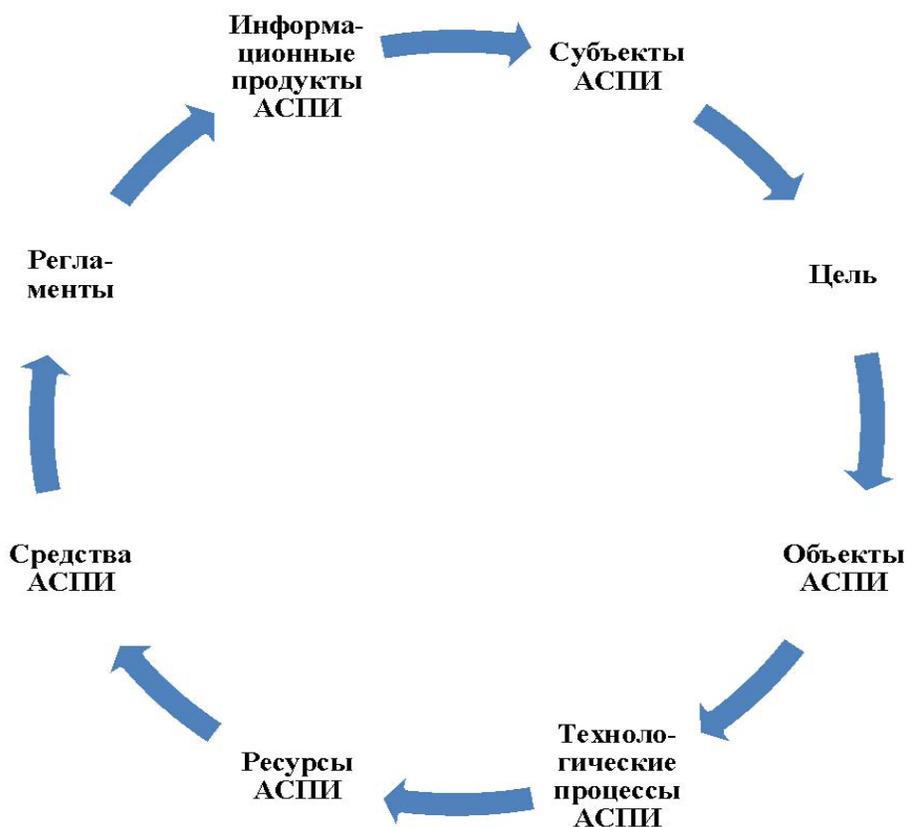

Рисунок 1. Технологическая модель аналитико-синтетической переработки информации

Цель аналитико-синтетической переработки информации – создание информационно-аналитических продуктов, которые являются сегодня одними из самых востребованных на информационном рынке. Их многообразие растет с каждым годом. Подготовка любого информационно-аналитического продукта включает аналитико-синтетическую переработку информации.

Объектами АСПИ, как известно, являются отдельный документ, совокупность документов и составная часть документа. В рамках этого курса студенты овладевают умениями создания библиографической записи на все типы и виды документов на различных носителях.

Субъекты аналитико-синтетической переработки информации – это специалисты с сформированными компетенциями в области АСПИ, занимающиеся в информационно-библиотечных учреждениях библиографической и каталогизационной деятельностью. Чтобы стать компетентны-

ми специалистами студенты в учебном процессе должны овладеть знаниями, умениями и навыками, представленными в таблице 1.

Технологические процессы аналитико-синтетической переработки информации (составление библиографического описания, предметизация, систематизация, аннотирование, реферирование, составление обзоров) отражены в соответствующих ГОСТах [13–17]. Анализ технологических процессов позволил выявить общие подходы к определению технологических операций в каждом процессе, результаты анализа представлены в таблице 2. Изучение таблицы показывает что, несмотря на тот или иной реализуемый технологический процесс, в аналитико-синтетической переработке информации можно выделить типовые технологические операции: анализ и оценка информации, выявление и отбор информации, принятие решения, оформление, редактирование.

Таблица 2

Технологические операции АСПИ

Технологические операции АСПИ	Составление библиографического описания	Аннотирование	Реферирование	Составление обзора	Предметизация	Систематизация
Анализ и оценка информации	анализ документа	оценка информационной значимости документа и выбор вида библиографической характеристики; анализ содержания с целью выявления наиболее существенных сведений	ознакомительное чтение (предварительный анализ) текста реферируемого документа, внимательное чтение (углубленный анализ)	разработка задания на составление обзора	анализ содержания документа как объекта индексирования	
Выявление и отбор информации	выявление библиографических сведений,	отбор и обобщение наиболее значимой информации для составления аннотации	Выделение в первоисточнике наиболее ценной в смысловом отношении информации, подлежащей включению в реферат	составление списка литературы к обзору, составление частотного словаря, рубрикатора и плана обзора	выявление и отбор смысловых компонентов в содержании документа	
Принятие решения	определение необходимого набора элементов библиографического описания; выбор первого элемента библиографической записи	определение вида и структуры аннотации	определение вида и структуры реферата	подготовка текста обзора	принятие решения о составе поискового образа документа (ПОД)	
Оформление	фиксация выявленных сведений в установленной последовательности с соответствующими условными разделительными знаками	составление текста аннотации	синтез информации (компоновка текста реферата)	подготовка справочного аппарата к обзору, оформление обзора	оформление отобранных смысловых компонентов как понятий в терминах индексирования в соответствии с системой грамматических средств данного информационно-поискового языка (ИПЯ)	
Редактирование	редактирование библиографического описания	редактирование и запись текста аннотации	редактирование и запись текста реферата	редактирование обзора.	редактирование терминов индексирования в составе ПОД	

Общеизвестно, что ресурсы любой технологии подразделяются на информационные, кадровые и материальные. Базовыми ресурсами для аналитико-синтетической переработки информации являются информационные, включающие авторитетные источники (справочные и картографические издания, интернет-ресурсы, учебные издания и др.).

К средствам АСПИ относятся лингвистическое, программное и техническое обеспечение. Лингвистическое обеспечение аналитико-синтетической переработки информации представлено комплексом информационно-поисковых языков (язык библиографического описания, язык предметных рубрик, язык ключевых слов, дескрипторные ИПЯ, классификационные ИПЯ и др.), Российскими коммуникативными форматами [18], авторитетными файлами. При обучении студенты используют Единый авторитетный файл Российской национальной библиотеки, включающий авторитетные записи имен, наименования организаций, предметных рубрик и унифицированных заглавий.

В учебный процесс для создания машиночитаемых библиографических записей активно внедряются такие программные средства АБИС, как «ИРБИС», «MARC SQL», «РУСЛАН», «OPAC-Global». К современным техническим средствам аналитико-синтетической переработки информации относятся компьютеры, сканеры, принтеры и др. Приступая к освоению учебной программы курса АСПИ, студенты должны иметь навыки работы на компьютере.

Нормативная база аналитико-синтетической переработки информации представлена комплексом регламентов, включающих:

- нормативно-технические (ГОСТы),
- организационные (положения, должностные инструкции),

- технологические (алгоритмы, технологические карты, технологические инструкции, операционные программы и др.),

- методические документы (методики индексирования, методики библиографического описания, методики аннотирования и реферирования и др.).

Информационные продукты аналитико-синтетической переработки информации являются логическим завершением всего технологического цикла. К ним относятся: заголовок библиографической записи, библиографическое описание, предметная рубрика, ключевые слова, дескриптор, классификационный индекс, аннотация, реферат, обзор и т. д., которые могут быть представлены как самостоятельно, так и в виде библиографической записи. Вышеназванные информационные продукты служат основой для информационно-аналитической деятельности во всех областях современного общества.

Таким образом, эволюция преподавания курса «Аналитико-синтетическая переработка информации» обусловлена совокупностью тенденций развития информационно-библиотечной теории и практики, а также и высшего образования. Внедрение информационных технологий в библиотечную практику принципиально изменило подходы к преподаванию каталогизационных курсов. Современное содержание курса «АСПИ» вышло за рамки каталогизации документов в традиционном ее понимании и ориентировано на создание разнообразных информационно-аналитических продуктов. Формирование профессиональных компетенций в рамках этого предмета возможно, как показывает опыт педагогов кафедры технологии документальных коммуникаций, с применением технологического подхода, который способствует оптимальной подготовке бакалавра в области аналитико-синтетической переработки информации.

Литература

1. Сакова О. Я. Преподаватели-каталогизаторы крупным планом // Библиотечная жизнь Кузбасса: период. сб. – Кемерово. – 2013. – № 4. – в печати.
2. Гендина Н. И. Лингвистическое обеспечение библиотечной технологии: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 1994. – 43 с.
3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в области культуры и искусства. Специальность: 052700 – Библиотечно-информационная деятельность. Квалификации: библиотекарь-библиограф, преподаватель; технолог автоматизированных информационных ресурсов; референт-аналитик информационных ресурсов; менеджер информационных ресурсов [Электронный ре-

- сурс] // BestPravo: информ.-прав. портал. – URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/jm-gosudarstvo/b3g.htm> (дата обращения: 10.02.2014).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 071900 Библиотечно-информационная деятельность (квалификация (степень) «бакалавр») (утв. приказом М-ва образования и науки РФ от 13 янв. 2010 года № 3) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: информ.-прав. портал. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/97566/> (дата обращения: 10.02.2014).
 5. Меркулова А. Ш., Сакова О. Я. От библиографического свертывания к аналитическому: опыт подготовки каталогизаторов в вузе // Библиосфера. – 2011. – № 1. – С. 71–74.
 6. Меркулова А. Ш., Сакова О. Я. Современная каталогизация документов: опыт преподавания в вузе // Библиотечная жизнь Кузбасса : период. сб. – Кемерово, 2011. – Вып. 2. – С. 45–55.
 7. Пилко И. С. Информационные и библиотечные технологии: учеб. пособие. – СПб.: Профессия, 2006. – 342 с.
 8. Аналитико-синтетическая переработка информации. Ч. 1. Библиографическое описание: учеб.-метод. комплекс по направлению подготовки 071900 «Библиотечно-информационная деятельность» / сост. О. Я. Сакова. – Кемерово: КемГУКИ, 2012. – 75 с.
 9. Аналитико-синтетическая переработка информации. Ч. 3. Предметизация и координатное индексирование: учеб.-метод. комплекс по направлению подготовки 071900 «Библиотечно-информационная деятельность» / сост. О. Я. Сакова. – Кемерово: КемГУКИ, 2013. – 82 с.
 10. Аналитико-синтетическая переработка информации: учеб. / под ред. А. В. Соколова. – СПб.: Профессия, 2013. – 319 с.
 11. Захарчук Т. В., Кузнецова И. П. Аналитико-синтетическая переработка информации: учеб.-практ. пособие. – СПб.: Профессия, 2011. – 104 с.
 12. Зупарова Л. Б., Зайцева Т. А. Аналитико-синтетическая переработка информации: учеб. / под ред. Ю. Н. Столярова. – М.: Изд-во ФАИР, 2007. – С. 235–273.
 13. ГОСТ 7.59-2003. Индексирование документов. Общие требования к систематизации и предметизации. – Взамен ГОСТ 7.59-90; введ. 01.01.2004 // Сборник основных российских стандартов по библиотечно-информационной деятельности. – СПб.: Профессия, 2005. – С. 258–265.
 14. ГОСТ 7.66-92. Индексирование документов. Общие требования к координатному индексированию. – М.: Госстандарт России, 1992. – 14 с.
 15. ГОСТ 7.1-2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание документов. Общие требования и правила составления. – М.: ИПК Изд-во стандартов, 2004. – III, 166 с.
 16. ГОСТ 7.80-2000. Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления. – М.: ИПК Изд-во стандартов, 2003. – III, 8 с.
 17. ГОСТ 7.82-2001. Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления. – М.: ИПК Изд-во стандартов, 2001. – III, 23 с.
 18. Российский коммуникативный формат представления библиографических записей в машиночитаемой форме (Рос. вариант UNIMARC) [Электронный ресурс]. – СПб.: РНБ, 1998. – URL: <http://www.rba.ru/rusmarc/> (дата обращения: 09.02.2014).

References

1. Sakova O. Ja. Prepodavateli – katalogizatory krupnym planom // Bibliotecnaja zhizn' Kuzbassa: period. sb. – Kemerovo. – 2013. – № 4. – v pečati.
2. Gendina N. I. Lingvisticheskoe obespechenie bibliotечноj tehnologii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. – SPb., 1994. – 43 s.
3. Gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego professional'nogo obrazovanija v oblasti kul'tury i iskusstva. Special'nost': 052700 – Bibliotечно-informacionnaja dejatel'nost'. Kvalifikacii: bibliotekar'-bibliograf, prepodavatel'; tehnolog avtomatizirovannyh informacionnyh resursov; referent-analitik informacionnyh resursov; menedzher informacionnyh resursov [Elektronnyj resurs] // BestPravo: inform.-prav. portal. – URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/jm-gosudarstvo/b3g.htm> (data obrashchenija: 10.02.2014).
4. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego professional'nogo obrazovanija po napravleniju podgotovki 071900 Bibliotечно-informacionnaja dejatel'nost' (kvalifikacija (stepen') "bakalavr") (utv. prikazom Ministerstva obrazovanija i nauki RF ot 13 janv. 2010 goda. № 3) [Elektronnyj resurs] // GARANT: inform.-prav. portal. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/97566/> (data obrashchenija: 10.02.2014).
5. Merkulova A. Sh., Sakova O. Ja. Ot bibliograficheskogo svertvyvanija k analiticheskomu: opyt podgotovki katalogizatorov v vuze // Bibliosfera. – 2011. – № 1. – S. 71–74.

6. Merkulova A. Sh., Sakova O. Ja. Sovremennaja katalogizacija dokumentov: opyt prepodavaniya v vuze // Bibliotekhnaja zhizn' Kuzbassa: periodicheskiy sbornik. – Kemerovo, 2011. – Vyp. 2. – S. 45–55.
7. Pilko I. S. Informacionnye i bibliotekhnnye tehnologii: ucheb. posobie. – SPb.: Professija, 2006. – 342 s.
8. Analitiko-sinteticheskaja pererabotka informacii. Ch. 1. Bibliograficheskoe opisaniye: ucheb.-metod. kompleks po napravleniyu podgotovki 071900 “Bibliotekhnno-informacionnaja dejatel’nost’” / sost. O. Ja. Sakova. – Kemerovo: KemGUKI, 2012. – 75 s.
9. Analitiko-sinteticheskaja pererabotka informacii. Ch. 3. Predmetizacija i koordinatnoe indeksirovaniye: ucheb.-metod. kompleks po napravleniyu podgotovki 071900 “Bibliotekhnno-informacionnaja dejatel’nost’” / sost. O. Ja. Sakova. – Kemerovo: KemGUKI, 2013. – 82 s.
10. Analitiko-sinteticheskaja pererabotka informacii: ucheb. / pod red. A. V. Sokolova. – SPb.: Professija, 2013. – 319 s.
11. Zaharchuk T. V., Kuznecova I. P. Analitiko-sinteticheskaja pererabotka informacii: ucheb.-prakt. posobie. – SPb.: Professija, 2011. – 104 s.
12. Zuparova L. B., Zajceva T. A. Analitiko-sinteticheskaja pererabotka informacii: ucheb. / pod. red. Ju. N. Stoljarova. – M.: Izd-vo FAIR, 2007. – S. 235–273.
13. GOST 7.59-2003. Indeksirovaniye dokumentov. Obshchie trebovaniya k sistemizacii i predmetizacii. – Vzamen GOST 7.59-90; vved. 01.01.2004 // Sbornik osnovnyh rossijskihs standartov po bibliotekhnno-informacionnoj dejatel’nosti. – SPb.: Professija, 2005. – S. 258–265.
14. GOST 7.66-92. Indeksirovaniye dokumentov. Obshchie trebovaniya k koordinatnomu indeksirovaniyu. – M.: Gosstandart Rossii, 1992. – 14 s.
15. GOST 7.1-2003. Bibliograficheskaja zapis’. Bibliograficheskoe opisaniye dokumentov. Obshchie trebovaniya i pravila sostavleniya. – M.: IPK Izd-vo standartov, 2004. – III, 166 s.
16. GOST 7.80-2000. Bibliograficheskaja zapis’. Zagolovok. Obshchie trebovaniya i pravila sostavleniya. – M.: IPK Izd-vo standartov, 2003. – III, 8 s.
17. GOST 7.82-2001. Bibliograficheskaja zapis’. Bibliograficheskoe opisaniye elektronnyhs resursov. Obshchie trebovaniya i pravila sostavleniya. – M.: IPK Izd-vo standartov, 2001. – III, 23 s.
18. Rossijskiy kommunikativnyy format predstavleniya bibliograficheskikh zapisej v mashinochitaemoj forme (Ros. variant UNIMARC) [Elektronnyy resurs]. – SPb.: RNB, 1998. – URL: <http://www.rba.ru/rusmarc/> (data obrashcheniya: 09.02.2014).

УДК 316.77:02

БИБЛИОТЕКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Тueva Л. М., кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

В статье рассматривается библиотека в ракурсе социальных коммуникаций; доказывается, что устойчивость в современном обществе обеспечивает библиотеке реализация прикладных функций. Библиотека представлена коммуникационным субъектом, осуществляющим коммуникационную деятельность в формах диалога, управления и подражания.

Ключевые слова: библиотека, социально-коммуникативный институт, субъект коммуникации, сущностные функции библиотеки, прикладные функции библиотеки, коммуникационная деятельность, диалог, управление, подражание.

THE LIBRARY IN THE CONTEXT OF SOCIAL COMMUNICATIONS

Tueva L. M., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

The article considers the library in the context of social communication. It is marked that, currently, a library should be seen as a social and cultural institution because of developing its communication function.

Broadening the library's functions is followed by the author in the historical retrospective. The dynamics of development of essential and applied functions is identified, and it is proved that a library as a social institution gains stability in different periods of its existence due to realization of various applied functions. It is emphasized that library's communication activity should be viewed in different levels, interpersonal, group and mass. The article discusses various forms of library's communication activity: dialogue, management and imitation. The reader can also find here some examples of those forms, used in modern library practice.

Keywords: library, social and communicative Institute, the subject of communication, the essential functions of the library, application library functions, communications, dialogue management, imitation.

В условиях коренных перемен в жизни российского общества в профессиональной печати продолжает обсуждаться вопрос о роли, функциях, миссии и концепции современной библиотеки. Заметим, что и в библиотечной практике в конкретном социальном времени и пространстве самосознание и самоидентификация библиотек со своим социальным назначением и выполняемыми функциями происходила на протяжении длительного времени. И если для специальных библиотек этот вопрос был изначально ясен – удовлетворение профессиональных потребностей и запросов специалистов, то для массовой (публичной) библиотеки этот теоретический и практический вопрос и сегодня является актуальным предметом для исследований, практических экспериментов и инноваций. Происходящая ныне активная компьютеризация библиотек на первый план выдвигает решение технологических, управленческих, организационных, кадровых проблем библиотечно-информационной деятельности. Вместе с тем становится очевидным, что без решения методологических, концептуальных проблем библиотечного дела в России невозможно эффективное решение других, производных от них вопросов, в том числе и вышеназванных. Поэтому только за последние 5 лет появилось много научных публикаций с изложением методологических подходов, концептуальных моделей современной российской библиотеки.

По этой важнейшей для дальнейшего развития библиотек России проблеме были проведены научные конференции, дискуссии, круглые столы теоретиков и практиков библиотечного дела. Так Е. Ю. Гениева в статье «Концептуальные модели библиотеки: объект, предмет и методология исследования» [1] называет следующие методологические подходы, определяющие роль библиотеки в России. Она отмечает, что на протяжении длительного времени библиотековеды библио-

теку определяли как «собрание книг, составленное по известной системе, рассортированное и размещенное в определенном порядке и предназначенное для целей просвещения» (Л. Б. Хавкина), «культурно-просветительное учреждение» (О. С. Чубарьян), «информационную систему, представляющую в распоряжение общества сконцентрированные в ней информационные ресурсы» (В. В. Скворцов), «педагогическую систему» (В. И. Терёшин), «метатекст» (В. П. Леонов), «социальный институт» (Р. П. Мотульский, А. В. Соколов, С. А. Маглина).

В этой же статье Е. Ю. Гениева снова возвращается к дефинициям библиотеки, но уже в другом контексте: «на протяжении десятилетиями российское библиотековедение не перестало создавать всевозможные объяснительные концепции библиотеки. К ним, в частности, относятся: библиопсихологическая (Н. А. Рубакин), информационная (В. В. Скворцов, В. П. Полянов), коммуникационная (А. В. Соколов), понимающая (В. П. Леонов, Л. Н. Гусева, Т. Н. Данченко, Е. В. Смолина), культурологическая (А. В. Ванев, В. Р. Фирсов, О. Л. Кабачек), а также многочисленные институциональные модели библиотеки (библиотека как образовательный институт, библиотека как социальный институт, социально-культурный институт)» [1]. К числу объяснительных концепций (Е. Ю. Гениева) относит и коммуникативную концепцию А. В. Соколова. Мы также считаем, что современная российская библиотека в условиях компьютеризации и рыночной экономики все более развивается как социально-коммуникативный институт, как коммуникационная система, продуцирующая смыслы в виде библиотечных продуктов и услуг, выражая и проявляя себя этим в социальном пространстве.

Библиотека как социально-коммуникативный институт обладает сущностными и прикладными функциями. Реализация сущностных функций

обеспечивает библиотеке ее неповторимость, уникальность как социального института, прикладные функции обеспечивают конкретизацию сущностных функций и придают институту устойчивость, современность и востребованность в конкретных, быстро изменяющихся социально-временных обстоятельствах. Так, сущностной родовой функцией библиотеки является сбор и хранение документов. Использование документов как библиотечный процесс в археокультуре библиотечной деятельности являлся достаточно редким, и эта деятельность для библиотеки была не основной, а прикладной по отношению к сбору и хранению древних книг. В процессе исторической эволюции по мере развития научного знания и накопления документов в библиотеке, распространения грамотности появляется объективная потребность в их использовании. Поэтому по прошествии времени прикладная функция «использование документов» становится сущностной, родовой функцией библиотеки.

Коммуникативность библиотеки, как ее свойство и сущностная функция, стала развиваться уже в эпоху палеокультуры. Конечно же, тогда ее коммуникация была в зарождающемся состоянии и замкнутой на ограниченный круг людей – тех, кто ее создавал и содержал, и осуществлялась она только через посредничество библиотекарей. Развитие городов, буржуазно-демократические преобразования в социальной жизни отразились и на социальном поведении библиотеки. Доступность к информации как принцип существования библиотеки стал проявляться в западноевропейских странах с XVI–XVII веков в эпоху просвещения. Первыми стали отходить от своего феодального прошлого Голландия и Англия, затем Франция. В Германии, как и в России, просвещение начало утверждаться позднее, в XVIII веке. Культурническая, просветительская функция библиотеки в период зрелого буржуазного общества в Европе из прикладной функции преобразуется в родовую, сущностную. Библиотека стала менять свои ориентиры, прежде всего, в сфере обслуживания читателей. Она становится общедоступной. В России идея общедоступности получает свое укрепление и последующее развитие во второй половине XVIII века, с открытием губернских библиотек. Именно общедоступность библиотеки,

как новый принцип ее деятельности, позволила библиотекам заявлять о себе как о социальном и коммуникационном институте. Коммуникативность библиотеки проявилась, прежде всего, в демонстрации своих лучших книжных собраний читателям. Это позволило родиться большому видовому разнообразию книжных выставок, а увеличение издательской продукции, рост документных фондов библиотек породил рекомендательную библиографию и многообразные формы информационно-библиографического обслуживания. Общедоступность библиотеки сделала ее открытой социальной системой, испытывающей сильное влияние и зависимость от социума и господствующей в нем идеологии. Поэтому библиотеки России прошли вместе со страной сложный путь своего развития. Открытость библиотеки побуждала ее осознавать и проявлять свою коммуникативность, поскольку она, как социальный институт и социальный субъект, в целях укрепления своей институциональности и самореализации должна была заявлять о себе и проявлять свою сущность в обществе. Общедоступность, открытость библиотеки становится притягательной для читающей публики. В библиотеке стали собираться знатоки книги и любители чтения для проведения свободного времени, обмена мнениями о прочитанном. На этой основе в коммуникативной практике библиотеки в последующем родилось много диалоговых и дискуссионных форм работы с читателями.

В России коммуникативная функция библиотеки активно развивается во второй половине XIX века. Как уже было отмечено выше, за счет введения и реализации прикладных функций библиотека хорошо адаптируется к требованиям времени и проявляет себя в новых социальных условиях. Так, библиотеки в первые годы советской власти за счет активного участия в кампании по ликвидации неграмотности укрепляют свой авторитет в обществе. В 50–60-е годы XX века через использование информационных форм специальных библиотек «Дней информации», «Дней специалиста», организации открытых просмотров литературы массовые библиотеки участвуют в кампании содействия научно-техническому прогрессу в нашей стране. В 70–80-е годы XX века они обеспечивают к себе внимание и лояльность

властей реализацией идеологической функции средствами таких форм, как «Ленинские уроки», «Ленинские и Октябрьские чтения», «Политбой», «уроки мужества» и других форм массовой идеологической работы в библиотеке. В 90-е годы, в эпоху коренных перемен в российском обществе, в качестве прикладной функции в массовых библиотеках начинает использоваться не бытовавшая ранее досуговая функция. Библиотеки начинают вести для читателей работу по организации и проведению досуга, ориентируясь на образцы развлекательных программ в средствах массовой коммуникации. Так, для читателей создаются различного рода любительские клубы досуговых занятий, проводятся игровые программы типа «Поле чудес», «КВН» «Посиделки» и т. п. В условиях стремительных политических и экономических преобразований в российском обществе в конце 90 – начале 2000-х годов библиотеки быстро реагируют на возникшую потребность людей в знаниях новых законов. Библиотеки открывают новые отделы – центры правовой информации и организуют информационно-правовое обслуживание. Именно таким образом в разное социальное время массовые библиотеки обеспечивают себе устойчивость и подтверждают необходимость своего существования через реализацию прикладных, а иногда даже несвойственных ей функций наряду с осуществлением собственно родовых, институционально-сущностных функций.

Как социальный институт библиотека через сущностные и прикладные функции реализует себя в социальном пространстве и времени, меняясь и адаптируясь к нему. Не случайно в настоящее время имеется богатое разнообразие библиотек по своему внутреннему и внешнему содержанию, направлениям и видам деятельности. В условиях рыночной экономики, агрессивной конкурентной среды современная библиотека все больше проявляет свою коммуникативность и позиционирует себя как социально-коммуникативный институт и субъект коммуникации.

Дефиниция «субъект» многозначна и используется рядом наук. В психологии понятие «субъект» обозначает отдельного человека или группу людей. В философии «субъект» – это носитель действия, тот, кто (или то, что) познает, мыслит или действует, в отличие от объекта (как того,

на кого направлены мысль или действие субъекта). С позиций науки логики дефиниция «субъект» есть предмет, о котором что-либо утверждается или отрицается. В философии имеется концепция коллективного субъекта. Коллективный субъект реализуется посредством совместных усилий многих индивидуальных психологических субъектов. Коллективным субъектом является профессиональное сообщество, следовательно, действия сотрудников библиотеки как профессиональной группы есть коммуникативные действия по продуцированию и выражению смыслов, необходимых для удовлетворения различных потребностей членов социума. Следовательно, библиотеку можно рассматривать в контексте ее бытования в качестве социально-коммуникативного субъекта, который репрезентируют в социуме профессионалы-библиотекари.

Полагаем, что следует различать понятия «коммуникационный» и «коммуникативный». Эти два атрибута по отношению к библиотеке должны употребляться, во-первых, в тесной взаимосвязи, а во-вторых, с учетом их существенных семантических различий. Термин «коммуникационный» мы наполняем тем же смыслом, что и А. В. Соколов [4], – относящийся к коммуникации, к передаче информации, сообщений.

Термин «коммуникативный», думается, следует рассматривать как свойство, способность субъекта, а значит и библиотеки, к коммуникации. Коммуникативность библиотеки, как ее имманентное свойство вступать в коммуникацию, все ярче проявляется, как это было отмечено выше, в обострившейся конкуренции между документной и электронной коммуникацией. Реализацию этого свойства обеспечивает качественно сформированный документный фонд библиотеки, библиотечная среда и пространство, а главное, библиотекари, прямые посредники между пользователями и своими учредителями, владеющими этими средствами, реализующими в конкретных социально-исторических и культурных условиях цели коммуникации библиотеки с ее пользователями. Таким образом, библиотека является, с одной стороны, институтом коммуникации, вступающим в посредничество между нуждающимися в ее ресурсах и учредителями, а с другой – коммуникативным субъектом, наделенным

своими специфическими коммуникативными свойствами, отличными от других субъектов коммуникации. Эти свойства – специфические существенные институциональные признаки библиотеки: хранить и предоставлять информацию, преобразовывать ее в нужные потребителю формы, кодировать и декодировать ее с помощью информационно-поисковых языков, создавать новые информационные продукты и услуги в целях удовлетворения разнообразных потребностей ее пользователей.

В современных условиях развития рыночных отношений и информатизации библиотеки все больше вынуждены заявлять о себе в социально-культурном пространстве как субъекты коммуникации. В настоящее время в библиотечной теории и практике устойчиво закрепилось рыночное понимание деятельности библиотеки по производству и продвижению для своих пользователей информационных продуктов и услуг. Прочно обосновался и технологический подход к деятельности библиотеки, получил признание и развитие библиотечный маркетинг и менеджмент вместе с рекламой и публик релейшнз. Будучи коммуникативным субъектом библиотека все больше осознает необходимость реализации своей ценностно-ориентационной функции, особенно в общении с детьми и юношеством.

Библиотека как коммуникативный субъект, бытующий в социально-культурном пространстве, проявляет и выражает себя в нем только через генерацию смыслов, адресованных и отправляемых различным социальным группам, через коммуникацию, общение в своем внутреннем мире и во внешней среде. Как всякий общающийся субъект библиотека, в первую очередь, заботится о своем внешнем облике. Не случайно именно поэтому в профессиональной печати так много работ посвящено теме имиджа современной библиотеки. Быть привлекательной, лояльной в глазах властей и общественности, нравиться своим пользователям, получать позитивные отзывы о себе даже от тех, кто в библиотеку не ходил и не ходит – вот сверхзадача каждой современной библиотеки. Это проявляется в стремлении обновлять свои фонды и материально-пространственную среду, овладевать и использовать современные средства и технологии в библиотечном производстве и обслуживании, быть на виду – именно это

делает библиотеку современной, соответствующей времени.

В советский период в профессиональной печати вопросы, связанные с имиджем, стилем, организацией пространственной среды, библиотечным дизайном, практически не освещались. Внешний облик и содержательная деятельность библиотеки жестко задавалась направлением всей идеологической работы в советском обществе. Библиотеки были похожи одна на другую, эта модель культивировалась тогдашними библиотечными методистами. И отличались библиотеки друг от друга только количеством хранимых документов, наличием в них редких собраний и ведомственной принадлежностью. Библиотечное пространство в теории и практике библиотечного дела того времени рассматривалось только в двух аспектах: оптимизации расстановки и хранения фондов и совершенствования библиотечного обслуживания в свете требований идеологии.

В настоящее время в социально-культурном пространстве каждая библиотека, так или иначе, осознает себя субъектом коммуникации и вступает в контакты с социумом. Стимулом к коммуникации выступает нахождение библиотеки в конкурентной среде, осознаваемая все больше потребность в самосохранении. Лозунг рынка «изменяться или умереть» как никогда актуален для библиотеки.

Выше мы уже отмечали, что, будучи открытой системой, библиотека всегда испытывает влияние внешней среды и чрезвычайно уязвима в связи с этим в социально-культурном пространстве. У каждой библиотеки есть свои адресаты (реципиенты), реальные и потенциальные, кому предназначена коммуникационная деятельность библиотеки. Прежде всего, это непосредственное, прямое общение библиотечарей с пользователями. Прямое общение осуществляется при удовлетворении запросов на документы, в справочно-консультационном обслуживании. Осознание себя коммуникативными субъектами в социальном пространстве проявляется у библиотек в целях деятельности во внешней среде. Это поддержание своей институциональности через сохранение документированной социальной памяти как овековеченной части культурного наследия общества, удовлетворение потребностей пользователей, привлечение реаль-

ных и потенциальных пользователей к чтению, развитие информационной культуры населения, выражение собственной индивидуальности в социально-коммуникативном пространстве через коммуникативно-культурную деятельность.

Коммуникационную деятельность библиотека осуществляет на межличностном, групповом и массовом уровне вступая в микро-, миди- и макрокоммуникацию. Рассматривая библиотеку как субъект коммуникации, заметим, что библиотеки достаточно существенно отличаются друг от друга. Прежде всего, они различны по своему статусу, роли в обществе, величине фонда, расположению в социально-культурном пространстве, сложившимся отношениям в социуме, выполнению существенных и прикладных функций. Однако самое существенное различие библиотекам придает ее внешняя коммуникация со своими пользователями, со своим ближайшим социальным окружением, попечителями, спонсорами, друзьями библиотеки, властными структурами.

Библиотека как коммуникативный субъект выражает передаваемые смыслы через подготовку и предоставление библиотечно-информационных продуктов и услуг, используя такие формы коммуникационной деятельности как диалог, управление и подражание. Заметим, что для современной библиотеки особенно актуальным становится диалог как сущность, смысл деятельности. Именно диалог со своими пользователями, диалог, ориентированный на различные социальные группы населения, на ближнее и дальнее окружение, диалог с властью и с другими социальными институтами

может поддерживать бытие библиотеки в социальном пространстве и времени. Быть услышанным, понятым и принятым можно только через диалог. Наряду с диалогом библиотека использует в коммуникационной деятельности управление и подражание. В истории отечественного библиотечного дела управление как форма коммуникации доминировала и реализовывалась в теории и практике библиотечного дела через руководство чтением, через пристройку к читателям «сверху», в роли всезнающего советника и руководителя. Управление в коммуникации это приказ, распоряжение, оказание влияния. В настоящее время управление как форма коммуникации библиотеки реализуется правилами пользования библиотечными документами, каталогами, оборудованием. Управление в библиотеке проявляется и реализуется в подготовке и оказании образовательных услуг, в различных формах обучения пользователей информационной культуре, информационных сообщениях, рекламе, PR. Подражание как форма коммуникационной деятельности осуществляется библиотекой через ее адаптацию к окружающей среде, приспособление и удовлетворение меняющихся потребностей населения, заимствование опыта и достижений у других библиотек, копирование образцов деятельности у других социальных институтов, обмен опытом. Таким образом, проявляя себя в социальном пространстве как социально-коммуникативный институт и субъект коммуникации, современная библиотека будет оставаться необходимой и востребованной.

Литература

1. Гениева Е. Ю. Концептуальные модели библиотеки: объект, предмет и методология исследования // Научно-техническая информация. – Сер. I. – 2006. – № 6. – С. 1–6.
2. Кормишина Т. М. Внешняя коммуникационная политика библиотек // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2009. – № 1. – С. 193–200.
3. Рябов М. А. Библиотека как коммуникационная система // Библиотечноеведение. – 2008. – № 2. – С. 28–31.
4. Соколов А. В. Метатеория социальной коммуникации / РНБ. – СПб.: 2001. – 352 с.

References

1. Genieva E. Yu. Kontseptualnye modeli biblioteki: object, predmet i metodologiya issledovania // Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. – Ser. 1. – 2006. – № 6. – S. 1–6.
2. Kormishina T. M. Vneshnyaya kommunikatsionnaya politika bibliotek // Vestn. Moskov. gos. un-ta kulyury i iskusstv. – 2009. – № 1. – S. 193–200.
3. Ryabov M. A. Biblioteka kak kommunikatsionnaya sistema // Bibliotekovedenie. – 2008. – № 2. – S. 28–31.
4. Sokolov A. V. Metateoriya sotsialnoy kommunikatsii / RNB. – SPb.: 2001. – 352 s.

УДК 37

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ДЕФИНИЦИЯ И ПРИНЦИПЫ

Гендина Н. И., заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nii@kemguki.ru

Рябцева Л. Н., кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nii@kemguki.ru

Авторами предлагаются определения понятий «общее информационное образование» и «специальное информационное образование»; раскрываются принципы информационного образования: культурологического, системного, деятельностного, технологического подходов, а также принципы формализации, интегративности, непрерывности.

Ключевые слова: информационное общество, информационное образование, общее информационное образование, специальное информационное образование, принципы информационного образования.

INFORMATION EDUCATION: THE DEFINITION AND PRINCIPLES

Gendina N. I., Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of International Academy of Higher Education, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nii@kemguki.ru

Ryabtseva L. N., Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nii@kemguki.ru

Information education is disclosed as a part of the education system, which manifestation is due to formation and development of information society. Based on the analysis of microflow of theses, monographs and articles on information education, the conclusion, that the definition of this concept is still missing, was made. The definition of “information education” is offered. Information Education is a part of the education system, the appearance of which is due to the phenomenon of “information explosion” and “information crisis”, the global nature of information society, introduction of information and communication technologies in all spheres of human life, formation and development of information society.

The two types of information education are outlined: general and special (professional).

General information education is information education oriented to all the members of society, except those working in the field of professional information activities.

Special (professional) education information is information education oriented to staff training to support the activity of information sector of the economy, including the search, collection, processing, analysis and synthesis, creation, storage, protection and dissemination of information.

The principles of information education are disclosed: culturological, system, active, technological approaches, as well as the principles of formalization, integrity, continuity.

Keywords: information society, information education, general information education, special education information, principles of information education.

Развитие информационного общества и информационной экономики породило необходимость в особом – информационном образовании. Для информационной экономики потребовался широкий круг информационных профессионалов: специалистов по информационным технологиям, специалистов по защите информации и информационной безопасности, программистов, менеджеров информационных ресурсов, бизнес-аналитиков и многих других. Подготовку таких специалистов обеспечивает система специального информационного образования.

Однако информационное общество и информационная экономика не могут развиваться без повышения уровня информационной грамотности и информационной культуры всех граждан. Вот почему обострилась проблема общего информационного образования, которое ориентировано на всех членов общества, а не только на тех, кто занят профессиональной информационной деятельностью.

Осмысление потребности общества в особом, информационном образовании получило отражение в исследованиях ученых из разных областей знания. Так, опубликовано значительное количество работ, посвященных анализу специфики образования в условиях информационного общества [2; 6; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 19; 20; 23; 24] и появлению особой – информационной педагогики [3; 15], информатизации образования и использованию информационно-коммуникационных технологий для оптимизации обучения [7; 16; 17; 18]. Термин «информационное образование» стал активно использоваться в работах педагогов, философов, социологов, культурологов. Однако, как показал проведенный анализ микропотока диссертаций, монографий и статей по информационному образованию, определение этого понятия до сих пор отсутствует. Даже публикации, заглавие которых содержит термин «информационное образование» [1; 5], не приводят его четкой дефиниции, не очерчивают объем и содержание закрепленного за ним понятия.

Востребованность дефиниции понятия «информационное образование» стала особо остро ощутима при разработке государственной концепции информационной безопасности детей, инициированной Федеральной службой по надзо-

ру в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в конце 2013 года.

В первой версии этой концепции, представленной для публичного обсуждения, несмотря на использование понятия «информационное образование», речь шла практически только о медиаобразовании.

В результате достаточно сложных и напряженных дискуссий с авторами Концепции в Раздел 20 «Стратегия, цели, задачи и методы информационного образования детей и подростков» была включена предлагаемая нами дефиниция понятия «Информационное образование», а также характеристика принципов информационного образования, разработанных в НИИ ИТ СС КемГУКИ. Новая версия «Концепции информационной безопасности детей» представлена на сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) <http://rkn.gov.ru/mass-communications/p700/p701/>.

Информационное образование – это часть системы образования, появление которой обусловлено явлениями «информационного взрыва» и «информационного кризиса», глобальным характером информатизации общества, внедрением информационно-коммуникационных технологий во все сферы человеческой жизни, становлением и развитием информационного общества. Информационное образование представляет собой целенаправленный процесс информационного обучения и воспитания личности, распространения информационных знаний через многоуровневую систему общего, профессионального и дополнительного образования, а также через средства массовой информации, библиотеки, общественные организации и профессиональные ассоциации, связанные с информационной деятельностью и развитием информационного общества. Различают общее и специальное (профессиональное) информационное образование.

Общее информационное образование – это информационное образование, ориентированное на всех членов общества, кроме лиц, занятых в сфере профессиональной информационной деятельности. Входит в многоуровневую систему образования и направлено на формирование общекультурных компетенций, связанных с приобретением знаний, умений и навыков работы

с информацией, персональным компьютером информационно-коммуникационными технологиями; нацелено на ликвидацию информационной, компьютерной неграмотности и формирование основ информационной культуры личности.

Специальное (профессиональное) информационное образование – это информационное образование, ориентированное на подготовку кадров, обеспечивающих деятельность информационного сектора экономики, включая поиск, сбор, обработку, анализ и синтез, создание, хранение, защиту и распространение информации. Оно входит в многоуровневую систему профессионального и дополнительного образования и направлено на формирование общекультурных и профессиональных компетенций в сфере информационной культуры личности, способствующих эффективному выполнению определенных видов трудовой и служебной деятельности в широком спектре профессий (специалисты по информационным технологиям, специалисты по информационной безопасности, программисты, менеджеры информационных ресурсов, референты-аналитики, бизнес-аналитики, редакторы, библиотекари, работники архивов, учителя информатики и многие др.).

Таким образом, информационное образование трактуется как часть системы образования, появление которой обусловлено становлением и развитием информационного общества. К развитию информационного образования причастны такие социальные институты, как образовательные учреждения, библиотеки, массмедиа, общественные организации и профессиональные ассоциации и др. Информационное образование делится на специальное и общее, или «информационное образование для всех», характеристиками которого являются понятия «информационная грамотность» и «информационная культура личности».

Для понимания специфики существенное значение имеют принципы информационного образования. Первая попытка формулировки принципов информационного образования представлена в работе коллектива авторов из НИИ ИТ СС КемГУКИ в [21, с. 31–32]. Освещение этих принципов содержится и в более поздних работах [22, с. 59–60; 25, с. 66–57].

Ниже приводится уточненная трактовка принципов информационного образования.

Принцип культурологического подхода – является методологической основой современной педагогической науки, исследующей образование и его процессы как культурные явления [4]; означает осознание глубокого взаимодействия категорий «информация» и «культура», формирует представление о том, что информационная культура личности есть неотъемлемая часть общей культуры человека. С позиций культурологического подхода целью информационного образования является формирование информационной культуры современного человека. Информационная культура закладывает мировоззренческие установки личности, формирует ее ценностные ориентации по отношению к информации как элементу культуры, препятствует дегуманизации и замене духовных ценностей достижениями, вызванными к жизни научно-техническим прогрессом и беспрецедентным ростом и развитием новых информационных технологий в информационном обществе.

Принцип системного подхода позволяет обеспечить целостность информационного образования; единство представлений о феноменах информации, информатизации, информационного общества; призван сформировать единую информационную картину мира; направлен на интеграцию информационной грамотности, медиаграмотности, традиционной (книжной) и новой (электронной) информационной культуры.

Принцип деятельностного подхода связан с подчиненностью информационного образования решению тех информационных задач, которые порождаются доминирующим видом деятельности людей (игровой, учебной, профессиональной и т. д.), характерным для определенной возрастной категории. В частности, информационное образование детей (дошкольники, младшие школьники, учащиеся среднего школьного возраста, старшие школьники) должно быть неразрывно связано с адекватными возрасту видами деятельности: игровая, учебная, научно-исследовательская, досуговая, творческая и др. Информационное образование детей должно обеспечивать их плодотворную учебную деятельность, интеллектуальное, духовно-нравственное и творческое развитие.

Принцип технологического подхода позволяет рассматривать информационное образование с позиций педагогической технологии, включающей определенную совокупность методов и

средств, обеспечивающих достижение заданного результата. Распространение технологического подхода на информационное образование способствует формированию четко выраженного представления о сущности информационных процессов; предполагает детальное определение пути к достижению конечного результата и обязательный контроль его качества как основы получения информационных продуктов с заданными параметрами. Под информационным продуктом понимается результат интеллектуальной деятельности человека по созданию новой информации или смысловой переработке имеющейся информации. Например, учитель, преподаватель на основе изучения большого числа публикаций, анализа педагогического опыта порождает новое знание, воплощенное в новые педагогические технологии, новые методики, методические рекомендации, научные статьи и т. д. Учащийся в ходе своей учебной, научно-исследовательской, досуговой и др. деятельности не создает нового знания, однако на основе изучения и анализа соответствующей литературы он также готовит информационные продукты – учебные рефераты, доклады, презентации и т. п., в которых найденная в разных источниках информация перерабатывается и подчиняется логике автора, подлежит сопоставлению и критической оценке.

Принцип формализации ориентирован на использование формализованных методов работы с информацией в системе информационного образования; позволяет уменьшить уровень эмпирически-описательных методов работы с информацией; ведет к снижению субъективизма действий человека, способствует повышению производительности и качества его труда; обеспечивает возможность алгоритмизации процессов, выполняемых с помощью персонального компьютера.

Принцип интегративности дает возможность построения единой стратегии и тактики информационного образования и формирования информационной культуры личности за счет максимального использования потенциала различных социальных институтов: образовательных организаций, библиотек, СМИ, общественных организаций и профессиональных ассоциаций, связанных с информационной деятельностью и развитием информационного общества. Он позволяет объединить усилия специалистов различ-

ных областей знания (учителей, медиапедагогов, психологов, библиотекарей, специалистов по информационным технологиям, журналистов и др.) для развития информационного образования.

Принцип непрерывности предусматривает использование возможностей всех уровней системы непрерывного образования (общего, профессионального и дополнительного) для формирования информационной компетентности и информационной культуры личности. Необходимость реализации принципа непрерывности информационного образования обусловлена двумя факторами: во-первых, постоянным ростом объемов противоречивой и разнородной информации, воздействующей на современного человека через традиционные и новые СМИ; во-вторых, стремительно сменяющимися друг друга типами персональных компьютеров, средств мобильной связи, информационно-коммуникационных технологий. Принцип непрерывности информационного образования позволяет обеспечивать надежную ориентацию человека в современной динамично изменяющейся информационной среде (<http://rkn.gov.ru/mass-communications/p700/p701/>).

Важность упорядочения понятийно-терминологического аппарата в сфере информационного образования определяется значимостью этого сектора в жизни современного общества. Информационное общество, атрибутом которого являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), открывает для человека невиданные ранее возможности доступа к информации и знаниям, позволяет каждому человеку реализовать свой потенциал и улучшить качество жизни. В то же время информационное общество несет многочисленные риски и опасности. В условиях колоссальных объемов разнородной и противоречивой информации все труднее становится ориентироваться, получать и перерабатывать нужную информацию. Мощь современной информационной техники и технологии порождает опасность манипулирования сознанием и поведением человека, угрожает дегуманизацией личности. Особую угрозу эти опасности и риски представляют для подрастающего поколения. Поэтому во всем мире все сильнее осознается необходимость решения глобальной проблемы – подготовить людей, и прежде всего, детей и подростков к новым условиям жизни и профессиональной деятельности в высокоавтоматизированной информацион-

ной среде, научить их эффективно использовать ее возможности и защищаться от негативных воздействий. Решение этой многоаспектной проблемы требует упорядочения и систематизации терминологии в сфере информационного образо-

вания, поскольку без четких и точных дефиниций невозможно определение стратегии развития информационного общества, информационной подготовки граждан, обеспечение их информационной безопасности.

Литература

1. Бешенков С. А., Ракитина Е. А., Миндзаева Э. В. Информационное образование в России // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 3. – С. 42–51.
2. Богатырев А. И. Профессиональные педагогические сообщества информационной эры // Образование, наука и развитие кадрового потенциала: информационный бюллетень корпорации «Майкрософт». – 2004. – Ч. 3, вып. 26. – С. 17–21.
3. Волкова Г. Н. Формирование информационной культуры студентов-психологов в библиотеке вуза: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03: защищена 29.05.2007. – СПб., 2007. – 262 с.
4. Гайсина, Г. И. Культурологический подход в теории и практике педагогического образования [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. – М., 2002. – 366 с. – URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-kulturologicheskij-podhod-v-teorii-i-praktike-pedagogicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 17.03.2014).
5. Гендина Н. И. Информационное образование и информационная культура личности как факторы развития информационного общества // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2002. – № 2. – С. 30.
6. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. – М.: Совершенство, 1998. – 608 с.
7. Евтихий Н. Н., Петров А. Б. Перспективы применения современных информационных технологий в инженерном образовании // Телекоммуникации и информатизация образования. – 2006. – № 2 (33). – С. 11–13.
8. Жожиков А. В. Культура и образование в условиях информационного общества // Информатика и образование. – 2002. – № 9. – С. 106–108.
9. Колин К. К. Человек в информационном обществе: новые задачи для образования, науки и культуры // Школьная библиотека. – 2007. – № 8. – С. 65–71.
10. Колин К. К. Человек в информационном обществе и проблемы образования // Философские проблемы информатики. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – С. 130–135. – (Информатизация образования).
11. Корню Б. Новые задачи образования в обществе знания: докл. на Междунар. конф. «ISSEP 2006 – Informatics in Secondary Schools: Evolution and Perspectives» (Вильнюс, Литва, 7–11 нояб. 2006 года) // Информатика и образование. – 2007. – № 3. – С. 3–9.
12. Культура и образование в информационном обществе: мат-лы Междунар. науч. конф., г. Краснодар, 16–18 сент. 2003 года. – Краснодар, 2003. – 434 с.
13. Лапчик М. П. О целях информатического образования учащихся // Информатика и образование. – 2008 – № 3. – С. 2–6.
14. Новиков А. М. Постиндустриальное общество: проблемы реструктуризации образования // Специалист. – 2008. – № 6. – С. 2–4.
15. Паршукова Г. Б. Информационная компетентность личности. Диагностика и формирование: моногр. – Новосибирск: НГТУ, 2006. – 253 с.
16. Половикова О. Н. Дополнительное школьное образование в процессе информатизации образования в России // Телекоммуникации и информатизация образования. – 2006. – № 3 (34). – С. 38–43.
17. Роберт И. В. О понятийном аппарате информатизации образования // Информатика и образование. – 2002. – № 12. – С. 2–6.
18. Солонин В. В. Интернет-технологии в интерсубъектном образовании // Информатика и образование. – 2007. – № 4. – С. 111–114.
19. Урсул А. Д. Образовательная революция XXI века в перспективе устойчивого будущего // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 15–18; № 2. – С. 11–19; № 3. – С. 17–24.
20. Урсул А. Д. На пути к опережающему образованию // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2012. – № 3. – С. 130–133; № 4. – С. 132–139.
21. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях: учеб.-метод. пособие / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, Г. А. Стародубова, И. Л. Скипор. – М.: Школ. б-ка, 2002. – 288 с.

22. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование содержания учебной дисциплины / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, Г. А. Стародубова, Ю. В. Уленко. – М.: Межрегион. центр библиотечного сотрудничества, 2006. – 512 с.
23. Человек в информационном пространстве цивилизации: культура, религия, образование: тез. докл. Междунар. науч. конф. (г. Краснодар–Новороссийск, 19–21 сент. 2000 года). – Краснодар, 2000. – 438 с.
24. Человек в информационном пространстве: межвуз. сб. науч. тр.: в 2 т. / М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО «Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского»; науч. ред. Н. В. Анишкина. – Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т, 2010. – 218 с.
25. Школьная библиотека как центр формирования информационной культуры личности [Текст]: учеб.-метод. пособие / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, Г. А. Стародубова, Ю. В. Уленко. – М.: Рус. школь. библиотеч. ассоц., 2008. – 352 с.

References

1. Beshenkov S. A., Rakitina E. A., Mindzaeva E. V. Informacionnoe obrazovanie v Rossii // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2013. – № 3. – S. 42–51.
2. Bogatyrev A. I. Professional'nye pedagogicheskie soobshchestva informacionnoj ery // Obrazovanie, nauka i razvitiye kadrovogo potentsiala: informacionnyj bjulleten' korporacii "Majkrosoft". – 2004. – Ch. 3, vyp. 26. – S. 17–21.
3. Volkova G. N. Formirovanie informacionnoj kul'tury studentov-psihologov v biblioteke vuza: dis. ... kand. ped. nauk: 05.25.03: zashchishchena 29.05.2007. – SPb., 2007. – 262 s.
4. Gajgina G. I. Kul'turologicheskij podhod v teorii i praktike pedagogicheskogo obrazovaniya [Elektronnyj resurs]: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.08. – M., 2002. – 366 s. – URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-kulturologicheskij-podhod-v-teorii-i-praktike-pedagogicheskogo-obrazovaniya> (data obrashcheniya: 17.03.2014).
5. Gendina N. I. Informacionnoe obrazovanie i informacionnaja kul'tura lichnosti kak faktory razvitiya informacionnogo obshchestva // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. – 2002. – № 2. – S. 30.
6. Gershunskij B. S. Filosofija obrazovaniya dlja XXI veka. – M.: Sovershenstvo, 1998. – 608 s.
7. Evtihiev N. N., Petrov A. B. Perspektivy primeneniya sovremennyh informacionnyh tehnologij v inzhenernom obrazovanii // Telekommunikacii i informatizacija obrazovaniya. – 2006. – № 2 (33). – S. 11–13.
8. Zhozhikov A. V. Kul'tura i obrazovanie v uslovijah informacionnogo obshchestva // Informatika i obrazovanie. – 2002. – № 9. – S. 106–108.
9. Kolin K. K. Chelovek v informacionnom obshchestve: novye zadachi dlja obrazovaniya, nauki i kul'tury // Shkol'naja biblioteka. – 2007. – № 8. – S. 65–71.
10. Kolin K. K. Chelovek v informacionnom obshchestve i problemy obrazovaniya // Filosofskie problemy informatiki. – M.: BINOM. Laboratorija znaniy, 2010. – S. 130–135. – (Informatizacija obrazovaniya).
11. Kornju B. Novye zadachi obrazovaniya v obshchestve znaniya: dokl. na Mezhdunar. konf. "ISSEP 2006 – Informatics in Secondary Schools: Evolution and Perspectives" (Vil'njus, Litva, 7–11 nojab. 2006 goda) // Informatika i obrazovanie. – 2007. – № 3. – S. 3–9.
12. Kul'tura i obrazovanie v informacionnom obshchestve: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf., g. Krasnodar, 16–18 sent. 2003 goda. – Krasnodar, 2003. – 434 s.
13. Lapchik M. P. O celjah informaticheskogo obrazovaniya uchashchihhsja // Informatika i obrazovanie. – 2008. – № 3. – S. 2–6.
14. Novikov A. M. Postindustrial'noe obshchestvo: problemy restrukturalizacii obrazovaniya // Specialist. – 2008. – № 6. – S. 2–4.
15. Parshukova G. B. Informacionnaja kompetentnost' lichnosti. Diagnostika i formirovanie: monogr. – Novosibirsk: NGTU, 2006. – 253 s.
16. Polovikova O. N. Dopolnitel'noe shkol'noe obrazovanie v processe informatizacii obrazovaniya v Rossii // Telekommunikacii i informatizacija obrazovaniya. – 2006. – № 3 (34). – S. 38–43.
17. Robert I. V. O ponjatijnom apparate informatizacii obrazovaniya // Informatika i obrazovanie. – 2002. – № 12. – S. 2–6.
18. Solonin V. V. Internet-tehnologii v intersub#ektnom obrazovanii // Informatika i obrazovanie. – 2007. – № 4. – S. 111–114.
19. Ursul A. D. Obrazovatel'naja revoljucija XXI veka v perspektive ustojchivogo budushhego // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2009. – № 1. – S. 15–18; № 2. – S. 11–19; № 3. – S. 17–24.
20. Ursul A. D. Na puti k operezhajushchemu obrazovaniju // Vestn. Cheljabinsk. gos. akad. kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 3. – S. 130–133; № 4. – S. 132–139.

21. Formirovanie informacionnoj kul'tury lichnosti v bibliotekah i obrazovatel'nyh uchrezhdenijah: uchebno-metod. posobie / N. I. Gendina, N. I. Kolkova, G. A. Starodubova, I. L. Skipor. – M.: Shkol. b-ka, 2002. – 288 s.
22. Formirovanie informacionnoj kul'tury lichnosti: teoreticheskoe obosnovanie i modelirovanie sodержanija uchebnoj discipliny / N. I. Gendina, N. I. Kolkova, G. A. Starodubova, Ju. V. Ulenko. – M.: Mezhtregion. centr bibl. sotrudnichestva, 2006. – 512 s.
23. Chelovek v informacionnom prostranstve civilizacii: kul'tura, religija, obrazovanie: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (g. Krasnodar – Novorossijsk, 19–21 sent. 2000 goda). – Krasnodar, 2000. – 438 s.
24. Chelovek v informacionnom prostranstve: mezhvuz. sb. nauch. tr.: v 2 t. / M-vo obrazovanija i nauki RF, GOU VPO “Jaroslav. gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo”; nauch. red. N. V. Anis'kina. – Jaroslavl': Jaroslav. gos. ped. un-t, 2010. – 218 s.
25. Shkol'naja biblioteka kak centr formirovanija informacionnoj kul'tury lichnosti [Tekst]: ucheb.-metod. posobie / N. I. Gendina, N. I. Kolkova, G. A. Starodubova, Ju. V. Ulenko. – M.: Rus. shkol. bibl. assoc., 2008. – 352 s.

УДК 004

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА

Колкова Н. И., кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: kolkovani@mail.ru

Скипор И. Л., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: taoi@kemguki.ru

Авторами приводятся результаты анализа понятийно-терминологического аппарата, характеризующего предметную область «информационное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем»; рассматриваются подходы к определению понятия «информационное обеспечение» в контексте развития автоматизированных систем различных видов; характеризуется подход к определению состава компонентов информационного обеспечения АБИС, предлагается дефиниция термина «информационное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем».

Ключевые слова: автоматизированные библиотечно-информационные системы, обеспечивающие подсистемы АБИС, информационное обеспечение АБИС, информационная база АБИС, информационные ресурсы, электронные информационные ресурсы, понятийно-терминологический аппарат.

INFORMATION MAINTENANCE OF AUTOMATED LIBRARY-INFORMATION SYSTEMS: THE EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL-TERMINOLOGICAL APPARATUS

Kolkova N. I., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of Chair of Automated Data Processing Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: kolkovani@mail.ru

Skipor I. L., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Automated Data Processing Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: taoi@kemguki.ru

Discusses information provision as one of the major subsystems of automated library information systems (ALIS). The urgency of clarifying the conceptual terminological apparatus in the context of the tasks of

development of electronic information resources of libraries and preparation of the bachelors of a direction of preparation 51.03.06 (071900) "Library and information activities" with specialization "Technology of automated library-information systems". The results of the analysis of the conceptual terminological apparatus, describing the subject area of "information management system". There is a lack in professional literature clarifying the idea of "information security". Approaches to the definition of "information security" in the context of development of the automated systems of various types: information support of the automated control systems, information support of the automated information systems, information support of ALIS and others. The analysis of definitions of terms, reflected in normative, informational and educational documents presented in the documentary flow of the 20th and 21st centuries. It describes the evolution of the information support system and the role of scientific research of Chair of automated library systems and computer engineering (ABS and WATTS, currently Chair of automated information processing technology) of Kemerovo state Institute of Culture and Arts in the field of automation and development of approaches to creation of ABS information support. The necessity to clarify the definition of the term "information support of ALIS" oriented on the use in its composition of unspecified and generic terms, reflecting its integral components and the specificity of the subject area "Automated Library Information System". The component composition of the data ware system is proposed to allocate the information base, including the structured collection of information resources and information flows, as well as methods and tools to create and maintain it in working order. Especially emphasized is the role of electronic information resources in the structure of the ALIS information base. In the structure of the methods of creating and maintaining, the information base highlights: methods of collecting documents/data, methods of information presentation, control methods, storage and data recovery. As a means of creating and maintaining the information base are considered the following: a unified system documentation, normative-legal, normative-technical and instructive-methodological and technological documents, normative-reference information, formats of documents/data, logical data models, data flow diagrams, schemes of content components EIR, writing styles.

Keywords: automated library-information system, which provides ALIS subsystems, information support system, information base system, information resources, electronic information resources, conceptual-terminological apparatus

Роль информационного обеспечения в создании и функционировании АБИС. Каждая библиотека, в первую очередь, ассоциируется с информационными ресурсами как основой удовлетворения информационных потребностей ее пользователей. По существу всегда, когда речь шла о библиотечно-информационном сервисе, вставал вопрос об информационном обеспечении библиотечно-информационной деятельности, определяемом, прежде всего, составом информационных ресурсов библиотеки. В принципе информационное обеспечение существует столько же, сколько и сами информационные учреждения, в частности, библиотеки, поскольку любая информационная система, в том числе автоматизированная, может успешно функционировать и решать возложенные на нее задачи только тогда, когда в ней представлены необходимые информационные ресурсы. Однако до перехода библиотек на рельсы автоматизации и создания автоматизи-

рованных библиотечно-информационных систем (АБИС) этот важнейший компонент библиотеки в явном виде не был представлен в составе понятийно-терминологического аппарата предметной области «библиотека» и соответственно не являлся объектом ни теоретического, ни практико-ориентированного рассмотрения. Сегодня информационное обеспечение АБИС (ИО АБИС) принято не только выделять в качестве одной из важнейших обеспечивающих подсистем автоматизированных библиотечно-информационных систем (наряду с информационным, лингвистическим, программным, техническим, технологическим и др.), но и отводить ему в этом ряду особое место. Приоритетное значение информационного обеспечения среди других обеспечивающих подсистем АБИС определяется тем, что именно с позиций состава информационного обеспечения принимаются решения относительно состава и характеристик компонентов всех других ее

обеспечивающих подсистем (лингвистического, программного, технического, технологического, организационного). Однако до сих пор понятие «информационное обеспечение», в отличие от других видов обеспечения, имеет самую имплицитную трактовку.

Отсутствие четкого толкования влечет за собой многие проблемы определения путей повышения его качества, а соответственно качества функционирования АБИС в целом. В особой мере решение этой проблемы актуально с позиций учебной деятельности, в частности, подготовки бакалавров направления подготовки 51.03.06 (071900) «Библиотечно-информационная деятельность» с профилем подготовки «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем», призванных обеспечить максимально эффективное решение многочисленных задач библиотеки на программно-технической платформе, включая, в первую очередь, задачи создания и эксплуатации электронных информационных ресурсов (ЭИР) различных видов. Решение таких задач требует наличия четких ориентиров в планировании содержания обучения студентов по курсу «Информационное обеспечение АБИС», определения состава и контроля формируемых при этом профессиональных компетенций. В свою очередь, это обуславливает потребность в проведении анализа понятийно-терминологического аппарата в сфере информационного обеспечения автоматизированных систем с целью выделения наиболее существенных его компонентов как основы для выработки определения информационного обеспечения автоматизированных библиотечно-информационных систем, отражающего общее, характерное для автоматизированных информационных систем любого типа и профиля, а также специфическое, присущее предметной области «автоматизированные библиотечно-информационные системы».

Эволюция информационного обеспечения автоматизированных систем. В область автоматизации библиотек и создания автоматизированных библиотечно-информационных систем понятие «информационное обеспечение» в качестве обозначения важнейшей подсистемы АБИС было перенесено из сферы автоматизированной обработки информации и автоматизированных систем в период становления информа-

тизации общества. Возникновение его относится к 70–80-м годам XX века и связано, в первую очередь, со становлением получивших широкое распространение в нашей стране автоматизированных систем управления (АСУ), в частности, АСУ предприятием (АСУП), технологическими процессами (АСУТП), технологической подготовки производства (АСУТПП) и т. п. Позднее в связи с расширением контуров информатизации общества оно стало рассматриваться в качестве одного из важнейших атрибутов автоматизированных информационных систем любого типа, а также их разновидностей, включая автоматизированные библиотечно-информационные системы.

Поиск путей оптимизации данного понятия закономерно обуславливает необходимость исследования существующих подходов к определению его сущности и порождает потребность в проведении терминологического анализа выработанных в данной сфере понятий, терминов и определений. На уровне нормативно-технических документов впервые определение информационного обеспечения как подсистемы автоматизированной системы было отражено в ГОСТе 19675-74 «Автоматизированные системы управления. Основные положения. Термины и определения», где под информационным обеспечением АСУ понималась совокупность единой системы классификации и кодирования технико-экономической информации, унифицированных систем документации и массивов информации, используемых в автоматизированных системах управления [6]. Применительно к задачам создания и эксплуатации этих систем в 1980-е годы была разработана система технической документации на АСУ. В ГОСТах этой системы вопросы информационного обеспечения не только были провозглашены в качестве компонента терминосистемы предметной области «Автоматизированные системы управления», но и получили развернутое многоаспектное отражение. ГОСТ 24.003-84 «Автоматизированные системы управления. Термины и определения» [2] определили информационное обеспечение АСУ как совокупность реализованных решений по объемам, размещению и формам организации информации, циркулирующей в автоматизированной системе управления при ее функционировании. При этом в примечании к этому определению указано, что информационное обеспечение АСУ включает

нормативно-справочную информацию, необходимые классификаторы технико-экономической информации и унифицированные документы, используемые в АСУ. Данный подход был положен в основу представленного в этой системе другого ГОСТа 24.102-80 «Система технической документации на АСУ. Обозначение документов», который содержит определение документации информационного обеспечения как части проектной документации на АСУ, содержащей решения по большому числу разносторонних компонентов АСУ, в частности, информационной базе, системе классификации и кодирования и технологическому процессу обработки информации в АСУ [3]. Требования к содержанию документов по информационному обеспечению АСУ были регламентированы ГОСТом 24.205-80 «Система технической документации на АСУ. Требования к содержа-

нию документов по информационному обеспечению» [4]. В целом с позиций этих нормативных требований описание информационного обеспечения должно содержать сведения, характеризующие принципы организации информационного обеспечения, организацию сбора и передачи информации, построение системы классификации и кодирования, организацию внемашинной и внутримашинной информационной базы.

В справочной и учебной литературе 70–80-х годов XX века (таблица 1) также можно найти целый ряд определений терминов, характеризующих информационное обеспечение как подсистемы автоматизированных систем управления, в составе которых в зависимости от вида управляемого объекта выделяют, например, АСУ технологическими процессами (АСУТП), АСУ предприятиями (АСУП) и т. д.

Таблица 1

**Отражение терминов, характеризующих информационное обеспечение
в справочной и учебной литературе 70–80-х годов XX века**

Термины и определения	Источники
Информационное обеспечение – совокупность системы классификации и кодирования, системы показателей, языков записи данных, унифицированных систем документации и массивов информации, используемых в автоматизированных системах управления	Справочник разработчика АСУ. – М.: Экономика, 1974. – С. 342
Информационное обеспечение – совокупность показателей, документов, классификаторов и массивов технико-экономической информации	Синяк В. С., Агаджанян С. И. Информационное обеспечение АСУ. – М.: Статистика, 1976. – С. 12
Информационное обеспечение АСУП – совокупность средств и методов построения информационной базы	Пономарева К. В., Кузьмин Л. Г., Морев В. Н. Информационное обеспечение АСУ: учебник. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 15
Информационное обеспечение АСУ – совокупность средств (систем документации и массивов информации) и методов подготовки информации для реализации функций управления в АСУ	Пелипенко В. Ф., Утевский М. Б. Информационное обеспечение АСУ: учебник. – Минск: Высшая школа, 1983. – С. 19
Информационное обеспечение – совокупность массивов информации, систем документации, информационных языков и систем кодирования	Шемакин Ю. И. Основы информатики и вычислительной лингвистики: учеб. пособие. – М.: МИНХ им. Г. В. Плеханова, 1983. – С. 202
Информационное обеспечение АСУ – совокупность реализованных решений по объектам, размещению и формам организации информации, циркулирующей в автоматизированной системе управления при ее функционировании	Мамиконов А. Г. Проектирование АСУ: учебник. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 101
Информационное обеспечение АСУ – совокупность методов и средств систематизации, структурирования и описания данных, средств их ведения	Федотов Н. Н., Венчковский Л. Б. Средства информационного обеспечения автоматизированных систем управления. – М.: Изд-во стандартов, 1989. – С. 4

Как видно из этих определений, в составе предметного поля «информационное обеспечение АСУ» в явном виде представлены компоненты других предметных областей. Типичным смещением вектора информационного обеспечения в область лингвистического обеспечения было включение в определение его понятия таких компонентов, как: системы классификации и кодирования, средства систематизации данных, информационные языки, классификаторы технико-экономической информации. Что же касается компонентов, имеющих прямое отношение к предметному полю «информационное обеспечение АСУ», то их состав в рамках рассмотренных определений весьма широк и диффузионен, что осложняет восприятие данного понятия как целостного и затрудняет проникновение в его сущность. В их числе: информация, данные, показатели, массивы информации, системы документации, унифицированные системы документации, информационная база.

Одновременно с рассмотрением различных аспектов информационного обеспечения автоматизированных систем управления в документальных потоках этого периода нашли отражение вопросы информационного обеспечения автоматизированных информационных систем (АИС), автоматизированных систем обработки информации (АСОД), автоматизированных систем научнотехнической информации (АСНТИ). В них также нередко рассмотрение сущности информационного обеспечения ассоциировалось с другими видами обеспечивающих подсистем (частей) автоматизированных информационных систем: лингвистического, технологического, программного обеспечения.

В 1990-е годы понятийно-терминологический аппарат информационного обеспечения автоматизированных систем получил развитие в контексте нормативно-технических документов системы 34. «Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы (АС)», представленный стандартами и руководящими документами. При этом используемый в данных нормативных документах термин «автоматизированные системы» в соответствии с примечанием к его определению следует считать родовым по отношению к автоматизированным системам управления (АСУ), системам автоматизированного проектирования (САПР),

автоматизированным системам научных исследований (АСНИ) и другим. Несмотря на то, что разработка нормативно-технических документов данной системы стандартизации относится к концу 80-х – началу 90-х годов XX века, они сохраняют приемлемый уровень разумности и, как следствие, имеют всеобъемлющий масштаб распространности. Ориентированные на автоматизированные системы в целом, они, благодаря возможности адаптации требований стандартов под особенности конкретных предметных областей, могут быть использованы и применительно к АБИС. К важнейшим документам такого рода, в частности, относятся: ГОСТ 34.003-90 «Автоматизированные системы. Термины и определения»; ГОСТ 34.201-89 «Виды, комплектность и обозначение документов при создании автоматизированных систем»; ГОСТ 34.601-90 «Автоматизированные системы. Стадии создания»; ГОСТ 34.602-89 «Техническое задание на создание автоматизированной системы»; ГОСТ 34.603-92 «Виды испытаний автоматизированных систем»; РД 50-34.698-90 «Автоматизированные системы. Требования к содержанию документов». Все они в той или иной мере сопряжены с рассмотрением вопросов информационного обеспечения автоматизированных систем. ГОСТ 34.003-90, утвержденный и введенный в действие взамен ГОСТа 24.003-84, закрепил следующее определение информационного обеспечения автоматизированной системы: совокупность форм документов, классификаторов, нормативной базы и реализованных решений по объемам, размещению и формам существования информации, применяемой в АС при ее функционировании [5]. Как видно из этого определения, при переходе от 24-й к 34-й системе стандартов объем понятия «информационное обеспечение автоматизированных систем» не получил необходимого уточнения и остается уязвимым по составу своих компонентов, включая компоненты других видов обеспечения (в частности, классификаторы как компоненты лингвистического обеспечения). В результате вновь не были сформированы достаточные основания для его непротиворечивости и целостности. При этом в ГОСТе 34.003-90 «лингвистическое обеспечение автоматизированной системы» представлено в качестве самостоятельного вида обеспечения и определено как со-

вокупность средств и правил для формализации естественного языка, используемых при общении пользователей и эксплуатационного персонала АС с комплексом средств автоматизации при функционировании АС [5].

Закрепленное ГОСТом 34.003-90 определение информационного обеспечения автоматизированной системы является базовым для различных их видов и в настоящее время. На его основе многими авторами предпринимаются попытки конструирования тех или иных собственных опре-

делений, которые не принципиально различаются между собой. Ниже приведены некоторые типичные определения терминов, характеризующих информационное обеспечение, представленных в составе современной учебной литературы по проектированию автоматизированных информационных систем (таблица 2). Их анализ позволяет констатировать, что в современном понятийно-терминологическом аппарате информационного обеспечения имеется много разночтений, отражающих специфику позиции автора.

Таблица 2

Отражение терминов, характеризующих информационное обеспечение в учебной литературе XXI века

Термины и определения	Источники
Информационное обеспечение представляет собой совокупность проектных решений по объемам, размещению, формам организации информации, циркулирующей в автоматизированных информационных технологиях обработки данных (АИТ)	Информационные технологии в маркетинге: учебник / Г. А. Титоренко, Г. Л. Макарова, Д. М. Дайитбегов и др.; под ред. Г. А. Титоренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – С. 20
Информационное обеспечение – это совокупность единой системы классификации и кодирования технико-экономической информации, унифицированной системы документации и информационной базы	Романов В. П., Емельянова Н. З., Партыка Т. Л. Проектирование экономических информационных систем: методология и современные технологии: учеб. пособие. – М.: Экзамен, 2005. – С. 22
Информационное обеспечение АИС – совокупность баз данных, файлов, документов и лингвистических средств, обеспечивающих реализацию информационной составляющей АИС	Исаев Г. Н. Информационные системы в экономике: учеб. пособие. – М.: Омега-Л, 2006. – С. 35
Информационное обеспечение АИС – совокупность нормативно-справочной информации, унифицированных систем документации, схем информационных потоков, форматов входных и выходных документов, структур баз данных и схемы их взаимосвязи	Колкова Н. И., Скипор И. Л. Прикладная информатика: технологии курсового и дипломного проектирования: учеб. пособие. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – С. 82
Информационное обеспечение предприятий и организаций – это совокупность данных, языковых средств описания данных, программных средств обработки информации, а также процедур и методов ее организации, хранения, накопления и доступа к ней	Прикладная информатика: справочник: учеб. пособие / под ред. В. Н. Волковой и В. Н. Юрьева. – М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2008. – С. 234

Анализ приведенных определений позволяет выделить следующие наиболее характерные компоненты информационного обеспечения автоматизированных информационных систем, которые могут быть отнесены к трем обобщенным группам:

Объект – информация, данные, базы данных, файлы, документы, массивы информации

нормативно-справочная информация, унифицированные системы документации, форматы входных и выходных документов, схемы информационных потоков, структуры баз данных и схемы их взаимосвязи, информационная база.

Методы и средства – методы и средства построения информационной базы, подготовки информации для реализации функций системы; си-

стематизации, структурирования и описания данных, в частности, лингвистические средства (информационные языки, языковые средства описания данных, системы классификации и кодирования технико-экономической информации); программные средства обработки информации; процедуры и методы организации, хранения, накопления и доступа к информации.

Проектные решения – описание результатов решения задач по объемам, размещению, формам организации информации.

Как видно из списка, характеризующего в разных редакциях определения понятия «информационное обеспечение», объекты информационного обеспечения, их вид является весьма многовариантным как по объемам, так и формам организации информации. С учетом того, что объект информационного обеспечения – центральное звено в составе определения данного понятия, вокруг которого выстраиваются все другие его компоненты, многовариантность его вида неизбежно ведет к многообразию методов и средств информационного обеспечения автоматизированных информационных систем. В целом все это ведет, с одной стороны, к значительной громоздкости понятия «информационное обеспечение», а с другой – к его размытости, лишению четкости и ясности.

Эволюция информационного обеспечения автоматизированных библиотечно-информационных систем. В 80-е годы XX века научным коллективом кафедры автоматизированных библиотечных систем и вычислительной техники (АБС и ВТ, ныне – кафедра технологии автоматизированной обработки информации) Кемеровского государственного института культуры впервые были рассмотрены вопросы информационного обеспечения применительно к предметной области «автоматизированные библиотечные системы». В этот период под руководством заведующего кафедрой С. А. Сбитнева был проведен комплекс общесистемных исследований библиотек как объектов автоматизации и выработаны концептуальные подходы к обеспечивающим подсистемам АБС, в частности, и к информационному обеспечению АБС. В структуре ИО АБС выделялась информационная база – совокупность документов (данных) и методы ее подготовки [8, с. 53]. В рамках информационного обеспече-

ния АБС была разработана концепция внутренних баз данных автоматизированных библиотечных систем. В их составе был предложен набор служебных (предметных) баз данных как основы реализации широкого комплекса задач внутри-библиотечной работы [8, с. 63].

В 2000-е годы предметной области «автоматизированные библиотечно-информационные системы» в качестве наиболее распространенного варианта определения термина «информационное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем» может быть приведено определение, представленное в монографии одного из крупнейших специалистов в области информатизации библиотечно-информационной деятельности Ф. С. Воройского [1, с. 129]. В ней под информационным обеспечением АБИС понимается «совокупность всех документов и данных, используемых для обслуживания пользователей и поддержки ее функционирования независимо от видов носителей информации, а также их организации, включая структуру и взаимные связи фондов, других видов информационных массивов и баз данных». При этом отмечается, что «совокупность средств информационного обеспечения может рассматриваться как отдельная подсистема АБИС, физически распределённая между всеми ее организационно-функциональными блоками».

Применительно к автоматизированным системам информационные ресурсы они могут рассматриваться дифференцированно как информационные ресурсы на традиционных и машинных носителях. Как известно, автоматизированные библиотечно-информационные системы, как и автоматизированные информационные системы других видов – это системы, в которых аналоговые (бумажные) информационные ресурсы органично сочетаются с электронными (цифровыми) информационными ресурсами (ЭИР). Отсюда проистекает дуализм информационного обеспечения АБИС, в составе которого в соответствии с двумя типами носителей информации: традиционные (бумажные) и машинные (магнитные, оптические, магнито-оптические) выделяют немашинное и машинное информационное обеспечение. Такой подход в своей основе учитывает особенности считывания информации, размещенной в автоматизированных (человекомашинных

системах) на различных носителях, человеком и машиной (ЭВМ). Внемашиное информационное обеспечение ориентировано на человека, на его особенности выполнения технологических операций по обработке информации. Машинное (внутримашинное) информационное обеспечение связано с созданием и организацией электронных информационных ресурсов. Состав информационных ресурсов конкретных АБИС зависит от тех конкретных задач, на решение которых они ориентированы, и тех конкретных внешних факторов, которые определяют их функционирование. Особенности задач, стоящих перед библиотеками на современном этапе, диктуют приоритетность создания и использования именно электронных информационных ресурсов, которые занимают все большее место в составе информационных ресурсов АБИС.

На государственном уровне вопросы, связанные с информационным обеспечением АБИС, в разрезе подготовки кадров впервые получили отражение в принятом в 2003 году Государственным образовательным стандарте высшего профессионального образования специальности 052700 «Библиотечно-информационная деятельность», где для квалификации «Технолог автоматизированных информационных ресурсов» в составе федерального компонента специальных дисциплин была введена дисциплина «СД.Ф.04. Информационное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем». В примерной учебной программе этой дисциплины, разработанной профессором КемГУКИ Н. И. Колковой [7], получили отражение резуль-

таты многолетних исследований и разработок кафедры ТАОИ в сфере информационного обеспечения АБИС. Особое место в соответствии с данной программой уделено вопросам формирования машинной информационной базы АБИС, включающей совокупность различных видов электронных информационных ресурсов: документальных и фактографических баз данных, электронных документов, сайтов.

Характеристика предлагаемого подхода к структурированию предметной области и определению термина «информационное обеспечение АБИС». Наличие в АБИС различных видов ЭИР (электронных каталогов, проблемно-тематических баз данных, электронных коллекций, электронных библиотек и др.), включаемых в состав документного фонда и справочно-библиографического аппарата библиотек, а также рассматриваемых в качестве независимых объектов, значительно усложняет сегодняшний облик информационного обеспечения АБИС. При этом каждый вид ЭИР атрибутируется множеством специфических свойств. И если сегодня в генерации определения термина «информационное обеспечение АБИС» идти по пути простого перечисления всех его компонентов и их свойств, то результат будет еще более неудовлетворительным. В этой связи, как нам представляется, более рациональным представляется подход к определению термина «информационное обеспечение АБИС», ориентированный на использование в его составе не видовых, а родовых понятий, отражающих его неотъемлемые компоненты. Состав их приведен в таблице 3.

Таблица 3

Состав компонентов информационного обеспечения АБИС

Наименование компонента	Состав компонента
1. Информационная база АБИС	Структурированная совокупность информационных ресурсов (относительно стабильная часть информационной базы): Традиционные информационные ресурсы Электронные информационные ресурсы Информационные потоки (динамичная часть информационной базы): Поток выходных документов/ данных Поток входных документов/ данных Поток промежуточных документов/ данных

Наименование компонента	Состав компонента
<p>Методы и средства создания и поддержания в рабочем состоянии информационной базы</p>	<p>Методы создания и поддержания в рабочем состоянии информационной базы: Методы сбора документов/ данных Методы представления информации (в том числе аспектный/ анкетный метод представления информации) Методы контроля данных Методы хранения данных Методы восстановления данных Средства создания и поддержания в рабочем состоянии информационной базы: Унифицированные системы документации Нормативно-правовые документы (федеральные законы, концепции, ФЦП и др.) Нормативно-технические документы (стандарты, руководящие документы и т. п.) Инструктивно-методические и технологические документы (методики, технологические инструкции и т. п. по формированию, ведению, обеспечению сохранности ЭИР, оперограммы и т. п.) Нормативно-справочная информация Форматы представления документов / данных: Форматы входных, выходных, промежуточных документов Форматы библиографической / фактографической записи (в том числе состав поискового образа документа / факта): Коммуникативные форматы Системы метаданных Логические модели данных Схемы информационных потоков Схемы взаимосвязей компонентов контента ЭИР (схемы взаимосвязей между таблицами базы данных, схемы взаимосвязей модулей электронной коллекции / электронного справочного и др. документа, схемы взаимосвязей рубрик сайта и т. п.) Стили изложения</p>

С позиций результатов анализа рассмотренных подходов к определению понятия «информационное обеспечение» как одной из важнейших обеспечивающих подсистем автоматизированных информационных систем и особенностей информационной среды современных автоматизированных библиотечно-информационных систем может быть выработано определение информационного обеспечения АБИС, отражающее общее, характерное для автоматизированных информационных систем любого вида и профиля, а также специфику предметной области «автоматизированные библиотечно-информационные системы». Такое определение, по нашему мнению, может иметь следующий вид: «**Информационное обеспече-**

ние АБИС – это совокупность информационных ресурсов, образующих информационную базу АБИС, необходимую для решения задач обслуживания пользователей и внутрибиблиотечной работы, а также методы и средства ее создания и поддержания в рабочем состоянии».

Предлагаемый подход к определению термина «информационное обеспечение АБИС» отражает значительную сложность состава данной обеспечивающей подсистемы современных АБИС и, не взирая на его большую информационную емкость, позволяет сделать его четко обозримым, легко доступным пониманию, а главное – достаточным для решения многих проблем создания и эксплуатации автоматизированных библиотечно-информационных систем. В частно-

сти, это касается решения проблем совместимости АБИС с позиций единых (не противоречивых) подходов. Актуальность реализованной в данной статье попытки решения теоретической задачи приведения определения понятия «информационное обеспечение АБИС» в соответствие с весьма разнообразным составом информационных ре-

сурсов современных библиотек, а также многообразием связанных с их созданием и ведением методов и средств возрастает, если учесть, что масштаб кардинальных перемен в формировании информационных ресурсов автоматизированных библиотечно-информационных систем на практике становятся сегодня всеобъемлющим.

Литература

1. Воройский Ф. С. Основы проектирования автоматизированных библиотечно-информационных систем. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002. – 384 с.
2. ГОСТ 24.003-84. Автоматизированные системы управления. Термины и определения. – Введ. 1985-07-01; отменен. – М.: Изд-во стандартов, 1984. – 14 с.
3. ГОСТ 24.102-80. Система технической документации на АСУ. Обозначение документов. – Введ. 1981-01-01; отменен. – М.: Изд-во стандартов, 1982. – 3 с.
4. ГОСТ 24.205-80. Система технической документации на АСУ. Требования к содержанию документов по информационному обеспечению. – Введ. 1981-01-01; отменен. – М.: Изд-во стандартов, 1982. – 6 с.
5. ГОСТ 34.003-90. Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения. – Взамен ГОСТ 24.003-84, ГОСТ 22487-77; введ. 1992-01-01. – М.: Стандартинформ, 2009. – 16 с.
6. ГОСТ 19675-74. Автоматизированные системы управления. Основные положения. Термины и определения. – Отменен. – М.: Изд-во стандартов, 1974. – 23 с.
7. Колкова Н. И. Информационное обеспечение АБИС: примерная программа дисциплины Федерального компонента цикла СД ГОС ВПО второго поколения по специальности 052700 «Библиотечно-информационная деятельность», квалификации 02 «Технолог автоматизированных информационных ресурсов» // Библиотечно-информационная деятельность. Специальность 052700: Государственный образовательный стандарт, примерные программы, учебные планы: сб. норматив. док. и учеб.-метод. обеспечения / под общ. ред. О. П. Мезенцевой. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. – С. 611–654.
8. Колкова Н. И. Информационное обеспечение АБС // Автоматизированные библиотечные системы: метод. рек. в помощь б-кам / КГИК. – Кемерово, 1988. – С. 53–62.

References

1. Vorojkskij F. S. Osnovy proektirovaniya avtomatizirovannyh bibliotechno-informacionnyh sistem. – М.: FIZMATLIT, 2002. – 384 s.
2. GOST 24.003-84. Avtomatizirovannye sistemy upravlenija. Terminy i opredelenija. – Vved. 1985-07-01; otmnen. – М.: Izd-vo standartov, 1984. – 14 s.
3. GOST 24.102-80. Sistema tehničeskoj dokumentaciina ASU. Oboznachenie dokumentov. – Vved. 1981-01-01; otmnen. – М.: Izd-vo standartov, 1982. – 3 s.
4. GOST 24.205-80. Sistema tehničeskoj dokumentaciina ASU. Trebovanija k sodержaniju dokumentov po informacionnomu obespečeniju. – Vved. 1981-01-01; otmnen. – М.: Izd-vo standartov, 1982. – 6 s.
5. GOST 34.003-90. Informacionnaja tehnologija. Kompleks standartov na avtomatizirovannye sistemy. Avtomatizirovannye sistemy. Terminy i opredelenija. – Vzamen GOST 24.003-84, GOST 22487-77; vved. 1992-01-01. – М.: Standartinform, 2009. – 16 s.
6. GOST 19675-74. Avtomatizirovannye sistemy upravlenija. Osnovnye polozhenija. Terminy i opredelenija. – Otmnen. – М.: Izd-vo standartov, 1974. – 23 s.
7. Kolkova N. I. Informacionnoe obespečenje ABIS: primernaja programma discipliny Federal'nogo komponenta cikla SD GOS VPO vtorigo pokolenija po special'nosti 052700 "Bibliotechno-informacionnaja dejatel'nost'", kvalifikacii 02 "Tehnolog avtomatizirovannyh informacionnyh resursov" // Bibliotechno-informacionnaja dejatel'nost'. Specia'nost' 052700: Gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart, primernye programmy, uchebnye plany: sb. normativ. dok. i ucheb.-metod. obespečenija / pod obshch. red. O. P. Mezencevoj. – М.: FAIR-PRESS, 2005. – S. 611–654.
8. Kolkova N. I. Informacionnoe obespečenje ABS // Avtomatizirovannye bibliotechnye sistemy: metod. rek. v pomoshch' b-kam / KGIK. – Kemerovo, 1988. – S. 53–62.

УДК004

**ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ
БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ
В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ
НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ
«БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»,
ПРОФИЛЯ «ТЕХНОЛОГИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ»**

Леонидова Г. Ф., доцент кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: taoi@kemguki.ru

Автором рассмотрено программное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем как обеспечивающая подсистема и объект изучения; описано становление и развитие подготовки библиотечных кадров в области программного обеспечения; дана характеристика подготовки бакалавров по направлению «Библиотечно-информационная деятельность», профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем» в сфере программного обеспечения как неотъемлемого элемента выпускной квалификационной работы.

Ключевые слова: программное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем, направление подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», профиль подготовки «Технология автоматизированных библиотечных систем, общекультурные и профессиональные компетенции бакалавров, объекты выпускных квалификационных работ бакалавров.

**AUTOMATED SOFTWARE LIBRARY AND INFORMATION SYSTEMS
IN THE CONTEXT OF TRAINING THE BACHELORS OF
THE DIRECTION “LIBRARY AND INFORMATION ACTIVITIES”,
TRAINING PROFILE “TECHNOLOGY AUTOMATED LIBRARY
AND INFORMATION SYSTEMS”**

Leonidova G. F., Docent of Chair of Automated Data Processing Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: taoi@kemguki.ru

Active use of information and communication technologies in the modern library and information production is fundamentally changing the social order for library staff training, emphasizing the social need for specialists with new professional ideology capable of productive activity of Automated Library Information System (ALIS), based on the operation of a wide range of policy means.

In particularly important for operating conditions, ALIS software tools are aimed at creating the electronic information resources, in turn, dictating the need for a new generation of library personnel, are designed to include in their field of databases and modern electronic information resources. On the other hand, the library is in need of personnel capable guide to a variety of software ALIS and management decisions of its choice and use.

Federal state educational standards of higher education in the direction of third-generation training “Library and Information Activities” reflects the problems of bachelors studying the software, as shown by

the composition requirements for the results of development of basic educational undergraduate programs, defined the relevant competencies of graduates. The specificity of the bachelor profile “Technology Automated Library and Information Systems” in software is reflected in the list of professional competencies of the profile developed by Chair of Automated Information Processing Technology of Kemerovo State University of Culture and Arts.

With all of the competencies in the curriculum of training the bachelors of “Library and Information Activities” profile “Technology Automated Library and Information Systems” included a number of disciplines, focused on the formation of students’ skills and knowledge in the field of software ALIS: “Computer”, “Applied Software assets” and “Web-technology”, “Software and hardware ALIS”, “Special information Technology” and “Presentation technology”.

In order to obtain views on the contribution of each discipline in the implementation of competencies and identify the knowledge, skills and fluence in the field of software performance, the analysis of curriculum disciplines was conducted, which resulted in the matrix corresponding to the planned learning outcomes (knowledge, skills, ownership), planned results of development of basic educational programs (formed by competences). Data matrix confirms that graduate profile “Technology of Automated Library Information Systems” focuses the knowledge, abilities and skills in the software required modern library: ability to create and exploit electronic information resources, make informed management decisions about choosing and managing the special ALIS software.

Willingness of students to solve real problems with ALIS is determined by the quality of final qualifying works. The analysis of the content of academic disciplines also allows us to conclude about reliability of the graduate trained in the profile “Technology of Automated Library Information Systems” in the software use.

Thus, in general, the strategy of training the library staff in the software can be evaluated as effective.

Keywords: automated software library and information systems, training direction “Library and Information Activities”, training profile “Technology of Automated Library Systems”, general cultural and professional competence of bachelors, objects qualifying the final works of bachelors.

**Программное обеспечение
автоматизированных библиотечно-
информационных систем
как обеспечивающая подсистема
и объект изучения**

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий и активное их использование в современном библиотечно-информационном производстве принципиально меняют социальный заказ на подготовку библиотечных кадров, акцентируя общественную потребность в специалистах с новой профессиональной идеологией, способных обеспечить продуктивную деятельность автоматизированной библиотечно-информационной системы (АБИС), которая теснейшим образом связана с эксплуатацией широкого круга программных средств. Как разновидность автоматизированных информационных систем АБИС представляет собой «комплекс про-

граммных, технических, информационных, лингвистических, организационно-технологических средств и персонала, предназначенный для сбора, обработки, хранения, поиска и выдачи данных в заданной форме или виде для решения разнородных профессиональных задач пользователей системы» [2]. Важнейшее место среди обеспечивающих подсистем АБИС занимает программное обеспечение (ПО), составляющее вкуче с техническими средствами ее программно-аппаратную платформу.

Определение понятия «программное обеспечение» отражено в нескольких стандартах [3–5]. Результатом их обобщения и применительно к АБИС может служить следующая дефиниция: программное обеспечение автоматизированной библиотечно-информационной системы – совокупность программных средств и программной документации, предназначенных для создания и функционирования АБИС.

В соответствии с ГОСТ 34.003-90 «Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения» программное обеспечение АБИС подразделяется на два класса: общее и специальное [4].

Общее ПО предназначено для решения типовых задач обработки информации: управления ресурсами компьютера, создания программного обеспечения, расширения возможностей пользователей АБИС. Общее ПО разрабатывается вне связи с созданием АБИС и включает широчайший спектр программ различного назначения, необходимых для продуктивной деятельности любой АИС, среди которых можно выделить следующие виды:

1. Операционные системы – программное обеспечение, предназначенное для управления процессами и ресурсами компьютера; обеспечения запуска всех остальных программ; организации интерфейса пользователя с программными и аппаратными средствами компьютера, то есть это совокупность программных средств, без которых работа любого компьютера не возможна.

2. Сервисные программы – программное обеспечение, предназначенное для выполнения вспомогательных операций обработки данных или обслуживания компьютеров. К сервисным программам относятся: антивирусные программы, программы архивирования данных, программы обслуживания магнитных дисков, программы увеличения производительности магнитных дисков, драйверы устройств, программы ограничения доступа, программы резервного копирования, диагностические программы и т. д.; другими словами, это совокупность программ, выполняющих обслуживающие функции.

3. Инструментальное программное обеспечение – программное обеспечение, предназначенное для разработки и внедрения программных средств; в АБИС используется для решения локальных внутрибиблиотечных задач, например, автоматизации расчета показателей работы библиотеки или создания баз данных «Краеведение», «Кто есть кто», «Кадры библиотеки».

4. Прикладное программное обеспечение общего назначения – наиболее многочисленный

вид программного обеспечения, включающий универсальные программные средства, предназначенные для расширения возможностей пользователей АБИС: подготовки текстового документа, верстки рекламного буклета, создания сайта, электронной коллекции, виртуальной выставки и др. То есть это программы, которые в условиях АБИС в подавляющем своем большинстве ориентированы на создание электронных информационных ресурсов. Использование в современной библиотеке программных средств данного вида диктует необходимость подготовки нового поколения библиотечных кадров, призванных обогащать содержание и расширять ассортимент производимых ими информационных продуктов, включая в поле своей деятельности современные электронные информационные ресурсы.

Специальное ПО разрабатывается при создании конкретной АБИС и представляет собой пакет прикладных программ, предназначенный для автоматизации процессов и операций традиционной библиотечной технологии. Существует два пути автоматизации библиотеки: приобретение готового специального программного обеспечения или разработка его собственными силами. В настоящее время библиотеки предпочитают первый вариант, так как конкурентные возможности отдельных программистов или их небольших групп, весьма ограничены. Усилия этих программистов могут быть полезны в основном для поддержки эксплуатации уже имеющихся промышленных разработок или их адаптации к условиям эксплуатации. По мнению специалистов, данная тенденция не только сохранится, но и существенно усилится. Отметим, что в настоящее время на современном рынке представлен широкий набор специального программного обеспечения как российских («ИРБИС», «ОРАС-Global», «РУС-ЛАН» и др.), так и зарубежных («Absotheque», «ALEPH», «VIRTUA» и др.) производителей.

Мощная индустрия специального программного обеспечения, непрерывное создание и развитие многочисленных программных продуктов данного профиля требует надежной подготовки библиотечных кадров, способных принимать обоснованные управленческие решения по выбору и эксплуатации ПО АБИС на всех этапах ее жизненного цикла.

Становление и развитие подготовки библиотечных кадров в области программного обеспечения

В настоящее время информационные ресурсы библиотек все в большей мере становятся электронными. При этом они не только заимствуются, но и создаются библиотеками (самого разного уровня) самостоятельно, что, несомненно, актуализирует проблему подготовки библиотечных кадров, обладающих достаточно глубокими знаниями и умениями в области программного обеспечения АБИС. В условиях гуманитарного образования бакалавров направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» данная проблема становится особенно острой.

Исторически сложилось так, что проблема разрушения стереотипа «гуманитарного библиотечного образования» была осознана кафедрой технологии автоматизированной обработки информации КемГУКИ (в то время кафедра научно-технической информации Кемеровского государственного института искусств и культуры) в самом начале эпохи автоматизации библиотек. В этот период кафедру возглавляет Стас Андреевич Сбитнев – неутомимый новатор, энтузиаст и генератор идей автоматизации информационно-библиотечных процессов. В начале 1980-х годов по его инициативе в учебный план подготовки студентов библиотечного факультета были включены дисциплины, ориентированные на изучение программного обеспечения. В своих публикациях, посвященных подготовке библиотечных кадров, С. А. Сбитневым неоднократно подчеркивалась значимость изучения таких дисциплин как «Вычислительная техника и программирование» [6] и «Программное обеспечение АБС» [7–9].

Важный шаг в совершенствовании подготовки студентов специальности «Библиотечно-информационная деятельность» был сделан в связи с принятием Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ГОС ВПО) второго поколения, в состав которого была включена учебная дисциплина «Программно-техническое обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем» в качестве специальной дисциплины федерального компонента [1].

Важность решения задачи подготовки выпускников, ориентирующихся в многообразии рынка программного обеспечения, обладающих арсеналом теоретических знаний и практических умений в области программного обеспечения, не только не утратила своей актуальности, но стала еще более острой в XXI веке в связи с возрастанием роли электронных информационных ресурсов в процессе информатизации общества.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования третьего поколения по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» в значительной мере отражает проблему изучения бакалаврами программного обеспечения. Это подтверждается составом требований к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата, определяемых соответствующими компетенциями выпускников направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» (таблица 1).

Таблица 1

Перечень компетенций выпускников направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» в области программного обеспечения в соответствии с ФГОС ВПО

Компетенции	Код компетенции
1. Владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией	ОК-12
2. Способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях	ОК-13
3. Способность формировать документные фонды, базы и банки данных, обеспечивать их эффективное использование и сохранность	ПК-3
4. Готовность к овладению перспективными методами библиотечно-информационной деятельности на основе информационно-коммуникационных технологий	ПК-4
5. Готовность к освоению и предоставлению перспективного ассортимента продуктов и услуг	ПК-5

По данным, приведенным в таблице, можно сделать вывод, что подготовка бакалавров по направлению «Библиотечно-информационная деятельность» в области программного обеспечения связана с формированием и общекультурных, и профессиональных компетенций. Среди них представлены компетенции, отражающие необходимость изучения студентами средств программного обеспечения, как в явном, так и в скрытом виде. Например, компетенция ПК-3 однозначно указывает на необходимость освоения бакалаврами программных средств, предназначенных для формирования баз и банков данных, их использования и сохранности. С другой стороны, компетенция ОК-13, наряду с другими дисциплинами, формируется дисциплиной «Информатика» в ходе выполнения практических заданий по изучению современного мирового рынка программного обеспечения.

Специфика подготовки бакалавров профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем» в области программного обеспечения отражена в перечне профессиональных компетенций данного профиля, разработанном кафедрой технологии автоматизированной обработки информации (таблица 2).

Таблица 2

**Перечень профессиональных компетенций
профиля 5 «Технология автоматизированных
библиотечно-информационных систем» в области
программного обеспечения**

Компетенции	Код компетенции
1. Готовность к обеспечению создания и эффективной эксплуатации электронных информационных ресурсов	Пр5-4
2. Способность осуществлять и обосновывать выбор проектных решений по видам обеспечения АБИС (информационному, лингвистическому, технологическому, программно-техническому обеспечению)	Пр5-8
3. Способность документировать процессы создания АБИС на всех стадиях жизненного цикла	Пр5-9

Окончание таблицы 2

Компетенции	Код компетенции
4. Способность к анализу и оценке эффективности используемых в АБИС обеспечивающих средств (информационных, лингвистических, программных, технических)	Пр5-13
5. Способность разрабатывать требования к созданию и развитию компонентов обеспечивающих подсистем АБИС (информационного, лингвистического, технологического, программно-технического обеспечения)	Пр5-14
6. Способность анализировать отечественный и зарубежный рынок обеспечивающих средств для решения задач АБИС	Пр5-15

Состав приведенных компетенций в полной мере соответствует требованиям современной библиотеки к выпускнику, который должен, во-первых, владеть программными средствами создания и эксплуатации электронных информационных ресурсов (Пр5-4), во-вторых, уметь принимать обоснованные управленческие решения по выбору ПО (Пр5-8, Пр5-15) и управлению специальным программным обеспечением АБИС на всех этапах ее жизненного цикла (Пр5-9, Пр5-13, Пр5-14).

С учетом компетенций, приведенных в таблицах 1 и 2 в учебный план бакалавров направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем» включен ряд дисциплин, ориентированных на формирование умений и знаний студентов в области программного обеспечения автоматизированных библиотечно-информационных систем: «Информатика» (дисциплина федерального компонента информационно-коммуникационного цикла), «Прикладные программные средства» и «Web-технологии» (дисциплины по выбору информационно-коммуникационного цикла), «Программно-техническое обеспечение АБИС», «Специальные информационные технологии» и «Презентационные технологии» (дисциплины вариативной части профессионального цикла), а также учебная практика (таблица 3).

Таблица 3

Учебные дисциплины, формирующие компетенции выпускников направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность», профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем» в области программного обеспечения

Код компетенции	Дисциплины информационно-коммуникационного цикла			Дисциплины профессионального цикла			Учебная практика
	Информатика	Прикладные программные средства	Web-технологии	Программно-техническое обеспечение АБИС	Специальные информационные технологии	Презентационные технологии	
ОК-12	+	+	+	+	+	+	+
ОК-13	+					+	
ПК-3		+					
ПК-4	+	+	+	+	+	+	+
ПК-5			+		+	+	
Пр5-4		+			+		
Пр5-8				+			
Пр5-9				+			
Пр5-13				+			
Пр5-14				+			
Пр5-15		+		+			

Данные таблицы позволяют констатировать, что каждая дисциплина вносит свой специфический вклад в формирование компетенций бакалавра профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем» в области программного обеспечения. В качестве лидера в этом ряду выступает курс «Программно-техническое обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем». С целью выявления состава знаний, умений и владений в области программного обеспечения и получения более развернутых представлений о вкладе каж-

дой учебной дисциплины в реализацию компетенций был проведен анализ рабочих учебных программ всех приведенных в таблице 3 учебных дисциплин, в результате которого была составлена матрица соответствия планируемых результатов обучения (знания, умения, владения) планируемым результатам освоения основной образовательной программы (формируемым компетенциям). В таблице 4 в качестве примера приведен фрагмент этой матрицы для дисциплины «Программно-техническое обеспечение АБИС», как наиболее ориентированной на изучение средств программного обеспечения АБИС.

Таблица 4

Состав знаний, умений и владений, формирующих компетенции в области программного обеспечения дисциплиной «Программно-техническое обеспечение АБИС»

Код компетенции	Знание	Умение	Владение
ОК-12		использовать компоненты общего программного обеспечения в практической деятельности	технологиями использования средств программного обеспечения АБИС
ПК-4			технологиями использования средств программного обеспечения АБИС

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Окончание таблицы 4

Код компетенции	Знание	Умение	Владение
ПК-9	методы и средства защиты информации в АБИС	обосновывать и осуществлять выбор средств защиты информации в АБИС	
Пр5-8	- состав программного обеспечения АБИС; - требования к программному обеспечению АБИС, автоматизированных рабочих мест библиотечных работников и пользователей АБИС; - виды и области применения общего программного обеспечения в АБИС; - факторы, определяющие выбор специального программного обеспечения автоматизированных библиотечно-информационных систем	- формулировать требования к программному обеспечению; - анализировать рынок и обоснованно осуществлять выбор средств программного обеспечения АБИС; - применять на практике нормативные документы в области документирования программных средств; - применять на практике средства и меры защиты программного обеспечения	- профессиональной терминологией в сфере программного обеспечения; - способностью формулировать требования к составу средств программного обеспечения АБИС и его развитию; - способностью обосновывать и осуществлять выбор средств программного обеспечения АБИС; - способностью определять стратегию и тактику внедрения и эффективной эксплуатации средств программного обеспечения АБИС
Пр5-9	- стандарты в области программного обеспечения; - состав процессов и модели жизненного цикла программного обеспечения; - состав документации программного обеспечения АБИС	управлять процессами жизненного цикла программного обеспечения	
Пр5-13	стандарты в области программного обеспечения	ориентироваться в системе показателей оценки качества программных средств	способностью оценивать проектные решения по формированию или модернизации программного обеспечения АБИС
Пр5-14	требования к программному обеспечению АБИС, автоматизированных рабочих мест библиотечных работников и пользователей АБИС; виды и области применения общего программного обеспечения в АБИС	формулировать требования к программному обеспечению АБИС; разрабатывать требования к созданию и развитию специального программного обеспечения АБИС	
Пр5-15	состав программного обеспечения АБИС; требования к программному обеспечению АБИС, автоматизированных рабочих мест библиотечных работников и пользователей АБИС; современный рынок специального программного обеспечения АБИС; факторы, определяющие выбор специального программного обеспечения автоматизированных библиотечно-информационных систем	анализировать рынок и обоснованно осуществлять выбор средств программного обеспечения АБИС	

Данные построенной матрицы (по всем дисциплинам) подтверждают, что выпускник профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем» ориентирован на получение знаний, умений и владений в области программного обеспечения, требуемых современной библиотекой: он готов создавать и эксплуатировать электронные информационные ресурсы, принимать обоснованные управленческие решения по выбору ПО и управлению специальным программным обеспечением АБИС.

Подготовка бакалавров по направлению «Библиотечно-информационная деятельность», профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем» в сфере программного обеспечения как неотъемлемый элемент выпускной квалификационной работы

В полной мере готовность студентов к решению реальных задач АБИС определяется качеством выпускных квалификационных работ. Проблематика выпускных квалификационных работ направления подготовки «Библиотечно-информа-

ционная деятельность», профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем», ориентированная на решение проблем информатизации библиотечно-информационного производства, в качестве основных объектов выпускных квалификационных работ включает:

- базы данных;
- электронные справочники;
- веб-сайты;
- электронные учебные пособия;
- электронные учебно-методические комплексы дисциплин;
- электронные коллекции и архивы;
- виртуальные выставки.

Программная реализация каждого из перечисленных объектов выпускных квалификационных работ требует определенного объема теоретических знаний и практических умений работы в среде системы управления базами данных, системы управления контентом, системы управления веб-узлом. Представление о многогранности программных средств, обеспечивающих создание электронных информационных ресурсов, дает таблица 5.

Таблица 5

Состав базовых программных средств реализации объектов дипломного проектирования

Проектируемый объект	Программные средства реализации	Учебная дисциплина
База данных	Система управления базами данных Microsoft Access	Прикладные программные средства, Программно-техническое обеспечение АБИС
	Среда программирования VBA	Информатика
	Язык запросов (SQL)	Программно-техническое обеспечение АБИС
Электронный справочник	Система управления базами данных Microsoft Access	Прикладные программные средства, Программно-техническое обеспечение АБИС
	Среда программирования VBA	Информатика
	Язык запросов (SQL)	Программно-техническое обеспечение АБИС
	Система управления контентом Joomla	Специальные информационные технологии
Веб-сайт	Система управления контентом Joomla	Специальные информационные технологии
	Язык гипертекстовой разметки (HTML)	Web-технологии
	Система управления веб-узлом Microsoft Front Page	Прикладные программные средства

Проектируемый объект	Программные средства реализации	Учебная дисциплина
Электронное учебное пособие, электронный учебный комплекс дисциплины, электронная коллекция, электронный архив, виртуальная выставка	Язык гипертекстовой разметки (HTML)	Web-технологии
	Презентационная программа Microsoft Power Point (и др.)	Прикладные программные средства, Презентационные технологии
	Система управления веб-узлом Microsoft Front Page	Прикладные программные средства
	Система управления контентом Joomla	Специальные информационные технологии

Данные таблицы 5 свидетельствуют о надежности подготовки выпускников профиля «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем» в области ПО, так как изучаемые ими программные средства позволяют в полной мере осуществить реализацию проектируемого объекта – электронного информационного ресурса, что подтверждает их готовность к обеспечению продуктивной деятельности АБИС.

Таким образом, в целом стратегия подготовки библиотечных кадров в области программно-

го обеспечения, заложенная кафедрой еще в начале 80-х годов прошлого столетия, развитая в последующий период и проверенная в ходе проведения государственной аттестации, может быть оценена как эффективная. Мы понимаем, что в условиях быстро развивающегося рынка программного обеспечения возникнет необходимость в изучении другого ассортимента программных средств, но, на наш взгляд, эта проблема может быть решена в рамках содержания учебных дисциплин.

Литература

1. Библиотечно-информационная деятельность. Специальность 052700: Государственный образовательный стандарт, примерные программы, учебные планы: сбор. норматив. док. и учеб.-метод. обеспечения / под общ. ред. О. П. Мезенцевой. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. – 992 с.
2. Воройский Ф. С. Основы проектирования автоматизированных библиотечно-информационных систем. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002. – С. 24.
3. ГОСТ 19781-90. Обеспечение систем обработки информации программное. Термины и определения. – Введ. 1992-01-01. – М.: Изд-во стандартов, 1990. – 20 с.
4. ГОСТ 34.003-90. Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения. – Введ. 1992-01-01. – М.: Изд-во стандартов, 1990. – 14 с.
5. ГОСТ Р 51904-2002. Программное обеспечение встроенных систем. Общие требования к разработке и документированию. – Введ. 2003-07-01. – М.: Изд-во стандартов, 2002. – 62 с.
6. Сбитнев С. А. Информационно-библиотечные технологии и проблемы подготовки кадров для МАИС // Проблемы и пути создания муниципальной автоматизир. информ.-библ. системы: мат-лы науч.-практ. конф., г. Кемерово, 22–23 февр. 1995 года / КГИИК. – Кемерово, 1995. – С. 13–16.
7. Сбитнев С. А. Об организации подготовки библиотекарей-библиографов нового типа // Перестройка учеб.-воспитат. процесса в вузах культуры: Опыт, проблемы, перспективы: межвуз. сб. науч. тр. / МГИК. – М., 1988. – С. 81–87.
8. Сбитнев С. А., Колкова Н. И. Об опыте и путях дальнейшего совершенствования подготовки библиотекарей-библиографов с функциональной специализацией «Технология автоматизированной обработки информации в библиотеке» // Концепции, опыт совершенствования учеб. процесса на библ. фак.: матер. координац. совещ. высш. и сред. спец. образ. / КГИК. – Кемерово, 1987. – С. 38–63.
9. Сбитнев С. А., Колкова Н. И. Обучение библиотекарей-технологов автоматизированных библиотечных систем // Сов. библиотековедение. – 1989. – № 4. – С. 45–50.

References

1. Bibliotechno-informacionnaja dejatel'nost'. Special'nost' 052700: Gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart, primernye programmy, uchebnye plany: sb. normativ. dok. i ucheb.-metod. obespechenija / pod obshch. red. O. P. Mezencevoj. – М.: FAIR-PRESS, 2005. – 992 s.

2. Vorojskij F. S. Osnovy proektirovanija avtomatizirovannyh bibliotечно-informacionnyh sistem. – M.: FIZMATLIT, 2002. – S. 24.
3. GOST 19781-90. Obespechenie sistem obrabotki informacii programmnoe. Terminy i opredelenija. – Vved. 1992-01-01. – M.: Izd-vo standartov, 1990. – 20 s.
4. GOST 34.003-90. Informacionnaja tehnologija. Kompleks standartov na avtomatizirovannye sistemy. Avtomatizirovannye sistemy. Terminy i opredelenija. – Vved. 1992-01-01. – M.: Izd-vo standartov, 1990. – 14 s.
5. GOST R 51904-2002. Programmnoe obespechenie vstroennyh sistem. Obshchie trebovanija k razrabotke i dokumentirovaniju. – Vved. 2003-07-01. – M.: Izd-vo standartov, 2002. – 62 s.
6. Sbitnev S. A. Informacionno-bibliotечnye tehnologii i problem podgotovki kadrov dlja MAIS // Problemy i puti sozdanija municipal'noj avtomatizir. inform.-bibl. sistemy: mat.-ly nauch.-prakt. konf., g. Kemerovo, 22–23 fevr. 1995 godu / KGPK. – Kemerovo, 1995. – S. 13–16.
7. Sbitnev S. A. Ob organizacii podgotovki bibliotekarej-bibliografov novogo tipa // Perestrojka ucheb.-vospitat. processa v vuzah kul'tury: Opyt, problemy, perspektivy: mezhvuz. sb. nauch. tr. / MGPK. – M., 1988. – S. 81–87.
8. Sbitnev S. A., Kolkova N. I. Ob opyte i putjah dal'nejshego sovershenstvovanija podgotovki bibliotekarej-bibliografov s funkcional'noj specializaciej “Tehnologija avtomatizirovannoj obrabotki informacii v biblioteke” // Konceptii, opyt sovershenstvovanija ucheb. Processa na bibl. fak.: mater. koordinac. soveshch. vyssh. i sred. spec. obraz. / KGPK. – Kemerovo, 1987. – S. 38–63.
9. Sbitnev S. A., Kolkova N. I. Obuchenie bibliotekarej-tehnologov avtomatizirovannyh bibliotечnyh sistem // Sovet. bibliotekovedenie. – 1989. – № 4. – S. 45–50.

УДК 378.147

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Абалакова О. В., кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: olga.uso@gmail.com

Ли М. Г., кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: may--lee@yandex.ru

В статье описан опыт применения мультимедийных технологий в образовательном процессе кафедры технологии документальных коммуникаций; охарактеризовано использование технических и программных средств в учебном процессе, представлен анализ мультимедийных учебно-методических комплексов преподавателей кафедры; описаны возможности применения компонентов мультимедиа в образовательной деятельности.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, информационно-коммуникационные технологии, библиотечно-информационное образование, мультимедийные средства, компоненты мультимедиа.

MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN LIBRARY AND INFORMATION EDUCATION

Abalakova O. V., Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: olga.uso@gmail.com

Li M. G., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: may--lee@yandex.ru

The article describes aspects of the use of multimedia technologies in educational process of Chair of documentary communication technology, Kemerovo State University of Culture and Arts. Multimedia

technology is seen as a variety of information and communication technologies. The structure of the article disclosed multimedia technology in two ways: as a tool and object of study. The historical context of the development of teachers of Chair of documentary communication technology, showing the development and deepening it from a simple computer technology to more complex and system technologies that gradually became the basis for inclusion in the curricula of new disciplines, “Promotional activity” and “Special information technology”. The content of these disciplines is based on the study of applications. It described the first experience of using the media support in learning process through the use of multimedia presentations when applying the lecture material and the subsequent dynamic implementation of multimedia technologies in educational activities of Chair of DCT. The analysis of the work programs on direction “Library and Information Activities” profile “Information analytical activities” prepared teachers of the Chair, which showed that today holding each academic discipline requires multimedia equipment not for lectures only, but also for practical training. It revealed that most of the teachers of the Chair involve computer training for practical courses that due to the rather wide range of software tools identified in the review of the operational programs. It is shown that such an active computerization of educational process is led to the formation of fully computerized courses “Automated Library and Information Systems”, “Information Systems and Networks”, “Computer”, “Multimedia Technology”, “Networking”, “The formation of databases”. It disclosed the oriented content and methodology of these disciplines on the use of software and hardware support of the educational process. It revealed the structure and content of the present course “Multimedia Technology”, which is a synthesis of two parts: “Multimedia in the contemporary socio-cultural environment” and “Multimedia presentation in activity”. It describes the contents of the first part, which discloses a variety of multi-component and multi-media technologies, applications, multimedia technology, technology of multimedia components. In describing the second part of the discipline “Multimedia presentation activity”, it focuses on the conceptual aspects of the content of the multimedia presentation. It is shown what professional activities students learn most effectively in the process of studying the discipline.

Keywords: multimedia technology, information and communication technology, library and information education, multimedia, multimedia components.

Библиотечно-информационное образование активно реагирует на инновации в отечественной и зарубежной образовательной практике. Высшая школа ориентирована на «открытость» образовательного пространства посредством внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Использование ИКТ в образовательном процессе вуза предусмотрено Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность»: «вуз должен быть обеспечен необходимым комплектом лицензионного программного обеспечения», «при использовании электронных изданий вуз должен обеспечить каждого обучающегося во время самостоятельной подготовки рабочим местом в компьютерном классе с выходом в Интернет» [2]. Такая трактовка дает ясное понимание того, что обеспечение качества высшего образования предполагает комплексное применение информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе.

Информационно-коммуникационные технологии в образовании рассматриваются как совокупность инновационных методов обучения, образовательных процессов, нацеленных на достижение конкретного результата с применением электронных средств обучения [3].

Мультимедийные образовательные технологии представляют собой разновидность информационно-телекоммуникационных технологий. Мультимедийные технологии обеспечивают возможность создания, хранения и использования различной по характеру информации (текст, звук, графика, фото, видео, анимация, виртуальная реальность) в однородном цифровом представлении [5, с. 46]. А. В. Осин подразделяет визуальный ряд мультимедиа на реалистический (отражающий реальный мир) и синтезированный (созданный человеком, рисованный). Реалистический визуальный ряд включает статику (фото) и динамику (кино); синтезированный, соответственно, рисунок и анимацию [4]. Мультимедийные образовательные технологии, сочетая в себе все возможности мультимедиа, обладают образовательным

потенциалом, оказывающим существенное воздействие на все компоненты образования – цели, содержание, формы и методы обучения.

Освоение мультимедийных технологий преподавателями кафедры технологии документальных коммуникаций (ТДК) началось середине 1990-х годов. В конце 1990 – начале 2000-х годов в учебном плане специальности «Библиотекведение и библиография» появились новые учебные курсы «Презентационная деятельность», «Специальные информационные технологии». Студенты, наряду с пакетом прикладных программ Microsoft Office, стали осваивать графические редакторы «Adobe Photoshop», «Corel Draw». В 2003–2004 годах впервые в образовательной практике кафедры профессором И. С. Пилко было реализовано мультимедийное сопровождение лекционного курса в рамках дисциплины «Информационные технологии».

Современные мультимедийные технологии в образовательной деятельности кафедры находят применение в двух качествах: как предмет и средство обучения.

Мультимедийные технологии как средство обучения

Для выявления технических и программных средств, востребованных в образовательной деятельности кафедры ТДК, были изучены 26 рабочих учебных программ по направлению «Библиотечно-информационная деятельность», профилю «Информационно-аналитическая деятельность», разработанных преподавателями кафедры (табл. 1). Анализ показал, что в преподавании всех дисциплин кафедры для визуализации теоретического материала, защиты студентами результатов выполнения практических и проектных заданий используется мультимедийный проектор. Реализация 24 рабочих программ требует применения учебных компьютеров как средства обучения. Учебные компьютеры используются для проведения практических занятий, организации самостоятельной работы студентов. В 4 дисциплинах используются гарнитуры и колонки для демонстрации учебного материала. В программе по курсу «Информатика» предусмотрено использование принтеров и сканеров в качестве технического средства обучения.

Таблица 1

Использование технических средств в образовательном процессе кафедры ТДК

Наименование технических средств	Показатели использования в образовательном процессе	
	абс.	%
Мультимедийный проектор/ плазменная панель	26	100 %
Учебные компьютеры	24	92,3 %
Гарнитура / колонки	4	15,4 %
Принтеры	1	3,8 %
Сканеры	1	3,8 %

В ходе анализа рабочих программ выявлен ассортимент программных средств, используемых в учебном процессе (табл. 2). 14 рабочих программ предусматривают использование интернет-браузеров. Необходимость выхода в интернет-пространство обусловлена образовательными потребностями: например, в курсе «Аналитико-синтетическая переработка информации» это организация доступа к авторитетным файлам; выполнение практических заданий курса «Библиотечный фонд» предполагает анализ сайтов книготорговых организаций и т. д.

Для преподавания 8 учебных дисциплин актуально использование в качестве программного средства пакета прикладных программ Microsoft Office. В учебной дисциплине «Информатика» студенты осваивают технологию работы основных приложений Microsoft Office (Word, Access, Excel, Power Point). В курсах «Мультимедийные технологии», «Формирование баз данных» студенты с помощью указанных программных средств создают информационные и мультимедийные продукты. Освоение профессиональных дисциплин требует специальных программных средств. Профилируя содержание обучения, составители 3 рабочих программ предусматривают изучение автоматизированных библиотечно-информационных систем (АБИС). Это позволяет студентам осваивать технологию работы с различными модулями АБИС. Специальные программы используются в курсах «Организация информационно-аналитической деятельности» (электронные системы документооборота) «Мультимедийные технологии» (LCDS, CamStudio Portable) и др. (табл. 2).

Таблица 2

**Использование программных средств
в учебных курсах кафедры ТДК**

Наименование программного средства	Общее кол-во учебных предметов	
	абс.	%
Интернет-браузеры	14	53,8 %
Пакет прикладных программ Microsoft Office (Word, Access, Power Point)	8	30,8 %
Автоматизированные библиотечно-информационные системы	3	11,5 %
Редакторы графических изображений (Adobe Photoshop)	2	7,7 %
Системы электронного документооборота	1	3,8 %
LCDS	1	3,8 %
CamStudio Portable	1	3,8 %
Сервис «ToonDoo»	1	3,8 %

Ряд дисциплин кафедры ТДК можно отнести к компьютерным: «Информатика», «Сетевые технологии», «Мультимедийные технологии», «Формирование баз данных», «Автоматизированные библиотечно-информационные системы», «Информационные системы и сети». В процессе их освоения студенты создают гипертекстовые и мультимедийные продукты, реализуют учебные проекты, основанные на ИКТ. Содержание и организация этих учебных дисциплин полностью ориентированы на применение разнообразных учебных сред. Их реализация невозможна в традиционном формате без применения соответствующих технических и программных средств. Эти курсы отличаются от других по форме, содержанию и роли преподавателя. Так, применение мультимедиа-технологий в образовательном процессе усиливает наглядность, обеспечивает интерактивное взаимодействие между участниками в информационно-образовательном пространстве, побуждает к самообразованию, формирует и развивает творческое мышление.

Наиболее полно реализовать возможности мультимедийных технологий позволяет мультимедийный учебно-методический комплекс

(УМК), который может рассматриваться как разновидность электронного учебного издания. А. В. Баластов по признаку эволюции развития выделяет три поколения учебно-методических комплексов:

1) УМК первого поколения – это целостная система, основанная на традиционном содержании, формах и методах обучения. Он поддерживается источниками информации на бумажных носителях – классическими учебниками, задачами и методическими пособиями;

2) УМК второго поколения (переходная модель) ориентированы на совершенствование источников информации на бумажных носителях, предназначенных для дисциплинарно-ориентированной системы образования; создание элементов УМК на аудио- видео- и аудиовизуальных носителях информации (в том числе компьютерных);

3) УМК третьего поколения (проектно-ориентированная модель) – это целостная система, ориентированная на нетрадиционные формы, методы и средства обучения. По своему фундаменту и модульному принципу построения предназначен для проектно-ориентированной системы обучения, в которой осуществляется не только передача информации и контроль за ее освоением, но и активное ее использование для созидания в рамках образовательного процесса [1].

Характеристиками УМК третьего поколения являются открытость и самоадаптируемость (феномен самоадаптации предполагает наличие обратной связи как элемента управления) [1]. Основой любого мультимедийного УМК является интерактивность. Она достигается путем использования различных видов навигации (обратная связь, иерархическая навигация, внутритекстовая навигация и др.) и гипертекстовых операторов управления (ссылка, вставка, заметка, команда) в мультимедийных УМК. Контроль знаний и умений обеспечивается путем выполнения тестовых и ситуационных заданий, результат которых доступен студентам после прохождения. Несомненной особенностью мультимедийного УМК является невозможность переноса его содержания в традиционный формат. Применение мультимедийных УМК позволяет акцентировать внимание студентов, дополняет учебный материал, концентрирует внимание обучающихся на его усвоении.

Преподавателями кафедры ТДК при помощи студентов, руководимых И. Л. Скипор, заведующей кафедрой технологии автоматизированной обработки информации, подготовлены мультимедийные учебно-методические комплексы по дисциплинам «Информационные технологии» (автор И. С. Пилко) и «Информационное обеспечение региональных потребностей» (автор Л. Г. Тараненко). Теоретическая часть представленных мультимедийных УМК базируется на содержании традиционных учебных пособий [6, 8], возможности мультимедийных технологий значительно обогащают их. Так, например, сопровождением теоретической части курса являются мультимедийные презентации по каждой теме. Текст мультимедийного УМК снабжен гиперссылками, позволяющими удобно перемещаться по его структуре. Эти УМК относятся ко второму поколению. Модернизация российской высшей школы определяет потребность в создании проектно-ориентированных мультимедийных УМК третьего поколения. Разработка подобных УМК достаточно трудоемка, требует привлечения специалистов смежных областей деятельности: программистов, дизайнеров, психологов, педагогов.

Мультимедийные технологии как предмет изучения

Становление учебной дисциплины «Мультимедийные технологии» происходило под руководством профессором И. С. Пилко в 2003/04 учебном году. В основу курса был положен раздел «Мультимедийные технологии в культуре и образовании» дисциплины «Специальные информационные технологии».

Современный курс «Мультимедийные технологии» представляет собой синтез двух частей: 1.

«Мультимедиа в современной социокультурной среде»; 2. «Мультимедиа в презентационной деятельности».

Тематическое наполнение первой части *«Мультимедиа в современной социокультурной среде»* учебной дисциплины «Мультимедийные технологии» представлено тремя разделами: разнообразие и многокомпонентность мультимедийных технологий; области применения мультимедийных технологий; технология работы с компонентами мультимедиа. В основу содержания наполнения теоретической части курса положены разработки профессора И. С. Пилко (табл. 3). Контент курса с 2006 года претерпел изменения: так, в УМК 2014 года характеристика мультимедийных справочных и учебных изданий представлена в структуре темы «Мультимедийные продукты: классификация и характеристика»; изучение мультимедийных технологий в рекламной деятельности отражено в теме «Области практического применения гипертекстовых систем».

В библиотечно-информационной сфере под влиянием новых технологий расширяется спектр номенклатуры библиотечной продукции – лидирующую позицию занимают мультимедийные продукты библиотек. Практическая направленность подготовки бакалавров расширяет возможности учебной дисциплины «Мультимедийные технологии» и ориентирует студентов на овладение технологиями работы с компонентами мультимедиа. В структуре этого курса особое внимание уделяется изучению тем, посвященных технологиям создания элементов мультимедийных технологий (8 академических часов) и освоению аппаратных и программных средств мультимедиа (4 академических часа) (табл. 3).

Таблица 3

Тематическое наполнение курса «Мультимедийные технологии»

Тематическое распределение дисциплины «Мультимедийные технологии» Раздел. 1 «Мультимедиа в современной социокультурной среде» (составитель О. В. Абалакова, 2014)		Тематическое распределение дисциплины «Мультимедийные технологии» (составитель И. С. Пилко, 2006)	
Тема	Кол-во аудиторных часов	Тема	Кол-во аудиторных часов
Мультимедийные технологии: базовые понятия, атрибуты, компонентная структура	2	Мультимедийные технологии: базовые понятия, атрибуты, компонентная структура	2
Гипертекстовая природа мультимедиа	6	Гипертекстовая природа мультимедиа	8
История развития гипертекста	2	История развития гипертекста	2

Тематическое распределение дисциплины «Мультимедийные технологии» Раздел. 1 «Мультимедиа в современной социокультурной среде» (составитель О. В. Абалакова, 2014)		Тематическое распределение дисциплины «Мультимедийные технологии» (составитель И. С. Пилко, 2006)	
Тема	Кол-во аудиторных часов	Тема	Кол-во аудиторных часов
Мультимедийные продукты: классификация и характеристика	4	Мультимедийные продукты: классификация и описание	4
		Мультимедийные справочные издания	4
		Мультимедийные учебные издания	4
Мультимедиа как культурологический феномен	2	Мультимедиа как культурологический феномен	4
Области практического применения гипертекстовых систем	2	Области применения гипертекстовых технологий	6
Мультимедийные технологии в библиотечно-информационной практике	8	Мультимедийные технологии в библиотечной практике	4
Мультимедийные технологии в образовании	10	Мультимедийные технологии в образовании	8
Мультимедийные технологии в литературе и искусстве	6	-	
-		Мультимедийные технологии в рекламной деятельности	6
Технология создания элементов мультимедиа	8	-	
Программные средства создания и обработки мультимедиа-приложений	3	Оборудование для мультимедийных технологий	2
Аппаратные средства мультимедиа-технологий	1		
Всего	54	Всего	54

Учебная дисциплина «Мультимедийные технологии» являет собой единое образовательное пространство: на протяжении всего курса прослеживается тематическая связь между теоретическим материалом и практическими заданиями.

В результате освоения дисциплины студенты формируют портфолио, включающее три крупных учебных проекта: разработка гипертекстового словаря; создание электронного учебного продукта; разработка мультимедийного продукта для библиотечно-информационных учреждений. Портфолио – современный интерактивный метод обучения, который позволяет накапливать, фиксировать и оценивать личные достижения студента за период освоения дисциплины и контролировать сформированность компетенций.

Выполнение проекта по созданию гипертекстового словаря основано и осуществляется на базе «Электронной образовательной среды

КемГУКИ» («ЭОС КемГУКИ»), реализованной на платформе Moodle. ЭОС включает в себя большой набор интерактивных элементов, которые значительно обогащают курс. В курсе «Мультимедийные технологии» задействовано большое количество интерактивных элементов, предлагаемых ЭОС. Остановимся на некоторых из них: гипертекстовый словарь (wiki-технологии) и глоссарий. Эти элементы реализуют совместную работу студентов по выполнению задания, а также возможность преподавателя отслеживать индивидуальную работу студентов.

Гипертекстовый словарь, реализуемый на основе технологии wiki, – элемент, позволяющий осуществлять коллективную разработку, хранение, структурирование информации (в основном – гипертекста). Любой участник курса может редактировать wiki-статьи. В wiki-статью можно добавлять таблицы, рисунки и формулы. Основ-

ная особенность гипертекстового словаря – формирование внутритекстовых ссылок. Гипертекст является базой для освоения студентами технологии мультимедиа.

Глоссарий представляет собой словарь терминов и понятий, используемых в курсе. Он реализует возможности группировки терминов по категориям; комментирования записей; осуществления поиска и др. Автоматическое связывание терминов в глоссарии реализуется при помощи гипертекстового оператора управления «Note» («заметка», «подсказка»).

В процессе разработки гипертекстового словаря и глоссария, студенты выстраивают логические связи между терминами курса. Все определения понятий, включенные в продукт, связаны между собой. Выполнение этого проекта позволяет студентам освоить терминологию курса, систематизировать основные знания и овладеть основными технологиями разработки гипертекстового словаря.

Реализация проекта по созданию *электронного учебного пособия* основана на применении LCDS (Learning Content Development System) – свободный программный продукт Microsoft, позволяющий создавать интерактивные курсы.

Создание собственного цифрового учебного издания закрепляет лекционный материал, в котором рассматриваются виды и особенности этого мультимедийного продукта, и формируемые на практических занятиях умения анализа структуры, электронных учебных продуктов, средств навигации, возможностей использования мультимедийных компонентов в учебной деятельности. После этого студенты предлагают собственную структуру электронного учебного издания по выбранной теме, обосновывают использование вышперечисленных элементов и формируют его структуру в программном продукте LCDS.

Профессионализация курса требует рассмотрения номенклатуры и особенностей мультимедийных продуктов библиотечно-информационных учреждений. Для этого студенты анализируют готовые мультимедийные продукты библиотек и информационных служб, представленные на их сайтах и локальных носителях. Это дает возможность рассмотреть ассортимент имеющихся мультимедийных продуктов, на основе которого студенты предлагают свои проекты мультимедийных продуктов и возможности их реализации. Поскольку учебная дисципли-

на для профиля подготовки «Информационно-аналитическая деятельность» ведется первый год, ассортимент предлагаемых студентами продуктов пока не велик: это мультимедийные пазлы с портретами великих русских писателей; путеводитель по произведениям внеклассного чтения для учащихся начальных классов; электронная книга о библиотеке; путеводитель по отделам библиотеки. В дальнейшем предполагается расширение ассортимента студенческих проектов.

Вторая часть дисциплины «Мультимедийные технологии» – *«Мультимедиа в презентационной деятельности»* – ориентирована не столько на обучение использованию конкретных программ для создания мультимедийных презентаций, сколько на концептуальную разработку содержания презентации. Погружение в дисциплину начинается с изучения таких явлений, как «визуальная культура», «визуальное мышление», «визуальный язык». Это необходимо для осознания значимости качественного визуального ряда, реализации поставленных целей, обеспечения наилучшего понимания сложно структурированной информации. Особенно важно для современного человека понимание места мультимедийной презентации в структуре современной визуальной коммуникации. Н. А. Симбирцева отмечает, что визуальная грамотность – это не только способ осмысленного и креативного прочтения и интерпретации субъектом восприятия информации, представленной в мире визуального, но и особый уровень компетентного, профессионального подхода к явлениям социально-культурной действительности [7]. Для современного профессионала библиотечно-информационной сферы, по нашему мнению, визуальная грамотность является компонентом его информационной культуры. В основной части дисциплины студенты изучают базовые мультимедийные компоненты презентации, основные элементы информационной структуры мультимедийной презентации, учатся соотносить содержание и структуру мультимедийных презентаций с целевым назначением и спецификой целевой аудитории, а также применять потенциал мультимедиа для улучшения восприятия информации и достижения поставленных целей.

Значительное место в современной профессиональной библиотечно-информационной деятельности занимают различные технологии: информационные, управленческие, социокультурные, коммуникативные. В связи с этим особое

значение в дисциплине уделяется способам визуализации технологических элементов. Мультимедиа сегодня предоставляет широкие возможности для визуализации систем и моделей разной степени сложности. При их создании может быть задана необходимая степень детальности, анимации, интерактивности, модели могут быть 2 или 3-D, при необходимости – с аудиопотоком. Технологические системы или их элементы – это чаще всего сложные для восприятия визуальные элементы. В дисциплине раскрываются подходы к структурированию такой информации, поиску соответствующих визуальных образов, корректному использованию анимации и гипертекста.

Важное значение в подготовке бакалавра библиотечно-информационной деятельности отводится освоению информационной аналитики. Это обусловило глубокую разработку ряда тем в дисциплине, где студенты изучают специальные приемы визуализации информации для оптимизации восприятия сложноструктурированных аналитических материалов. Обучаемые осваивают специфические особенности аналитической информации как объекта визуализации, базовые приемы преобразования сложно структурированных аналитических данных в интуитивно понятные и научно обоснованные графические представления, простые для понимания и использования. Например, в основе графического представления аналитических данных лежат такие базовые визуализаторы, как графики, диаграммы, распределения, статистика. Традиционно сложно дается в процессе обучения корректный подбор диаграмм под различные типы аналитических данных. Дисциплина ориентирована на освоение методики такого выбора диаграмм по типам сравнения аналитических данных: покомпонентное, позиционное, временное, частотное и корреляционное.

Большое значение методы визуализации аналитической информации имеют для представления результатов научно-исследовательской деятельности. В процессе подготовки мультимедийных презентаций курсовых исследований, различных проектов в рамках учебных дисциплин студенты применяют изученное на практике и получают консультативную помощь.

Любая дисциплина требует развития. Так, в части освоения новых подходов к визуализации аналитической информации видится особенно

перспективным освоение технологий картографирования, геоинформационных технологий как средств визуализации исходных массивов информации и результатов информационной аналитики. Также перспективное направление развития – визуализация многомерных данных. Важным видится переход от обучения работе со статическими диаграммами к работе с интерактивными динамическими онлайн-визуализациями, допускающим взаимодействие пользователя с данными.

Большое значение для библиотечно-информационной деятельности имеет формирование компетенций проектной деятельности. В процессе обучения бакалавров этому уделяется особое внимание. В библиотечно-информационных учреждениях проектная деятельность реализуется, например, в разработке и реализации комплексных инновационных проектов и программ развития; проектировании и производстве библиотечно-информационных продуктов и услуг для различных категорий пользователей; моделировании развития и модернизации библиотечно-информационных учреждений и систем. Мультимедийная презентация – важная часть представления результатов проектной деятельности. Слайды с текстом, гипертекстом, визуальными элементами, аудио- и видеопотоком – один из самых доступных и эффективных способов представления проекта. Визуальные образы лучше объясняют сложные процессы, взаимоотношения и т. д. Слайд помогает структурировать содержание материала и обеспечить лучшее понимание и запоминание, мультимедийные компоненты придают больший эмоциональный вес словам. Данные и визуальные сравнения помогают там, где требуются примеры и доказательства. Использование иллюстративного материала повышает наглядность материала, обогащает его визуальными примерами. В процессе работы над презентационным материалом формируются компетенции устной и письменной коммуникации, когда студенты создают собственные тексты презентаций и представляют их перед группой.

В результате изучения дисциплины студенты овладевают методами проектирования и разработки мультимедийных презентаций, а также технологией создания, организации и проведения мультимедийной презентации. Это выражается в создании конкретных мультимедийных презентаций различных объектов (продукт, услуга, проект,

результаты исследовательской деятельности, аналитическая информация) и их публичной защите.

Мультимедийные технологии значительно расширяют возможности компьютерных курсов. Интенсивное внедрение мультимедийных технологий в образовательную деятельность кардинально меняет ее формы и содержание. Преподаватели кафедры осознают необходимость применения мультимедийных технологий в учебном процессе. Это становится особенно актуально в связи с переходом высшей библиотечной школы на уровневую систему подготовки, основанную на компе-

тентностном подходе. Использование в учебных курсах широкого спектра программных и технических средств увеличивает педагогические возможности преподавателей и становится основой появления полностью компьютеризированных курсов. Мультимедийные технологии достаточно активно используются в учебном процессе кафедры технологии документальных коммуникаций. Для расширения ассортимента мультимедийных средств необходима специальная техническая поддержка, методическая и дидактическая подготовка педагогов кафедры.

Литература

1. Баластов А. В. Учебно-методический комплекс и мультимедиа в обучении иностранному языку // Вестн. ТГПУ. – 2009. – № 7. – С. 137–140.
2. Библиотечно-информационная деятельность. Направление подготовки 071900 квалификация (степень) бакалавр: Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm3-1.pdf. – Загл. с экрана.
3. Ляшенко Т. В. Мультимедийные информационные технологии в образовании: основные понятия, сущность, типология (Обзор) // НТИ. – Сер. 2. – 2010. – № 8. – С. 1–13.
4. Осин А. В. Мультимедиа в образовании: контекст информатизации [Электронный ресурс]. – М., 2005. – URL: <http://window.edu.ru/resource/704/70704>. – Загл. с экрана.
5. Пилко И. С. Информационные и библиотечные технологии: учеб. пособие – СПб.: Профессия, 2006. – 342 с.
6. Пилко И. С. Информационные технологии. Ч. 1: Теоретические основы информационной технологии [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс по специальности 052700 (071201) – «Библиотечно-информационная деятельность». – Кемерово, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
7. Симбирцева Н. А. Визуальное в современной культуре: к вопросу о визуальной грамотности [Электрон. ресурс] // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – Электрон. дан. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-v-sovremennoy-kulture-k-voprosu-o-vizualnoy-gramotnosti>. – Загл. с экрана.
8. Тараненко Л. Г. Информационное обеспечение потребностей региона [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс по специальности 052700 (071201) – «Библиотечно-информационная деятельность» / науч. ред. И. С. Пилко. – Кемерово: КемГУКИ, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

References

1. Balastov A. V. Uchebno-metodicheskij kompleks i mul'timedia v obuchenii inostrannomu jazyku // Vestn. TGPU. – 2009. – № 7. – S. 137–140.
2. Bibliotечно-informacionnaja dejatel'nost'. Napravlenie podgotovki 071900 kvalifikacija (stepen') bakalavr: Federal'nyj gosudarstvennyj standart vysshego professional'nogo obrazovanija [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dan. – URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm3-1.pdf. – Zagl. s ekrana.
3. Ljashenko T. V. Mul'timedijnye informacionnye tehnologii v obrazovanii: osnovnye ponjatija, sushchnost', tipologija (Obzor) // NTI. – Ser. 2. – 2010. – № 8. – S. 1–13.
4. Osin A. V. Mul'timedia v obrazovanii: kontekst informatizacii [Elektronnyj resurs]. – M., 2005. – URL: <http://window.edu.ru/resource/704/70704>. – Zagl. s ekrana.
5. Pilko I. S. Informacionnye i bibliotечnye tehnologii: ucheb. posobie. – SPb.: Professija, 2006. – 342 s.
6. Pilko I. S. Informacionnye tehnologii. Ch.1: Teoreticheskie osnovy informacionnoj tehnologii [Elektronnyj resurs]: ucheb.-metod. kompleks po special'nosti 052700 (071201) – «Bibliotечно-informacionnaja dejatel'nost'». – Kemerovo, 2007. – 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).
7. Simbirceva N. A. Vizual'noe v sovremennoj kul'ture: k voprosu o vizual'noj gramotnosti [Elektronnyj resurs] // Politicheskaja lingvistika. – 2013. – № 4. – Elektron. dan. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnoe-v-sovremennoy-kulture-k-voprosu-o-vizualnoy-gramotnosti>. – Zagl. s ekrana.
8. Taranenko L. G. Informacionnoe obespechenie potrebnostej regiona [Elektronnyj resurs]: ucheb.-metod. kompleks po special'nosti 052700 (071201) – «Bibliotечно-informacionnaja dejatel'nost'» / nauch. red. I. S. Pilko. – Kemerovo: KemGUKI, 2012. – 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).

УДК 930.253+352(477)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ УКРАИНСКИХ АРХИВОВ И СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ АРХИВНЫХ РЕСУРСОВ

Хащина К. А., аспирантка, Харьковская государственная академия культуры (г. Харьков, Украина).
E-mail: weola@ukr.net

В статье рассмотрены современные тенденции формирования международного сотрудничества Украины в архивной отрасли; охарактеризованы основные направления информатизации архивного дела в направлении создания электронных аналогов архивных ресурсов в украинских архивных учреждениях на государственном и региональном уровнях; определены некоторые особенности содержательного наполнения архивных ресурсов и их типологического состава.

Ключевые слова: архивы, международное сотрудничество, Украина, архивные ресурсы, электронные архивные ресурсы.

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE UKRAINIAN ARCHIVES AND CREATING THE ELECTRONIC ARCHIVAL RESOURCES

Haschina K. A., Post-graduate Student, Kharkiv State Academy of Culture (Kharkov, Ukraine). E-mail: weola@ukr.net

The modern trends of international cooperation of Ukraine in the archive sector are considered. The international cooperation is focused on the creation of digital space, which should correspond to information needs of the society. The basic directions of the international archive of the conservation of cultural heritage are indicated, among them, the implementation of international projects for the virtual reconstruction of distributed cultural and documentary systems. The main events in the field of international cooperation between the Ukrainian archival institutions and some archival products as a result of this activity are listed. The main directions of informatization of archival work towards creating the electronic analogues of archival resources in the Ukrainian archival institutions at national and regional levels are characterized. The projects of archival concept of the information archival sphere, creating the informational resources on the basis of information about archival institutions, foundations, groups of funds, documents are considered. The experience of the international archival activity, on the example of Chernigov and Kharkov regions, are considered. The major objectives of international cooperation of the state committee on archives of Ukraine are named. Some particular substantive content of archival resources and their type-species composition are revealed. Websites of archival institutions as components of electronic archival resources are considered. The urgency for Ukraine is a rational use of archival resources in the international information space to create high service environment interaction with a wide range of users, opening them access to global information resources are underlined.

Keywords: archives, international cooperation, Ukraine, archival resources, electronic archival resources.

Архивные ресурсы как вид информационных ресурсов представляет собой совокупность отдельных документов, массивов документов в информационной системе, к которой относят и архив. Архив как информационная служба участвует в реализации государственной политики в сфере информационных отношений, осуществле-

нии информационной деятельности, основными видами которой является получение, хранение, использование и распространение архивной информации [21].

В настоящее время активно распространяются электронные аналоги архивных ресурсов в учреждениях, организациях и на предприятиях

Украины, что обусловлено значительными объемами документов, необходимостью осуществления контроля за их оборотом, исполнением, хранением и использованием. Этому способствует бурное развитие компьютерных технологий, высокий уровень информатизации общества, стремление сделать информацию широкодоступной, обеспечить ее сохранение для будущих поколений для истории. Пришло время электронного делопроизводства, электронной документации и электронного документооборота. Этим процессам содействуют и основные положения, предусмотренные государственной программой «Электронная Украина» и другими государственными законодательными документами. Основными перспективными направлениями архивной деятельности Украины является использование электронных информационных ресурсов, в частности архивных веб-ресурсов, которые базируются на инструментарии и технологиях Интернета. Все вышеуказанные информационно-архивные процессы в современных условиях выходят за рамки одного государства, они ориентированы на широкие круги дистанционных пользователей сети и предполагают реализацию международных коммуникаций в архивной области.

Целью статьи является рассмотрение современного состояния развития международного сотрудничества в архивной отрасли Украины и вопросов формирования электронных архивных ресурсов как результата такой деятельности.

Отдельные аспекты развития международного сотрудничества в области создания электронных архивных ресурсов рассмотрены в работах ряда ученых, а именно: Г. В. Боряка [16], А. П. Гинзбурга [17], Н. В. Делегана [18], Л. Драгомировой [3], И. Драч [19], Н. В. Ларина [2], П. Марченко [20], Г. В. Папакина [13], Г. Н. Петерсона [6], Ю. А. Прилепишевой [7–8], Н. Н. Христовой [14] и др.

Тенденции последних лет в зарубежных странах ориентированы на объединение музеев, библиотек, архивов как учреждений памяти (memory institutions) или учреждений наследия (heritage institutions) и организацию крупных совместных проектов по оцифровке наследия и предоставления к нему доступа. Особое значение придается оцифровке информации по культур-

ному и научному наследию и созданию систем управления оцифрованными ресурсами (Digital Assets Management Systems), которые приходят на смену системам управления базами данных и системам управления коллекциями. Системы управления электронными ресурсами предусматривают долговременное хранение огромных объемов мультимедийной информации (текстов, статических изображений, кино и видео, звука), защита и поиск информации в интегрированных и распределенных базах данных, управление правами на интеллектуальную собственность, производство информационных блоков, ориентированных на пользователя и продажа информации или предоставление доступа к ней [2].

К ключевым направлениям организации доступа к информации относится перевод в электронную форму справочного аппарата архивов и архивных документов. Госархивы ряда областей Украины имеют книжные сканеры и возможность оцифровывать архивные документы, но возникает вопрос организации эффективного и удобного доступа, защиты и надежного хранения электронной информации. Интеллектуальный доступ к архивной информации обеспечивается также за счет информирования населения с помощью средств массовой информации и веб-сайтов государственных архивных учреждений Украины. Следует также отметить тенденцию ко все большему использованию Укргосархивом и государственными архивными учреждениями потенциала электронных СМИ, что, учитывая их обширную аудиторию и бесплатность размещения информационного продукта, позволяет эффективно информировать общественность о деятельности Государственной архивной службы, популяризировать документы Национального архивного фонда. Несмотря на всевозрастающую доступность архивных документов посредством справочников и веб-сайтов, сохраняется тенденция к росту количества пользователей в читальных залах государственных архивов, которая объясняется повышением спроса на использование документной информации, ростом интереса к проведению исследований по краеведению, историческому прошлому регионов [3].

Опыт долговременного хранения электронных документов накоплен в практической деятельности зарубежных национальных архивных

служб и корпоративных архивов. Среди зарубежных национальных архивов следует отметить Центр хранения электронных документов Национальной администрации по архивам и делопроизводству (CfER NARA) в США, хранящий более 80 тыс. баз данных, а также Национальный архив цифровых баз данных Великобритании (NDAD UK) [2]. Опыт хранения электронных документов в нашей стране гораздо меньше, чем в западных странах, и приобретается он стал сравнительно недавно, 15–20 лет назад. Главным образом, это опыт, накопленный в организациях при оперативном использовании и хранении баз данных. В настоящее время любая крупная или средняя организация (и частная, и государственная) выделяют значительные средства на формирование и поддержание своих электронных информационных ресурсов. Но это электронные документы, которые имеют практическое значение для органов власти, ведомств и организаций. Те же базы данных, которые выходят из оперативного использования, как правило погибают. Наиболее наглядно это демонстрирует судьба баз данных, использовавшихся в ведомствах в 70–80-х годах и утраченных в результате смены технологических платформ и административных преобразований [2].

На международном уровне происходит создание мировых, европейских электронных архивов, которые интегрируют в себе информационные ресурсы архивных учреждений. Развитие современных информационных технологий стимулирует консолидацию усилий работников различных культурных учреждений. Однако в условиях совершенствования электронных технологий их взаимодействие не ограничивается цифровыми проектами. Изменения, происходящие в обществе, влияют на расширение функций и развитие новых направлений деятельности архивов [4].

Международное сотрудничество ориентировано на создание цифрового пространства, которое должно соответствовать информационным потребностям общества. В качестве основных направлений деятельности по сохранению культурного достояния выделяют такие, как:

1) принятие всеми странами национальных программ по формированию, сохранности и доступа к цифровому документальному наследию;

2) дальнейшее совершенствование правовой базы, ужесточающей ответственность за преступные покушения на объекты культурного наследия, их потери, уничтожения, хищения;

3) урегулирование вопросов имущественных и личных прав авторов на цифровые копии документального наследия и электронных публикаций;

4) реализация международных проектов по виртуальной реконструкции рассредоточенных культурно-документальных комплексов;

5) распространение информации о значимости документального наследия и другие [5].

В последнее время в Украине актуализировалась необходимость рационального использования архивных ресурсов в международном информационном пространстве. Для обеспечения выхода архивов Украины в международное информационное пространство необходимо создание высокосервисной среды взаимодействия с широким кругом пользователей, открытие им доступа к мировым информационным ресурсам.

Особое значение в современных условиях приобретают автоматизированные информационные системы и их практическое внедрение в архивную отрасль. Интегративные процессы, которыми все больше характеризуется современный мир, коснулись архивной отрасли, превратив ее в сферу международного сотрудничества. Тесные взаимовыгодные творческие и научные контакты установлены украинскими архивными службами со многими странами мира. Украинские архивисты принимают также активное участие в работе комитетов Международного совета архивов, региональных отделений Европы и Евразии, международных конференциях и конгрессах, международных проектах, других мероприятиях [6]. Реальное участие Украины и, в частности, ее государственной архивной службы, в осуществлении программ международного и регионального сотрудничества по сохранению культурного наследия стало возможным с 1991 года, после получения государственной независимости Украины, ее выхода на международную арену в качестве полноправного субъекта международного права. К тому времени Украина, формально являясь членом-учредителем ООН, начала сотрудничать с ЮНЕСКО на различных уровнях, прежде всего на организационном,

в рамках национальной комиссии ЮНЕСКО, однако недостаточно внимания уделялось проблемам сохранения национального культурного, в том числе архивного наследия [7].

В общем контексте участия Украины в международных программах сохранения архивного документального наследия нельзя оставить без внимания инициативу 1998 года относительно участия в созданной Европейской комиссии по сохранению и доступу к архивам и библиотекам (ЕСРА). Инициатором организации ее в 1994 году стала Нидерландская королевская академия искусств и наук (Амстердам), членами комиссии – представители архивов и библиотек Великобритании, Нидерландов, Польши, Португалии, США, Франции, Швеции и некоторых международных организаций. Представители украинских архивов приняли участие в первом, учредительном заседании комиссии [8].

Другой опыт коснулся трансокеанического сотрудничества, при участии украинских архивов в глобальном проекте микрофильмирования метрических документов (сведений о рождении, браке и смерти), что осуществляется на протяжении многих лет Генеалогическим обществом Юта (США). Это достаточно известная во всем мире организация, которая является членом Международного совета архивов категории “А”, то есть на уровне национальных архивов и государственных архивных служб; имеет неоспоримые, признанные всем миром заслуги в микрофильмировании и гарантированного сохранения метрических документов разных стран всех континентов [9]. Проект в Украине стартовал в 1994 году. В нем постоянно принимают участие центральные исторические архивы (Киев и Львов), государственные архивы в Крыму, госархивы Донецкой, Днепропетровской, Закарпатской, Запорожской, Ивано-Франковской, Николаевской, Одесской, Сумской, Тернопольской, Харьковской, Черновицкой и Черниговской областей, то есть половины всех государственных архивов регионального уровня. Архивисты сотрудничают с Украинским центром генеалогических исследований, фондом информационных проектов «Алгоника», общественной организацией «Харьковское дворянское собрание», общественной организацией «Семья семей

“Польский дом”», Российским генеалогическим обществом, Украинской генеалогической группой города Торонто (Канада) и другими [9].

Работы осуществляются согласно Генеральному соглашению, заключенному между Госкомархивом Украины и региональным менеджером Генеалогического общества (регулярно пополняется), и конкретным соглашением, развивающим и уточняющим общие условия сотрудничества, подписанным руководителями госархивов и упомянутым менеджером. Объектом сотрудничества стало изготовление копии с метрических книг разных конфессий конца XVIII–XX века. До сих пор такая категория документов считалась второстепенной, не включалась в программы страхового копирования [9]. Генеалогическое общество Юта активно сотрудничает с Госкомархивом Украины также в других направлениях деятельности, в частности, оказывает гуманитарную и спонсорскую помощь государственным архивам, участвует в организации и проведении в Украине международных научных конференций. Большой сегмент Национального архивного фонда Украины в виде массового источника (метрических книг), чего ранее не бывало в архивной практике, получил гарантии практически вечного хранения, независимо от любых возможных катаклизмов природного, человеческого или техногенного происхождения. География генеалогических запросов постоянно расширяется, к госархивам обращаются граждане Австрии, Беларуси, Эстонии, Израиля, Италии, Канады, Латвии, Литвы, Молдовы, Нидерландов, Польши, Португалии, России, Румынии, Туркменистана, США, Франции [9].

В мае 2004 года в рамках проведения в Киеве заседания Комитета по правовым вопросам Международного совета архивов (CLM/ISA) состоялся первый европейский семинар «Архивы и катастрофы», посвященный обсуждению средств борьбы с последствиями природных и техногенных катастроф в архивах. В его работе, кроме специалистов украинских архивов и библиотек, приняли участие консерваторы и реставраторы Польши, России, Словакии, Финляндии. Есть все основания считать этот семинар одним из важных аспектов формирования международных про-

грамм сохранение архивного наследия путем преодоления последствий катастроф в архивах [10].

Отдельно следует отметить организацию сотрудничества в вопросах о физической сохранности архивного наследия в рамках постсоветского Евразийского региона (СНГ) с 2000 года. Как один из примеров новой региональной многосторонней программы сохранения и восстановления культурного наследия рассматривается проект «Виртуальное собрание Радзивиллов». В осуществлении данного проекта заинтересованы Беларусь, Польша, Литва, Украина; значительную помощь обещает ЮНЕСКО [11].

Украинские архивисты принимают активное участие в работе комитетов Международного совета архивов, региональных отделений Европы и Евразии, в международных конференциях и конгрессах, международных проектах, других мероприятиях [12].

Результатом такого международного сотрудничества становятся различные архивные продукты, среди которых преобладают электронные аналоги, в частности, базы данных.

Активно реализуют мероприятия по международному сотрудничеству в рамках своей компетенции архивисты отдельных регионов Украины. Так, государственный архив Черниговской области более 10 лет сотрудничает с генеалогическим обществом ЮТА (США) [12]. В рамках международного сотрудничества между Государственным комитетом архивов Украины и Федеральным архивом Германии в рамках проекта «Сводный путеводитель по фондам оккупационного периода (1941–1944), которые хранятся в архивах Украины», архивистами Черниговщины проведена работа по составлению реестра 879 фондов оккупационного периода, которые вошли в фундаментальное издание «Архивы оккупации: 1941–1944» [13].

Традиционным является сотрудничество архивистов Украины со своими коллегами из России и Беларуси. На ежегодных встречах руководителей архивных служб достигнуты договоренности по вопросам подготовки совместных документальных изданий, выставок архивных документов и другой архивной продукции [13]. Во время встреч традиционным стало заседание

круглого стола архивистов, на котором обсуждаются актуальные вопросы архивного дела, происходит обмен опытом, печатными изданиями и определяются перспективы сотрудничества. Результаты сотрудничества уже нашли свое отражение в подборке документов «Чернобыльская катастрофа в документах и материалах. 1986–2006 годов» и сборнике документов «Чернобыль. 26 апреля 1986 – декабрь 1991. Документы и материалы» [15]. Государственный комитет архивов Украины поддерживает взаимовыгодные контакты с Беларусью, Болгарией, Канадой, Германией, Польшей, Россией, Румынией, Сербией, Словакией, США, Чехией и другими странами по вопросам подготовки совместных справочно-информационных изданий и документальных выставок.

Среди основных задач международного сотрудничества Государственного комитета архивов Украины отметим такие, как:

- усиление интеграционных процессов в гуманитарной сфере в Украине, в частности, достижение гармонизации подходов и методологических основ с архивными службами иностранных государств в области взаимной реституции культурных ценностей, незаконно перемещенных в свое время на территорию другого государства; реализация отраслевой программы «Зарубежная архивная Украина»;

- налаживание и дальнейшее развитие взаимовыгодного сотрудничества с архивными службами иностранных государств, международными организациями архивистов и другими заинтересованными в сотрудничестве учреждениями и организациями;

- обеспечение свободного доступа архивных сотрудников и исследователей других государств к открытым архивным документам, а также ко всем справочным материалам архивных фондов, как опубликованным, так и неопубликованным, касающимся темы их исследований [15].

Вхождение Украины в единое информационное пространство и интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к **стремительному накоплению документов** и информационных ресурсов с цифровыми носителями.

Важними для модернізації методів збереження історико-культурного насліддя України, в тому числі і архівних документів, стали матеріали підготовки державної програми «Збереження бібліотечних та архівних фондів на 2000–2005 роки», яка була прийнята для реалізації Міжнародної програми «Пам'ять миру», утвердження концепції Державної програми розвитку архівного дела на 2006–2010 роки, а також програми на рівні регіонів, наприклад, програма інформатизації Харківської області «Електронна Харківщина» на 2011–2013 роки і інші [16]. В 90-х роках концепції автоматизації архівів отримали відображення в проєктах «Архівної та рукописної спадщини України» і Національної архівної інформаційної системи. Обидва проєкти направлені на створення архівознавчої концепції інформатизації архівного дела, інформаційних ресурсів на базі свідчень про архівні установи, фонди, групи фондів, документи.

Особливе місце в складі електронних архівних ресурсів займають веб-сайти архівних установ, які архівісти розглядають як новий вид архівного довідника – комплексно-електронного довідника оперативного характеру, можливості якого достатньо широкі, він може включати найрізноманітнішу інформацію: описову (повідомлення, хроніку, огляд і т. д.), бібліографічну і археографічну (каталоги, посилання, списки, переліки), текстову

(публікація джерел і наукових ресурсів), зобразову (в тому числі і кінофотоджерела), а також інформацію краєзнавчого характеру, бази даних і т. д. [13, 16]. В Україні офіційний веб-портал Державної архівної служби України (<http://www.archives.gov.ua>) був створений як основний державний інформаційний ресурс глобальної комп'ютерної мережі Інтернет в архівній галузі і архівній інформатизації. Цей веб-сайт в розділі «Архівні установи» містить перелік основних архівних установ України: УНІАСД (Український НІІ архівного дела і документознавства), центральні державні, місцеві, галузеві державні архівні установи, відомчі архівні установи, громадські і т. п., а також надає можливість переходу безпосередньо до веб-сторінок кожної архівної установи. Всі інтернет-ресурси відкриті для вільного доступу і для міжнародних контактів.

Таким чином, можна зробити висновок, що в Україні в сучасних умовах відбувається розширення і зміцнення міжнародного співробітництва в сфері архівної науки і практики. Корпоративні процеси, що відбуваються в системі електронних комунікацій, змінюють умови взаємодії архівів в напрямку інтеграції ресурсної складової міжнародного інформаційного простору.

Література

1. Тихонов В. И. Проблемы сохранения цифрового культурного наследия // Информационные технологии и электронные документы в контексте архивного хранения. – М., 2009. – С. 272–278.
2. Ларин М. В. Сравнительный обзор архивного законодательства стран СНГ [Электронный ресурс]. – URL: www.rusarchives.ru/evants/. – Загл. с экрана.
3. Драгомирова, Л. Оптиміальна модель організації документів національного архівного фонду: методологія визначення і технологія створення // Студії з арх. справи та документознавства. – К., 2004. – Т. 11. – С. 117–121.
4. Про невідкладні заходи щодо розвитку архівної справи : Розпорядження Президента України від 2 вересня 2000 р. // Урядовий кур'єр. – 6 верес.
5. Національна архівна інформаційна система «Архівна та рукописна Україніка» і комп'ютеризація архівної справи в Україні. Випуск 1. Інформатизація архівної справи в Україні: сучасний стан та перспективи. Збірник наукових праць. – К., 1996. – 308 с.
6. Петерсон Г. М. Міжнародні правові питання архівної справи у цифрову епоху // Архіви України. – 2004. – № 3. – С. 51–56.
7. Прилепішева Ю. А. Щорічні зустрічі керівників державних архівних служб та архівних установ України, Росії та Білорусі: досвід, проблеми, перспективи // Архіви України. – 2009. – № 5. – С. 8–12.

8. Прилепішева Ю. А. Розвиток двостороннього співробітництва Державної архівної служби України з архівними установами світу // Архіви України. – 2012. – № 3. – С. 150–158.
9. Allen J. B., Embry J. L., Mehr K. B. Hearts Turned to the Fathers: A History of the Genealogical Society of Utah, 1894–1994. – Provo, Utah: Brigham Young University, 1995.
10. Чорнобильські архіви: Народа в ЮНЕСКО // Архіви України. – 1992. – № 5–6. – С. 4–5.
11. Чиркова М. Ю. Доступ до архівної інформації як механізм формування суспільної свідомості // Архіви України. – 2011. – № 2–3. – С. 37–45.
12. Хартія про збереження цифрової спадщини”, яка була прийнята XXXII Генеральною конференцією ЮНЕСКО в 2003 р. [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.minervaplus.ru/docums/digit.htm>. – Заголовок з екрана.
13. Папакін Г. В. Досвід і перспективи участі України у міжнародних та регіональних програмах збереження культурної спадщини // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія. – 2007. – № 3. – С. 6–11.
14. Христова Н. М. Обговорення теоретичних та прикладних проблем архівознавства на IX Міжнародній науково-практичній конференції «Документознавство. Бібліотекознавство. Інформаційна діяльність: проблеми науки, освіти, практики» // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія. – 2007. – № 3. – С. 67–69.
15. Архіви України: офіційний веб-сайт Державного комітету архівів [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.archives.gov.ua>. – Назва з екрана.
16. Боряк Г. В. Виклик часу: нові стратегічні ініціативи Міжнародного архівного співтовариства // Архіви України. – 2001. – № 6. – С. 66–72.
17. Гінзбург О. П. Рішення колегії Державного комітету архівів України про «Міжнародну діяльність державних архівних установ України» // [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.archives.gov.ua/Law-base/SCAU/2008.03.18-r.pdf>. – Заголовок з екрана.
18. Делеган М. В. Україна та Угорщина: поглиблення співпраці // Студії з арх. справи та документознавства. – К., 1998. – Т. 3. – С. 188–192.
19. Драч І. Інформаційна політика України: Доп. на Міжнар. конгресі у Києві «Інформаційне суспільство в Україні – стан, проблеми, перспективи» // Укр. проблеми. – 2000. – № 20. – С. 103–107.
20. Марченко П. Шляхи вирішення проблеми зберігання електронних документів в архіві (аналіз Інтернет-ресурсів) // Студії з арх. справи та документознавства. – К., 2004. – Т. 12. – С. 81–85.
21. Хащина Х. О. Проблеми формування електронних аналогів архівних ресурсів в органах місцевого самоврядування // Вісник ХДАК. – 2012. – № 35. – С. 216–224.

References

1. Tihonov V. I. Problemy sohraneniya cifrovogo kul’turnogo nasledija Informacionnye tehnologii i elektronnye dokumenty v kontekste arhivnogo hraneniya. – M., 2009. – S. 272–278.
2. Larin M. V. Sravnitel’nyj obzor arhivnogo zakonodatel’sтва stran SNG // [Elektronnyj resurs]. – URL: www.rusarchives.ru/evants/. – Zagl. s ekrana.
3. Dragomirova L. Optimal’na model’ organizacii dokumentiv nacional’nogo arhivnogo fondu: metodologija viznachennja i tehnologija stvorennya // Studii z arh. справи та документознавства. – К., 2004. – Т. 11. – С. 117–121.
4. Pro nevidkladni zahodi shhodo rozvitku arhivnoi справи: Rozporjadzhennja Prezidenta Ukraïni vid 2 veresnja 2000 r. // Urjadovij kur’er. – 6 veres.
5. Nacional’na arhivna informacijna sistema “Arhivna ta rukopisna Ukraïnika” i komp’juterizacija arhivnoi справи v Ukraïni. Vipusk 1. Informatizacija arhivnoi справи v Ukraïni: suchasnij stan ta perspektivi. Zbirnik naukovih prac?. – К., 1996. – 308 s.
6. Peterson G. M. Mizhnarodni pravovi pitannja arhivnoi справи u cifrovu epohu // Arhivi Ukraïni. – 2004. – № 3. – S. 51–56.
7. Prilepisheva Ju. A. Shhorichni zustrichi kerivnikiv derzhavnih arhivnih sluzhb ta arhivnih ustanov Ukraïni, Rosii ta Bilorusi: dosvid, problemi, perspektivi // Arhivi Ukraïni. – 2009. – № 5. – S. 8–12.
8. Prilepisheva Ju. A. Rozvitok dvostoronn’ogo spivrobitnictva Derzhavnoi arhivnoi sluzhbi Ukraïni z arhivnimi ustanovami svitu // Arhivi Ukraïni. – 2012. – № 3. – S. 150–158.
9. Allen J. B., Embry J. L., Mehr K. B. Hearts Turned to the Fathers: A History of the Genealogical Society of Utah, 1894–1994. – Provo, Utah: Brigham Young University, 1995.
10. Chornobil’s’ki arhivi: Narada v JuNESKO // Arhivi Ukraïni. – 1992. – № 5–6. – S. 4–5.

11. Chirkova M. Ju. Dostup do arhivnoï informaciiï jak mehanizm formuvannja suspil'noï svidomosti // Arhivi Ukraïni. – 2011. – № 2–3. – S. 37–45.
12. Hartija pro zberezhennja cifrovoi spadshhini”, jaka bula prijnjata XXXII General'noju konferenciju JuNESKO v 2003 r. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.minervaplus.ru/docums/digit.htm>. – Zagolovok z ekrana.
13. Papakin G. V. Dosvid i perspektivi uchasti Ukraïni u mizhnarodnih ta regional'nih programah zberezhennja kul'turnoi spadshhini // Bibliotekoznavstvo. Dokumentoznavstvo. Informologija. – 2007. – № 3. – S. 6–11.
14. Hristova N. M. Obgovorennja teoretichnih ta prikladnih problem arhivoznavstva na IX Mizhnarodnij naukovopraktichnij konferenciiï “Dokumentoznavstvo. Bibliotekoznavstvo. Informacijna dijaj'nist': problemi nauki, osviti, praktiki” // Bibliotekoznavstvo. Dokumentoznavstvo. Informologija. – 2007. – № 3. – S. 67–69.
15. Arhivi Ukraïni: oficijnij veb-sajt Derzhavnogo komitetu arhiviv [Elektronnij resurs]. – URL: <http://www.archives.gov.ua>. – Nazva z ekrana.
16. Borjak G. V. Viklik chasu: novi strategichni iniciativi Mizhnarodnogo arhivnogo spivtovaristva // Arhivi Ukraïni. – 2001. – № 6. – S. 66–72.
17. Ginzburg O. P. Rishennja kolegiiï Derzhavnogo komitetu arhiviv Ukraïni pro “Mizhnarodnu dijaj'nist' derzhavnih arhivnih ustanov Ukraïni” [Elektronnij resurs]. – URL: <http://www.archives.gov.ua/Law-base/SCAU/2008.03.18-r.pdf>. – Zagolovok z ekrana.
18. Delegan M. V. Ukraïna ta Ugorshhina: pogliblennja spivpraci // Studii z arh. spravi ta dokumentoznavstva. – K., 1998. – T. 3. – S. 188–192.
19. Drach I. Informacijna politika Ukraïni: Dop. na Mizhnar. kongresi u Kievi “Informacijne suspil'stvo v Ukraïni – stan, problemi, perspektivi” // Ukr. problemi. – 2000. – № 20. – S. 103–107.
20. Marchenko P. Shljahi virishennja problemi zberigannja elektronnih dokumentiv v arhivi (analiz Internet-resursiv) // Studii z arh. spravi ta dokumentoznavstva. – K., 2004. – T. 12. – S. 81–85.
21. Hashhina H. O. Problemi formuvannja elektronnih analogiv arhivnih resursiv v organah miscevogovog samovrjaduvannja // Visnik HDAK. – 2012. – № 35. – S. 216–224.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

УДК 792

ПОИСТИНЕ ПОДВИЖНИЧЕСКИЙ ТРУД («ИСКУССТВО И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ОПЫТ» – 2002–2014 годы)

Васильев Ю. А., кандидат искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской академии театрального искусства, профессор Высшей школы музыки и театрального искусства им. Ф. Мендельсона-Бартольди (Лейпциг), заслуженный деятель искусств Российской Федерации (г. Санкт-Петербург). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

В статье освещается становление и проблематика сборника научных трудов «Искусство и искусствоведение: теория и опыт».

Ключевые слова: искусство, искусствоведение, театроведение, музыковедение.

THE TRUE ASCETIC WORK (“THE ART AND ART CRITICISM: THEORY AND PRACTICE” – 2002–2014)

Vasiliev Yu. A., Candidate of Art History, Professor of St. Petersburg Academy of Dramatic Art, Professor of F. Mendelssohn-Bartholdy Higher School of Music and Performing Arts (Leipzig), Honorary Worker of Arts of the Russian Federation (St. Petersburg). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

The formation and problems of the collection of scientific articles “The Art and Art Criticism: Theory and Practice” are considered in this article.

Keywords: art, art criticism, theatre science, musicology.

Вышли в мир и заняли видное место в культурной жизни страны одиннадцать выпусков основательного научного издания Кемеровского государственного университета культуры и искусств «Искусство и искусствоведение: теория и опыт». Много это или мало? Ответ однозначен: внушительно. И к тому же нетрадиционно. Если бы меня спросили об эпицентре современного изучения театральных и музыкальных искусств, то я не задумываясь, среди нескольких фундаментальных серийных изданий, непременно назвал бы этот труд.

Ровно год пробивал себе дорогу первый выпуск. В середине июня 2001 года сборник был сдан в набор, подписан же в печать – в июне 2002 года. Внове было все. Задумавшим это ежегодное

издание пришлось решать бесчисленные организационные и творческие вопросы, определять структуру последующих выпусков, круг авторов, разнообразие тематики, обуславливать обязательность рассмотрения актуальных вопросов теории и истории театрального и музыкального искусства Кузбасса, поиск возможностей открытого разговора об искусстве Сибири, Дальнего Востока, других регионов страны. И, разумеется, с первых же шагов добиваться самого высокого научного уровня публикуемых статей и материалов. Со всеми названными и неназванными проблемами редакционной коллегии удалось справиться на «отлично». Сборник «Искусство и искусствоведение: теория и опыт» за прошедшие годы стал поистине одним из самых значимых изданий для культуры

и искусства России. Его уникальность налицо и сравнению не подлежит. Это издание можно было бы назвать «конспектом современного искусствоведения» – так много в нем сходится, так много сводится авторами воедино. Спектр направлений современного искусствоведения, исследования вопросов культуры и искусства необычайно разнообразный, интенсивный, насыщенный.

Создатели издания «Искусство и искусствование: теория и опыт», бессменные «сочинители» всех его выпусков – Г. А. Жерновая, Н. Л. Прокопова, И. Г. Умнова – вдохнули в каждый выпуск жаркие исследовательские импульсы, сотворили замечательный авторский коллектив из представителей десятков вузов культуры и искусства, театральных школ. Нетрудно уразуметь, что под одной обложкой не так-то легко собрать статьи специалистов самого высокого уровня. Им же это удается проделывать в течение двенадцати лет. Не допустив при этом ни одного сбоя, ни одного просчета. Три с половиной тысячи страниц текста представляют собой кладезь идей, открытий, исторических исследований, гипотез, размышлений, раздумий, актуальных высказываний по проблемам практически всех видов, жанров и направлений искусства. В сборнике «Искусство и искусствование: теория и опыт» сплотились музыковедение, культурология, театроведение, литературоведение, фольклористика, философия, история и теория драматического и оперного театра, музейное дело, история костюма, театральная, музыкальная и вокальная педагогика, педагогика эстрадного искусства и режиссуры массовых зрелищ, театральная критика, социология, дизайн. Живопись, театр, музыка, архитектура, танец, поэзия, пластические искусства соседствуют на страницах каждого выпуска и дополняют друг друга. Иной раз они сходятся в диалоге, создают двухголосие по воле авторов статей. Так живопись и музыка гармонично объединяются в работе О. М. Плотниковой «Союз прекрасных муз» (Вып. 3, с. 164–175), в которой автор исследует шестисотлетнюю историю их взаимодействия. Слияние вербального и невербального постигается в статье Т. А. Григорьянц «Отношение слова и тела в сценическом тексте» (Вып. 9, с. 114–126). Здесь дается анализ связей, возникающих между словом и телом в процессе постановочной работы, изучаются уровни присутствия слова и тела

в спектакле и в работе актера над сценическим человеком. По мнению автора, во время работы актера над ролью слово насыщается конкретной пластикой, обретает телесную жизнь. «От того, насколько эта работа глубоко и тщательно проделана, зависит успех создаваемого образа. В идеальном результате, – определяет Григорьянц, – зритель не видит телесных движений, как и не слышит слов, произносимых со сцены. Он (зритель) внимает и понимает происходящее **действие**, которое “сплетается” из текста и пластики актерского ансамбля» [1]. Наиболее плодотворным проявлением органичного слияния слова и тела в актерском искусстве автор видит импровизацию. Несомненный интерес представляет сопоставление способов функционирования декламации и музыки в произведениях «Персефона» И. Стравинского и «Жанна д’Арк на костре» А. Онегера, предпринятое Д. В. Логуновой в статье «Декламация и музыка: творческий диалог двух композиторов» (Вып. 10, с. 201–220). Упоминаю лишь некоторые грани соприкосновения искусств. Материалов в выпусках сборника «Искусство и искусствование: теория и опыт», касающихся синтеза искусств, содержится гораздо больше.

Большим подарком судьбы я назвал бы редакторскую деятельность профессора Галины Александровны Жерновой. Она осуществляла научную редактуру первых десяти выпусков «Искусства и искусствования». Некогда высокая редакторская культура гуманитарных изданий ныне утрачивается. Все чаще мы соприкасаемся с быстренько-скоренько выпущенными изданиями, редакторская и корректорская работа над которыми оставляет желать лучшего. Профессионализм, широта знаний, скрупулезность и тщательность в работе с авторскими текстами отличает редакторское творчество Жерновой. Духовное начало и всеобъемлющая личная ответственность редактора столь сложного издания – это редкое везение в наше время. Считаю, что и мне, как автору статей во всех выпусках сборника «Искусство и искусствование: теория и опыт», и всем другим авторам – участникам проекта – доставляет истинное наслаждение общение с Г. А. Жерновой, ее тактичность при решении тончайших вопросов редактуры, особенное внимание и мягкий подход к каждому из нас доставляют истинное наслаждение.

дение. Ее замечания, вопросы, подсказки заметно улучшают качество авторского текста. Она не допускает и не пропускает промахов в оформлении справочного аппарата публикаций, дотошно вчитывается в цитаты, многократно сверяет их с первоисточниками, умело komponует сами приемы цитирования. Дорого и то, что Г. А. Жерновая, помимо научной редакции сборников, периодически выступает в них со статьями по истории и теории античного театра и русского театра второй половины XIX века, с исследованиями по драматургии Шекспира, Пушкина, Островского, Грибоедова и анализом творчества актеров Малого театра. Двенадцать статей, опубликованных ею в различных выпусках сборника «Искусство и искусствоведение: теория и опыт», вносят заметную лепту в теорию актерского искусства и теорию драмы. Ее триптих о театре Эсхила – «Хор и герой как проблема характера в поздних трагедиях Эсхила (“Агамемнон”» (Вып. 7, с. 85–105), «Система характеров в поздних трагедиях Эсхила (“Агамемнон”» (Вып. 8, с. 211–229), «Структура характера героя (Орест–Пилад) в трагедии Эсхила “Хоэфоры”» (Вып. 10, с. 180–201) – представляет собою развернутую концепцию системы и механизмов создания сценических характеров античными драматургами. Серьезным вкладом в разгадку феномена актерского творчества стали статьи Жерновой о М. Н. Ермоловой и А. И. Южине. В статье «Изабелла и Анджело: из мистерии в анекдот (“Мера за меру” Шекспира и “Анджело” Пушкина)» (Вып. 6, с. 135–149) Жерновая предлагает и обосновывает новое жанровое определение произведения Шекспира – неканоническая мистерия и проводит анализ пушкинской поэмы, в котором приходит к выводу о том, что, пересоздавая драму Шекспира и снижая ее повышенную проблематику, Пушкин вводит свое произведение в «жанровые рамки анекдота» (с. 144–145). Пушкин, по мнению Жерновой, для осуществления своего замысла поступает, как современные театральные режиссеры: «Сюжет и текст классической пьесы они оставляют при постановке без изменений, но не ограничиваются сменой подтекстов, а сочиняют вместе с актерами спектакль, как этюд на психологическое “оправдание” предлагаемых слов» [2].

Рождение и существование научного издания «Искусство и искусствоведение: теория и опыт»

во многом заслуга профессора Натальи Леонидовны Прокоповой. Она этот проект задумала, и она же деятельно участвует в его осуществлении. В каждом выпуске чувствуется ее дыхание. Рост ученого и педагога происходит не только за письменным столом и на занятиях со студентами, но и в процессе подготовки к изданию таких значимых сборников научных трудов, как-то является «Искусство и искусствоведение». По своему опыту могу судить: обсуждение статей с авторами, переписка и общение с ними, разработка тематики, стремление не потерять актуальное – расширяют научный кругозор, одаряют новыми пластами лексики и терминологии, вовлекают в проблематику разных видов искусства, позволяют и свои деяния в искусстве и в педагогике не творить в замкнутости. Последнее мне представляется принципиальным для людей, отдающих себя искусству и науке искусства. Дорогого стоит откровенная запись в рабочих дневниках Г. М. Козинцева: «Как известно, вне среды, в одиночку, без встреч с теми, кто умнее, больше тебя, честнее тебя, – думать, работать нельзя» [3]. Умение вслушиваться в собеседников, жажда узнавания, склонность докопаться до истоков каждого явления присущи Н. Л. Прокоповой в полной мере. В этом и ее состоятельность как организатора научного издания, и ее достоинство в науке и в педагогической практике. Н. Л. Прокопова, кстати сказать, из рук Г. А. Жерновой приняла редакторскую эстафету – и успешно справилась с обязанностями ответственного редактора последних трех выпусков серийного издания. Сама же Прокопова не упускает случая для исследования и описания различных вопросов искусствоведения, касающихся театрального искусства Кузбасса, прежде всего, а также проблем педагогики сценической речи, с которой она связала свою профессиональную судьбу. В ее статьях о театральной жизни в Кемеровской области – «Театральный процесс Кузбасса: векторы развития» (см. [4]), «Тенденции коммерциализации театра (на материале театрального пространства Кузбасса)» (см. [5]), «“Новая драма” и репертуарный театр: опыт соприкосновения (на материале спектаклей Кузбасса)» (см. [6]), «Режиссерское искусство Ирины Латынниковой: становление театра-дома» (см. [7]) – проступают очертания разнообразных поисков и экспе-

риментов мастеров режиссуры, слышны голоса десятков деятелей театра, обсуждаются самые насущные проблемы современного драматического театра. И, главное, чувствуется большая заинтересованность самого автора в дальнейшем развитии искусства в регионе. Особо следует отметить цикл статей Н. Л. Прокоповой, в которых затрагиваются теоретические и методические вопросы сценической речи. Она впервые в искусствоведении подошла к рассмотрению проблемы парадигм сценической речи, в частности описала парадигму красноречия, парадигму драматизма и выдвинула концепцию перехода речевого искусства русского драматического театра от одних принципов к другим. Путь Прокоповой к этим значимым для нынешнего преподавания сценической речи теоретическим открытиям был длительным. Сначала она изучала особенности сценической речи на материале педагогической практики в театральных школах и только затем перешла к ее рассмотрению на театральных подмостках. И в результате дала теоретическое обоснование роли слова в жизни драматического театра в разные периоды его существования. Обо всем этом свидетельствуют ее публикации на страницах сборников «Искусство и искусствоведение: теория и опыт»: «Становление современных технологий голосоречевого обучения актера» (см. [8]), «Сценическая речь в контексте постмодернизма» (см. [9]), «Декламационная культура как отражение классической эстетики» (см. [10]), «Расслоение искусства сценического слова как фактор формирования новой парадигмы речевой культуры» (см. [11]), «Обусловленность методической вариативности в преподавании сценической речи» (см. [12]).

Тон в музыковедческом направлении сборника «Искусство и искусствоведение: теория и опыт» все эти годы задает профессор Ирина Геннадьевна Умнова. Среди авторов статей много замечательных ученых и специалистов. Примечательно, что музыка, оперное искусство, исполнительское мастерство, музыкальный фольклор занимают достойное место в сборнике «Искусство и искусствоведение: теория и опыт». Каждая статья самой И. Г. Умновой, а их в книгах серии опубликовано более десяти, — являет собой образец высокой музыкальной культуры. Умнову можно и нужно благодарить за тщательный анализ композиторского и литературного творчества С. М. Сло-

нимского, содержащийся в статьях, опубликованных в сборнике «Искусство и искусствоведение»: «Некоторые особенности взаимодействия театра и симфонии в творчестве Сергея Слонимского» (Вып. 1, с. 155–174), «Исследовательские и публицистические позиции С. Слонимского в контексте стилиевой эволюции» (Вып. 2, с. 224–249), «К проблеме исследования литературного творчества композитора в контексте его поэтической системы» (Вып. 4, с. 164–182), «О музыке и слове Сергея Слонимского в юбилейный год Мастера» (Вып. 6, с. 109–124), «Культурные, художественные и генетические истоки литературного творчества композитора Сергея Слонимского» (Вып. 8, с. 187–204) и др. Слов благодарности заслуживает И. Г. Умнова и за интервью с С. М. Слонимским, (Вып. 4, с. 182–197). Ответы Слонимского откровенны, правдивы, в них проступают его энциклопедические знания, знаки биографии, взгляды на редакторскую работу, на литературные и музыкальные стили, на творчество многих композиторов, отношение к авангардному искусству, зарисовки разных событий музыкальной жизни, описания поступков композиторов, связанных с их характерами. Важное место в интервью уделено психологии литературного творчества музыковеда. Замечательно воссоздает композитор собственное научное творчество, работу над статьями, книгами. «Если у меня нет своей какой-то общей мысли, — отмечает он, — то я не берусь за статью. Если я буду переизлагать то, что уже известно, я учебник писать не буду. Только если у меня есть свой самостоятельный взгляд, не скажу оригинальный, на личность, на проблему, тогда это меня греет, заряжает, тогда питает» [13].

Обстоятельный подход к каждой теме отличает работы профессора Б. Б. Бородина по музыкальной культуре разных эпох: «Миф как источник сведений об инструментальной культуре Античности» (Вып. 11, с. 74–84), «Из истории музыкальной эстетики: поиски и находки Секста Эмпирика» (Вып. 9, с. 55–70), «Бузони и Годовский: эскиз двойного портрета» (Вып. 8, с. 109–118). В своих статьях Б. Б. Бородин, как правило, выходит за рамки узкой музыковедческой темы, каждая его работа — питательный источник для специалистов других областей культуры и искусства. О чем свидетельствуют, например, его публикации на тему виртуозного

исполнительства: «О Владимире Горовице и Уолте Диснее, а также Леопольде Стоковском и еще Фреде Астере: некоторые параллели» (Вып. 5, с. 213–220) и «Виртуозность: история понятия» (Вып. 4, с. 221–245). Мне, занимающемуся такой скромной учебной дисциплиной театрального образования, какой является «Сценическая речь», работы Бородина о виртуозности в музыкальных исполнительских искусствах оказали неоценимую услугу. Его теоретические изложения предмета и изучение феномена виртуозности в искусстве Ренессанса, барокко, классицизма, романтизма позволяют по-новому взглянуть на виртуозность речи и голосовой техники в драматическом театре в разные эпохи.

Особенную актуальность феномен виртуозности обрел в нынешнее время. Ни для кого не секрет, что режиссура уходит все дальше и дальше в своем стремлении лишить слово «венца» (вспомним Немировича-Данченко с его звенящей формулой «Слово становится венцом творчества» [14]). Вспомним также высказывание режиссера Константина Богомолова: «Самое страшное, что чаще всего молодые артисты обучаются даже не мастерами, а педагогами по сценической речи. И ладно бы речевики занимались со студентами голосом, дикцией, но они занимаются художественным словом – и это катастрофа. В результате из училищ выходят люди, которые говорят чужими, а не своими голосами и интонациями. Если сказать одним словом, то из училищ с дипломами артистов выходят несвободные люди, не умеющие нормально, спокойно разговаривать, строить процесс. Я больше скажу: у них нет личности» [15]. И вот изыскания Б. Б. Бородина проливают свет на возможное сочетание технических аспектов сценической речи и творческих критериев, предъявляемых актеру современным театром. Эта тема продолжается и в серии теоретических статей разных авторов, посвященных изучению взаимодействия текста драматургического (литературного) и текста театрального (спектакля). Таковы концепции, изложенные в работах: И. Н. Латынниковой – «Художественное пространство спектакля и текст драмы (заметки для лекции)» (Вып. 2, с. 23–33), Н. В. Песочинского – «Классический текст в театре XXI века» (Вып. 5, с. 61–78), С. Н. Басалаева – «Некоторые аспекты интерпретации авторского текста в со-

временной театрально-культурной ситуации» (Вып. 9, с. 214–226), Л. А. Ходанен – «Сценический образ и авторское слово: повесть А. П. Чехова “Дуэль” на сцене Новокузнецкого драматического театра» (Вып. 11, с. 252–258).

С работами теоретиков соседствуют статьи практиков – педагогов сценической речи, по своему решающих вопросы выразительности голоса и речи в современном драматическом театре, предлагающих свои пути выхода из кризиса речевой культуры актеров. В каждом выпуске сойдется подборка материалов по речевым дисциплинам. Представлен широкий круг авторов. И кемеровские специалисты пишут, и представители других регионов почитают за честь публиковаться в издании «Искусство и искусствоведение: теория и опыт». На страницах сборника «Искусство и искусствоведение: теория и опыт» разворачивается картина современного состояния педагогики сценической речи. Создатели картины – специалисты российских театральных школ, представители различных направлений преподавания речевых дисциплин. Библиография публикаций речевых педагогов насчитывает сорок наименований. Теория, практика, критические статьи, методические предложения, публикации специалистов прошлых лет. Среди авторов известные российские речевые педагоги А. М. Бруссер, Н. А. Латышева, Н. Л. Ковалева, Н. Л. Прокопова, Ю. А. Васильев, В. В. Чепурина, М. В. Смирнова, А. В. Тарарина, Е. А. Лазарева, И. Д. Пелих, зарубежные специалисты – М. Херман-Рёттген (Германия), Х. Кобленцер, Ф. Мухар (Австрия), Люй Янь (Китай). Представлены публикации выступлений выдающихся театральных педагогов – режиссера М. О. Кнебель и актрисы К. В. Куракиной. В опубликованных материалах затрагиваются, по сути, все аспекты речевого воспитания актеров, рассматриваются вопросы работы над литературным материалом, исследуются пути формирования современных технологий речевого обучения и принципов актерской речи.

Неоспорима своевременность появления каждого сборника «Искусство и искусствоведение: теория и опыт». Ограничусь одним примером. Как только некие умы в министерских инстанциях бросили вызов устойчивой и надежной системе образования, «смело» решили под-

ладиться под двухуровневую систему высшего образования, распространенную в странах Европы, и выпустили соответствующие разгромные для российского образования в области искусства и культуры указания-положения-постановления-приказы в виде Федерального закона – в седьмом выпуске «Искусство и искусствоведение» появляется раздел «Полемический жест» и И. Г. Умнова публикует в нем проблемную статью. Выступая в защиту традиционного музыкального образования в России, она в качестве доказательства высокого творческого уровня педагогики музыкального искусства представляет «Педагогические принципы композитора Сергея Слонимского» (Вып. 7, с. 9–18).

Разделом «Полемический жест» открываются все выпуски сборника, начиная с 2009 года. И название раздела жётся, и статьи вызывают на диалог. Не следует ждать открытой полемики. От такого раздела не требуется дискуссия здесь же и сейчас же. Диалог в данном случае протекает в сфере театральной педагогики и искусствоведения. Высказывания, появляющиеся в «Полемическом жесте», отражаются в работе практиков и в размышлениях теоретиков. И эти высказывания находят отклик. Об этом могу свидетельствовать как автор публикаций во всех выпусках «Полемического жеста». Лично мне общение с читателем на страницах «Полемического жеста» представляется полезным. Вступаю в заочные разговоры с театральными педагогами, высказываю свое мнение о тех или иных тенденциях в преподавании речевых дисциплин, выслушиваю точки зрения других специалистов и убеждаюсь, что «Полемический жест» – одно из ценнейших начинаний редакционной коллегии. С келейностью в искусстве бороться необходимо. И пусть кому-то покажется, что я в чем-то не прав. А все же замалчивать проблему, по-моему, мы не имеем права. Всякий раз, готовясь к выступлению в «Полемическом жесте», я ожидаю ответные реакции, желаю откликов на свои собственные высказывания и свои оценки в работах других специалистов. Заочное полемизирование захватывает, вымышленные диалоги будоражат воображение. Но хочется реального, живого контакта. И мне дороги те публикации в «Полемическом жесте», которые отвечают на мои выпады и горячо отстаивают другие подходы к тем или иным раз-

делам речевой педагогики. В этом смысле я благодарен профессорам Ю. М. Барбою и Г. А. Праздникову, выступившим с серьезным анализом трех моих учебных пособий по голосо-речевому тренингу [16] в седьмом выпуске сборника «Искусство и искусствоведение: теория и опыт» (см. [17]). Признателен я и профессору А. М. Бруссер, продолжившей актуальную в последнее десятилетие полемику о месте и роли «Художественного чтения» в процессе речевого обучения актеров в театральной школе [18].

Формируя композицию каждого выпуска, редакционная коллегия исходит из принципа тематического объединения материалов. Если в первой (пробной) публикации 2002 года, когда сборник только зарождался, мы не увидели тематических разделов, то в последующих выпусках они становятся организаторами структуры этого издания. Какие-то разделы встречаются в нескольких выпусках сборника, некоторые появляются лишь однажды. Среди традиционных (важных и обязательных) разделов: «Театральное пространство Сибири» (Вып. 3, 4, 5) и, как варианты, «Региональное искусство Урала и Сибири» (Вып. 7), «Искусство регионов России» (Вып. 8), «Искусство Сибири» (Вып. 9), «Искусство регионов» (Вып. 10), «Искусство Кузбасса» (Вып. 11); «Жанр – стиль – направление» (Вып. 5, 6); «Жанр – форма – направление» (Вып. 7, 10); «Искусство в культурно-историческом контексте» (Вып. 9, 10, 11). При этом следует подчеркнуть, что собрание материалов по истории и современной жизни музыкального, оперного, драматического, изобразительного искусства, музейного дела различных регионов России следует признать единственным в своем роде. Важно и то, что в каждом из выпусков серьезными статьями представлены разделы, касающиеся искусства Кузбасса. Обсуждаются спектакли драматических и музыкальных театров, подводятся итоги фестивалей. И все это происходит на высоком теоретическом уровне.

Хотел бы отметить и то обстоятельство, что основную роль в подготовке и издании «Искусства и искусствоведения» играет возглавляемая Н. Л. Прокоповой «Лаборатория теоретических и методических проблем искусствоведения». В 2014 году, юбилейном для Кемеровского университета культуры и искусства, выходит в жизнь

двенадцатый выпуск. И вновь, как и все предыдущие выпуски этого издания, я ожидаю его с волнением и неослабевающим интересом. Ожидая свежий выпуск с верой в то, что вот-вот опять откроется мне новый пласт жизненных исследований и представится возможность вчитаться в следующие страницы сборника научных трудов «Искусство и искусствоведение: теория и опыт», умно и разумно рассказывающие об искусстве. Надеюсь, что, как и прежде, испробую очередную порцию терпких и горячих практических поисков театральных и музыкальных педагогов, соприкоснусь со стихией лирики и музыки, античной культуры и постмодернистского брожения. И верю очень и очень, что авторы этой книги повлияют и на мои вечные поиски в театре и театральной

педагогике. Ощущаю я авторов этого издания, как своих давних и умных друзей, соратников и советчиков. А что еще может желать каждый из нас, увлеченный теорией и практикой искусства и искусствоведения, стремящийся к познанию истины, разгадывающий феномен творчества. А так как истина не кому-то одному принадлежит, а рождается в спорах и в содружестве многих и многих людей искусства, то смею думать, что сборник «Искусство и искусствоведение: теория и опыт» есть одно из отражений истины, по крайней мере, один из ее островков. Вновь обращусь к рабочим тетрадам Г. М. Козинцева, в которых содержится ценнейшее для нас замечание: «Для того люди и работают в искусстве, чтобы найти способ прояснить» [19].

Литература

1. Григорьянц Т. А. Отношение слова и тела в сценическом тексте // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Ремесло искусства: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Л. Прокопова. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Вып. 9. – С. 124.
2. Жерновая Г. А. Изабелла и Анджело: из мистерии в анекдот («Мера за меру» Шекспира и «Анджело» Пушкина) // Искусство и искусствоведение: теория и опыт. Слово в системе искусств: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – Вып. 6. – С. 147.
3. Козинцев Г. «Черное, лихое время...»: Из рабочих тетрадей. – М., 1994. – С. 208.
4. Прокопова Н. Л. Театральный процесс Кузбасса: векторы развития // Искусство и искусствоведение: теория и опыт. Театральное пространство Сибири: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2004. – Вып. 3. – С. 48–72.
5. Прокопова Н. Л. Тенденции коммерциализации театра (на материале театрального пространства Кузбасса) // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: К новому синкретизму: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2005. – Вып. 4. – С. 318–337.
6. Прокопова Н. Л. «Новая драма» и репертуарный театр: опыт соприкосновения (на материале спектаклей Кузбасса) // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Ремесло искусства: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Л. Прокопова. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Вып. 9. – С. 227–257.
7. Прокопова Н. Л. Режиссерское искусство Ирины Латынниковой: становление театра-дома // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Искусство регионов: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Л. Прокопова. – Кемерово: КемГУКИ, 2012. – Вып. 10. – С. 250–279.
8. Прокопова Н. Л. Становление современных технологий голосоречевого обучения актера // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Сценическая педагогика: сб. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: Кемеров. гос. акад. культуры и искусств, 2002. – Вып. 1. – С. 79–95.
9. Прокопова Н. Л. Сценическая речь в контексте постмодернизма // Искусство и искусствоведение: теория и опыт. Язык и речь современного искусства: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – Вып. 5. – С. 26–50.
10. Прокопова Н. Л. Декламационная культура как отражение классической эстетики // Искусство и искусствоведение: теория и опыт. Язык и речь современного искусства: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – Вып. 5. – С. 145–164.
11. Прокопова Н. Л. Расслоение искусства сценического слова как фактор формирования новой парадигмы речевой культуры // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Слово в системе искусств: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – Вып. 6. – С. 7–23.
12. Прокопова Н. Л. Обусловленность методической вариативности в преподавании сценической речи // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Традиция в истории искусств: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – Вып. 8. – С. 59–73.

13. Умнова И. Г. Интервью с Сергеем Слонимским // Искусство и искусствознание: теория и опыт: К новому синкретизму: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2005. – Вып. 4. – С. 194.
14. Немирович-Данченко В. И. Театральное наследие: Статьи. Речи. Беседы. Письма: в 2 т. – М., 1952. – Т. 1. – С. 213.
15. Константин Богомолов. Наша театральная школа губит молодых артистов: беседа с Жанной Зарецкой. – URL: <http://www.openspace.ru/theatre/events/details/23841/?expand=yes#expand>
16. Речь идет о серии пособий: «Сценическая речь: вариации для тренинга» (СПб., 2005. – 342 с.), «Сценическая речь: вариации для творчества» (СПб., 2007. – 432 с.), «Сценическая речь: ритмы и вариации» (СПб., 2009. – 416 с.).
17. Барбой Ю. М. По жизни плывут не синхронно // Искусство и искусствознание: теория и опыт: Жанр – форма – направление: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – С. 62–65; Праздники Г. А. Тренинг и творчество: противоречия и взаимообусловленность // Там же. – С. 65–84.
18. Бруссер А. М. «Нам не дано предугадать...». Художественное слово в театральной школе // Искусство и искусствознание: теория и опыт: Ремесло искусства: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Л. Прокопова. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Вып. 9. – С. 3–19.
19. Козинцев Г. «Черное, лихое время...»: Из рабочих тетрадей. – М., 1994. – С. 96.

References

1. Grigor'janc T. A. Otnoshenie slova i tela v scenicheskom tekste // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: Remeslo iskusstva: sb. nauch. tr. / отв. ред. N. L. Prokopova. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Вып. 9. – С. 124.
2. Zhernovaja G. A. Izabella i Andzhelo: iz misterii v anekdot ("Mera za meru" Shekspira i "Andzhelo" Pushkina) // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt. Slovo v sisteme iskusstv: sb. nauch. tr. / под ред. G. A. Zhernovoj. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – Вып. 6. – С. 147.
3. Kozincev G. "Chernoe, lihoje vremja...": Iz rabochih tetradej. – М., 1994. – С. 208.
4. Prokopova N. L. Teatral'nyj process Kuzbassa: vektory razvitija // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt. Teatral'noe prostranstvo Sibiri: sb. nauch. tr. / под ред. G. A. Zhernovoj. – Вып. 3. – Кемерово: КемГУКИ, 2004. – С. 48–72.
5. Prokopova N. L. Tendencii kommercializacii teatra (na materiale teatral'nogo prostranstva Kuzbassa) // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: K novomu sinkretizmu: sb. nauch. tr. / под ред. G. A. Zhernovoj. – Кемерово: КемГУКИ, 2005. – Вып. 4. – С. 318–337.
6. Prokopova N. L. "Novaja drama" i repertuarnyj teatr: opyt soprikosnovenija (na materiale spektaklej Kuzbassa) // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: Remeslo iskusstva: sb. nauch. tr. / отв. ред. N. L. Prokopova. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Вып. 9. – С. 227–257.
7. Prokopova N. L. Rezhisserskoe iskusstvo Iriny Latynnikovoj: stanovlenie teatra-doma // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: Iskusstvo regionov: sb. nauch. tr. / отв. ред. N. L. Prokopova. – Кемерово: КемГУКИ. – 2012. – Вып. 10. – С. 250–279.
8. Prokopova N. L. Stanovlenie sovremennyh tehnologij golosorechevogo obuchenija aktera // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: Scenicheskaja pedagogika: sb. / под ред. G. A. Zhernovoj. – Кемерово: Кемеров. gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2002. – Вып. 1. – С. 79–95.
9. Prokopova N. L. Scenicheskaja rech' v kontekste postmodernizma // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt. Jazyk i rech' sovremennogo iskusstva: sb. nauch. tr. / под ред. G. A. Zhernovoj. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – Вып. 5. – С. 26–50.
10. Prokopova N. L. Deklamacionnaja kul'tura kak otrazhenie klassicheskoj estetiki // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt. Jazyk i rech' sovremennogo iskusstva: sb. nauch. tr. / под ред. G. A. Zhernovoj. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – Вып. 5. – С. 145–164.
11. Prokopova N. L. Rassloenie iskusstva scenicheskogo slova kak faktor formirovanija novoj paradigmy rechevoj kul'tury // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: Slovo v sisteme iskusstv: sb. nauch. tr. / под ред. G. A. Zhernovoj. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – Вып. 6. – С. 7–23.
12. Prokopova N. L. Obuslovlennost' metodicheskoi variativnosti v prepodavanii scenicheskoi rechi // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: Tradicija v istorii iskusstv: sb. nauch. tr. / под ред. G. A. Zhernovoj. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – Вып. 8. – С. 59–73.
13. Umnova I. G. Interv'ju s Sergeem Slonimskim // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: K novomu sinkretizmu: sb. nauch. tr. / под ред. G. A. Zhernovoj. – Кемерово: КемГУКИ, 2005. – Вып. 4. – С. 194.
14. Nemirovich-Danchenko V. I. Teatral'noe nasledie: Stat'i. Rechi. Besedy. Pis'ma: v 2 t. – М., 1952. – Т. 1. – С. 213.

15. Konstantin Bogomolov. Nasha teatral'naja shkola gubit molodyh artistov: beseda s Zhannoj Zareckoj. – URL: <http://www.openspace.ru/theatre/events/details/23841/?expand=yes#expand>
16. Rech' idet o serii posobij: "Scenicheskaja rech': variacii dlja treninga" (SPb., 2005. – 342 s.), "Scenicheskaja rech': variacii dlja tvorchestva" (SPb., 2007. – 432 s.), "Scenicheskaja rech': ritmy i variacii" (SPb., 2009. – 416 s.).
17. Barboj Ju. M. Po zhizni plyvut ne sinhronno // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: Zhanr – forma – napravlenie: sb. nauch. tr. / pod red. G. A. Zhernovoj. – Kemerovo: KemGUKI, 2009. – S. 62–65; Prazdnikov G. A. Trening i tvorchestvo: protivorechija i vzaimoobuslovlennost' // Tam zhe. – S. 65–84.
18. Brusser A. M. "Nam ne dano predugadat'...". Hudozhestvennoe slovo v teatral'noj shkole // Iskusstvo i iskusstvovedenie: teorija i opyt: Remeslo iskusstva: sb. nauch. tr. / otv. red. N. L. Prokopova. – Kemerovo: KemGUKI, 2011. – Vyp. 9. – S. 3–19.
19. Kozincev G. "Chernoe, lihoe vremja...": Iz rabochih tetradej. – M., 1994. – S. 96.

ЮБИЛЕЙ

ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА РУДИЧ: ПЕДАГОГ-НОВАТОР, УЧЕНЫЙ, ЭФФЕКТИВНЫЙ И КРЕАТИВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Кудрина Е. Л., доктор педагогических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации, Российской академии естественных наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Ивлева Т. Н., кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Охарактеризованы направления и результаты научной, педагогической, управленческой и творческой деятельности, кандидата педагогических наук, профессора кафедры управления социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусства, заслуженного работника культуры Российской Федерации Любви Ивановны Рудич.

Ключевые слова: креативный менеджер, менеджмент, научно-исследовательская деятельность, общественная активность, педагог – новатор, творческая деятельность, управление, эффективный руководитель.

ANNIVERSARY

LYUBOV IVANOVNA RUDICH: TEACHER-INNOVATOR, RESEARCHER, EFFICIENT AND CREATIVE LEADER

Kudrina E. L., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Member of International Academy of Higher Education, International Academy of Informatization, Russian Academy of Natural Science, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Rector of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Ivleva T. N., Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of Chair of Social Sphere Management, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tnivleva@yandex.ru

The article characterizes directions and results of scientific, pedagogical, managerial and creative activities of Lyubov Ivanovna Rudich, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation.

Keywords: creative manager, management, scientific research activity, social activity, teacher-innovator, creative activity, management, effective leader.

*Воплотить в себе эпоху
может только сильный талант.*

Дмитрий Писарев

*Вся гордость учителя в учениках,
в росте посеянных им семян.*

Дмитрий Менделеев

Чтобы вести людей за собой, иди за ними.

Лао Цзы

5 апреля 2014 года кандидату педагогических наук, профессору кафедры управления социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусства, заслуженному работнику культуры Российской Федерации Любови Ивановне Рудич – **75 лет!**

Трудовую деятельность Любовь Ивановна начала в 1956 году в сфере культуры, и по сей день она связана с одним из важных направлений данной отрасли – высшим профессиональным образованием. До 1964 года Любовь Ивановна проживала в Украине в селе Жовтневе Сватовского района Луганской области и была библиотекарем при клубе, а затем инструктором по школьной работе в райкоме ЛКСМУ. Именно это место ра-

боты стало важной вехой в ее становлении как креативного организатора, талантливого педагога и в утверждении дальнейшей жизненной позиции как руководителя-менеджера и ученого исследователя на протяжении всего последующего трудового пути.

Еще обучаясь в Донецком техникуме подготовки культпросветработников, она активно участвовала в художественной самодеятельности: танцевала, читала стихи, пела в народном хоре, играла в народном театре, была постоянным участником агитбригады районного Дома культуры, диктором местного радио.

В 1962 году Л. И. Рудич окончила Харьковский библиотечный институт по специальности «Библиотековедение и библиография», в 1964 году переехала с семьей в Красноярск и 10 лет проработала главным библиотекарем и заведующей организационно-методическим отделом Красноярского центра научно-технической информации (ЦНТИ). В это время она окончила Красноярский политехнический техникум по специальности лесопильно-деревообрабатывающее производство, так как для работы в ЦНТИ нужны были технические знания и образование в данной области деятельности. Л. И. Рудич также активно занималась общественной и научной работой. В 1970 году поступила в аспирантуру ГПНТБ СО РАН СССР, в 1978 году защитила кандидатскую диссертацию и получила ученую степень кандидата педагогических наук.

В 1974 году из Красноярского ЦНТИ Л. И. Рудич перевелась на работу в Кемеровский государственный институт культуры и с первых дней пребывания в вузе возглавила кафедру библиотековедения и библиографии.

В 1980 году в институте впервые среди вузов культуры Сибири была создана кафедра управления и экономики культурно-просветительной работы, которую предложили возглавить Л. И. Рудич. 21 год (1980–2001) она была не только бессменным руководителем данной кафедры, но и лидером-управленцем среди заведующих кафедрами творческого вуза. Сначала задачей вновь созданной кафедры было усиление управленческой и экономической подготовки студентов всех специальностей факультета культурно-просветительной работы. Под руководством

Л. И. Рудич кафедра эффективно развивалась и активно расширяла свою деятельность от узкопрофессиональной до общепрофессиональной, а затем и до выпускающей по двум лицензированным специальностям – «Менеджмент организации» и «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». Благодаря усилиям Л. И. Рудич кафедра смогла подняться на высокий научный, педагогический и методический уровень.

В рамках специальности «Менеджмент организации» были открыты различные специализации: «Управление и экономика в социальной сфере», «Управление персоналом», «Менеджмент туризма», «Налоги и налогообложение в социальной сфере», «Менеджмент в службе занятости», «Менеджмент образования в сфере культуры» «Менеджмент декоративно-прикладного искусства и народных промыслов», «Менеджмент музейного дела» и др. В 2002 году был объявлен набор на две новые специализации – «Менеджмент выставочной деятельности и презентаций» и «Финансовый менеджмент», – а с 2004 года была начата подготовка по вновь открытой специализации «Менеджмент информационных технологий».

Педагогическая, научная, методическая, управленческая деятельность профессора Л. И. Рудич многогранна. Она вносит весомый вклад не только в развитие кафедры управления социальной сферой, но и в формирование и развитие приоритетных направлений деятельности нашего университета.

На базе ряда специализаций, реализуемых на кафедре, по инициативе Любовь Ивановны и с ее непосредственным участием и консультированием, курированием, в вузе последовательно были созданы три новые кафедры: декоративно-прикладного искусства, музейного дела и экономики социальной сферы.

Кафедра управления и экономики социально-культурной сферы одной из первых в университете приступила к обучению студентов, получающих второе высшее образование. Являясь новатором в области внедрения новых форм организации высшего профессионального образования, Л. И. Рудич способствовала открытию (впервые в нашем вузе) внестационарных форм обучения в г. Таштаголе по специальности «Менеджмент

организации». Впоследствии представительства и филиалы КГИКа были созданы в Красноярске, Междуреченске, Томске, в них обучение осуществлялось как на бюджетной, так и на договорной основе.

Являясь креативным менеджером университета, профессор Л. И. Рудич в 80–90-х годах XX века создала стройную систему подготовки кадров в области менеджмента социальной сферы, включающую довузовский, вузовский, поствузовский уровни, которая одной из первых в вузах культуры и искусств Западной Сибири, признанных специалистами-практиками и управленцами в данной области, стала активно сотрудничать с властными структурами территорий Сибирского федерального округа по подготовке кадров для учреждений культуры, искусства, образования, туризма и социальной защиты.

Талантливый педагог-новатор, вырастивший не одно поколение высокопрофессиональных специалистов, Любовь Ивановна одна из первых начала внедрять инновационные технологии в учебный процесс вуза. Это уникальные учебные занятия в виде деловых и ролевых игр, имитационных упражнений, тренингов, метода case-study (анализ конкретных учебных ситуаций) и других, которые студенты воспринимают с огромным интересом и воодушевлением. Она всегда щедро делится своим педагогическим опытом, обучает и консультирует коллег, является неизменным наставником молодых преподавателей, постоянно помогает раскрываться научным талантам молодых исследователей.

Как компетентный и эффективный руководитель Любовь Ивановна постоянно заботится о росте молодых научно-педагогических кадров. Она является активным консультантом по всем научным практико-ориентированным исследованиям, проводимым преподавателями кафедры. За период 1990–2003 годов на кафедре были подготовлены две докторские диссертации (Е. Л. Кудрина и Н. Г. Чаган), защищены более десяти кандидатских диссертаций (С. Н. Булатова, В. И. Грачев, Т. Н. Ивлева, Е. Л. Кудрина, Т. П. Милевич, Л. П. Салазкина, Н. М. Слаутина, М. А. Стрельцова, Н. А., Толканюк, Н. Г. Чаган и др.). Ученое звание и должность профессора получили 5 человек (Е. Л. Кудрина, Н. Г. Чаган, Л. И. Рудич.,

Т. Н. Ивлева, А. М. Кулемзин). Ученое звание доцента получили 7 человек (С. Н. Булатова, В. И. Грачев, Т. Н. Ивлева, Е. Л. Кудрина, Т. П. Милевич, М. А. Стрельцова, Л. П. Салазкина). Многие из них до сих пор работают в нашем вузе или в других вузах культуры и искусства страны. На кафедре работает три заслуженных работника культуры Российской Федерации – Е. Л. Кудрина, Л. И. Рудич, Л. П. Салазкина.

Активно занимаясь научной деятельностью и продолжая идеи своих коллег (З. Е. Менжилиевской, В. В. Туева, С. А. Сбитнева и др.), Любовь Ивановна вовлекает в нее студенчество. Под ее руководством подготовлено более ста дипломных работ и проектов. Л. И. Рудич вырастила целую плеяду достойных молодых ученых, грамотных профессионалов. В результате кафедра стала ведущей в вузе по научно-исследовательской деятельности, а Л. И. Рудич в 1996 году было присвоено звание профессора по кафедре управления и экономики социальной сферы.

Научная деятельность связана с широким диапазоном многогранных исследований в области управления и экономики социально-культурной сферы. Новатор, идеолог системного подхода в социально-культурной деятельности, она находится в постоянном научном поиске. Так, Л. И. Рудич выступала ведущим специалистом по проблеме разработки мониторинга кадров культуры Сибирского региона (1999–2003), кадровой политики в сфере культуры региона, экономико-правовых вопросов управления учреждениями культуры муниципального уровня (2002). «Художественное образование в Российской Федерации» (2006), «Организационно-экономические аспекты регионального развития декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел» (2008) – в этих направлениях проявилась особая компетентность Л. И. Рудич. В настоящее время она работает над проблемой «Дистантно-информационного взаимодействия в менеджменте культуры и искусства». Любовь Ивановна представляла Сибирь на российско-немецком семинаре по проблемам современных технологий менеджмента (Красноярск, 1999, 2000). Она постоянный участник региональных и областных научно-практических конференций работников культуры региона,

член Сибирской социологической ассоциации. Л. И. Рудич принимала участие в Международной научно-практической конференции «Формирование картины мира человека XXI века» (г. Горно-Алтайск, 2011), являлась ведущим преподавателем грантовой программы Красноярского края «Основы проектной деятельности в учреждениях сферы культуры», занятия по которой проводились в Зеленогорске, Енисейске и Минусинске Красноярского края. Любовь Ивановна работала в комиссии КемГУКИ по разработке рекомендаций по проблемам социально-экономического развития регионов Сибирского федерального округа в 2011–2012 годах. Она ведет прикладные научные исследования и разработки в области социально-культурных, библиотечных и образовательных технологий, является организатором и участником многочисленных форумов социально-культурной сферы регионального, всероссийского и международного уровней, слушаний по проблемам культуры, искусства и образования работников культуры и искусства Красноярского края, съезда работников культуры Кемеровской области.

В настоящее время список научных и учебно-методических публикаций Л. И. Рудич включает 132 наименования, в том числе 9 учебных пособий, три из которых имеют гриф Министерства культуры РФ, рекомендуются для вузов культуры и искусства страны. Среди них: «Менеджмент социально-культурной сферы: основы, технологии» (1996), «Система планирования в учреждениях социально-культурной сферы» (1997, соавторы Е. Л. Кудрина, Е. В. Утин), «Карьерология» (2003, соавторы Т. Н. Ивлева, Г. Л. Рукша), «Менеджер-сервис: формирование сервисного поведения руководителя и подчиненного» (2004, соавторы Е. Л. Кудрина, Е. В. Утин), «Предпринимательская и инновационная деятельность в сфере культуры и искусства» (2013).

Очередной вехой карьерного роста Л. И. Рудич явилось руководство с 2004 года факультетом повышения квалификации и переподготовки кадров КемГУКИ. Деловая активность и инициатива Любови Ивановны позволили в короткий срок преобразовать факультет в институт дополнительного профессионального образования (ИДПО) КемГУКИ, которым она руководила до

2009 года. И это не случайно, так как Любовь Ивановна постоянно плодотворно работает в системе повышения квалификации и переподготовки специалистов культуры, искусства и образования в Красноярском крае, Кемеровской, Томской, Новосибирской, Читинской и Омской областях, Республиках Хакасия и Алтай. К числу заслуг юбиляра следует отнести тот факт, что с 2005 года ИДПО впервые в университете приступил к дополнительному профессиональному образованию студентов нашего университета и других вузов Кемерова по дополнительным образовательным программам: «Менеджмент туризма», «Менеджмент рекламной деятельности», «Менеджмент связей с общественностью, рекламы и имиджа».

Педагогический талант юбиляра, высокое звание профессора многократно реализованы в учениках. Научная школа Л. И. Рудич – источник пополнения высококвалифицированными кадрами менеджеров для самых разнообразных структур управления:

Е. Л. Кудрина – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации, Российской академии естественных наук, Петровской академии науки и искусства, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный учитель Кузбасса, почетный профессор Монгольского государственного университета культуры и искусств, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств, Лауреат Золотого почетного знака «Общественное признание» (2000, 2012) и Международной премии им. М. Волошина (2013);

Г. Л. Рукша – кандидат педагогических наук, профессор, советник губернатора Красноярского края; заслуженный работник культуры РФ, сенатор Международной организации по народному творчеству (IOV) при ЮНЕСКО, вице-президент региональной общественной организации общества «Знание», член попечительского Совета Фонда культурных инициатив;

Н. Г. Чаган – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета журналистики и гуманитарных наук НОУ ВПО «Университет Российской академии образования», почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Российской Ас-

социации связей с общественностью, обладатель международного сертификата по маркетингу института Конрада Аденауэра, эксперт-консультант отраслевого информационно-методического центра «Project-Image», основатель и председатель Международного молодежного фестиваля социальной рекламы «ARTSTART» при поддержке Правительства Москвы;

Т. В. Веселина – первый заместитель министра культуры Красноярского края;

Г. М. Владимирова – начальник отдела кадровой политики Министерства культуры Красноярского края;

С. Энгель – президент Муниципального некоммерческого Фонда поддержки малого предпринимательства г. Кемерова;

Р. И. Мальцева – директор муниципального бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей «Тисульской детской художественной школы № 14 имени А. А. Леонова».

Помимо научно-педагогической деятельности Л. И. Рудич всегда отличалась общественной активностью. Потрясающая энергия, склонность к сотрудничеству в сочетании с активной позицией способствуют постоянной включенности юбиляра в общественную работу. Более 20 лет Л. И. Рудич являлась членом ректората, была секретарем партийной организации института культуры, руководила общественной организацией ветеранов вуза, работала советником ректора, до настоящего времени является членом ученого совета университета, принимает активное участие в общественной жизни ряда территорий Сибирского региона.

В настоящее время она заместитель председателя правления общественной организации Центра славянской культуры «Кузбасское единство», член правления областной общественной украинской организации «Явир», ведет занятия в школе «Украинский для всех» в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Федорова.

Знания, широкий кругозор, эрудиция и большой жизненный опыт Л. И. Рудич востребованы сегодня широкой аудиторией в Кузбассе. Она постоянно принимает участие в телепередачах «СТС – Кузбасс». Любовь Ивановна делится с телезрителями интересной и уникальной информа-

цией по таким темам, как «Гоголь Н. В. в Украине и в России» (2009); «“Тарас Бульба” в фильме и творчестве Гоголя» (2009); «Лечебные чаи: травы Кузбасса» (2012); «Украинская национальная кухня» (2012).

Л. И. Рудич – заядлый турист, путешественник. Ей, по всей видимости, в наследство достались тяга к природе и путешествиям, приключениям и риску. Она много путешествует по Сибири, республикам Средней Азии, любит сплавиться по сибирским рекам и бродить по тайге. В числе ее любимых занятий садоводство и цветоводство. На ее приусадебном участке более 40 кустарников и деревьев, десятки наименований цветов.

У нее много различных хобби: коллекционирование самоцветов (имеет приличную коллекцию, собранную собственноручно), фотография (занимается с 1953 года), сбор лекарственных трав, рукоделие (выжигание по ткани, плетение на коклюшках, вышивание и др.). Она постоянно стремится не только сама постичь тайну творчества, но и пропагандирует работу мастеров декоративно-прикладного искусства Сибири.

Талант управленца-организатора, неисчерпаемая энергия и профессиональное педагогическое мастерство юбиляра отмечены правительственными наградами: Знак Министерства культуры СССР «За отличную работу» (1965); Диплом

ВДНХ ССР (1974); медаль Президиума Верховного Совета СССР «Ветеран труда СССР» (1988); почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1990).

Награды администрации Кемеровской области: медаль «За особый вклад в развитие Кузбасса III степени» (2004); «За служение Кузбассу» (2009).

Почетная грамота губернатора Красноярского края А. Хлопонина (2009), благодарственные письма министра культуры Красноярского края (2009); директора Новосибирского государственного областного Дома народного творчества (2009); директора Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Федорова (2012); почетные грамоты и благодарственные письма ректора КемГУКИ и др.

Ректорат КемГУКИ, институт социально-культурных технологий вуза, коллектив кафедры управления социальной сферы, преподавательский и студенческий коллективы университета от всей души искренне и сердечно поздравляют Любовь Ивановну Рудич со знаменательной датой, желают ей крепкого здоровья и непрекращающегося профессионального, творческого и научного поиска, жить с чувством гордости за учеников, за их достижения и успехи.

С юбилеем Вас, дорогая Любовь Ивановна!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абалакова Ольга Владимировна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: olga.uso@gmail.com

Алексеева Лариса Сергеевна, аспирантка, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, заведующая Музеем истории православия на земле Кузнецкой, религиозная организация «Кемеровская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат)» (г. Кемерово). E-mail: alekslora@rambler.ru

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: араева@list.ru

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (г. Санкт-Петербург). E-mail: ariarskiy@yandex.ru

Асканова Оксана Владимировна, доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Финансы и кредит», Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. Н. Н. Ползунова (г. Рубцовск). E-mail: askanova@yandex.ru

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, ведущий научный сотрудник научного управления, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: astshov_oleg@mail.ru

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой теории, истории музыки и музыкальных инструментов, Уральский государственный педагогический университет, профессор кафедры фортепиано, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, член Союза композиторов России (Екатеринбург). E-mail: bbborodin@mail.ru

Васильев Юрий Андреевич, кандидат искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abalakova Olga Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: olga.uso@gmail.com

Alekseeva Larisa Sergeevna, Post-graduate Student, Kemerovo State University of Culture and Arts, Head of Museum of History of Orthodoxy in Kuznetsk Land, Religious Organization "Kemerovo Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)" (Kemerovo). E-mail: alekslora@rambler.ru

Araeva Lyudmila Alekseevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Member IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetorics, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: араева@list.ru

Ariarskiy Mark Arieovich, Doctor of Culturology, Professor, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice President of the Russian Association of Museum Staff, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology, St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg). E-mail: ariarskiy@yandex.ru

Askanova Oksana Vladimirovna, Doctor of Economic Sciences, Docent, Chair of Finance and Credit, Rubtsovsky Industrial Institute (Branch) of N. N. Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk). E-mail: askanova@yandex.ru

Astakhov Oleg Yurievich, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Culturology, Senior Researcher of Scientific Management, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: astshov_oleg@mail.ru

Borodin Boris Borisovich, Doctor of Art History, Professor, Chair of Theory, History of Music and Musical Instruments, Ural State Pedagogical University, Professor of Chair of Piano, M. P. Musorgsky Ural State Conservatory, Member of the Union of Composers of Russia (Yekaterinburg). E-mail: bbborodin@mail.ru

Vasiliev Yuriy Andreevich, Candidate of Art History, Professor of St. Petersburg Academy of

академии театрального искусства, профессор Высшей школы музыки и театрального искусства им. Ф. Мендельсона-Бартольди (Лейпциг), заслуженный деятель искусств Российской Федерации (г. Санкт-Петербург). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Васильковская Маргарита Ивановна, аспирантка, преподаватель кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: margo197411@rambler.ru

Войткевич Светлана Геннадьевна, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры истории музыки, проректор по творческой работе, Красноярская государственная академия музыки и театра (г. Красноярск). E-mail: art-vice-rector@yandex.ru

Гендина Наталья Ивановна, заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nii@kemguki.ru

Ивлева Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Калянов Алексей Викторович, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Орловский государственный институт искусств и культуры (г. Орел). E-mail: mikhanna@mail.ru

Кан-оол Айланмаа Хомушкуевна, преподаватель народного пения, Кызылский колледж искусств имени А. Б. Чыргал-оол, соискатель кафедры этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки (г. Кызыл, Республика Тыва). E-mail: aylanmaa@mail.ru

Кара-оол Чинчи Александровна, аспирантка кафедры этнологии и народной художественной культуры, Восточно-сибирская государственная академия культуры и искусств (г. Улан-Удэ). E-mail: Chinch.Karaool@mail.ru

Клюкина Анна Иосифовна, кандидат культурологии, директор Московского Дарвиновского музея, президент Ассоциации музеев естественнонаучного профиля (г. Москва). E-mail: Anna@darwin.museum.ru

Dramatic Art, Professor of F. Mendelssohn-Bartholdy Higher School of Music and Performing Arts (Leipzig), Honorary Worker of Arts of the Russian Federation (St. Petersburg). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Vasilkovskaya Margarita Ivanovna, Post-graduate Student, Lecturer of Chair of Socio-cultural Activities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: margo197411@rambler.ru

Voitkevich Svetlana Gennadiyevna, Candidate of Art History, Docent, Professor of Chair of Music History, Vice President for Creative Work, Krasnoyarsk State Academy of Music and Theatre (Krasnoyarsk). E-mail: art-vice-rector@yandex.ru

Gendina Natalia Ivanovna, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of International Academy of Higher Education, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nii@kemguki.ru

Ivleva Tatiana Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of Chair of Social Sphere Management, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Kalyanov Alexey Viktorovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Economical Sciences, Docent of Chair of Economics and Management, Orel State Institute of Arts and Culture (Orel). E-mail: mikhanna@mail.ru

Kan-ool Aylanmaa Khomyshku, Lecturer of the Folk Vocal, Tchyrgal-ool Kyzyl Art College, Degree Applicant of Chair of Ethnomusicology, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy) (Kyzyl, Tuva Republic). E-mail: aylanmaa@mail.ru

Kara-ool Chinch Aleksandrovna, Post-graduate Student of Chair of Ethnology and Folk Art Culture, East-Siberian State Academy of Culture and Arts (Ulan-Ude). E-mail: Chinch.Karaool@mail.ru

Klyukina Anna Iosifovna, Candidate of Culturology, Director of Darwin Moscow Museum, President of Association of Museums in Natural Sciences (Moscow). E-mail: Anna@darwin.museum.ru

Колкова Надежда Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: kolkovani@mail.ru

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Красильникова Марина Борисовна, кандидат философских наук, доцент, кафедра «Гуманитарные дисциплины», Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. Н. Н. Ползунова (г. Рубцовск). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации, Российской академии естественных наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Леонидова Галина Федоровна, доцент кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: taoi@kemguki.ru

Ли Марина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: may--lee@yandex.ru

Ли С. И., Даляньский университет иностранных языков (г. Далянь, КНР). E-mail: Jewaishihcu@dlu.edu.cn

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: makar@kemsu.ru

Марченко Юрий Григорьевич, доктор культурологии, профессор кафедры дизайна, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, академик Петровской академии наук и искусств, заслуженный работник высшей школы России (г. Новосибирск). E-mail: Teneshev@yandex.ru

Kolkova Nadezhda Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of Chair of Automated Data Processing Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: kolkovani@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Krasilnikova Marina Borisovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Humanitarian Disciplines, Rubtsovsky Industrial Institute (branch) of N. N. Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Member of International Academy of Higher Education, International Academy of Informatization, Russian Academy of Natural Science, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Rector of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Leonidova Galina Fedorovna, Docent of Chair of Automated Data Processing Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: taoi@kemguki.ru

Li Marina Gennadievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: may--lee@yandex.ru

Li S. I., Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China). E-mail: Jewaishihcu@dlu.edu.cn

Makarchuk Sergei Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Chair of National History, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: makar@kemsu.ru

Marchenko Yuriy Grigorievich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Design, Novosibirsk State Architectural Art Academy, Academician of Petrovsky Academy of Arts and Sciences, Honorary Worker of Higher Education of Russia (Novosibirsk). E-mail: Teneshev@yandex.ru

Меркулова Альмира Шевкетовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

Огородников Александр Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (г. Москва). E-mail: oau2005@yandex.ru

Оленич Людмила Владимировна, доцент кафедры теории и истории искусства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, искусствовед, член Союза художников России (г. Кемерово). E-mail: olenich_l@mail.ru

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

Покровская Надежда Николаевна, доктор искусствоведения, профессор кафедры струнных инструментов, Новосибирская государственная консерватория (академии) им. М. И. Глинки (г. Новосибирск). E-mail: galkin@sibmail.ru

Проскурина Елена Николаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: proskurina_elen@mail.ru

Радзиевский Виталий Александрович, кандидат культурологии, доцент, Киевский национальный университет культуры и искусств, член-корреспондент Международной академии креативной педагогики (г. Киев, Украина). E-mail: svitrad@yandex.ua

Рябцева Лариса Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nii@kemguki.ru

Сакова Ольга Яновна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: sevas@mail.ru

Merkulova Almira Shevketovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

Ogorodnikov Alexander Yurievich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Philosophy and Socio-economic Disciplines, Kutafin Moscow State Law University (Moscow). E-mail: oau2005@yandex.ru

Olenich Ludmila Vladimirovna, Docent of Chair of Theory and History of Art, Kemerovo State University Culture and Arts, Art Critic, Member of Union of Artists of Russia (Kemerovo). E-mail: olenich_l@mail.ru

Pilko Irina Semenovna, Doctor of Pedagogical Science, Professor, Vice Rector for Academic Affairs, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

Pokrovskaya Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Art History, Professor of Chair of String Instruments, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory (Academy) (Novosibirsk). E-mail: galkin@sibmail.ru

Proskurina Elena Nikolaevna, Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of Institute of Philology of the SB RAS (Novosibirsk). E-mail: proskurina_elen@mail.ru

Radziyevskiy Vitaliy Aleksandrovych, Candidate of Culturology, Docent, Kiev National University of Culture and Arts, Corresponding Member of the International Academy of Creative Pedagogy (Kiev, Ukraine). E-mail: svitrad@yandex.ua

Ryabtseva Larisa Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nii@kemguki.ru

Sakova Olga Yanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

Sevastianova Svetlana Klimentievna, Doctor of Philological Sciences, Docent, Senior Researcher of Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk). E-mail: sevas@mail.ru

Скипор Инна Леоновна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: taoi@kemguki.ru

Тараненко Любовь Геннадиевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

Таюкин Алексей Михайлович, доцент, заведующий кафедрой народных инструментов, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: im@kemguki.ru

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США). E-mail: president@ffl.msu.ru

Ткаченко Людмила Анатольевна, кандидат искусствоведения, директор института дополнительного профессионального образования, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: idpokemgyki@mail.ru

Тueva Людмила Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: tdk@kemguki.ru

Усанова Алла Леонидовна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории искусства и культурологии, Алтайский государственный университет (г. Барнаул). E-mail: alla_leo@mail.ru

Фу Лин, Даляньский университет иностранных языков (г. Далянь, КНР). E-mail: Jewaishihcu@dlu.edu.cn

Хащина Кристина Александровна, аспирантка, Харьковская государственная академия культуры (г. Харьков, Украина). E-mail: weola@ukr.net

Шикалева Ирина Анатольевна, аспирантка, специальность 24.00.01 «Теория и история культуры», Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: schik-irina@rambler.ru

Skipor Inna Leonovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Automated Data Processing Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: taoi@kemguki.ru

Taranenko Lyubov Gennadijevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

Tayukin Alexey Mikhailovich, Docent, Chair of Folk Instruments, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: im@kemguki.ru

Ter-Minasova Svetlana Grigorievna, Doctor of Philologic Sciences, Professor, Chair of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Study of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA). E-mail: president@ffl.msu.ru

Tkachenko Lyudmila Anatolievna, Candidate of Art History, Director of Institute of Continuing Professional Education, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: idpokemgyki@mail.ru

Tueva Lyudmila Mikhajlovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Documentary Communication Technology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: tdk@kemguki.ru

Usanova Alla Leonidovna, Candidate of Art History, Docent of Chair of Art Theory and Culturology, Altai State University (Barnaul). E-mail: alla_leo@mail.ru

Fu Lin, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China). E-mail: Jewaishihcu@dlu.edu.cn

Haschina Kristina Aleksandrovna, Post-graduate Student, Kharkiv State Academy of Culture (Kharkov, Ukraine). E-mail: weola@ukr.net

Shikaleva Irina Anatolievna, Post-graduate Student, Specialty 24.00.01 “Theory and History of Culture”, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: schik-irina@rambler.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemgu-ki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикаторм журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском и латинском (транслитерация) языках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5].

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ,
БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).

E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ,
БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- **почтой:**

по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, научное управление, отв. секретарю О. Ю. Астахову;

- **e-mail:** vestnikkemguki@yandex.ru, отв. секретарю О. Ю. Астахову.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогика.
2. Социально-культурная деятельность.
3. Искусствоведение.
4. Философия.
5. Филология.
6. Культурология.
7. Документальная информация.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 15.05.2014.

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 44.

Уч.-изд. л. 24,7. Усл. печ. л. 32,5.

Тираж 500 экз.

Signed for print 15.05.2014.

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 44.

Author's sheets 24,7. Printer's sheets 32,5.

Number of copies 500.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:

650029, г. Кемерово,

ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:

650029, Kemerovo,

19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru